

К 26.89(253.3)
3-30

**Западная Сибирь:
история и
современность**

Выпуск VII

K 26.89(253.2)
3-30

Муниципальное учреждение
«Библиотечно-информационная система»
Нижевартовский государственный педагогический институт

Мира не узнаешь, не зная края своего

Западная Сибирь: история и современность

**Красведческие записки
Выпуск VII**

Ответственный за выпуск: В.И. Чернышова

Нижевартовское
МУ «БИС»
инв. № 125760/10 - 10 - КО

**Мандр и Ка
Тюмень
2005**

- З 30 ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: Краеведческие записки. Вып. VII / МУ «БИС»; НГПИ / Сост. Л.Ф. Семенова. — Тюмень: Мандр и К^а, 2005. — 368 с.**

Редакционная коллегия

Солодкин Я.Г., профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России Нижневартковского государственного педагогического института (ответственный редактор);

Алексеева Л.В., доктор исторических наук, профессор НГПИ;

Смирнов Н.П., член Союза журналистов России и член Союза писателей России;

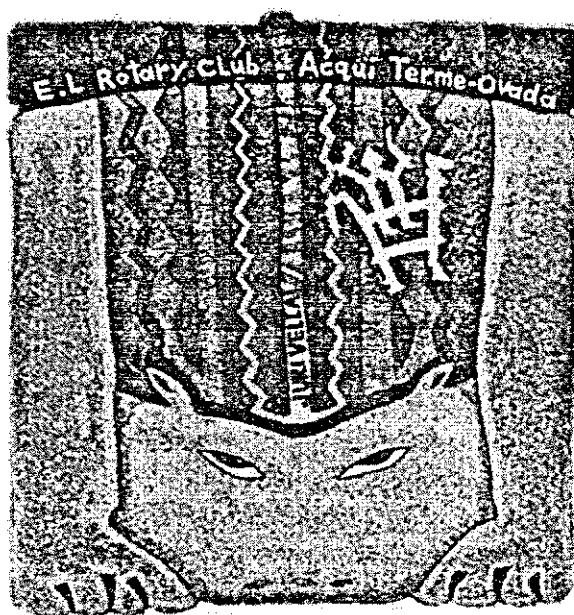
Семенова Л.Ф., заведующая отделом краеведения Нижневартковской центральной городской библиотеки;

Мазин В.А., доцент кафедры культурологии Нижневартковского государственного педагогического института, член Союза писателей России.

- © Семенова Л.Ф. (составление), 2005.
© Кухтерин А.С. (обложка), 2005.
© Бычков Ю.А. (иллюстрации), 2005.
© МУ «БИС», г. Нижневартковск (издание), 2005.
© Мандр и К^а (оформление), 2005.

ISBN 5-93020-351-2

Часть I. История

История Мангазеи в летописании XVII века

Сведения о первом русском городе за Полярным кругом — «златокипящей» Мангазее — мы находим во многих памятниках летописания XVII в.¹, когда данный жанр исторического повествования продолжал интенсивно развиваться.

Считается, что летопись появилась в самой Мангазее еще до 1630 г. Тогда второй воевода этого «града» А.Ф. Палицын сообщал в Тобольск, что троицкий священник Сосна и холмогорец В. Владимиров «дела старые, на чем Мангазея основана, все перегубили ... и в перочернительное начертание привели»². Но не исключено, что эти «старые дела» — документальные материалы³, а вовсе не летопись.

По сведениям Мангазейской воеводской канцелярии 1760-х гг., у местного подьячего А. Горохова «сыскалась давних лет записка, список старого летописца», согласно которой город на реке Таз «зарубил» в 1606/07 г. Д. Жеребцов. Как находил В.А. Александров, здесь совмещены основание Мангазеи и Туруханского зимовья⁴. Точнее, в «записке» отождествлялись появление острога и сооружение города.

Статья о строительстве Мангазеи имеется в Новом летописце (далее — НЛ) редакции 1629/30 г. — центральном памятнике общерусского летописания первой половины XVII в. Тут сказано об отправке зимой 1598/99 г. царем Борисом воевод в Сибирь, чтобы «поставити город Мангазею», и закладке крепости князем Василием Мосальским Рубцом⁵. Приведенное известие, очевидно, восходит к разрядным записям, которые, как показано еще И.И. Смирновым, широко использовались составителем «Книги, глаголемой Новый летописец». При этом патриарший «историограф» неточно интерпретировал сведения «разрядов»⁶. Указанное сообщение повторено в более поздних редакциях НЛ, а также Мазуринском летописце начала 1680-х гг., порой с пропуском упоминания о времени года, когда состоялась «посылка» воевод⁷.

В так называемом Московском летописце второй четверти XVII в. помещена разрядная запись за 1598/99 г., согласно которой в Мангазею были назначены Мирон Шаховской и Данило Хрипунов⁸.

В летописце 1660-х гг., возникшем на Пинеге, вслед за рассказом про сибирскую экспедицию Ермака читаем о первом «проведовании» Мангазеи устьицем Юрием Долгушиным, неким литовским паном-пленником, пинежанином, точнее, лавельцем Смирным, которые в 1596/97 г. достигли Надыма, «а на другой год» реки Таз; Мирон Шаховской стал первым мангазейским воеводой. Далее говорится (как заметил В.И. Корецкий, по «Утверженной грамоте» 1598 г. начальной редакции) о посещении Иваном Грозным Бориса Годунова, когда тот болел⁹.

Пояснение летописца, что Смирной был лавельцем, т. е. выходцем из одной волости Подвинья¹⁰, лишний раз подтверждает заключение А. И. Копанева о местном происхождении памятника.

Комментируя разбираемую летописную статью, М.И. Белов отмечал, что по «точному» ее смыслу поход Юрия Долгушина начался в 1597 г., а закончился на реке Таз спустя целый год, пропущенный на реке Надым (где, вероятно, к поморам присоединился Федор Дьяков, в 1598 г. двинувшийся из Тобольска на Пур, Таз и Енисей)¹¹. А.И. Копанев находил, что с просьбой о «повольной торговле» на Мангазее поморы, пинежане и мезенцы могли обратиться к правительству (1599 г.) после разведочного похода, летописное сообщение о котором, стало быть, вполне достоверно¹². Считается, что оно основано или на местном сказании, или «на показаниях очевидцев»¹³. В последнем случае (М.И. Белову он представлялся наиболее вероятным) логично допустить, что компилятор начала второй половины XVII в. располагал кратким летописцем. Из этого летописца пинежский книжник мог почерпнуть сведения не только о мангазейской экспедиции поморов, но также про штурм Колывани в 1577 г., разгром Вологды Иваном IV и дворов сторонников Годуновых в Москве в 1605 г. (А.В. Лаврентьев относит их к оригинальным заметкам современников¹⁴). В ПЛ наряду с верными датами есть немало анахронизмов. Так, казанское «взятие» приурочено тут к 1575/76 г., опричный разгром Новгорода — к 1578/79 г., поход Ермака в Сибирь — к 1587/88 г., смерть царя Ивана — к следующему году. Поэтому не исключено, что в уникальном известии о первом «проведовании» Мангазеи¹⁵ заключена хронологическая ошибка. К тому же посещение Грозным Бориса Годунова, о чем идет речь следом, после указания на мангазейское воеводство М. Шаховского, относится, видимо, к началу 1582 г. Довольно искусственной выглядит в этой связи мысль М.И. Белова о том, что «помор-летописец» неспроста объединил факты предыстории Мангазеи, появления там воеводства и возвышения Бориса¹⁶.

С точки зрения Д.Я. Резуна, в ПЛ запечатлелась устная традиция, на которую Г.Ф. Миллер ссылался еще в 1735 г. (согласно устной версии, бытовавшей в Мангазее, «колония была основана из Архангельска»)¹⁷. Нетрудно видеть, что эта версия не совпадает со взглядом летописца XVII в. Тот считал, что поморы лишь «Мунгазею проведали», а крепость возвел государев воевода.

В других летописных памятниках Русского Севера XVII в. о Мангазее не упоминается.

Комплекс известий об ее основании и последующей судьбе включает Сибирский летописный свод¹⁸.

В Книге записной (далее — КЗ) — самой ранней редакции этого произведения (70–80-е гг. XVII в.) — сообщается о посылке царем Федором Ивановичем в 1597/98 г. воеводы Федора Дьякова «Мангазейские земли проведать и под государскую высокую руку тамошних людей призвать, и ясак с них собрать». Оказывается, из Тобольска по царскому указу с Дьяковым отправились целовальники, «торговые люди» Захар Яковлев сын Устюжанин и Докучай Иванов. Они выполнили поручение государя и через два года привезли ясак в Москву¹⁹. Этот рассказ повторен в Головинской и Академической редакциях свода, только в первой из них говорится о смерти Захара Яковлева в 1599/1600 г. (191. Примеч. 20–23; 369). Под тем же годом в КЗ читаем о «посылке» из Тобольска в Мангазею письменного головы князя Мирона Михайлова сына Шаховского, Данилы Хрипунова, целовальника торгового человека Семена Новоселова и служилых людей с предписанием быть там «до указу», поставить острог и «ясак збирать»; именно тогда и возник первый Мангазейский острог. Это свидетельство находим и в Головинской редакции получившего широкую популярность свода, причем в одной ее разновидности уточняется, что с М. Шаховским и Д. Хрипуновым направили сотню служилых людей из Тобольска и Березова (сына боярского, атамана, «литву», казаков и стрельцов). То же добавление имеется в Нарышкинской, Шлецеровской и Академической редакциях памятника. В последней из них поясняется, что Новоселов — «купецкой человек»; в первой же более обстоятельно передается содержание наказа мангазейским головам: «велено построить и в Мангазее и в Енисейску остроги и тунгусов и самоедцев и остяков привести к вере к шерти». Соответствующая статья Шлецеровской редакции летописи дополнена повествованием об «инородцах», которые и поныне «живут в Сибирской земли» по Оби, Енисею, Лене, Амуру «и плотят оклад, и иние дают зверинный ясак» (140, 191, 259, 316, 346, 369). Согласно КЗ, сме-

нившие в 1600/01 г. М. Шаховского и Д. Хрипунова князь В.М. Кольцов-Мосальский и С.О. Пушкин²⁰ по государеву указу «первой Мангазейской город поставили и первые воеводы в нем были»²¹. В Головинской редакции уточняется, что Мосальского и Пушкина, выделив им сотню служилых людей, было приказано отправить в Мангазею тобольским воеводам Ф. Шереметеву «с товарищи»; об этом же идет речь в Нарышкинской и Шлецеровской редакциях, Томском виде свода (141, 191, 260, 316, 346).

В КЗ и более поздних разновидностях того же сочинения последней трети XVII в. перечисляются воеводы, головы и дьяки Мангазеи, как и других городов зауральской части России, в течение нескольких десятилетий (до 1665/66 г.) (142, 143, 145, 146, 148–152, 154, 156–158, 160–162). Обращает на себя внимание несколько записей такого рода. Если верить летописцу, после смерти в Мангазее в 1640/41 г. князя Н.М. Барятинского здесь «годовал» один дьяк Б. Обобуров. (В поздних редакциях свода сказано о том, что царской грамотой 8 августа 1641 г. князя Никиту отозвали в Москву, «до указу» в «Мангазейском городе» оставался Обобуров) (152, 199, 266). Дьяка Г. Теряева «на море разбило», когда он следовал в Мангазею; в этой крепости приказный умер (1642/43 г.), и потом дьяка тут «не бывало». Осенью 1647 г. вместо умершего через шесть недель после приезда в Мангазею Я.О. Тухачевского из Тобольска направили письменного голову А.Т. Секерина с сыном Андреем и подьячего с приписью Я.И. Черного, ранее служившего в Тюмени. Через три недели умер и А.Т. Секерин, и «до перемены» в начале следующего года городом управляли его сын и Иванов Черный. В других редакциях самой обширной сибирской летописи XVII в. утверждается, что А.Т. Секерина и Я. Иванова прислали из Тобольска «для сыску про воеводу» П.М. Ухтомского, а Я. Иванов ведал Мангазеей «по челобитью» местных «всех чинов людей» до прибытия Ф. И. Байкова) (154, 156, 201, 268, 324). С 1669/70 г., как читаем в КЗ, Мангазея была «покинута, и воеводство и город устроен в Туруханском», куда «запас ... провадить велено из енисейских пахот», а кочи с хлебом из сибирской столицы посылать перестали; стряпчий Д. Т. Наумов сделался первым воеводой Мангазеи Туруханской (164)²². В Нарышкинской редакции и Томском виде свода сказано об отправке в 1682 г. Б. Неприпасова из Тобольска приводить жителей Мангазеи и Туруханска к присяге царям Ивану и Петру (277, 333). Более поздние сведения о «старой» Мангазее в своде не встречаются.

В Мазуринском летописце говорится, что в 1682 г. в Мангазею по «рописи» сослали С.И. Языкова и М.Ф. Карандеева. Это изве-

стие подтверждается перечнем москвичей, высланных в сибирские города в ходе стрелецкого мятежа того же года²³.

Из Вычегодско-Вымской (Мисаило-Евтихийевской) летописи, недавно изученной А.Т. Шашковым, мы узнаем о том, что в 1600/01 г. в Мангазею был послан князь Шаховской, но «самоядь» «посекла» весь отряд (включавший, в частности, устюжан и вымичей), которым предводительствовал «Мирон»²⁴.

О походах в низовья Таза Ф. Дьякова, М. Шаховского, Д. Хрипунова, В. Рубца Мосальского и С. Пушкина, основании там острога говорилось в известном Г.Ф. Миллеру Енисейском летописце, где приводился и перечень мангазейских воевод до 1617/18 г.²⁵

Таким образом, в XVII в. судьбой Мангазеи интересовались летописцы, жившие не только в Сибири, но и в Москве, Поморье, Прикамье. Из свидетельств этих книжников наиболее важны те, которые воскрешают обстоятельства рождения заполярного города.

Примечания:

¹ Утверждение, будто редко какая летопись обходилась без упоминания о Мангазее (*Резун Д.Я.* Очерки истории изучения сибирского города: XVIII в. — Новосибирск, 1991. — С. 76), относится только к произведениям сибирского происхождения.

² *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея: Мангазейский морской ход. — Л., 1980. — Ч. 1. — С. 29–30.

³ Ср.: *Преображенский А.А.* У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. — М., 1976. — С. 382.

⁴ *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). — М., 1964. — С. 67. Примеч. 39. О существовании городской летописи в Мангазее знал уже Г.Ф. Миллер. См.: *Резун Д.Я.* О работе Г.Ф. Миллера над источниками по истории городов Сибири XVII в. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. — Новосибирск, 1982. — С. 154.

В книге Д.Я. Резуна «Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века» (Новосибирск, 1982. С. 67) предположение В.А. Александрова о составлении летописца А. Гороховым признается более основательным, чем атрибуция М.И. Беловым этого сочинения настоятелю туруханского Троицкого монастыря Тихону. Заметим, что М.И. Белов также считал местом создания мангазейской летописи соборную церковь Троицы (*Белов М.И.* Мангазея. — Л., 1969. — С. 48).

В ответе воеводской канцелярии на запрос Академии наук о старой Мангазее приведена выдержка из летописи об основании города. Едва ли, подобно Н.П. Крадину, этот отрывок местной городской летописи следует датировать серединой XVIII в. (*Крадин Н.П.* К вопросу о реконструкции города Мангазеи // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). — Новосибирск, 1978. — С. 216), у А. Горохова, известного, по меньшей мере, с 1720 г., хранилась «давних лет записка».

- ⁵ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — М., 1965. — Т. 14. — С. 51. Это сообщение повторено в предисловии к окладной книге Сибири конца XVII в. (Там же. — М., 1987. — Т. 36. — С. 73).
- В.Г. Вовина, посвятившая анализу известий НЛ о Сибири содержательную работу, про статью об основании Мангазеи лишь упоминает (*Вовина В.Г.* К вопросу о сибирских статьях Нового летописца // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. — Новосибирск, 1987. — С. 58).
- ⁶ *Солодкин Я.Г.* К вопросу о «сибирских» статьях Нового летописца // Сб. науч. тр. Сургут. гос. ун-та. — Сургут, 2003. — Вып. 15. Ч. 1. — С. 106; Он же. Русская публицистика первой трети XVII в. и раннее сибирское летописание // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. — Сургут, 2004. — С. 47, 48, и др. Возводить (как поступает Л.Е. Морозова) «сибирские» известия НЛ к источнику, сложившемуся в том «царстве» московских самодержцев, которое ранее принадлежало Кучуму, не приходится.
- ⁷ Летопись о многих мятежах. 2-е изд. — М., 1788. — С. 52; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Феодоровича, издан по списку князя Оболенского. — М., 1853. — С. 48; ПСРЛ. — М., 1968. — Т. 31. — С. 147. Поскольку составителя Летописи о многих мятежах «в разсуждении Сибирской истории можно почитать за чужестранца», Г.Ф. Миллер склонялся к выводу о возведении «Мангазейского города» князем М.М. Шаховским (Описание Сибирского Царства / Сочинено Герардом Фридериком Миллером. — М., 1998. — Кн. 1. — С. 314. Примеч.).
- ⁸ ПСРЛ. — М., 1978. — Т. 34. — С. 237. При сравнении этой разрядной записи с другими обнаруживается, что администраторы, назначенные в Сургут, представлены компилятором тарскими восводами.
- ⁹ *Копанев А.И.* Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие древней Руси: По материалам Пушкинского дома. — Л., 1972. — С. 80. Мангазейский «поход» отмечен в кратком конспекте летописца в одном из сборников, включающем интересующее нас произведение (Там же. С. 59).
- Е.И. Дергачева-Скоп то называет Пинежский летописец (далее — ПЛ) по месту обнаружения (что, думается, неоправданно) Пустозерским, то считает их разновидностями одного произведения. См.: Летописи сибирские. — Новосибирск, 1991. — С. 215; *Дергачева-Скоп Е.И.* Генезис сибирского летописания: Концепция, материалы. — Новосибирск, 2000. — С. 26. Ср.: С. 14; Она же. Сибирские летописи в исторической прозе XVII века: текст-контекст // Вест. Новосибирск. гос. ун-та. 2002. Сер. ист., филол. — Т. 1. Вып. 1. — С. 3, 5, 9.
- ¹⁰ Лавела являлась волостью Двинского, а с 1623 г. — Кеврольского уезда (*Воскобойникова Н.П.* Из истории описания Кеврольского уезда в XVI — начале XVIII в. // Источниковедение отечественной истории: 1981 г. — М., 1982. — С. 248, 253). В одной рукописи, содержащей ПЛ, указан размер сбора «за лавельскую пустоту» (*Копанев А.И.* Пинежский летописец ... — С. 58. Примеч. 2). Утверждение, будто лавельцем являлся упомянутый летописцем литовский пан (*Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея... — Ч. 1. — С. 117), ошибочно.
- ¹¹ *Белов М.И.* Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею // Рукописное наследие... С. 282. См. также: *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея... — Ч. 1. — С. 35.
- ¹² *Копанев А.И.* Пинежский летописец... — С. 62. Примеч. 13.
- ¹³ Там же. С. 64; *Белов М.И.* Пинежский летописец... — С. 279.

- ¹⁴ *Лаурентьев А.В.* Летописец Пинежский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — СПб., 1993. — Вып. 3. — Ч. 2. — С. 268. Безосновательно приурочивание ПЛ, отразившего перипетии московской Смуты, к исходу XVI в. (*Дергачева-Скоп Е.И.* Сибирские летописи... — С. 5), ведь даже в изображении «Сибирского взятия» здесь явно ощутима фольклорная традиция. И. Морозова, повторившая суждения Е.В. Вершинина об отражении в ПЛ событий зауральского похода Ермака, следует и представлению (явно сомнительному) известного екатеринбургского историка о возникновении этого памятника северорусского летописания в первой половине XVII в. См.: *Морозова И.* Ермаковы казаки / Югра. 2005. — №1–2. — С. 74.
- ¹⁵ Впрочем, на взгляд В.А. Александрова, этот район был известен поморам едва ли не с конца XIV в.
- ¹⁶ *Белов М.И.* Пинежский летописец... — С. 285.
- ¹⁷ *Резун Д.Я.* Очерки истории изучения сибирского города: XVIII век. — С. 76, 77.
- ¹⁸ См. о нем: *Дворецкая Н.А.* Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). — Новосибирск, 1984; *Дронкина О.И.* Об итогах и задачах изучения Книги записной // Науч. труды Нижневартовск. гос. пед. ин-та: Сер. «История». — Нижневартовск, 2002. — Вып. 2. — С. 85–91.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. 36. С. 140. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц.
- Приведенные сведения излагал уже Г.Ф. Миллер. См.: Описание... — Кн. 1. — С. 299.
- ²⁰ Следует говорить о В.М. Рубце Мосальском и С.Т. Пушкине.
- ²¹ Как представляется Д.Я. Резуну, известие КЗ об основании Мангазеи в 1601 г. относится к постройке укрепленного воеводского двора, а не острога или города (*Резун Д.Я.* К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII — начала XX века. — Новосибирск, 1981. — С. 37). Но в летописи прямо говорится о закладке в 1599/1600 г. острога и год спустя — города (140, 141).
- ²² С точки зрения Д.Я. Резуна, поскольку оставление Мангазеи в научной литературе принято датировать 1672 г., если переписчик КЗ не ошибся, ее автор пользовался перепиской между Москвой, Тобольском и Енисейском за 1667–1669 гг. (*Резун Д.Я.* Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. — С. 77).
- ²³ ПСРЛ. — Т. 31. — С. 175; Восстание в Москве 1682 года: Сб. документов. — М., 1976. — С. 54.
- ²⁴ *Доронин П.* Документы по истории Коми//Историко-филологический сб. — Сыктывкар, 1958. — Вып. 4. — С. 268.
- ²⁵ См.: *Резун Д.Я.* Анкеты 1760-х годов как источник по истории городского летописания Сибири конца XVII — начала XVIII в. // Сибирская археография и источниковедение. — Новосибирск, 1979. — С. 62, 63; Он же. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. — С. 67–68. По предположению Д.Я. Резуна, этот летописец составлен в 1622/23 г.

Научная деятельность Тобольского церковного древлехранилища

Характерной чертой рассматриваемого периода следует признать быстрый и повсеместный рост краеведческого движения. Необходимо отметить живое участие представителей различных сословий в создании провинциальных естественно-исторических музеев, архивных комиссий, выпуске краеведческих сборников, популяризации знаний по истории своего края. В Тобольской губернии благодаря усилиям местной интеллигенции и меценатов состоялось открытие при губернском статистическом комитете Тобольского музея (1870 г.), краеведческого музея при Тюменском Александровском реальном училище (1879 г.). В результате археологических, этнографических, географических экспедиций и обследований музеев обогатились уникальными экспонатами. Исследованием прошлого и настоящего Сибири занимались П.А. Словцов, И.Я. Словцов, И.К. Юшков, Н.Л. Скалозубов, А.А. Дунин-Горкавич, Б.Н. Городков и многие другие.

В это краеведческое движение оказалась вовлеченной и церковная интеллигенция Тобольской епархии. С 1888 г. приходским священникам вменялось в обязанность вести летопись своего прихода, периодически отправляя собранные материалы в епархиальный центр. Однако на местах данное требование не всегда выполнялось. Как показала инспекционная поездка епископа Антония по югу Тобольской епархии в 1903 г. в большинстве обследованных приходов такие летописи не были заведены¹. Более основательный вклад в изучение истории Русской православной церкви в Западной Сибири внесли преподаватели учебных заведений и священники городских храмов. Необходимо отметить историко-краеведческую деятельность Н.А. Абрамова. Большинство его работ посвящены христианскому просвещению Сибири². Особую известность приобрели статьи Н.А. Абрамова, касающиеся культовых построек. Как правило, они сопровождались описанием других древних достопримечательностей³. Исторические изыскания протоиерея А. Сулоцкого нашли отраже-

ние в его многочисленных статьях. Целый ряд работ посвящен отдельным представителям церковной иерархии в Тобольской епархии. Он также затрагивал вопросы миссионерской деятельности Русской православной церкви в Западной Сибири⁴. Церковной историей занимался также преподаватель Тобольской духовной семинарии А.К. Недосеков. Им были написаны статьи о сибирской иерархии⁵. В 1897 г. по предложению преосвященного Агафангела Братством св. вмч. Дмитрия Солунского издается альбом портретов всех тобольских митрополитов, архиепископов и епископов. Всего в альбом вошло 34 изображения преосвященных. Однако тираж издания был очень мал — всего 42 экземпляра.

Местная инициатива некоторых представителей духовенства в изучении церковной истории, безусловно, способствовала развитию исторической науки на территории Тобольского края. Однако не менее важным было создать условия для сохранения вещественных и письменных церковных источников и возможности их использовать в решении задач по укреплению основ православной веры в государстве. В Св. Синод и в местную консисторию часто доносили с мест о случаях равнодушного, небрежного отношения к рукописям, документам, предметам церковной старины, вышедшим из практического употребления. По словам члена Совета Братства св. вмч. Дмитрия Солунского, преподавателя Тобольского епархиального женского училища А. Юрьевского: «Многие церковные памятники пришли в преждевременную ветхость и разрушение от неумелого, неосторожного, а иногда и прямого небрежного обращения с ними. Как известно, многие старинные предметы валяются заброшенными и забытыми или в сырых пыльных амбарах, или же на церковных чердаках среди всевозможного хлама и даже под толстым слоем голубиного помета»⁶. Гибель источников по истории церкви из-за нерадивости служителей монастырских и консисторских архивов, приходских священнослужителей была общей тенденцией для всей России. Св. Синод, выступая за сохранение памятников старины, рекомендовал учреждать епархиальные «архивно-просветительские» организации. Только с созданием «благоприятных условий», т.е. обеспечения покровительства епархиальных властей, активной деятельности общественно-религиозных организаций, стало возможным расширение краеведческой деятельности по изучению и разработке истории Русской православной церкви. Постановления Св. Синода только подтолкнули инициативу церковной интеллигенции. Не случайно, что Тобольское епархиальное Братство св. вмч. Дмитрия Солунского решило укреплять в

народе любовь и привязанность к православной церкви, заботясь «о приведении в известность и сохранении вещественных памятников церковной старины, имеющихся в церквях Тобольской епархии или у частных лиц, а также — поощрять труды и изыскания по изучению и истории и современного состояния церкви»⁷. Эта задача была закреплена в п. 3 устава Братства 1897 г. На первых порах члены Братства св. вмч. Дмитрия Солунского, работая в этом направлении, старались собрать как можно более полные сведения о церковных источниках Сибири в целом, и в Тобольской епархии в частности. Председателем Совета Братства протоиереем Н.Д. Скосыревым для достижения данной цели была выработана специальная программа, которая вместе с просьбой о содействии направляется приходским священникам, настоятелям монастырей и соборов. Им предлагалось обратить внимание на следующие предметы, относящиеся к церковному богослужению: 1. Иконостас и царские врата; 2. Иконы; 3. Ризы на иконах; 4. Кресты напрестольные и шейные; 5. Потиры, звезды, лжицы; 6. Евангелия; 7. Дарохранительницы, ковчеги; 8. Кадила, блюда, лампы, подсвечники и др.; 9. Хоругви, плашаницы, облачения св. престола; 10. Колокола, 11. Рукописи, акты, грамоты, книги. Требовалось сообщать о предметах, «замечательных своей древностью», художественной работой, особым материалом, значимостью в связи с какими-либо историческими событиями или другими свойствами, выделявшими их из общего ряда. Предлагалось проинформировать о наличии указанных предметов не только в церкви или монастыре, но и у частных, светских лиц⁸. В течение года сведения удалось получить от большинства приходов и монастырей. В церквях епархии оказалось, по мнению членов Братства, достаточно много ценных исторических памятников. Многие культовые предметы уже не использовались в богослужении, а находились в ризницах, где не всегда были надлежащие условия хранения. Соответственно они требовали к себе бережного отношения. Совету Братства было сообщено о 28 крестах, «замечательных по чеканке и древности»; 18 потирах; 85 напрестольных Евангелиях, некоторые из которых относились к XVII в.; 22 дароносицах, дарохранительницах, или ковчегах; 52 грамотах на постройку и освящение храмов; более 100 книгах Священного Писания («Четы мины» 1690 г., «Служебник» 1668 г., «Толкование на Евангелие Иоанна Богослова» 1662 г. издания и мн. др.). Большим разнообразием отличалась группа икон и иконостасов. Указывалось, что внимание заслуживают Царские врата в Никольском приделе Богородице-Рождественской церкви Тобольска, пожерт-

вованные царевной Софьей, иконостас заволо-Успенской церкви Тюменского уезда, украшенный в стиле рококо. Среди икон XVI–XVII вв. выделялись «Нерукотворный Образ Всемиловитейшего Спаса» на полотне из шелковой материи, по преданию являвшаяся знаменем Ермака (с. Долгоярское, Введенская церковь); «Явление Бога Аврааму в виде трех странников», якобы принесенная из России основателем Тобольска Д. Чулковым (градо-Тобольская Спасская церковь); «Господь Вседержитель», принесенная стрельцами, сосланными за бунт при воцарении Петра I (с. Галактионовское), и др. Кроме того, упоминались современные иконы, обладающие высокой художественной ценностью. Например, икона Божьей Матери «Утоли Моя Печали», написанная в Академии художеств в Санкт-Петербурге, и т.д. Множество старинных культовых предметов оказалось, прежде всего, в храмах Тобольска и Тюмени: Богородице-Рождественской, Спасской, Богородице-Введенской церквях, Кафедральном соборе, Знаменском монастыре (Тобольск); Спасской, Знаменской, Пророко-Ильинской церквях (Тюмень). Также было прислано 16 фотографий церквей епархии⁹.

Выяснив, что в епархии имеется значительное число ценных памятников церковной старины, Совет Братства св. Дмитрия Солунского в 1899 г. обратился с предложением в Духовную консисторию отдать распоряжение всем церквям епархии тщательно сохранять «вещественные памятники старины... в том виде, в каком они были до настоящего времени, строго воспретив таковые поновлять, исправлять, видоизменять, а тем более продавать или совсем уничтожать»¹⁰. В дальнейшем предполагалось, что эти предметы станут основой церковно-археологического музея, замысел создания которого уже вынашивался членами Братства. В 1899–1900 г. председатель Совета Братства Н.Д. Скосырев с разрешения епархиального архиерея запрашивает у благочинных епархии и настоятелей монастырей и соборов сведения о надгробных памятниках на церковных кладбищах, «замечательных своими надписями, украшениями, лицами, над которыми они воздвигнуты, древностью или другим чем...»¹¹.

В отчетах Братства св. Дмитрия Солунского указывается на преосвященного Антония, как «энергичного инициатора» открытия первого церковного музея. Именно от него 8 сентября 1900 г. в Совет Братства поступило соответствующее предложение. Антоний предлагал провести отбор той информации, которая поступила от приходских церквей, просить Духовную консисторию «более замечательные в церковно-археологическом отношении» экземпляры прислать в музей «для хранения с исключением из церковных описей и с

передачей их в собственность музея»¹². Уже 11 сентября в журнале заседаний Совета Братства появляется решение о том, чтобы назначить ректора Тобольской духовной семинарии протоиерея П.Д. Головина ответственным за организацию «такого важного и нового в нашей епархии дела, как основание церковного древлехранилища». Кроме того, П.Д. Головину было поручено составить «Проект Устава церковного древлехранилища при Тобольском святого великомученика Дмитрия Братстве». Для помещения музея Антоний предложил использовать одно из зданий, принадлежащих архиерейскому дому. 23 марта П.Д. Головин представил преосвященному выработанный им проект. Антоний передал его Совету Братства, на который возлагается задача окончательного редактирования текста устава. Окончательный вариант через епархиального архиерея 7 июня 1901 г. был отправлен на утверждение в Св. Синод. К данному документу прилагалось ходатайство Антония об учреждении древлехранилища¹³. Из Св. Синода документы переправляются в МВД, где нашли необходимым внести в текст некоторые изменения и дополнения. В частности, требовалось указать в уставе, что древлехранилище находится «в непосредственном заведовании означенного Братства», и что «поступающие в древлехранилище археологические находки, относящиеся к доисторической эпохе и заслуживающие особого внимания, должны представляться в подлинниках или в точных фотографических снимках для рассмотрения в Императорскую Археологическую комиссию с тем, чтобы комиссия возвращала их обратно в древлехранилище, как его собственность...»¹⁴. В уставе также требовалось отметить, что музейные предметы являются общей собственностью Братства и в случае закрытия Братства они будут переданы другому учреждению. Измененный и дополненный устав вновь поступает в Св. Синод, где рассматривается 3 октября 1901 г. Определением от 13 ноября 1901 г. Св. Синод постановил: «Учредить при Тобольском братстве Святого Великомученика Дмитрия Солунского церковное древлехранилище и утвердить Устав»¹⁵. Преосвященный Антоний взял это новое для епархии учреждение под свое покровительство, что давало древлехранилищу определенную правовую и материальную поддержку.

В соответствии с утвержденным уставом, древлехранилище признавалось одним из структурных подразделений Братства св. Дмитрия Солунского. Управление осуществлялось Советом Братства. В то же время предусматривалось наличие собственного членства в древлехранилище. Действительным членом считалось лицо, вносящее не менее 1 рубля в год, почетным — одновременно по-

жертвовавшее не менее 50 рублей. Однако указанные денежные взносы не давали возможности участвовать в управлении древлехранилищем. Хранитель церковного музея и его помощник избирались Советом Братства и утверждались епархиальным архиереем. Эти должности могли занимать только священнослужители, т.к. предметов, «освященных употреблением при богослужении... мирянам не надлежит касаться»¹⁶. Условия работы древлехранилища были достаточно жестко регламентированы. Это, несомненно, сдерживало рост числа его членов, которое никогда не превышало двух с половиной десятков. В одном из отчетов Братства св. Дмитрия Солунского вполне справедливо отмечалось: «Не предоставляя членам древлехранилища никаких преимуществ перед посторонними лицами, устав тем самым не только лишает древлехранилища возможности создавать и воспитывать новых любителей церковной старины, но ослабляет интерес к церковно-археологическим изысканиям»¹⁷.

Перед древлехранилищем были поставлены следующие задачи: 1) Собрание письменных и вещественных памятников, имеющихся в церквях и монастырях епархии, и обеспечение условий их сохранности; 2) Организация музейной экспозиции, с которой все желающие могли бы ознакомиться. Широкая культурно-просветительская работа, привлечение внимания общественности к прошлому края; 3) Помощь в реставрации церквей; 4) Научная обработка и публикация поступившего материала. Создание исследований как по истории церкви, так и по истории Сибири в целом.

Первоначально, по предложению епархиального архиерея, решено было разместить церковный музей во флигеле, где ранее размещалась братская церковно-приходская школа. Однако затем, на основании постановления Совета Братства от 26 апреля 1901 г., направляется просьба причту Кафедрального собора уступить для древлехранилища нижний этаж каменного здания ризницы собора, занятый консисторским архивом. Согласие было получено без особого труда, т.к. председателем Совета Братства являлся ключарь собора протоиерей Н.Д. Скосырев. Братство св. Дмитрия Солунского взяло на себя расходы по ремонту и приспособлению здания под музей, выделив на эти цели 530 рублей. Однако, как выяснилось в дальнейшем, данное помещение, состоявшее всего из одной комнаты (11 на 10 аршин), оказалось «недостаточным для свободного размещения в нем церковных памятников, а сводчатое устройство его потолка — не вполне благоприятным для распределения по стенам комнаты икон...»¹⁸. Теснота была не единственным недостатком зда-

ния. Другой проблемой признавалось плохое устройство печного отопления. В 1916 г. епархиальный съезд духовенства и мирян, по просьбе Совета Братства, передал здание псаломщической школы Тобольскому кафедральному собору с тем, чтобы на втором этаже устроить церковный музей. Советом Братства была составлена смета предполагаемых расходов: ежегодно требовалось 600 рублей на отопление помещений и 300 рублей на оплату труда сторожа. На очередном съезде в 1917 г. принимается решение о том, что из заявленных сумм 100 рублей должны выделяться Братством, остальные деньги — учреждениями, располагавшимися в этом же здании.

После того, как были соблюдены все формальности, различным влиятельным и известным в епархии лицам рассылаются письма, информирующие о создании древлехранилища. Например, такое письмо получил тобольский губернатор А.П. Лаппа-Старженецкий в сентябре 1902 г., которого приглашали участвовать «в новом и полезном деле»¹⁹. Дату открытия древлехранилища приурочили к ежегодному братскому празднику. Таким образом, 26 октября 1902 г. состоялось торжественное открытие Тобольского церковного древлехранилища. Его хранителем назначается преподаватель Тобольского епархиального женского училища, кандидат богословия священник А. Юрьевский, помощником — дьяком Кафедрального собора А. Чибисов. Священниками Н.Д. Скосыревым и А. Юрьевским накануне открытия в здании древлехранилища был отслужен молебен святому великомученику Дмитрию Солунскому. Для того, чтобы подчеркнуть особое значение открываемого учреждения, молебен был прочитан по старопечатной книге, изданной в 1648 г. При водоосвящении помещения музея использовали крест, полученный, по преданию, архиепископом Киприаном от царя Михаила Федоровича в 1621 г. После богослужения преосвященный Антоний объявил собравшимся членам Братства св. Дмитрия Солунского об открытии древлехранилища.

К дню основания церковного музея его фонды насчитывали 284 вещественных и 634 письменных памятника²⁰. Благодаря содействию Духовной консистории на имя Совета Братства с начала 1902 г. стали поступать памятники церковной старины. Сравнивая собрание Тобольского древлехранилища с 16 другими подобными учреждениями, существовавшими на тот момент в России, члены Братства отмечали исключительно церковную направленность Тобольского музея, когда другие музеи «если и считают количество имеющихся в них памятников целыми тысячами, то $\frac{9}{10}$ этого количества приходится на монеты, медали и жетоны, т.е. на предме-

ты мелкие и не церковного характера»²¹. В первый период своего существования музейное отделение Братства занималось накоплением и систематизацией памятников старины. В дальнейшем предпринимались попытки научной обработки и описания собранных материалов²².

В древлехранилище была собрана богатая и разнообразная коллекция памятников церковной старины. В последующие годы фонды музея регулярно пополнялись. К концу 1903–1904 отчетного года в древлехранилище содержалось 1483 предмета, 1905–1906 г. — 1674, 1908–1909 г. — 1772, 1911–1912 г. — 1830, 1912–1913 г. — 1915, 1913–1914 г. — 1950, 1914–1915 г. — 1967. К началу 1918 г. в древлехранилище насчитывалось 2228 предметов²³.

С первых дней своего существования древлехранилище было открыто для всех желающих. Вход был бесплатным. Работа с посетителями велась два раза в неделю: в среду и воскресенье. Хранитель совместно с помощником знакомил с наиболее замечательными и редкими экземплярами музейной коллекции, рассказывая об истории экспоната, его предназначении и использовании. А. Юрьевским были напечатаны этикетки с названием, датой изготовления, источником поступления в древлехранилище предмета. Помещение соборной ризницы было небольшое. В одном месте находилось место для хранения фондов и зал для просмотра. Это обстоятельство вряд ли позволяло устраивать развернутые тематические экспозиции. Экскурсии заключались в знакомстве посетителей с уникальными, наиболее ценными предметами музейного собрания. За два первых месяца существования церковного музея его гостями были 519 человек. В последующее время численность посетителей не превышала 250 человек в год. Исключение составляет отчетный 1908–1909 г. Незначительное количество экскурсий в этот период объясняется длительной процедурой смены руководства музея, передачей дел А. Юрьевским новому хранителю П.М. Доброхотову.

Анализ отчетов Братства св. Дмитрия Солунского показывает, что посетителями древлехранилища являлись лица различного возраста и социального положения. Наиболее частые гости — воспитанники и воспитанницы учебных заведений города. В отчетном 1909–1910 г. на пасхальной неделе «редкости осматривали воспитанники 4, 5 и 6 классов семинарии, в количестве 75 человек, 27 июня древлехранилище посетили участники краткосрочных курсов церковного пения и церковно-славянского чтения, учащиеся церковно-приходских школ»²⁴. Подобные сообщения можно было часто встретить на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей». Для того чтобы по-

знакомится с собранными в древлехранилище церковными ценностями, в Тобольск приезжали жители различных уголков епархии. Это были, прежде всего, богомольцы, паломники Абалакского монастыря, сельские священнослужители с детьми и женами. Исключительным фактом в 1915 г. стало одновременное посещение музея 43 крестьянами с. Марайского Курганского уезда во главе со своим священником. Что побудило их совершить подобную поездку, и какова роль в этом приходского священника, в отчетах не прослеживается. В 1913—1914 гг. в фонды древлехранилища из Тобольской духовной консистории было передано значительное количество предметов, относящихся к истории старообрядчества: книги, иконы, рукописи, протоколы старообрядческих соборов в Тюмени и Екатеринбурге, переписка раскольников Тобольской и Пермской епархий XIX — начала XX в. Это собрание заинтересовало старообрядцев, которые приезжали в музей из южных районов епархии. Наибольшее внимание привлекала коллекция книг и церковных крестов. Рукописи древлехранилища в 1904 г. изучал магистр Гельсингфорсского университета А.И. Каннисто. Работая с документами и материалами, он отметил неточности в названии некоторых из них. Например, «Наказ об инородцах» был переведен не на язык ханты, как это указывалось в описи, а на язык манси²⁵. Новинки музея привлекали внимание многих известных лиц. В 1904 г. экспозицию посетил тобольский губернатор А.П. Лаппа-Старженецкий, вице-губернатор Н.М. Тройницкий. В 1906 г. древлехранилище удостоили своим посещением выборщики депутатов в Государственную Думу от Тобольской губернии, «пришедшие... довольно значительной группой», новый губернатор Н.Л. Гондатти, в 1910—1911 гг. — управляющий земельным отделом Я. Литвинов, прокурор Омской судебной палаты В. Едмичка и др. Таким образом, древлехранилище не без успеха выполняло культурно-просветительские задачи, развивая интерес к прошлому своего края.

Результаты научных изысканий сотрудников музея были отражены на страницах сборника статей «Тобольское церковное древлехранилище» и «Тобольских епархиальных ведомостей». Выпуски сборника не имели четкой периодичности. Как правило, они выходили по мере накопления материала. Объем составлял от 32 до 64 страниц, тираж — 500 экземпляров. Задача подбора статей возлагалась на хранителя церковного музея. Анонсируя сборник, Совет Братства обратился ко всему духовенству епархии с просьбой принять участие в разработке «местных церковно-исторических и археологических вопросов»²⁶. Здесь же была предложена примерная программа изу-

чения прошлого Тобольской епархии. Обращалось внимание на необходимость разработки следующих тем и направлений: 1) историко-статистические описания приходов; 2) история монастырей; 3) биографии тобольских пресвященных; 4) распространение христианства среди коренных народов в Западной Сибири; 5) история духовных учебных заведений, административных учреждений епархии; 6) история предметов религиозного почитания и церковного искусства. Духовенству предлагалось присылать исследования и интересные документы по указанным темам. Составители сборника видели его значение в возможности привлечь новых членов в древлехранилище, в пропаганде исторических знаний, организации взаимодействия и обмена изданиями с церковными и светскими краеведческими организациями. Некоторые члены древлехранилища одновременно являлись сотрудниками губернского музея.

Данное издание печаталось в типографии Братства св. Дмитрия Солунского с 1902 по 1909 г. Всего вышло в свет 7 выпусков²⁷. Недостаток средств и бумаги не позволил наладить регулярную издательскую деятельность. С 1906 по 1908 г. не вышло ни одной книжки. Издание сборника не было прибыльным делом. От их продажи выручали значительно меньше, чем тратили на производство. Необходимо подчеркнуть, что аналогичные труды или сборники выходили лишь в 21 епархии. Авторами статей были действительные члены Братства св. Дмитрия Солунского и древлехранилища, такие как А. Юрьевский, Н. Бирюков, А. Грамматин и др. Хранитель музея регулярно знакомил читателей с новыми поступлениями и уже имеющимися коллекциями. Сообщалось об истории создания и текущей работе древлехранилища. В то же время следует отметить, что круг авторов работ весьма ограничен. Это все те же сотрудники древлехранилища и члены Совета Братства. Последние три выпуска представляют собой сведенные вместе статьи Н.А. Бирюкова, посвященные истории Тобольской духовной семинарии, перепечатанные из «Тобольских епархиальных ведомостей». Т.е. призыв Братства св. Дмитрия Солунского активно заниматься изучением прошлого епархии, обращенный к духовенству, не нашел должного отклика.

Одной из важных сфер деятельности древлехранилища была научная обработка поступившего материала. 23 января 1903 г. архиепископу Антонию была представлена докладная записка, в которой содержалась просьба местных любителей сибирской старины об учреждении при древлехранилище подкомиссии для исследования накопившихся в Тобольской епархии документов по истории церкви. Вскоре прошение было удовлетворено. 18 мая 1903 г. при-

нимается устав Архивной комиссии²⁸. Совет Братства постановил оказывать комиссии ежегодную помощь в размере 100 рублей. На выделенные деньги была сразу же приобретена литература по археологии, палеографии, архивоведению.

В состав Архивной комиссии первоначально вошло 17 человек. Позднее численность сократилась до 13–14 человек. В общем-то, это были все те же наиболее активные члены древлехранилища: Н.А. Бирюков, А.Ф. Жуков, В.А. Рождественский, П.Д. Головин, В.А. Ивановский, А.Н. Грамматин, А.И. Юрьевский, Н.Г. Грифцев, А.А. Городков и др. Все они были каким-либо образом связаны с духовным образованием. Так, в 1906 г. из 13 членов Архивной комиссии 9 являлись преподавателями духовных учебных заведений, 3 занимали должности инспектора, наблюдателя, смотрителя в системе духовного образования, 1 ранее был преподавателем Тобольской духовной семинарии²⁹. В первые годы руководил деятельностью комиссии П.Д. Головин. В 1906 г. на должность председателя Архивной комиссии избирается преподаватель Тобольской семинарии Н.А. Бирюков, который пробыл на этом посту вплоть до конца существования Братства св. Дмитрия Солунского. Николай Аполлонович Бирюков (1861–1930 гг.) был уроженцем Ялуторовска. Он закончил Тобольскую духовную семинарию, а затем 4-годичный академический курс. Свою деятельность в Братстве св. Дмитрия Солунского он начинал в составе миссионерского отделения. Затем Н.А. Бирюков много сил и времени отдает организации древлехранилища и Архивной комиссии. Он являлся автором 34 публикаций по истории Тобольской епархии и др. темам.

Заседания архивной комиссии проводились регулярно — от 5 до 10 раз в год. (Исключение составляли лишь годы первой русской революции. За 1905–1906 гг. комиссия собиралась только два раза). На заседаниях члены комиссии имели возможность выступить с докладом, рассказать об исследуемой проблеме, обменяться мнением с коллегами или просто выслушать интересное научное сообщение. Собрания проходили почти всегда в одном и том же месте — на квартире Н.А. Бирюкова.

Одним из важных направлений деятельности комиссии было пересоставление описей архивов, в первую очередь — архива духовной консистории. Необходимость такой работы была вызвана тем, что «старые консисторские описи дел за XVIII и первую половину XIX века составлены без всякой системы, так что лицо, нуждающееся в каком-либо деле, прежде чем обратиться с требованием к архивариусу, должно пересмотреть по описи заглавия дел за целый год, а иногда даже за

несколько лет»³⁰. В основном данной работе свое свободное время посвящал А.И. Юрьевский. Все дела им были сгруппированы по классификационной схеме из 10 разделов: «Тобольские архипастыри и архиерейский дом», «Епархиальное управление и отчеты об общем состоянии епархии», «Монастыри и монашествующие Тобольской епархии», «Соборные и приходские церкви», «Белое духовенство, его деятельность, быт и нравы», «Тобольская духовная семинария и сеть других учебных заведений», «Святые Тобольского края, в том числе и иконописные», «Нравственное состояние сибирской паствы», «Раскол, старообрядчество, сектантство», «Христианизация и просвещение коренного населения Западной Сибири»³¹.

Членами комиссии А.Ф. Жуковым и С.А. Баженовым после знакомства с архивом Тюменского Троицкого монастыря в 1904 г. высказывается предложение о необходимости создания в Тюмени архивной подкомиссии, которая должна была состоять из представителей местного духовенства, заинтересованных в изучении «церковной старины», и некоторого числа светских лиц. Однако данное предложение не удалось реализовать на практике, т.к. оно не встретило поддержки у тюменских священнослужителей. Священник Д.А. Матвеев информировал членов комиссии о своих находках в архиве Тобольского Знаменского монастыря, о роли монастыря в духовном просвещении края, о его связях с Тобольской духовной семинарией. Постоянным участником заседаний был Н.А. Городков. В своих выступлениях он уделял основное внимание анализу документов, хранившихся в архиве Духовной консистории. Н.Д. Скосырев на заседаниях Архивной комиссии в сентябре 1903 г. сделал сообщение «О сохранности, составе и ценности документов ризницы Софийско-Успенского кафедрального собора в Тобольске».

Изыскания А. Юрьевского затрагивали различные вопросы истории церкви. Он целенаправленно занимался изучением фондов церковного музея. Характеристике письменных и вещественных памятников древлехранилища посвящена большая часть написанных им работ. В 1905 г. А. Юрьевский делает доклад на заседании Архивной комиссии о почитании иконы Казанской Божьей Матери Знаменского монастыря, рассказывая о том, что послужило причиной того, что эта икона стала одной из важных святых епархии. На страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» печатаются его заметки о коллекции антиминсов древлехранилища, о находке автографов святителя Дмитрия Ростовского, об иконе XIII в., хранящейся в Никольском приделе Тобольской Сретенской церкви³². К 200-летию со дня смерти Иоанна Максимовича,

отмечавшемся 10 июня 1915 г., А. Юрьевским была подготовлена серия докладов, посвященных митрополиту Тобольскому и Сибирскому: «Хиротония Иоанна Максимовича в архиерейский сан», «Путешествие Иоанна Максимовича в г. Тюмень в 1713 г.», «Погребение митрополита Иоанна Максимовича» и др. Следует отметить обширное историко-биографическое исследование А. Юрьевского «Павел Конюскевич, митрополит Тобольский и Сибирский». Для составления этого труда автор пересмотрел в архиве Духовной консистории более 800 дел.

Ни одно заседание не обходилось без активного участия Н.А. Бирюкова. Его доклады отражали многообразные аспекты истории духовных учебных заведений епархии. На основе найденных источников был создан целый ряд солидных исторических исследований. Можно отметить работу Н.А. Бирюкова «Очерки по истории Тобольской духовной семинарии», охватывающую период с 1791 по 1818 г. С трудами Н.А. Бирюкова читатели могли познакомиться на страницах местной и центральной периодики: «Тобольских епархиальных ведомостей», «Исторического вестника», «Русской старины»³³. Интерес представляет его работа «Необычайная оккупация». Этот очерк истории духовного образования в крае, охватывающий период с 1748 по 1777 г., рассказывает об изучении латинского языка, о способах перевода с латинского языка на русский и наоборот³⁴. Следует отметить оригинальную публикацию автора, единственную в своем роде, «Отголоски Отечественной войны 1812 г. среди тогдашнего духовенства Тобольской епархии», в которой автор дает статистическую, экономическую и историческую информацию о посильной помощи, денежных пожертвованиях духовенства³⁵. Кроме того, Н.А. Бирюков занимался составлением биографий церковных деятелей, чья судьба была связана с Тобольской епархией: преосвященного Антония, архиепископа Томского Макария, архимандрита Евгения, протоиерея П.Д. Головина и др.

В некоторых случаях наблюдается отход от рассмотрения узкоспециальных, локальных тем на заседаниях Архивной комиссии, к обсуждению вопросов более широких, связанных с текущей общественно-политической жизнью. Так, на заседании 19 февраля 1911 г. член комиссии В.А. Рождественский прочитал очерк на тему «Освобождение крестьян и значение его в русской истории». Докладчик провел параллель между положением крепостного крестьянства и низшего духовенства. Ссылаясь на архивные материалы, открытые им в архиве Духовной консистории, он ознакомил присутствующих с примерами продажи дьяков и псаломщиков³⁶.

Помимо истории епархии Братство занималось изучением ее современного состояния, сбором статистических сведений. Советом Братства назначалась группа лиц, которым поручалось готовить к изданию «Адрес-календари Тобольской епархии» и «Справочные книги Тобольской епархии». Эта работа успешно выполнялась, и в установленные сроки «Адрес-календари» и «Справочные книги» выходили в свет. В их составлении активное участие принимали П.Д. Головин и В.А. Рождественский. К 300-летию учреждения Тобольской епархии, которое должно было праздноваться в 1920 г., намечалось подготовить историко-статистическое описание церквей и монастырей епархии. Однако, по понятным причинам, этому замыслу не дано было осуществиться.

Несмотря на весьма значительные достижения Тобольского церковного древлехранилища, нельзя не отметить и некоторые недостатки, присущие его научной деятельности. Следует указать на невысокий, ученический уровень большинства написанных работ, отсутствие продуманной системы, плана изучения прошлого епархии. Как правило, делались доклады, писались статьи по отдельным документам, делам, памятникам материальной культуры, которые показались чем-то интересны автору. Для многих работ характерны описательность, отсутствие выводов, обобщений. Исключением в данном отношении можно признать, пожалуй, лишь Н.А. Бирюкова, А. Юрьевского. Намеченная при организации древлехранилища цель — создание истории Тобольской епархии, так и осталась неосуществленной.

Другое упущение членов древлехранилища и архивной комиссии — относительная изоляция от исторических учреждений и ученых-историков. Так и не появилось то, что называется «научной школой», т.е. система воспроизводства кадров исследователей. Древлехранилище и архивная комиссия существовали в виде замкнутого кружка краеведов-любителей, слабо взаимодействовавших с краеведами из других городов. Приток свежих сил был крайне слабым. Попытки привлечь приходское духовенство к изучению церковной старины не нашли должного отклика. Оставляли желать лучшего условия хранения и система учета музейных предметов. Одной из причин слабой научно-исследовательской работы древлехранилища следует признать отсутствие финансовых средств. Недостаток денег не позволял содержать квалифицированный научный персонал, создать возможности для экспонирования собранных материалов.

Тем не менее, подводя итог научно-просветительской деятельности древлехранилища, нельзя не отметить их значительный вклад

в изучение прошлого Тобольской епархии. Признание их заслуг нашло отражение на страницах «Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода»: «Особо следует упомянуть, как о наиболее деятельных, о... Тобольских а) Церковном древлехранилище Братства св. Дмитрия Солунского (имеет свои издания) и б) Церковно-архивной комиссии...»³⁷. Возникновение и развитие древлехранилища было обусловлено необходимостью реализовать потребность духовенства в сохранении памятников материальной культуры, свидетельствовавших о заслугах церкви в деле распространения христианства и духовного просвещения в Сибири. Важно также было рассказать об этих заслугах широкой общественности. Немало было достигнуто в деле накопления и обработки письменных и вещественных памятников церковной старины, популяризации исторических знаний. Через знакомство с историей православия в Сибири прививалась любовь к родному краю. Сделанное членами братств не пропало даром. Собранные коллекции пополнили собрания Тобольского музея Севера (ныне Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. В августе 1921 г. заведующая этнографическим отделом Тобольского музея Севера И.П. Струкова составила «Опись Тобольского церковного древлехранилища», на основании которой материалы церковного музея были взяты на государственный учет. Окончательная передача экспонатов произошла 29 июня 1925 г. в соответствии с актом, подписанным инспектором окружного Тобольского административного отдела Бойцовым и заведующим краеведческим музеем Торунным в присутствии представителей религиозной общины Тобольского кафедрального собора³⁸.

Примечания:

- ¹ Государственный архив в г. Тобольске (далее — ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 156. Оп. 28. Д. 1536. Л. 48, 52.
- ² См. например: *Абрамов Н.А.* О введении христианства у березовских остояков // Журнал Министерства народного просвещения. 1851. №12. Отд. 5. С. 1—22; Он же. Христианство в Сибири до учреждения там в 1621 г. епархии // Странник. — 1865. — Кн. 8. Отд. 2. — С. 49—68 и др.
- ³ См. например: *Абрамов Н.А.* О церквях города Березова от основания его до настоящего времени // Тобольские губернские ведомости. 1859. №14. С. 82—87; Он же. Существующие каменные церкви в Тобольской епархии, построенные в XVII столетии в городе Тобольске // Тобольские губернские ведомости. — 1859. — №15. — С. 94—99 и др.
- ⁴ См. например: *Сулоцкий А.* Жизнеописание Афанасия, архиепископа Тобольского и Сибирского // Странник. — 1867, январь. — С. 5—7; Он же. Архиепископ Евгений (Казанцев) как архипастырь Тобольский // Странник. — 1872. — Т. 2. — С. 97—152 и др.

- ⁵ См. например: *Недосеков А.К.* Антоний II Нарожницкий, митрополит Тобольский и Сибирский // Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). — 1892. — №15–16. — С. 337–378; Он же. Миссионерская деятельность митрополита Филофея Лешинского // ТЕВ. — 1889. — №7–8. — С. 141–152 и др.
- ⁶ Тобольское церковное древлехранилище // ТЕВ. — 1902. — №22. — С. 407.
- ⁷ Устав Тобольского епархиального Братства св. великомученика Дмитрия Солунского // ТЕВ. — 1897. — Приложение №7. — С. 3.
- ⁸ Отчет Тобольского епархиального Братства... за 1898–1899 г. // ТЕВ. — 1900. — №6. Офиц. отдел. — С. 51–52.
- ⁹ Там же. — С. 53–56.
- ¹⁰ Отчет Тобольского епархиального Братства... за 1901–1902 г. // ТЕВ. — 1902. — №22. Офиц. отдел. — С. 399.
- ¹¹ Общее собрание Тобольского епархиального Братства св. великомученика Дмитрия Солунского // ТЕВ. — 1900. — №23. — С. 420–421.
- ¹² Цит. по: Отчет Тобольского епархиального Братства... за 1901–1902 г. // ТЕВ. — 1902. — №22. Офиц. отдел. — С. 399.
- ¹³ РГИА. Ф. 797. От. 1. Стол 1. Д. 104. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Л. 3.
- ¹⁵ Там же. Л. 5.
- ¹⁶ Тобольское церковное древлехранилище // ТЕВ. — 1902. — №22. — С. 407.
- ¹⁷ Отчет Тобольского епархиального Братства... за 1905–1906 г. — Тобольск, 1906. — С. 17–18.
- ¹⁸ Там же. — С. 402.
- ¹⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479оц. Оп. 2. Д. 90. Л. 16.
- ²⁰ Тобольское церковное древлехранилище / Сб. ст. — Тобольск, 1904. — Вып. 3. — С. 37.
- ²¹ Тобольское церковное древлехранилище // ТЕВ. — 1902. — №22. — С. 402.
- ²² Подробнее см.: *Цысь О.П.* Из истории формирования коллекции Тобольского церковного древлехранилища // «Мира не узнаешь, не зная края своего»: Материалы 8-х краеведческих чтений. — Нижневартовск, 2004. — С. 29–34.
- ²³ Отчет о состоянии Тобольского церковного древлехранилища с 26 ок. 1903 — по 26 ок. 1904 г. // ТЕВ. — 1905. — №4. — С. 78; Отчет Тобольского епархиального Братства... за 1905–1906 г. — Тобольск, 1906. — С. 15; Отчет о деятельности Тобольского епархиального Братства... за 1908–1909 г. // ТЕВ. — 1910. — №6. Офиц. отдел. — С. 97; Смесь // Тобольский церковный листок. — 1913. — №1. — С. 4; Отчет о деятельности Тобольского епархиального Братства... за 1913–1914 г. // ТЕВ. — 1915. — №7. Офиц. отдел. — С. 105.
- ²⁴ Отчет Тобольского епархиального Братства... за 1909–1910 г. // ТЕВ. — 1910. — №24. Офиц. отдел. — С. 342.
- ²⁵ Отчет Тобольского епархиального Братства... за 1904–1905 г. // ТЕВ. — 1906. — №4. Офиц. отдел. — С. 79.
- ²⁶ *Юрьевский А.* Об издании книжек церковно-исторического и церковно-археологического содержания под общим заглавием: «Тобольское церковное древлехранилище» // ТЕВ. — 1902. — №23. Неофиц. отдел. — С. 427.
- ²⁷ Тобольское церковное древлехранилище / Сб. статей. — Тобольск, 1902. — Вып. 1; Тобольское церковное древлехранилище / Сб. статей. — Тобольск, 1903. — Вып. 2; Тобольское церковное древлехранилище / Сб. статей. — Тобольск, 1904. — Вып. 3; Тобольское церковное древлехранилище / Сб. статей.

- Тобольск, 1904. — Вып. 4; Тобольское церковное древлехранилище / Сб. статей. — Тобольск, 1909. — Вып. 5–7.
- ²⁸ *Юрьевский А.И.* Тобольская архивная комиссия // Тобольское церковное древлехранилище. — Тобольск, 1904. — Вып. 3. — С. 42.
- ²⁹ Отчет Тобольского епархиального Братства... за 1905–1906 г. — Тобольск, 1906. — С. 20–21.
- ³⁰ Отчет о состоянии и деятельности Архивной комиссии // ТЕВ. — 1904. — №5. — С. 82.
- ³¹ Там же. — С. 83.
- ³² *Юрьевский А.* Древние антиминсы // ТЕВ. — 1905. — №14. Неофиц. отдел. — С. 230–231; Он же. Драгоценные автографы // ТЕВ. — 1902. — №23. Офиц. отдел. — С. 438–442; Он же. Упраздненные монастыри Тобольского края // ТЕВ. — 1904. — №4. — С. 49–54; Он же. Забытая Сибирь // ТЕВ. — 1911. — №16. — С. 353–358.
- ³³ См. например: *Бирюков Н.А.* Тобольская духовная семинария в 1791 г. // ТЕВ. — 1903. — №17. Неофиц. отдел. — С. 425–426; Он же. Тобольская семинария при ректоре Геннадии (1792–1794 гг.) // ТЕВ. — 1904. — №1–2. Неофиц. отдел. — С. 12–16; №3. Неофиц. отдел. — С. 30–37; Он же. Тобольская семинария при ректоре Вениамине (1794–1799 гг.) // ТЕВ. — 1904. — №12. Неофиц. отдел. — С. 218–255; №14. — С. 259–271; №15. — С. 289–300; №16. — С. 307–321; и др.
- ³⁴ *Бирюков Н.* Необычайная оккупация: (Страница из истории Тобол. духовн. семинарии) // ТЕВ. — 1911. — №17. Неофиц. отдел. — С. 381–387; №18. Неофиц. отдел. — С. 403–411.
- ³⁵ *Бирюков Н.А.* Отголоски Отечественной войны 1812 г. среди тогдашнего духовенства Тобольской епархии // ТЕВ. — 1912. — №11. Неофиц. отдел. — С. 420–429, №20. Неофиц. отдел. — С. 464–470.
- ³⁶ Отчет Тобольского епархиального Братства... за 1910–1911 г. // ТЕВ. — 1912. — №3. Офиц. отдел. — С. 32.
- ³⁷ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода... за 1908–1909 г. — СПб, 1911. — С. 350.
- ³⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1; Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Фонд рукописей и редкой книги.

К.А. Анкушева

Состав и динамика численности городских сословий Зауралья в конце XIX — начале XX века

На основе правового регулирования к концу XIX в. в Зауралье сложилась социальная структура городского общества, которая представляла собой сложную систему, состоявшую из представителей городских сословий и других многочисленных социальных групп. Городские сословия в целом и каждое по отдельности по своему социальному составу были неоднородны. Состав населения отдельных городов Зауралья тоже имел существенные различия.

Со второй половины XIX в. темпы роста городского населения Зауралья значительно увеличились. К 1897 г. в городах региона проживало 87351 человек. В течение 17 последующих лет (1897—1914 гг.) численность населения увеличилась на 72% и достигла 150065 человек. Доля так называемых городских сословий за этот период тоже увеличилась — с 42% в 1897 г. до 46% в 1914 году¹. Темпы прироста городского населения региона в этот период значительно менялись. За два года (1897—1899 гг.) этот показатель составил 4 процента. Однако всего за один год (1906 г.) численность городского населения сократилась на 6 процентов. Позже наблюдается постепенный прирост. Степень участия в этих процессах отдельных групп населения была различной. На рубеже XIX—XX вв. (1897—1901 гг.) численность населения городов Зауралья возросла на 15 процентов. Это произошло в основном за счет мещан, которых за этот период стало больше на 33%, в то время как остальные категории понесли существенные потери: купцы — 7%, духовенство — 43%, дворяне — 47%, а крестьяне — 58%.

Важным показателем процесса урбанизации является соотношение городского и сельского населения. По данным переписи 1897 г., преобладающим сословием в Зауралье было крестьянство — 89,65 процента. Среди жителей городов крестьяне составляли 47,28 процента, мещане — только 39,76 процента². Численность городского населения увеличивалась наиболее быстрыми темпами. Удельный вес горожан тоже постепенно повышался, но оставался

небольшим и колебался в границах от 5,5 до 7,5 процента. Причем нельзя сказать, что доля городского населения непрерывно возрастала. После исходной даты наименьший показатель отмечен в 1906 г. (6,1%), в течение которого численность населения городов сократилась на 6%, а наибольший — 7,5% в 1911 году. В целом по Западной Сибири горожане в 1897 и 1914 гг. составляли соответственно 7,2 и 9,1%, в Зауралье — 6,1 и 7,1% соответственно³. Очевидно, что городское население Зауралья, несмотря на относительно высокие показатели прироста, было урбанизировано в меньшей степени, причем отставание со временем увеличивалось.

В 1915 г. темпы роста населения страны замедлились. В период Первой мировой войны абсолютная численность городского населения и его доля во всем народонаселении несколько понизилась и в 1917 г. в Зауралье стала такой же, как и в 1879 г. — 6,1 процента. Ухудшение количественных показателей связано с рядом факторов и, прежде всего, со значительным сокращением рождаемости и потерями армии. Кризисные процессы, порожденные войной, получили дальнейшее обострение в ходе революции.

Города Зауралья значительно отличались друг от друга по численности и составу населения, и эта разница сохранялась в течение всего рассматриваемого периода. Великие реформы 60–70-х гг. XIX в. оказали значительное влияние на уровень социальной мобильности населения всей страны. Крестьянская реформа увеличила возможность перемены места жительства для многих лиц. Все это не могло не сказаться на социальном и сословном составе населения городов Зауралья.

В конце XIX — начале XX в. наиболее динамично в абсолютных цифрах развивалось население Тюмени, Кургана и Тобольска. Тюмень по-прежнему сохраняла лидерство по числу жителей (30% городского населения региона). Тобольск утратил свои позиции и в 1905 г. занимал уже третье место (15,8%). Курган вышел на второе место по численности населения (25%). Это произошло во многом благодаря экономическому подъему. В конце XIX в. на долю Кургана приходилось 30% промышленного производства всех городов Зауралья, и по этому показателю он уступал только Тюмени с ее 49%⁴. В 1914 г. в Кургане концентрировалось всего 14% фабрик и заводов и 15% рабочих. Объем промышленного производства снизился до 21%, но, как и прежде, соответствовал второму месту по региону⁵.

Следует отметить, что со временем изменялось не только соотношение между городским и сельским населением, но и соотноше-

ние между различными социальными группами внутри самих городов. Купечество являлось наиболее привилегированным городским сословием и представляло собой верхушку городского общества. Несмотря на свою немногочисленность, купцы играли значительную роль в экономическом, социальном и культурном развитии края. Основными источниками пополнения и воспроизводства купечества были представители городского посада и предприниматели из крестьян, основавшие крупные торгово-промышленные династии. В целом по Зауралью результатом проведенных во второй половине XIX в. реформ стало резкое сокращение численности купцов — с 1916 человек в 1858 г. до 1092 человек в 1897 г., то есть за 39 лет на 33 процента⁶.

Значительным этапом в развитии купеческого сословия можно назвать «Положение о государственном промысловом налоге» от 8 июня 1898 года. С его принятием прекращается прямая связь между получением промыслового свидетельства для занятия предпринимательской деятельностью и покупкой (выборкой) гильдейских документов. Приобретение же самих сословных свидетельств теперь стало зависеть от желания отдельных лиц и объяснялось семейно-сословной традицией, например, если несколько поколений носили купеческое звание. Это были в большинстве своем наиболее состоятельные и влиятельные предприниматели. Новый порядок привел к дальнейшему существенному сокращению численности купцов.

Введение Положения 1898 г. по-разному отразилось на численности купечества в отдельных городах региона. Наиболее существенное сокращение произошло в Тюмени — с 278 человек в 1897 г. до 197 человек в 1901 году (на 29%). В процентном соотношении наибольшие потери понесло березовское (на 47%), тарское (на 44%) и особенно тюкалинское (на 62%) купечество. Однако, учитывая малочисленность купеческих обществ этих городов, на общей картине это мало отразилось. Кроме того, в некоторых городах региона наблюдался даже количественный рост купечества: в Кургане — на 12,5%, а в Ялуторовске — на 12,8%. В Тобольске и Ишиме изменения были менее значительны, а в Сургуте купцов по официальной статистике зарегистрировано не было. В целом по региону за 1897–1901 гг. численность купеческого сословия сократилась на 7%.

После 1904 г. проявилась противоположная тенденция: за период с 1901 по 1912 г. прирост составил 28 процентов. Это произошло в основном за счет таких городов, как Тара (на 20%), Тобольск (на 46%), Ишим (46%). За указанный период в Тюмени численность куп-

цов увеличилась почти в три раза, а в Тюкалинске — более чем в три раза. Это можно объяснить возрастанием роли этих городов как финансово-экономических центров. В то же время в Березове, Кургане, Сургуте, Туринске и Ялуторовске количество представителей купеческого сословия не только не увеличилось, но даже уменьшилось.

С 1912 г. отмечается очередное значительное сокращение численности купечества в городах Зауралья: на 7% каждые последующие два года. Особенно резким оно было в Тобольске и Тюмени. В Тобольске в это время происходило сокращение объемов промышленного производства, что могло вызвать выход из сословия части менее удачливых предпринимателей. В Тюмени показатели промышленного производства и торговли не снижались, однако здесь существенно увеличилась численность мещанского сословия, которое, вероятно, пополнилось бывшими купцами, более не нуждающимися в сословных привилегиях. С другой стороны, в Ишиме, Кургане и Таре число купцов даже увеличилось. Возможно, это было связано с некоторым ростом промышленного производства, консерватизмом местного купечества и населения этих городов в целом.

В конце XIX в. доля купцов в городах Зауралья была весьма невелика и в начале XX в. еще более сократилась: с 1,3% в 1897 г. до 0,8% в 1914 году. Практически все города губернии отличались небольшим удельным весом купечества. В Тюмени это сословие являлось самым многолюдным, однако именно здесь в 1879 г. был зарегистрирован наименьший показатель (0,9%). В процентном соотношении больше всего купцов было в Кургане (2,5%), затем в Березове и Туринске (по 1,7%). В 1914 г. ситуация изменилась: наибольшая доля купцов была отмечена в Ялуторовске (1,3%), а наименьшая — в Туринске (0,2%), Таре (0,4%) и Кургане (0,6%). В целом с 1897 по 1914 г. количество купцов, проживавших в городах Зауралья, увеличилось на 15 процентов. Однако, несмотря на некоторый рост численности сословия в отдельных городах, оно все более уступало свои и без того скромные позиции другим, более многочисленным категориям населения. Однако это не означает полного отмирания сословного института купечества в городах региона. Даже в 1917 г. горожане записывались в гильдии⁷. Как и прежде, в основном это были местные и иногородние мещане, приезжие купцы, а также крестьяне. Именно в начале XX в. купцы были зарегистрированы во всех городах Зауралья, включая Сургут.

Формирование мещанских обществ как социальных групп представляло собой довольно длительный процесс консолидации данного сословия. Можно согласиться с Л.В. Прокутиной в том, что

первоначально оно состояло преимущественно из посадских людей, внесенных в писцовые и приписные книги XVII века⁸. Пополнение сословия шло за счет как пришлых, так и местных выходцев из других сословий. Крестьянство было основным источником пополнения мещанского сословия на протяжении всего рассматриваемого периода. В конце XIX — начале XX в. его доля составляла около 61% всех лиц, поступавших в мещанство Тюмени и Кургана⁹. Для сравнения, на долю иногородних мещан в это время приходилось около 34% всех поступавших в тюменское мещанство¹⁰. В мещанские общества городов Зауралья переходили в основном мещане соседних же городов. Ряды сословия пополнялись и за счет бывших купцов¹¹. Кроме того, в мещане записывались лица из почетных граждан, отставных военных, духовных лиц, бывших ссыльнопоселенцев и даже подданные иностранных государств. Однако их доля была невелика и в течение рассматриваемого периода составляла для Тюмени около 5 процентов. В мещане поступали бывшие дворовые люди, а также инородцы¹².

При желании мещане имели возможность изменить свой статус. В большинстве случаев они переходили в крестьянские общества, реже — в мещанские общества других городов. Разбогатевший мещанин мог объявить купеческий капитал. С развитием капиталистических отношений переход мещан в купеческое сословие постепенно терял прежнее значение, так как мещане могли теперь успешно заниматься предпринимательской деятельностью в рамках своего сословия. Некоторые мещане покидали свое сословие, чтобы получить духовное или военное звание, а также для поступления на государственную службу¹³.

Мещанские общества городов Зауралья во второй половине XIX в. переживали кризисные явления, связанные, в частности, с разрушением структурной целостности сословия¹⁴. Однако к началу XX в. численность и доля мещан, проживавших в уездах, сократилась с 11736 человек в 1897 г. (25%) до 3293 — в 1914 г. (5%)¹⁵. Мещане постепенно отходили от сельскохозяйственных занятий, принимали все более активное участие в городской торговле и промышленном производстве.

На рубеже XIX—XX вв. (1897—1901 гг.) численность мещан возростала в большинстве городов региона. Наибольший прирост имел место в Ишиме — в 3 раза. Исключением был Ялуторовск, где количество мещан сократилось более чем в 2 раза. В целом численность мещанского сословия в составе городского населения увеличилась на 33 процента. Если в 1897 г. мещане составляли 40% всего город-

ского населения (39729 человек), то в 1901 г. — 46% (46302 человека). В 1897 г. городами с преимущественно мещанским населением были Сургут (72%) и Тара (58%), наименьшая доля мещан была в Кургане и Тюмени (по 36%). В Тюмени мещанское общество было самым многолюдным по региону, однако в 1897 г. большинство населения здесь составили крестьяне — 57 процентов.

В 1912—1913 гг. наблюдается общее сокращение численности мещан. Именно в 1912 г. в среде, в частности, тюменского мещанства отмечены негативные явления — «тюменское мещанское общество фактически не представляет организованного сословия и огромное большинство тюменских мещан не только не проживает в своем городе, но даже мещанскому управлению не известно место жительства отсутствующих мещан»¹⁶. В течение следующего года численность мещан в городах региона значительно возросла — с 60193 человек в 1913 г. до 66268 человек в 1914 году (на 10%). Это произошло в основном за счет мещан Тюмени (на 8417 человек, или на 55%), а также Тары (на 925 человек, или на 17%) и Ишима (на 847 человек, или на 9%).

Тюмень в это время была самым многолюдным городом Зауралья, отсюда и высокий уровень естественного прироста населения. Кроме того, город был развитым в социально-экономическом отношении центром региона. Численность мещанства Кургана и Тобольска существенно сократилась по сравнению с менее значительными изменениями в других городах края. В целом за 1897—1914 гг. количество мещан, проживающих в городах Зауралья, увеличилось на 91%, и они составили 44% городского населения. Городом с преимущественно мещанским населением остался Сургут (80%) и стал Ишим (66%), наименьшая доля сословия была отмечена, как и в 1897 г., в Кургане (23%), а также в Туринске и Ялуторовске (по 29%)¹⁷.

Изменения в сословной политике, отсутствие необходимости объявления купеческого капитала для развития предпринимательской деятельности способствовали тому, что многие люди записывались именно в городское сословие мещан.

На социальный состав населения городов Зауралья свое влияние оказывали как изменения в законодательстве, так и социально-экономическая действительность. С годами непосредственная связь между сословной принадлежностью и сферой приложения труда теряла свое определяющее значение, что тоже не могло не отразиться на статусе сословий. В связи с этим у горожан произошла некоторая смена приоритетов в вопросе о выборе сословного общества для приписки.

Городские сословия купцов, мещан и цеховых ремесленников имели общие генетические корни и формировались на основе трансформации посадской общины. Существенное значение для комплектования городских сословий имело сельское население, особенно соседних уездов. Кроме того, в течение всего рассматриваемого периода происходила своеобразная межсословная диффузия, которая влияла на социальный состав населения и была обусловлена достаточной открытостью городских сословий для приема активных социальных элементов. Правовые ограничения свободы передвижения как сельских, так и городских сословий сдерживали, но не прекращали миграционных процессов.

Темпы роста численности городских сословий превышали аналогичные показатели по населению городов в целом: если за 1897—1914 гг. прирост городского населения составил 72%, то городских сословий — 89,6%. Состав купеческого сословия был, пожалуй, самым непостоянным. Нередко люди записывались в гильдии буквально на один год. Очередное повышение гильдейского сбора было, безусловно, не единственной причиной. Общее социально-экономическое положение в регионе, а в большей степени законодательные основы торгово-промышленной деятельности оказывали свое влияние на изменения численности купечества, удельный вес которого к концу рассматриваемого периода составлял менее одного процента. Большинство бывших купцов становились мещанами, а те, кто сохранил свою сословную принадлежность, в начале XX в. в основном проживали в Тюмени — торгово-промышленном центре региона, где сохранялись условия для существования купеческих династий.

Довольно успешно развивалось мещанское сословие. Социальный состав его был весьма разнообразен: от лиц дворянских кровей до ссыльных и бывших арестантов. Однако основным источником его пополнения оставалось крестьянство. Численность мещан к началу XX в. существенно увеличилась, повысился их удельный вес. Приезжающие в город люди в большинстве своем приписывались именно к мещанскому обществу. Здесь свою роль играли и предусмотренные законом льготы, а также принудительная приписка. Иначе складывалась судьба другого городского сословия — цеховых ремесленников. По своему правовому положению они были близки к мещанам, что, очевидно, и послужило причиной объединения этих сословий и упразднения категории цеховых. Стирание сословной грани между купечеством и мещанами, с одной стороны, и между мещанами и цеховыми — с другой, свидетельствовало о глубоких

качественных изменениях внутри городских сословий. Сближение этих категорий городского населения приводило к усилению притока бывших купцов и цеховых в мещанство.

Численность представителей иных социальных групп, проживавших на территории городов Зауралья, была менее значительной. Удельный вес дворянства и духовенства изначально был невысоким, а со временем еще более сократился — до 1 и 0,6%, соответственно. Исключением, было, пожалуй, крестьянство, доля которого к конечной дате исследования увеличилась до 31,4 процента. С одной стороны, крестьяне продолжали быть источником пополнения городских сословий, а с другой — они получили возможность без ущерба для себя оставаться в своем прежнем звании. Определенное влияние на состав городских сословий, особенно мещанства, оказали ссыльные и отставные военные. Как в начале рассматриваемого периода, так и в конце доля разночинцев была невелика и составляла 1,4–1,5 процента. Понятие «разночинцы» на время выходило из оборота, кроме того, содержание этого понятия значительно изменилось. Официально признанные сословия и другие социальные группы не охватывали всего многообразия существовавших категорий населения, особенно в начале XX века. Однако городское общество Зауралья вплоть до 1917 г. оставалось сословным.

Примечания:

- ¹ Обзор Тобольской губернии за 1914 год. Тобольск, 1916. С. 9; Тобольская губерния: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год. Т. IXXVIII. — СПб., 1905. — С. 29, 46, 47.
- ² Тобольская губерния: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год. Т. IXXVIII. — СПб., 1905. — С. 29.
- ³ Население Западной Сибири в XX веке. — Новосибирск, 1997. — С. 19; Тобольская губерния: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год. Т. IXXVIII. — СПб., 1905. — С. 46–47.
- ⁴ Население Западной Сибири в XX веке. — Новосибирск, 1997. — С. 19; Тобольская губерния: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год. Т. IXXVIII. — СПб., 1905. — С. 46–47.
- ⁵ Обзор Тобольской губернии за 1914 год. — Тобольск, 1916. — С. 16.
- ⁶ Памятная книжка Тобольской губернии на 1860 год. — Тобольск, 1860. — С. 117; Тобольская губерния: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год. Т. IXXVIII. — СПб., 1905. — С. 46–47.
- ⁷ Государственный архив Тюменской области (далее: ГАТО). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 83а. Лл. 185–247.
- ⁸ *Прокутина Л.В.* Источники формирования тобольского мещанства в конце XVIII — первой трети XIX века // Тобольский исторический сборник. — Тобольск, 1994. — С. 35.
- ⁹ Государственный архив Курганской области (далее: ГАКО). Ф. И-174. Оп. 1. Д. 3. Лл. 1–49; ГАТО. Ф. И-46. Оп. 1. Дл. 1, 3; Ф. И-1. Оп. 1. Д. 89.

- ¹⁰ ГАТО. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 3; Ф. И-1. Оп. 1. Д. 89.
- ¹¹ Там же. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 604. Л. 3 об.
- ¹² ТФ ГАТО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 348. Лл. 5–5об.
- ¹³ ГАТО. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 3; Ф. И-1. Оп. 1. Д. 89; ТФ ГАТО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 201. Л. 69; Д. 177. Л. 127.
- ¹⁴ ТФ ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 12. Лл. 35–35об.
- ¹⁵ Обзор Тобольской губернии за 1914 год. Тобольск, 1916. С. 64–65; Тобольская губерния: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год. Т. IXXVIII. — СПб., 1905. — С. 46–47.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 1. Л. 78.
- ¹⁷ Обзор Тобольской губернии за 1901 год. — Тобольск, 1902. — С. 100–103; Обзор Тобольской губернии за 1904 год. — Тобольск, 1905. — С. 102–105; Обзор Тобольской губернии за 1905 год. — Тобольск, 1906. — С. 108–111; Обзор Тобольской губернии за 1910 год. — Тобольск, 1911. — С. 54–55; Обзор Тобольской губернии за 1911 год. — Тобольск, 1913. — С. 66–67; Обзор Тобольской губернии за 1912 год. — Тобольск, 1913. — С. 58–59; Обзор Тобольской губернии за 1913 год. — Тобольск, 1915. — С. 54–55; Обзор Тобольской губернии за 1914 год. — Тобольск, 1916. — С. 64–65; Тобольская губерния: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год. Т. IXXVIII. — СПб., 1905. — С. 46–47.

И.И. Кромм

Развитие животноводства в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в конце XIX — начале XX в.

Изучение сельского хозяйства Сибири дореволюционного периода традиционно являлось одним из приоритетных направлений в отечественном сибиреведении. В трудах И.П. Трошина, В.Г. Тюкавкина, Л.М. Горюшкина, И.Н. Новикова, И.А. Асалханова и ряда других работ, а также в обобщающих монографиях «История Сибири», «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма» исследовались разнообразные вопросы, посвященные основным отраслям аграрного производства и сельскохозяйственной деятельности сибирских крестьян на рубеже XIX — XX вв. Большинство авторов при рассмотрении сибирского животноводства основное внимание уделяли характеристике его состояния и динамики в крестьянских хозяйствах под воздействием социально-экономических факторов: развития товарно-денежных отношений и маслодельной промышленности, демографических подвижек. Наиболее востребованной исследователями оказалась проблема влияния маслоделия на сибирское животноводство.

Поэтому, несмотря на наличие фундаментальных и добротных исследований по истории развития животноводства в регионе, многие вопросы требуют дальнейшего изучения, что предполагает постановку новых проблем и введение в оборот новых источников. В частности, пока еще не стали предметом специального исследования изменения кормовой базы сибирского животноводства, технологий зимнего и летнего содержания скота, деятельность ветеринарной, агрономической, молочной организаций, местных отделов Московского общества сельского хозяйства, опыт отдельных лиц из числа специалистов, предпринимателей, крестьян по улучшению сибирского животноводства в конце XIX — начале XX в. Между тем, глубокое и всестороннее исследование названных вопросов могло бы существенно расширить наши представления о состоянии и уровне развития животноводческого хозяйства, характере и

направлениях его эволюции в условиях перехода от традиционного к рациональному способу его ведения.

В предлагаемой статье предпринята попытка осветить некоторые стороны деятельности сельскохозяйственных предпринимателей по улучшению животноводства в Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. При написании работы нами были использованы материалы делопроизводственной документации, статистические данные, периодическая печать, справочные издания, а также исследования по истории сибирского предпринимательства, содержащие фактическую информацию о сельских предпринимателях региона.

В сельском хозяйстве Западной Сибири наряду с земледелием важную роль играло и животноводство, которое в конце XIX — начале XX в. под влиянием изменения экономических условий в крае, вследствие включения его в систему мирового хозяйства, стало подвергаться процессу товаризации.

Развитие животноводства в Западной Сибири шло довольно быстрыми темпами. В этом отношении регион обгонял большинство районов Европейской России, а по некоторым показателям и Северный Кавказ. Динамика роста поголовья скота в Западной Сибири отражена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика роста поголовья скота, тыс. голов*

Районы страны	Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи
Западная Сибирь	1901	2317,6	2407,5	2911,3	430,2
	1913	2917,5	3615,5	3159,4	686,4
	1913 в % к 1901 г.	125,9	150,2	108,5	159,6
Северный Кавказ**	1901	1112,6	3557,6	8540,8	716,7
	1913	1652,3	2851,0	5604,8	826,5
	1913 в % к 1901 г.	148,5	80,5	66,0	115,3
Европейская Россия***	1901	19681,0	30339,5	46161,1	11680,9
	1913	21605,9	32027,1	36375,9	11099,4
	1913 в % к 1901 г.	110,3	105,6	79,0	95,0

Примечание:

* Малахинов П.И. О двух типах аграрной эволюции в России. — Улан-Уде, 1962. — С. 389.

** — Таврическая губерния, Кубанская и Ставропольская области;

*** — 50 губерний.

По темпам прироста поголовья регион значительно опережал Европейскую Россию и Северный Кавказ, уступая последнему лишь в приросте лошадей. Быстрее других возрастало количество крупного рогатого скота и свиней, что отражало специализацию Западной Сибири на производстве масла и мяса. Основной прирост приходился на период после 1908 г. Так, в 1897 г. в Акмолинской области, Тобольской и Томской губерниях насчитывалось 8305,6 тыс. голов скота в переводе на крупный, в 1908 г. — 8532 тыс., а в 1917 г. — 13873,4 тыс.¹

Для определения степени развития животноводческого производства в Западной Сибири приведем данные о количестве скота в целом, и в расчете на 100 душ сельского населения (см. таблица 2).

Таблица 2

Количество рабочего и продуктивного скота
в среднем за 1906—1910 гг.*

Административная единица	Всего скота, голов	В том числе				На 100 душ сельского населения приходилось, голов				
		лошадей	крупно-рогатого	мелкого	свиней	всего	лошадей	крупно-рогатого	мелкого	свиней
Акмолинская область	1025759	227450	361632	397649	39028	127	28	45	49	5
Тобольская губерния	3488003	861125	1200969	1168349	257560	203	50	70	68	15
Томская губерния	6244284	1714139	2058996	2042673	428476	246	68	81	80	17
Итого по Западной Сибири	10758046	2802714	3621597	3608671	725064	576	146	196	197	37

* ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 3. Л. 22; Ф. 38. Оп. 1. Д. 80. Л. 250 об.

По всем видам скота в Западной Сибири на первом месте находилась Томская, на втором — Тобольская губернии, на третьем была Акмолинская область. Аналогичная картина наблюдалась и в расчете на душу сельского населения. По последнему показателю Западная Сибирь превосходила даже Европейскую Россию. Так, по

данным за 1914 г. в европейской части России на 100 сельских жителей приходилось лошадей — 16,5, крупного рогатого скота — 23,6, мелкого скота — 30,7, свиней — 10,1 головы².

Основными факторами, влияющими на развитие животноводства, являются: во-первых, благоприятные природные условия; во-вторых, величина территории и плотность населения; в-третьих, навыки населения и его культурность; в-четвертых, спрос на продукты животноводства и возможности их транспортировки. Причем, как указывают специалисты, любые два из вышеперечисленных факторов служат импульсом к развитию животноводства. При наличии же всех факторов создаются в той или иной степени благоприятные условия к дальнейшему расширению соответствующей отрасли животноводства, а увеличение степени значения этих факторов содействует процветанию последнего³.

Следует отметить, что второй из указанных факторов в наихудшем его состоянии — малая площадь угодий и большая плотность населения — вполне может быть исправлен третьим — культурностью населения и навыками его в скотоводстве. Так, в Дании при малой обеспеченности землею, большой плотности населения и при его значительной культурности и навыках в скотоводстве последнее развивалось и улучшалось, несмотря на рост плотности населения.

Третий фактор имеет смягчающее влияние на первый. В неблагоприятных природных условиях многое зависит от навыков и культурности населения. Последний фактор — спрос — может не иметь существенного значения, если транспортные условия не дают возможности «выбросить» на соответствующий рынок наиболее ценные, но в то же время скоропортящиеся продукты. Например, Сибирь не могла участвовать в удовлетворении мирового спроса на сливочное масло до проведения железной дороги и устройства вагонов-рефрижераторов.

Одним из решающих условий успешного развития животноводства является наличие прочной кормовой базы — пастбищ и сенокосных угодий⁴. Между кормовой базой — основой развития животноводства — и продуктивностью скота существует прямая зависимость, влияет она и на воспроизводительные способности животных. Выдающийся русский зоотехник, профессор М.Ф. Иванов, на основании своих опытов, пришел к выводу, что «корма и кормление оказывают гораздо большее влияние на организм животного, чем порода и происхождение»⁵. В этом отношении Сибирь обладала весьма благоприятными условиями — обильными пастбищами и сенокосами. В Западной Сибири различались в

основном пять видов этих угодий⁶. К первому относились пойменные луга — низкие приречные участки, заливаемые весенними водами. В поймах, за исключением низменных или не имеющих стока воды участков, имевших болотистый характер, произрастала густая питательная трава (пырей, визиль, лабазник, клевер, ромашки). Пойменные луга составляли основную часть сенокосных угодий в северной, таежной полосе, где население не использовало лесные полосы, собирая в достатке сена с пойменных лугов. В средней лесостепной полосе количество таких угодий уменьшалось, а в южной, степной они составляли лишь незначительную часть общей площади покосов.

Вторую, самую многочисленную категорию сенокосных угодий составляли «дубравные», или «колочные», лесные угодья. Они располагались или по опушкам лесов, или по лесным прогалинам, или в самом лесу. По производительности и качеству трав этот вид сенокосов значительно уступал пойменным лугам, а их уборка была затруднительной. Из трав на них преобладали клевер с тимофеевкой, а сами покосы такого рода встречались в лесостепных районах с преобладанием степи.

Третью группу сенокосов образовывали болотные покосы, которые встречались повсеместно. Хороший урожай трав на этих покосах был в сухие или умеренно-влажные годы, так как в дождливые годы большая часть площадей таких покосов оставалась под водой. Сено болотных покосов было невысокого качества — жесткие осоки, тростники, ситники.

К четвертой категории относились суходольные открытые покосы. Они играли важную роль в южной степной зоне. На юге с изменением почвы увеличивался солонцеватый характер трав, хотя, в общем, качество сена считалось очень высоким.

Наконец, к пятой категории сенокосов относились залежи, урожай на которых получались только при дождливой погоде.

Урожайность трав по основным типам сенокосных угодий можно проследить по таблице, которая была составлена Ю.Н. Вагнером в конце XIX в. и для своего времени имела огромный научный и практический интерес.

Данные таблицы показывают, что природные сенокосы Западной Сибири, при благоприятных погодных условиях, имели высокую производительность, которая была следствием выкашивания немногих, лишь наиболее урожайных, участков, а также результатом естественного обновления последних при сменном использовании обширных сенокосных угодий.

Таблица 3

**Производительность сенокосов
Западной Сибири в конце XIX в.***

Тип сенокосов	Разновидность укосных площадей	Характер урожая	Сбор сена с 1 дес.	
			в копнах	в пудах
Пойменные (заливные)	В общем по всему типу	средний	25–40	125–200
		хороший	50–60	250–300
		рекордный	70	350
	Высокого уровня	хороший	25–40	125–200
		средний	25–30	125–150
		плохой	20–25	100–125
Дубравные (лесные)	В общем по всему типу	средний	20–25	100–125
		хороший	30–35	150–175
		рекордный	40	200
Болотные	В хороший год	средний	50–60	250–300
Суходольные	В общем по всему типу	средний	20–25	100–125
	Степные в дождливый год	хороший	50–60	250–300
	Степные в засушливый год	выгорают до полных неурожаев		
Залежные	Залежь среднего возраста в благоприятный год	хороший	20–25	100–125
		средний	6–7	30–35
	Старая залежь	хороший	10	50

* Трошин И. П. История развития скотоводства Западной Сибири. Труды. — Новосибирск, 1969. — Т. 35. — С. 95.

Заслуживают внимания высказывания Ю. Н. Вагнера и о качестве сибирского сена. По свидетельству ученого, лучшим считалось сено с заливного луга. «Оно, — писал Вагнер, — питательнее всякого другого, и скот им быстро насыщается»⁷. Способность его «утолять чувство голода, то есть спорость, превышает в полтора — два раза спорость сена, полученного с сенокосных угодий большинства других категорий»⁸. К числу плохих типов сена Ю. Н. Вагнер относил сено с лесных полей. Плохим своим качеством оно было обязано «обилию в нем дурнины — крупных, сочных стеблей («дудок»), которые, с одной стороны, очень затрудняют сушку его, так что его приходится ворошить, несмотря на сухой грунт, по несколько раз;

с другой — высыхая, они делаются жесткими, неохотно поедаются скотом и остаются в виде объеда»⁹. Обилие цветов и листьев делало это сено «очень вкусным». Но по отмеченной выше причине, лесное сено очень слабо утоляло чувство голода и его нужно было в 2 раза больше, чем лугового¹⁰.

Отмеченная Ю.Н. Вагнером хозяйственная оценка различных типов сибирского сена была близка к его современной, установленной научными методами, оценке¹¹.

Основным источником получения кормов в Западной Сибири, помимо естественных сенокосов, также были пастбища, которые имели траву с хорошим ботаническим составом и питательностью. Богатство пастбищ в полной мере зависело от природных условий. В чисто степных местностях Акмолинской области пастбища имели степной и солонцеватый характер. В лесостепных районах Тобольской и Томской губерний под пастбища использовались луговые пространства, окаймляющие реки, а иногда и прилегающие к ним скаты приречных увалов¹².

Каждая категория пастбищ имела свои положительные стороны и недостатки. Травы, произраставшие на степных выгонах, считались лучше лесных, но они значительно уступали последним по урожайности, так как во время летней жары быстро выгорали. К тому же степные пастбища были плохо снабжены водой. Недостаток лесных пастбищ заключался в том, что на них скот сильно страдал от насекомых (комаров, мошки), которые мешали ему спокойно питаться подножным кормом¹³.

Налицо было и такое условие для развития скотоводства, как невысокая плотность населения. До 1913 г. на 1 кв. версту здесь приходилось менее одного жителя, для сравнения, в Европейской России — 7,1¹⁴. Следует отметить и благоприятные экономические условия. В начале XX в. как в самой России, так и за ее пределами существовал постоянный и очень устойчивый спрос на продукцию животноводства. Это отразилось на увеличении как объемов вывоза, так и цен на животноводческую продукцию в Западной Сибири¹⁵. В Томской губернии, например, цены на мясо в 1909—1913 гг. составляли к ценам на него в 1893—1898 гг. — 233%, на топленое масло и шерсть они изменились соответственно на 173% и 163%¹⁶.

Сравнительно благоприятные природные условия, наличие обширных угодий, небольшая плотность населения, спрос на продукты скотоводства при широких возможностях транспортировки и наличии соответствующих навыков населения послужили развитию животноводства, как в хозяйствах крестьян-переселенцев, так

и сельских предпринимателей.¹⁷ Неслучайно, к 1913 г. продукция животноводства в товарной части возросла и составляла достаточно высокий процент, при небольшом проценте в валовой продукции всего сельского хозяйства (см. таблицу 4).

Таблица 4

Соотношение отраслей в валовой и товарной продукции сельского хозяйства Сибири, 1913 г., в %.*

Отрасли сельского хозяйства	Процент соотношения отраслей		Отношение товарной продукции к валовой
	в валовой продукции	в товарной продукции	
Продукция полеводства	60,8	28,1	12,5
Продукция животноводства	39,2	71,9	49,7

* Брусницын А.Ф. Молочное скотоводство Сибири. — Новосибирск, 1930. — С. 92.

В конце XIX — начале XX в. основной проблемой сибирского животноводства являлась проблема улучшения местного скота, так как последний «при всех своих ценных качествах и выносливости» был малопродуктивен¹⁸. В связи с этим необходимо отметить, что улучшение могло быть достигнуто несколькими путями. Первый способ — это «приливание местному скоту иностранных кровей», или метизация¹⁹. Сельские хозяева скрещивали местный скот с желаемой культурной породой и, таким образом, получали «полукровок», которым передавались положительные качества иностранного скота. Часто прибегали и ко второму способу — к «улучшению скота в самом себе», или селекции²⁰. Суть селекции сводилась к отбору и скрещиванию лучших животных местной породы. Многие хозяева, не прибегая к способу «приливания культурной крови», отбирали лучшие экземпляры местной породы и скрещивали их между собой. Селекции подвергался и приплод. Постепенно, из поколения в поколение, этот отбор укреплял лучшие качества животного и выводил улучшенный чистопородный местный скот. «Таким путем, — отмечал А.В. Чайнов, — из всей разношерстной массы обычного местного скота, постепенно кристаллизуется местная культурная порода, соединяющая в себе и усиливающая все ценные качества, которые и раньше наблюдались у представителей местного скота, но были весьма слабо выражены... Этот прием улучшения скота медленнее, чем метизация, но зато результаты его прочны и более значительны»²¹.

Сельскохозяйственные предприниматели в Западной Сибири уделяли внимание обоим способам, но предпочтение отдавали мети-

зации²². Это объясняется тем, что последняя, хоть и являлась более затратным способом улучшения местной породы, приносила результаты быстрее, чем селекция, а следовательно, и быстрее компенсировались произведенные расходы. Предприниматели имели в этом отношении убедительные данные по выращиванию шортгорн-калмыцких метисов в Южной России. Так, если бычки калмыцкого и степного скота к 4 годам в среднем достигали веса в 26,5 пуд., то названные метисы весили в 18-месячном возрасте — 30,5 пуд., в трехлетнем — 42 пуда²³. При переводе этих данных на ежедневный прирост у того и другого скота выходило, что степной скот до четырех лет давал прирост ежедневно только на 0,72 фунта, тогда как метизированный, при тех же условиях, первые полтора года давал прирост на 2,25 фунта, в два года на 2,20 фунта и в третий год — на 1,52 фунта в день²⁴. Понятно, что такая поразительная быстрота роста должна была, при известных хозяйственных условиях, делать выращивание такого скота для мясного рынка «предприятием чрезвычайно выгодным»²⁵. Не менее благоприятные результаты давало и скрещивание степного скота с культурными молочными породами, причем увеличивалась не только молочность стада, но и его «мясность» (вес)²⁶.

Обследование 1912–1913 гг. 20 предпринимательских хозяйств Акмолинской области дает представление о соотношении различных пород скота у предпринимателей. Из 5100 голов скота местной киргизской породы насчитывалось 1813 голов (35,6%); метисов различных пород 1573 головы (30,8%); скота калмыцкой породы — 918 (18,0%); украинской — 728 (14,3%) и симментальской породы — 68 голов (1,3%)²⁷. Следовательно, сельскохозяйственные предприниматели разводили в основном местный скот и метисов различных пород, обращая внимание также и на чистопородное разведение животных.

Метизация производилась в самых различных вариантах: скрещивался скот калмыцкой, украинской, симментальской и других пород с местной породой и между собой. В хозяйстве Ф.Ф. Штумпфа было установлено мясо-молочное направление. Стадо молочных коров было скомплектовано в 1901 г., через покупку местных отборных коров. В том же году был приобретен бык для метизации и телки двух лет чистокровной симментальской породы²⁸.

Путем дальнейшей выписки чистокровных симментальских производителей из хозяйств Европейской России для «обновления крови» и тщательного подбора к 1913 г. хозяйством было сформировано стадо в 62 головы, главным образом, из метисов симментальс-

кой породы, полукровок и 6 чистокровных коров²⁹. Средний годовой удой коров с 60 пуд., под влиянием скрещивания, вырос до 130 пуд. (или увеличился на 216,6%), а у отдельных экземпляров до 190—200 пуд., при этом жирность молока составляла 4,4 — 4,8%³⁰.

Чисто молочное направление имело хозяйство Л.Д. Смолина, который так же, как и Штумпф, уделял большое внимание метизации. Но в отличие от последнего Смолин использовал в качестве культурной не симментальскую, а шортгорнскую породу. «Прилитие шортгорнской крови» отражалось как на увеличении веса на 4—6 пуд., так и на молочности. Если удой коровы местной породы в год составлял 75 пуд., то ее метисов: первой генерации — 130 пуд.; второй генерации — 210 пуд.; третьей генерации — 305 пудов³¹.

В хозяйстве Л.Д. Смолина к 1913 г. имелось 60 голов скота чистокровной породы и метисов первой — четвертой генераций. Следует отметить такой факт, что Смолин производил ежедневную запись удоев молочных коров и по десятидневным удоям вычислял стоимость молока, производимого в хозяйстве³².

Т.М. Подковыров скрещиванием скота симментальской и украинской пород пытался увеличить мясность и рабочую силу метисов³³. В хозяйстве И.М. Карзина обновление местной породы чистокровной шортгорнской увеличивало молочность и вес, а скрещивание скота симментальской и киргизской пород давало хорошую мясность и скороспелость³⁴.

Другой известный в Западной Сибири предприниматель К.И. Каллен предпочтению отдавал улучшению местной сибирской породы «в самой себе», то есть селекции³⁵. В его хозяйстве, которое находилось в Тарском уезде Тобольской губернии на арендуемой казенной земле, в 1913 г. насчитывалось 80 голов дойных коров исключительно сибирской породы, при этом последние отличались «значительно лучшими экстерьерными качествами»³⁶. Улучшение местной породы в хозяйстве К.И. Каллена также достигалось за счет хорошего кормления и содержания скота в теплых помещениях³⁷. Все указанные мероприятия значительно повышали продуктивность коров. Если в 1906 г. средний годовой удой одной коровы в хозяйстве был 88 пуд. 25 фунтов, то в 1912 г. он составил уже 107 пуд. 24 фунта³⁸.

В связи с этим следует отметить, что, несмотря на ряд отрицательных качеств (небольшой убойный вес, низкую молочность, невзрачный внешний вид), сибирская корова имела многие достоинства. Прежде всего сибирский скот обладал исключительной выносливостью, приспособленностью к местным суровым климатическим условиям. Он сравнительно легко переносил «стужу, бу-

раны, метели и вьюгу» зимой и так «тревожащих животных и людей тучи комаров, мошкары, оводов и тому подобных гнусов» летом.³⁹ Второе достоинство сибирского скота — это неприхотливость в отношении корма и ухода⁴⁰. Третья положительная черта заключается в том, что молоко местных коров отличалось необыкновенно высоким содержанием жира, составлявшим в среднем 5%, а в некоторых случаях 7 и даже 8%⁴¹. Наконец, сибирский скот был способен при надлежащем кормлении и уходе за ним быстро улучшать свои положительные качества. Об этих достоинствах сибирского скота говорили и писали специалисты, которые ежедневно сталкивались в своей практической деятельности с местными породами животных⁴².

Необходимо подчеркнуть, что все положительные качества, которыми обладал сибирский скот, не явились прямым результатом сознательной деятельности крестьян, которые якобы «на протяжении многих десятилетий... приспособили скотоводство к суровым условиям сибирской зимы» и вывели «такие породы скота, которые выдерживали морозы без утепленных помещений»⁴³. Мы не располагаем фактическими материалами, которые подтвердили бы такое мнение. Но совершенно очевидно, что качества, присущие сибирскому скоту, были выработаны не в короткий срок, а веками, и не в результате преднамеренной деятельности, а стихийно, в условиях сурового кочевого образа жизни скотоводов — аборигенов⁴⁴.

Сельскохозяйственные предприниматели Западной Сибири занимались также чистопородным разведением крупного рогатого скота. В хозяйстве И.В. Ефимова, которое находилось около г. Томска, разводили чистокровный скот голландской породы⁴⁵. Следует отметить, что И.В. Ефимову первому принадлежит инициатива выращивания в Сибири коров голландской породы. Этим делом он занимался еще с конца 80-х гг. XIX в.⁴⁶ П.И. Подаруев разводил в «чистом виде» две породы скота — симментальскую и альгаузскую. Его хозяйство находилось в Тюменском уезде Тобольской губернии⁴⁷.

При разведении рогатого скота сельскохозяйственные предприниматели в основном придерживались мясо-рабочего направления, реже мясо-молочного и чисто рабочего⁴⁸. Этим объясняется и выбор предпринимателями тех или иных пород скота. Так, серый украинский скот отличался силой, выносливостью, неприхотливостью к корму и устойчивостью в отношении различных болезней. Его качества как рабочего скота «стоят так высоко, что с ним не может спорить какая-либо другая порода»⁴⁹. Калмыцкий скот спе-

циалисты относили к рабоче-мясной породе. «Действительно, — как отмечали современники, — он отличается хорошей мясностью, нагуливает тело не трудно и для работ пригоден, хотя по силе не может сравниться с украинским»⁵⁰. Местный киргизский скот имел хорошие «мясные качества» и способность к откорму⁵¹.

На преобладание мясо-рабочего направления указывает и состав стада обследуемых в Акмолинской области предпринимательских хозяйств. В процентном отношении состав стада в последних был такой: бугаи составляли 1,4%, племенные и молочные коровы — 20,6%, молодняк — 31,0%, волы — 47,0%⁵². Таким образом, волы составляли почти половину стада, являлись главным мясным и рабочим скотом.

Как уже писалось выше, Западная Сибирь обладала значительными площадями естественных сенокосных и пастбищных угодий, что способствовало развитию животноводства. Но в начале XX в. в кормовой базе сибирского животноводства наблюдался ряд отрицательных изменений: снизился сбор сена с десятины сенокосов, стало меньше накашивать сена на одну голову, сократилась площадь выпасов, ухудшилось их качество. Так, за период с 1901 по 1910 г. в среднем по Сибири накашивалось сена с одной десятины по 99 пуд., а за время с 1911 по 1915 г. лишь по 87, или на 12 пуд. меньше⁵³. При росте укосной площади за эти годы на 21% валовый сбор сена возрос лишь на 9%⁵⁴.

Однако эти перемены не затрагивали кормообеспеченность предпринимательских хозяйств Западной Сибири. Напротив, уровень заготовки кормов в них значительно вырос, что было достигнуто, в частности, за счет вооруженности этих хозяйств новой техникой. Показателем этого может служить внедрение в сельскохозяйственное производство конных сенокосилок и конных граблей⁵⁵. В 1910 г. у населения Сибири находилось в пользовании конных сенокосилок 38,5 тыс. шт., в том числе в Западной Сибири 36,5 тыс. шт., тогда как в Нечерноземной полосе их было всего 4,6 тыс., а по Европейской России в целом — 78,3 тыс. шт.⁵⁶ В том же 1910 г. конных граблей в Сибири числилось 40,8 тыс. шт.; в том числе в Западной Сибири 38,6 тыс. шт., а в Нечерноземной полосе — 7,3 тыс. шт., по Европейской России — 96,8 тыс. шт.⁵⁷

Расширение кормовой базы скота в предпринимательских хозяйствах начала XX в. произошло и за счет посева кормовых трав — ковра, тимофеевки, люцерны, клевера и других⁵⁸. По данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., вся площадь под кормовыми травами в Западной Сибири выражалась цифрой в 18990 дес., что

по отношению ко всей посевной площади составляло 0,28%⁵⁹. В Европейской России этот показатель был соответственно — 1924871 дес. и 2,7%⁶⁰.

Материалы переписи 1916 г. позволяют сравнить состояние травосеяния на крестьянских и частновладельческих землях в Западной Сибири. Так, в крестьянских хозяйствах однолетние кормовые травы занимали 12604 дес., или 0,19% от общей посевной площади; в частновладельческих хозяйствах 70 дес., или 0,12%; многолетние кормовые травы в первых хозяйствах — 6080 дес., или 0,09%, вторых — 236 дес., или 0,43%⁶¹. В Европейской России под однолетними травами у крестьян было 390209 дес. (0,6%), у частных владельцев 188150 дес. (2,45%), под многолетними у первых 842,921 дес. (или 1,3%), у вторых 503595 дес. (6,5% от их посевных площадей)⁶². Следовательно, в Западной Сибири в крестьянских хозяйствах однолетние занимали вдвое большую площадь, чем многолетние травы; в частновладельческих хозяйствах наоборот — площадь многолетних трав в 3,5 раза превышала площадь однолетних. В Европейской России большее распространение многолетних кормовых трав наблюдалось как у частных владельцев, так и у крестьян: у первых она в 2,6 раза, а у вторых в 2 раза больше площади однолетних трав.

Хозяйственное различие между многолетними и однолетними травами проявляется уже в том, что первые, будучи раз посеянными, потребовав единовременных затрат на обработку и посев, дают прибыль хозяйству в течение нескольких лет, тогда как однолетние требуют ежегодного возобновления затрат. Еще одно отличие заключается в разнице воздействия, какое те и другие оказывают на почву. Если однолетние травы никакого положительного значения не имеют, то посевами многолетних трав на полях достигается очищение их от сорных трав и восстановление плодородия старых выпашанных и распыленных земель путем придания им комковатой структуры, благодаря которой не только повышается урожайность, но и приобретает способность стойко переносить засуху⁶³.

Имея средства на приобретение семян и владея технологией посева, сельскохозяйственные предприниматели обращали свое внимание именно на посев многолетних кормовых трав. Этим они не только способствовали кормообеспечению животноводства в своих хозяйствах, но и улучшали условия для полеводства.

Площадь посева кормовых трав в Западной Сибири хоть и была незначительной, но зато производительность таких покосов была

высокой. Посевные травы, не говоря о более высоком качестве сена, по урожайности были гораздо выше естественных сенокосов и устойчивее последних, так как в засушливые годы урожай их хотя и понижался, но не так резко, как естественных трав⁶⁴. Имеются данные за ряд лет об урожайности кормовых трав на Омском опытном поле. Так, средняя урожайность костра безостого (за 5 лет) была 229 пуд. с десятины, французской люцерны (за 7 лет) — 132 пуд. и эспарцета (за 6 лет) — 111 пудов⁶⁵.

Следует отметить и тот факт, что технология уборки высушенного сена в предпринимательских и крестьянских хозяйствах была различной. В отличие от крестьян, предприниматели в целях повышения питательности сена, при складывании последнего в скирды часто или посыпали его солью, из расчета 1–2 фунта соли на 1 пуд сена, или поливали соляным раствором. Для того, чтобы придать местным грубым кормам более удобоусвояемую форму, Е.М. Красюков обыкновенное сено укладывал рядами и проливал соляным раствором⁶⁶. Аналогичную операцию с сеном производил и Н.С. Николенко⁶⁷. При этом, как указывали наблюдатели, «такой корм подался животными с удовольствием»⁶⁸.

В конце XIX — начале XX в. в Западной Сибири произошли существенные изменения не только в организации кормовой базы сибирского животноводства, но и в технологии зимнего и летнего содержания скота. Это проявилось в том, что в рассматриваемый период распадается единый тип кормопроизводства и кормления скота. Вместо него появляются разные системы выращивания молодняка и разные типы кормления и содержания взрослого скота. Эти изменения проявились в двух направлениях. С одной стороны, у значительной части крестьян происходило ухудшение кормового режима сельскохозяйственных животных: при кормлении скота сено заменялось соломой, у телят — цельное молоко — обратом⁶⁹. С другой стороны, в предпринимательских хозяйствах наблюдалось обратное явление. Вместо однообразного кормления скота одними грубыми кормами вводился смешанный рацион при общем улучшении кормления и содержания всех групп скота⁷⁰. Обычным становилась дача концентратов, в рацион включаются корнеплоды и картофель, для скота строились теплые помещения, организовывался водопой животных на скотном дворе⁷¹.

Насколько высокой была техника ведения животноводства в зимний период в крупных предпринимательских хозяйствах и наиболее передовых государственных сельскохозяйственных школах, можно увидеть из приведенных ниже таблиц.

Таблица 5

**Кормление и содержание скота в крупных
предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в начале XX в. ***

Владелец хозяйства и его месторасположение	Количество скота, голов	Продолжительность стойлового периода	Приемы кормления и содержания скота
Ф.Ф. Штумпф Акмолинская область, Омский уезд	124	с 5—15 октября по 5—12 апреля	Коровам давались сено и мякина вволю. Дополнительно к этому с осени до февраля они получали льняной жмых по 3—4 фун. на голову, а с февраля — вместо него — овсянку и отруби, в виде посыпки на мякину. Телятам скармливались овсянка и отруби. Соль давалась всему скоту. Скотный двор теплый.
Л.Д. Смолин Тобольская губерния, Курганский уезд	200	с первой половины октября по 15 мая	За сутки коровы получали свеклы 1 пуд, парной соломы 1 пуд, сена 10 фун., отрубей 1—3 фун., льняного жмыха 1 фун. и муки 0,5 фунта. Соль давалась ежедневно по 2—4 золотника на голову. Скот поился в помещении теплой водой (8—10° С). Скотный двор теплый (13—16° С).
П.Г. Блева Томская губерния, Бийский уезд	150	с 15 октября по 20 апреля	В рацион коров входили: сено, солома, жмых (конопляный) и соль. Все корма давались без веса по 3 раза в день. Скот поился холодной водой вне помещения. Коровы содержались в пригонах под навесом, закрытых с трех сторон.

* Краткие сведения о животноводстве некоторых русских хозяйств. — СПб., 1912. — С. 1, 62; Краткие сведения о животноводстве некоторых русских хозяйств. По данным, полученным от хозяев. — Пг., 1915. — С. 2—4, 709—710, 712.

Таким образом, для предпринимательских хозяйств и сельскохозяйственных школ Западной Сибири начала XX в. была характерна высокоинтенсивная техника ведения животноводства, стоящая на уровне передовых хозяйств России и Европы.

В предпринимательских хозяйствах при формировании суточных норм для коров принимался во внимание размер удоя, хотя индивидуальных кормовых рационов для скота нигде не установ-

Таблица 5

**Кормление и содержание скота
в сельскохозяйственных школах Западной Сибири в начале XX в. ***

Сельскохозяйственная школа и место ее расположения	Количество скота, голов	Продолжительность стойлового периода	Приемы кормления и содержания скота
1	2	3	4
Школа молочного хозяйства, г. Омск	109	С конца сентября по конец апреля — начало мая	<p>Рацион коров состоял из 10 фун. сена, 10 фун. соломы, 5 фун. мякины, 15 фун. пивной дробины и концентратов (жмыхов и отрубей), даваемых в зависимости от удоя. При удое свыше 16 фун. жмыха давалось 2 фун. и отрубей 8 фун., при удое 12–16 фун. жмыха — 1 фун. и отрубей 6 фун., при удое 8–12 фун. скармливалось лишь 6 фун. отрубей и при удое 4–8 фун. их давали 4 фунта. Коровам с удоем менее 4 фун. концентратов не давалось. Сухостойным коровам скармливалось по 2 фун. отрубей. Весь скот получал соль. Водопой производился в скотном дворе, из ведра; температура воды 8–10° С. Скотный двор теплый, температура в помещении 6° С.</p>
Александринская сельскохозяйственная ферма, г. Каинск	40	С сентября по май	<p>Коровы получали 20 фун. сена, 5 фун. соломы, 8 фун. концентратов (смеси из отрубей, овсянки и жмыха) и 40 фун. свеклы. Корм скармливался из кормушек индивидуально. В 5 ч. утра давалось сено (5 фун.), в 7 ч. утра свекла и концентраты (по половине суточной дачи), в 8 ч. утра после дойки — сено (5 фун.), в 13 ч. дня и в 17 ч. вечера снова сено. После вечерней дойки, на ночь давалась солома. Соль-лизунец все время держалась в кормушках. Коровы доились 2 раза в сутки. Поение производилось в помещениях из ведра водой (температура 7–8° С). Скотный двор теплый.</p>

1	2	3	4
Казенная сельскохозяйственная школа, г. Томск	47	С октября по май	Коровам скармливалось сено клеверное и луговое, мякина (запаренная), отруби и корнеплоды. Корма скармливались из кормушек индивидуально. В 5 ч. утра раздавались мякина и отруби; в 7 ч. утра давалось пойло, в 9 ч. утра скармливалось сено клеверное, в 12 ч. дня корнеплоды, в 16 ч. дня снова пойло, в 18 ч. вечера яровая солома. Соли давалось по 8 золотников на голову ежедневно. Поение производилось в помещении водой (температура 12–15° С). Скотный двор теплый.

* Краткие сведения о животноводстве некоторых русских хозяйств. По данным, полученным от хозяев. — Пг., 1915. — С. 1; Трошин И.П. История развития скотоводства Западной Сибири. Труды. — Новосибирск, 1969. — Т. 35. — С. 104.

ливалось. Кратность кормления коров за сутки колебалась по хозяйствам от 2 до 6 раз при преобладании двух-, трехразовой раздачи. Кормление коров концентратами в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири нашло широкое применение. Помимо отрубей, зерна и муки, скармливались жмыхи. Отмечены случаи кормления скота картофелем, свеклой, морковью и другими сочными кормами⁷². Так, в хозяйстве Д.Н. Матвеева, которое находилось в Курганском уезде Тобольской губернии, в конце XIX в. в широких размерах практиковалась дача силосованных кормов из кукурузы⁷³. А впервые заготовка и скармливание скоту силоса в России началось еще в 80-е г. XIX в. в Бийском округе Томской губернии на ферме молочного хозяйства, принадлежащей инспектору Томской врачебной управы Ф.Ю. Маткевичу. Силосование зеленой массы происходило следующим образом — скошенную траву складывали в огромные ямы и солили, трава не гнила и не сохла, сохраняя все качества свежескошенной⁷⁴. Однако сочные корма были достоянием немногих хозяйств. Грубые корма были представлены естественным сеном, соломой, мякиной, также использовалось для корма скоту клеверное сено, люцерна.

В крупных предпринимательских хозяйствах тщательно подходили к процессу подготовки кормов к скармливанию — зерно размалывалось и дробилось, солома и мякина запаривалась. Широкое распространение получила дача соли⁷⁵.

В конце XIX — начале XX в. в Западной Сибири наиболее распространенным типом летнего содержания скота был выпас животных на постоянных и временных пастбищах под надзором пастуха⁷⁶. Переход от безнадзорного летнего содержания сельскохозяйственных животных на покотинах к выпасу их под присмотром пастуха явился одним из существенных достижений сибирского животноводства. Этот переход шел быстрее под воздействием развивающегося торгового животноводства и земледелия. Если в Томской и южных уездах Тобольской губернии наем пастухов был «обычным явлением», то в северной полосе Тобольской губернии, где натуральное хозяйство и в начале XX в. сохраняли свои позиции, услугами пастухов пользовались довольно редко⁷⁷.

С этого же времени впервые в Западной Сибири используемые под выпас угодья приобретают название пастбищ вместо выгонов, а сам процесс содержания животных летом стал именоваться пастбюю или выпасом вместо выгона. В сельском хозяйстве этого периода появилась новая категория наемных сельскохозяйственных рабочих — пастухов. Все это вместе взятое подняло культуру сибирского животноводства на новую ступень.

В начале XX в. произошли определенные изменения и в технике разведения крупного рогатого скота. Крестьянские хозяйства по-прежнему применяли только вольную случку коров и телок. Контроля за первым покрытием телок и использованием для случки в первый раз бычков не существовало⁷⁸. Специалисты отмечали, что при такой технике разведения животных «приплод получался маленьким, недоразвитым, с малой производительностью»⁷⁹.

В некоторых предпринимательских хозяйствах (Г.П. Шевченко, А.П. Бодылевского, С.Е. Острянина, И.М. Карзина, Ф.Ф. Штумпфа, Л.Д. Смолина, В.Р. Штейнгеля, Г.М. Попова и др.), а также на лучших молочных фермах при сельскохозяйственных школах (Каинской, Томской) существовала ручная случка скота⁸⁰. Так, в Акмолинской области из 16 хозяйств сельских предпринимателей, описанных в справочной книге Переселенческого управления, 8 хозяйств (или 50%) применяли ручную случку животных⁸¹. Появление последней было новым прогрессивным приемом в технике ведения животноводства Западной Сибири наряду с практиковавшейся в предпринимательских хозяйствах системой регулирования сроков начального использования молодняка в целях воспроизводства стада. Случка коров и телок, как правило, проходила в пастбишный период, преимущественно с апреля по июль⁸². Обращает на себя внимание большая пестрота в сроках первого покрытия телок, от полутора до трех лет⁸³. Нередко

они пускались в случку очень поздно. Это делалось с целью укрупнения животных в стаде и уменьшения процента яловых коров⁸⁴. В предпринимательских хозяйствах существовал также подбор быков к маткам, и проводилась оценка их племенных качеств.

Таким образом, несмотря на небольшой срок существования предпринимательского культурного животноводства, последнему удалось благодаря скрещиванию скота местной породы с культурной увеличить как молочность, так и мясность животных. А перечисленные приемы зимнего и летнего содержания скота, как и установление групповых кормовых рационов с учетом удоя коров, скармливание разнообразных кормов в веса, дача соли и многократное кормление, были новым явлением в практике сибирского животноводства. Идеи рационализации и интенсификации животноводческого хозяйства, зародившиеся в Европейской России, нашли свое широкое распространение и применение в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в конце XIX — начале XX в.

Сельскохозяйственные предприниматели активно способствовали развитию в регионе и культурного овцеводства, которое стало проникать в Сибирь вместе с переселенческой волной, хлынувшей после строительства Транссибирской магистрали⁸⁵. Толчком к переселению овцеводов с юга России в Западную Сибирь послужили «сильное вздрожание там земельных угодий и отсутствие для ведения крупного овцеводства достаточной величины пастбищ»⁸⁶. Так, если в 1881 г. арендная плата за десятину выпаса в южной части России колебалась от 90 коп. до 1 руб. 50 коп., то в 1911 г. она составляла от 8 до 9 руб. за десятину. Стоимость выпаса одной овцы в 1881 г. не превышала 1 руб., а в 1911 г. составляла уже от 3 до 4 руб.⁸⁷ Вследствие распашки пастбищ и повышения арендных цен на землю многие районы Европейской России, ранее считавшиеся центрами овцеводства, вынуждены были ликвидировать до 70% своих овцеводческих хозяйств⁸⁸.

Такое положение дел и заставило овцеводов «искать» новые земли для своих стад в других районах России. Наиболее благоприятным районом являлась Западная Сибирь, главным образом ее южная часть, которая манила последних «своим привольем степей и широким простором»⁸⁹.

Первоначальным районом распространения культурного овцеводства являлась полоса, примыкающая к Сибирской железной дороге между городами Омском и Петропавловском⁹⁰. Но со временем, эта отрасль животноводства, разрастаясь, отходила от железной дороги в глубь степи, вверх по Иртышу, а также в Ишимский и Тюкалинский уезды Тобольской губернии⁹¹.

«Пионером» тонкорунного овцеводства в Западной Сибири был выходец из Таврической губернии Т.Е. Колмаков, в 1900 г. основавший свое хозяйство около г. Омска на купленной и арендованной земле⁹². Осенью того же года Колмаковым были доставлены по железной дороге 300 овец, которые, благополучно перезимовав, показали предпринимателю возможность ведения в крае тонкорунного овцеводства в широких масштабах⁹³. Его примеру последовали и некоторые другие овцеводы Крыма, Кубани и Дона — В.И. Сыромля, А.И. Даниленко, А.Ф. Гехтерь, И.М. Левашов, Ф.М. Булгаков, Г.М. Попов, Я.И. Романенко, Г.И. Мазаев и др.⁹⁴. К 1905 г. в районе западного участка Сибирской железной дороги насчитывалось уже 15 овцеводческих хозяйств, причем данная отрасль животноводства в них имела промышленный характер⁹⁵.

В нашем распоряжении имеются статистические данные ветеринарного врача М.Ф. Лозовских, который в 1904 г. обследовал 15 предпринимательских хозяйств овцеводческого типа в Западной Сибири. В этих хозяйствах на момент обследования имелось 18328 овец, среди которых тонкорунные овцы составляли 90,4%⁹⁶. Преобладающими породами разводимых овец были мазаевская и испанская, имелись и французские мериносы породы рамбулье. Кроме тонкорунных овец, предприниматели в своих хозяйствах держали каракулей и овец киргизской породы⁹⁷. Часть животных была доставлена в Сибирь по железной дороге, часть гоним по степи через Оренбург⁹⁸.

Климатические условия Западной Сибири культурные породы овец переносили хорошо, особенных заболеваний не отмечалось⁹⁹. Овцеводов больше всего тревожила не проблема адаптации овец к новым природным условиям, а вопрос качества корма. Ковыльное (степное) сено, каким в большинстве случаев располагали предпринимательские хозяйства, хотя по своим удобоусвояемым качествам и являлось хорошим, но им не всегда можно было пользоваться. Семена ковыля, после вызревания, негативно действовали на овец. Они сильно загрязняли шерсть, а при попадании в глаза овцы вызывали слепоту¹⁰⁰. Эти причины заставляли овцеводов заготавливать сено как можно раньше, до того как вызреет ковыль, а также выстригать овцам головы, чтобы при еде ковыль не так «приставал» к животным¹⁰¹. Следует отметить, что овцеводы стремились использовать вместо ковыльного больше лугового или залежного сена для того, чтобы уменьшить негативное воздействие ковыля на овец и тем самым снизить процент выбраковки¹⁰². Другим средством борьбы с названным явлением предприниматели считали последовательную перепашку

степи, которая не только устраняла из растительного покрова ко-
вель, но и вообще повышала урожайность трав¹⁰³.

Продолжительность подножного кормления овец в предприни-
мательских хозяйствах в среднем составляла 206 дней, с 10 апреля
по 3 ноября, и зависела от состояния снежного покрова¹⁰⁴. Во вре-
мя стойлового периода кормили животных исключительно сеном,
из расчета 4 фунта в день на одну голову и содержали в теплых
помещениях различного типа¹⁰⁵.

Район распространения тонкорунного овцеводства не имел ес-
тественных водоемов и предприниматели вынуждены были соору-
жать колодцы. В 15 хозяйствах имелось 25 колодцев и 2 пруда с
пресной водой, которые могли напоить от 1 тыс. до 20 тыс. овец¹⁰⁶.

Для ухода за животными в хозяйствах имелись постоянные на-
емные рабочие — чабаны и пастухи. Первые, приехавшие вместе с
предпринимателями из Европейской России, получали от 150 до
200 руб., вторые — от 60 до 120 руб. в год. Все рабочие находились
на содержании у владельцев хозяйств¹⁰⁷.

Стрижка овец производилась один раз в год — в середине мая.
Стригли тонкорунных овец вручную ножницами. В предприни-
мательских хозяйствах проводили опыты по применению машины для
стрижки овец, но они оказались неудовлетворительными, так как
тонкорунные овцы имели большую сернистость шерсти¹⁰⁸.

Разводимые в регионе новые породы овец отличались высокой
продуктивностью. С одной овцы предприниматель мог получить, в
зависимости от возраста и породы последней, в среднем от 11 до 26
фунтов немытой шерсти, лучшие бараны давали до 1 пуд., а самки
до 17 фунтов¹⁰⁹. Для сравнения, выход шерсти у киргизской овцы в
среднем был от 5 до 7 фунтов, а у овцы местной породы в Томской
и Тобольской губерниях от 3 до 4 фунтов¹¹⁰. Шерсть сбывалась в
Харьков, Москву, реализовывалась на местном рынке по цене от 8
до 12 руб. за пуд¹¹¹. Сибирская шерсть мериносовых овец при про-
мывке давала на 3,5 фунта больший выход чистой, нежели кавказ-
ская. И вообще, по мнению специалистов, она была чище, длин-
нее, тоньше и легче южно-русской шерсти, что объяснялось как
качеством корма, так и характером пастбищ¹¹².

Важнейшим вопросом, несомненно, является вопрос о расходах
по хозяйству, а вместе с тем и о его общей доходности. Систематизи-
рованных статистических данных по этой проблеме у М.Ф. Лозовс-
ких нет, да и не могло быть на момент обследования хозяйств в 1904 г.,
которые находились в стадии становления. Известно, что годичный
расход на содержание хозяйства у Я.И. Романенко и А.П. Бодылев-

ского определялся в 1600 руб., а на одну овцу в 1 руб. 48 коп.¹¹³ Последняя цифра была явно завышенной, так как в их хозяйстве имелась запашка в 80 дес., а значит, часть общих расходов по аренде, обработке, постройкам должна приходиться и на нее. В чисто овцеводческом хозяйстве В.Ф. Фомина все расходы на содержание овец определялись в 1400 руб., или на одну овцу — 1 руб. 04 коп.¹¹⁴

В целом, разведение тонкорунных овец в Сибири было прибыльным делом. По подсчетам В. Женина, чистый доход от овцы в среднем на стадо, не считая стоимости приплода, был от 1 руб. до 2 руб. 50 коп.¹¹⁵ В хозяйстве Т.Е. Колмакова, учитывая расходы на аренду земли, уход и зимнее содержание, чистая прибыль на одну овцу составляла 2 руб.¹¹⁶

Такова была общая характеристика овцеводческих предпринимательских хозяйств в начальный период их становления в Западной Сибири. Но со временем в этой отрасли животноводства произошли определенные изменения, и это подтверждается обследованием предпринимательских хозяйств Акмолинской области в 1912–1913 гг. Если в начале XX в. основным направлением промышленного тонкорунного овцеводства в Западной Сибири являлось производство шерсти, то к 1912–1913 гг. оно приобрело ярко выраженный мясо-шерстный профиль. Доказательством этому служит изменение в соотношении разводимых предпринимателями пород овец. Так, в 1904 г. преобладающими породами были «мазаевская» и «испанская», которые отличались особым качеством и строением шерсти «с правильной извитостью отдельных очень тонких волосков и параллелепипедообразною формою косичек, которые они образуют, соединяясь вместе по несколько»¹¹⁷. В 1912–1913 гг. основной породой в предпринимательских хозяйствах становится рамбулье и ее метисы, как наиболее продуктивные в производстве мяса и шерсти¹¹⁸. Некоторые предприниматели делали попытки разведения овец чисто мясных пород, но они оказались неудачными из-за местных кормов¹¹⁹.

Правда, изменение направления развития промышленного овцеводства в Западной Сибири почти не затронуло половозрастной состав овечьего стада. Процентное отношение в стаде баранов, валухов, маток и молодняка в 1904 г. было соответственно — 4,0%, 3,0%, 66,0%, 27,0%; в 1912–1913 гг. — 3,9%, 26,3%, 54,2%, 15,6%¹²⁰. Значительный процент маток можно объяснить относительно большой смертностью ягнят, что являлось вполне понятным при местных климатических условиях и малодоступной помощи ветеринарных служб¹²¹. Поэтому и было необходимым иметь большее количество маток, чтобы компенсировать эту постоянную потерю в приплоде. Малый процент яг-

нят в 1912—1913 гг. вызван также неурожайным 1911 годом, когда многие предприниматели, желая по возможности сократить расходы на корм, специально оставляли некоторую часть овец яловыми¹²².

Как и прежде, развитие тонкорунного овцеводства оставалось доходным делом и, не случайно, поголовье овец в предпринимательских хозяйствах постоянно увеличивалось¹²³. Если в 1904 г. в 15 хозяйствах насчитывалось 18328 голов тонкорунных овец, то в 1912—1913 гг. в 17 хозяйствах их было уже 46001 голова¹²⁴. При этом абсолютный прирост составил 27673 овцы, а темп роста и темп прироста за этот небольшой промежуток времени, соответственно, 250% и 150%¹²⁵. Более того, успешное развитие овцеводства давало основание местным предпринимателям надеяться на открытие в регионе фабрик для переработки шерсти¹²⁶.

В предпринимательских хозяйствах Западной Сибири значительное место занимала и такая важная отрасль животноводства, как коневодство. Развитию коневодства способствовала, во-первых, дешевизна земли, вернее арендной платы за нее. Но в некоторых районах, возле крупных населенных пунктов, железной дороги и водных артерий, цена ее со временем значительно увеличилась. Последнее обстоятельство, в будущем, могло явиться основной причиной малой рентабельности коневодства. Во-вторых, коневодство в Западной Сибири имело обеспеченный сбыт лошадей в военное ведомство по достаточно высокой цене¹²⁷. Следует отметить и неблагоприятные факторы, препятствовавшие развитию коневодства в крае. Прежде всего к ним следует отнести суровые природно-климатические условия, а также частые эпизоотии¹²⁸. При отсутствии своевременной ветеринарной помощи, эпизоотии сильно затрудняли развитие коневодства в Западной Сибири¹²⁹.

По характеру коневодства можно выделить три типа предпринимательских хозяйств. К первому относились хозяйства, которые занимались конезаводством, то есть разводили лошадей с целью производства и выращивания приплода, ко второму — хозяйства, где лошади содержались в небольшом количестве, главным образом, для ремонта собственного стада рабочих животных. Наконец, последний тип хозяйств преследовал в коневодстве обе вышеназванные цели.

По данным Н. Зефирова, из 20 предпринимательских хозяйств, обследованных им в Акмолинской области, 17 хозяйств (или 85%) занимались коневодством в том или ином направлении¹³⁰.

Конезаводство получило широкое распространение в крупных предпринимательских хозяйствах, имевших возможности для его правильной организации. Наиболее известными конезаводчиками

в Западной Сибири были — Ф.М. Лебской, братья Г.П. и Д.П. Шевченко, Ф.Ф. Штумпф в Акмолинской области; братья А.Д. и С.Д. Кондратовы, П.А. Липатников, Д.И. Смолин в Тобольской губернии; И.Л. Фуксман и А.Г. Ушков в Томской губернии¹³¹.

Основным направлением в конезаводстве являлось, с одной стороны, производство ремонтной лошади, соответствующей требованиям военного ведомства, с другой — выведение рабочей-упряжной лошади путем метизации местной породы¹³². Так, на конном заводе Ф.Ф. Штумпфа для улучшения и облагораживания лошадей киргизской породы в 1901 г. был приобретен в г. Уфе на заводе М.И. Ловейко чистокровный производитель рысистой породы¹³³. Основные цели, которые имелись в виду при прилитии местной лошади крови культурной породы, заключались — в увеличении роста при общем улучшении экстерьера, в придании более быстрого (легкого) хода и в сохранении выносливости в отношении местного сурового климата, плохих дорог и неприхотливости к корму¹³⁴. В 1910 г. завод имел 56 лошадей рабочей-упряжной сорта, а в 1911—1912 г. только маток имелось уже 84 головы¹³⁵. В 1912 г. завод встал на новый путь работы, а именно, выращивание ремонтной лошади, для чего был организован отдел лошадей верхового сорта. По указанию председателя Ремонтной комиссии Сибирского района, ведавшего поставками лошадей в армию, в этот отдел были приобретены 22 кобылы в Томской губернии и пополнен состав жеребцов производителями английской породы. Все эти мероприятия привели к тому, что в 1915 г. племенной состав конного завода Ф.Ф. Штумпфа состоял из 98 лошадей¹³⁶. Следует отметить, что приплод завода регистрировался в Главном управлении государственного конезаводства, которое выдавало владельцу соответствующие удостоверения¹³⁷.

Сельскохозяйственные предприниматели, которые занимались конезаводством, имели на своих заводах большое количество как породистых, так и местных лошадей. У Ф.М. Лебского их было 250 голов, П.А. Липатникова — 88, братьев Кондратовых — 87, И.А. Ушкова — 64¹³⁸. Все конные заводы предпринимателей находились на учете в Главном управлении государственного конезаводства.

Значительное распространение в предпринимательских хозяйствах получило и выращивание лошадей для ремонта стада рабочих животных в своих хозяйствах. В этом случае уделяли основное внимание лошадям рабочего сорта¹³⁹. Так, в хозяйствах Л.Д. и Д.И. Смолиных разводили тяжеловозов брамансонской породы. Но при этом, имелись чистокровные английские и орловские рысаки¹⁴⁰. Ф.В. Серебрянников также выращивал рабочих лошадей, хотя в его хо-

зайстве, которое находилось в Тюкалинском уезде, было установлено смешанное направление в коневодстве¹⁴¹.

Для сельскохозяйственных работ, требующих применения лошадиной силы (сенокосения, уборки хлебов, молотбы), использовались в большинстве случаев лошади киргизской породы. Они, отличаясь выносливостью при работе, имели распространение в предпринимательских хозяйствах, которые держали лошадей только для производственных нужд¹⁴². В хозяйстве И.Т. Калмыкова для сельскохозяйственных работ имелось 65 лошадей киргизской породы, у К.К. Эзау их было 100¹⁴³.

Сельскохозяйственные предприниматели в зимний период держали лошадей в теплых помещениях — базах. Тебеневание (зимний выпас) ими не практиковалось¹⁴⁴. В предпринимательских хозяйствах кормовой рацион для лошадей был разнообразным. Скармливалось сено, солома, овес, концентрированные корма. При летнем выпасе лошади получали подкормку из овса, сена, отрубей или ячменной муки¹⁴⁵. Предпринимателями применялась в основном ручная случка, но иногда практиковалась и косячная¹⁴⁶.

Главным покупателем лошадей, как было указано выше, являлось государство в лице военного ведомства. Велась продажа лошадей в племенных целях, а также местному населению¹⁴⁷. Следует отметить и такой факт: очень часто местное население использовало в своих хозяйствах производителей из предпринимательских хозяйств¹⁴⁸. Так, на конном заводе Ф.Ф. Штумпфа до 1916 г. было случено 268 маток, из которых 32 принадлежали городским жителям, 89 — землевладельцам и арендаторам, 147 — окрестным крестьянам¹⁴⁹. В целом, коневодство в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири получило достаточно широкое развитие и распространение.

Для полноты характеристики состояния животноводства в хозяйствах сельских предпринимателей необходимо остановиться на свиноводстве, которым занималось около 45% хозяйств животноводческого профиля¹⁵⁰. Разведение свиней в предпринимательских хозяйствах происходило, во-первых, для скармливания остатков от технических производств и продажи откормленных животных на сало и мясо, во-вторых, свиноводство, в меньшей степени, развивалось в племенных целях — для продажи поросят¹⁵¹.

Племенным свиноводством в Западной Сибири занимались Л.Д. Смолин и И.Ф. Резин в Тобольской губернии, Е.Х. Сизов в Томской, Г.П. Шевченко, Ф.Ф. Штумпф, А.П. Бодылевский, С.Е. Острянин в Акмолинской области¹⁵². Названные предприниматели разводили свиней мясной йоркширской породы, а также скрещивали их с местной породой. В продажу поступали только чистопородные поросята¹⁵³.

Племенные производители (свинки и хрячки) приобретались сельскохозяйственными предпринимателями в различных хозяйствах и питомниках племенных свиней Европейской России¹⁵⁴.

Следует отметить, что в предпринимательских хозяйствах с племенным свиноводством также производился периодический откорм части свиней для экспорта мяса за границу¹⁵⁵.

В более широких размерах велось свиноводство с целью скармливания остатков от различных производств¹⁵⁶. В этом случае разводили в основном свиней йоркширской, беркширской и местной пород. Откорм производился в осенние месяцы, начиная с августа или сентября. Убойный вес откормленного животного достигал 15 пудов¹⁵⁷. После откорма свиньи или продавались на местном рынке, или забивались для собственного потребления¹⁵⁸.

Таким образом, в предпринимательских хозяйствах свиноводство являлось вспомогательной отраслью животноводства, несмотря на достаточно большой абсолютный размер продуктивности свиней. В отличие от других сельскохозяйственных животных у свиньи выход чистого мяса достигал 81% от живого веса, и, следовательно, выращивание их было достаточно доходным занятием¹⁵⁹.

Подводя итог, необходимо отметить, что в конце XIX — начале XX в. в сибирском животноводстве произошли определенные изменения, которые затронули, главным образом, предпринимательские хозяйства. Сельскохозяйственные предприниматели, изменив приемы содержания и методы разведения животных, установив разнообразные кормовые рационы, проведя комплекс мероприятий для улучшения племенных и продуктивных качеств животных существующих пород, подняли животноводство в своих хозяйствах на более высокий уровень. В отличие от крестьянских хозяйств, организация и технология животноводства в предпринимательских хозяйствах была более рациональной. «Все начинания в области массового улучшения по животноводству, — как точно заметил военно-ветеринарный инспектор Островский, — для того, чтобы стать жизненными и продуктивными, должны строго соответствовать экономическим потребностям и запросам данного момента того населения, среди которых такие начинания намечаются к проведению, а также должны строго согласовываться с естественно-историческими условиями и этнографически-бытовыми чертами населения»¹⁶⁰. Комплексные мероприятия сельскохозяйственных предпринимателей в области улучшения качественной стороны животноводства, соответствуя естественно-историческим условиям и потребностям местного населения, оказывали большое позитивное влияние на процесс развития капиталистических отношений в Западной Сибири.

Примечания:

- ¹ Статистический ежегодник России 1914 г. — СПб., 1914. — С. 93–94; *Огановский Н.П.* Народное хозяйство Сибири. — Омск, 1921. — С. 172–173. Подсчеты автора.
- ² Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. — Пг., 1917. — С. 259–260.
- ³ *Брусицын А.Ф.* Молочное скотоводство Сибири. — Новосибирск, 1930. — С. 88.
- ⁴ Труды Омского сельскохозяйственного института имени С.М. Кирова. — Омск, 1961. — Т. 44. — С. 133.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: *Асаханов И.А.* Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1975. — С. 208–209; *Чуркин К.А.* Природа и крестьянство Сибири (вторая половина XIX — начало XX века). — Омск, 1995. — С. 77–78.
- ⁷ Цит. по: *Трошин И.И.* История развития скотоводства Западной Сибири. Труды. — Новосибирск, 1969. — Т. 35. — С. 96.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Подробнее см.: *Иржичко В.И.* Вопросы развития сырьевой базы сибирского маслоделия // Труды Омского сельскохозяйственного института имени С.М. Кирова. — Омск, 1961. — Т. 44; *Кравченко Н.А.* Разведение сельскохозяйственных животных. — М., 1963; Основы животноводства. — М., 1988. — С. 87–107.
- ¹² *Чуркин К.А.* Указ. соч. — С. 78–79; Сельский вестник. — СПб., 1908. — №14. — С. 6–8.
- ¹³ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 424. Лл. 5 об.–6; ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2289. Лл. 34–34 об.; *Асаханов И.А.* Указ. соч. — С. 214.
- ¹⁴ *Свешников Н.А.* Экономика Сибири в период империализма. — М., 1975. — С. 22; *Винокуров М.А., Суходолов А.П.* Экономика Сибири 1900–1928. — Новосибирск, 1996. — С. 67.
- ¹⁵ ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 80. Л. 250 об.; Труды Второго Западно-Сибирского съезда представителей учреждений мелкого кредита в г. Томске. — СПб., 1913. — С. 118; *Головачев П.М.* Экономическая география Сибири. — М., 1914. — С. 53–54; Омск — естественный центр первого сельскохозяйственного института в Западной Сибири. — Омск, 1914. — С. 92–101; *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября. — Иркутск, 1966. — С. 365.
- ¹⁶ Сельское хозяйство Сибирского края. — Новосибирск, 1926. — Вып. 1. — С. 141; *Трошин И.И.* Указ. соч. — С. 88.
- ¹⁷ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. — СПб., 1913. — С. 70–153, 209–225; *Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1914–1915 гг.* — Пг., 1915. — Отдел 3. — С. 3–8, 103–104, 108, 212–215; Обзор Акмолинской области за 1905 год. — Омск, 1906. — С. 28.
- ¹⁸ Труды Омского Отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства. — Омск, 1902. — Вып. 1. — С. 47.
- ¹⁹ Сельскохозяйственная жизнь. — Омск, 1914. — №6. — С. 6.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Цит. по: Сельскохозяйственная жизнь. — Омск, 1914. — №6. — С. 6.
- ²² Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... С. 70–153, 209–225; Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912 г. —

- Омск, 1912. — С. 255–256; Труды съезда деятелей по молочному хозяйству и скотоводству в г. Омске в 1904 г. — Омск, 1906. — С. 107–108; Омский телеграф. — Омск, 1911. — №209. — С. 2; ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 294. Лл. 228–230 об., 236 об., 237–237 об., 238, 239 об., 240, 243; ГАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 26. Лл. 10–10 об.
- ²³ Труды Омского отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства... — С. 48.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Зефиров Н.* Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства в Акмолинской области. — Омск, 1914. — С. 11–12.
- ²⁸ ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 107. Л. 5; Ф. 119. Оп. 1. Д. 26. Л. 10; Нужды западно-сибирского сельского хозяйства. — Омск, 1913. — №6. — С. 13.
- ²⁹ Нужды западно-сибирского сельского хозяйства. — Омск, 1913. — №6. — С. 13.
- ³⁰ Там же. Подсчитано нами.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 108–109.
- ³⁴ Там же. — С. 144.
- ³⁵ ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 294. Л. 243; Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 212.
- ³⁶ Там же. Ф. 580. Оп. 1. Д. 297. Л. 14.
- ³⁷ Там же. Л. 12; Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 213.
- ³⁸ ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 297. Л. 18 об.—19.
- ³⁹ *Асалханов И.А.* Указ. соч. — С. 261.
- ⁴⁰ Там же. — С. 223; ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2793. Л. 269 об.
- ⁴¹ Отчет Омской испытательной лаборатории по молочному хозяйству за 1907 год. — СПб., 1909. — С. 7–8.
- ⁴² См.: Сибирское сельское хозяйство. — 1912. — №3; 1916. — №1, 2; Сибирский земледелец и садовод. — Томск, 1911. — №6; Обзор Акмолинской области за 1914 год. — Омск, 1915. — С. 25; *Асалханов И.А.* Указ. соч. — С. 223–224, 261.
- ⁴³ *Токавкин В.Г.* Указ. соч. — С. 353.
- ⁴⁴ Об организации мероприятий по улучшению пород скота и лошадей в Акмолинской области // Журналы областных агрономических совещаний за 1911 г. — Омск, 1915. — С. 54–60; *Стебнев И.И.* Сельское хозяйство Акмолинской губернии. — Омск, 1924. — С. 36–37.
- ⁴⁵ Сибирская жизнь. — Томск, 1899. — №74. — С. 2.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Сибирская жизнь. — Томск, 1899. — №128. — С. 2.
- ⁴⁸ *Зефиров Н.* Указ. соч. — С. 12; *Брусницын А.Ф.* Молочное скотоводство Сибири. — Новосибирск, 1930. — С. 98, 102; ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 106. Лл. 1, 8; Д. 107. Лл. 5, 9, 13, 24, 26.
- ⁴⁹ Настольная книга русского земледельца, или Руководство для годового круга крестьянских работ. — М., 1993. — С. 440–441.
- ⁵⁰ Там же. — С. 443–444.
- ⁵¹ Там же. — С. 444–445.

- ⁵² Зефилов Н. Указ. соч. — С. 12.
- ⁵³ Трошин И.П. Указ. соч. — С. 93–94.
- ⁵⁴ Там же. — С. 94.
- ⁵⁵ ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2098. Лл. 21, 335; Д. 2258. Л. 227 об.; Д. 2576. Л. 19 об.; Д. 2659. Лл. 22–25; Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 82, 102, 117, 132, 143; Мертвый инвентарь в хозяйстве сельского населения Акмолинской области. — Омск, 1917. — Вып. X. — С. 8–9.
- ⁵⁶ Трошин И.П. Указ. соч. — С. 94. К Нечерноземной полосе относились пять экономических районов страны: Белорусский (губернии: Гомельская, Витебская и другие), Приозерный (губернии: Петербургская, Псковская и другие), Центрально-Промышленный (губернии: Владимирская, Московская и другие), Северный (губернии: Архангельская и другие) и Приуральский (губернии: Вятская и другие).
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2289. Лл. 86 об.; Д. 2576. Лл. 20 об.–21; Ф. 209. Оп. 1. Д. 731. Л. 25; Сельскохозяйственный сборник. — Омск, 1913. — С. 86.
- ⁵⁹ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). — Пг., 1917. — Вып. 3. — С. 24, 30, 42, 48. Подсчитано автором. В подсчетах к Западной Сибири мы отнесли Тобольскую и Томскую губернии, Акмолинскую и Семипалатинскую области.
- ⁶⁰ Колесников Г.И. Травосеяние в Западной Сибири. — Омск, 1923. — С. 90.
- ⁶¹ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года... — С. 24, 30, 42, 48.
- ⁶² Колесников Г.И. Указ. соч. — С. 90.
- ⁶³ Там же. — С. 10, 15.
- ⁶⁴ Там же. — С. 6; Леонтьев Г. Посевные кормовые травы и их возделывание в Сибири. — Новоиколаевск, 1925. — С. 8; Сельскохозяйственный сборник. — Омск, 1913. — С. 86.
- ⁶⁵ Колесников Г.И. Указ. соч. — С. 31.
- ⁶⁶ Зефилов Н. Указ. соч. — С. 13.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 72–73, 84–85.
- ⁶⁹ Трошин И.П. Указ. соч. — С. 59; Асалханов И.А. Указ. соч. — С. 249–250.
- ⁷⁰ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 70–153, 209–225.
- ⁷¹ Там же; ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2098. Лл. 20, 33, 335 об. 336, 339; Д. 2258. Л. 226; Д. 2099. Лл. 366–369; ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 294. Лл. 230–230 об., 237–237 об., 238–238 об., 243; Д. 297. Лл. 14–17; Ф. 479. Оп. 5. Д. 6. Лл. 3 об.–4; Ф. 147. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.
- ⁷² ГАОО. — Ф. 119. — Оп. 1. — Д. 18. — Л. 15 об.
- ⁷³ ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 417. Оп. 1. Д. 113. Л. 34–34 об.
- ⁷⁴ Трошин И.П. Указ. соч. — С. 105; Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX вв.). — Барнаул, 1999. — С. 82.
- ⁷⁵ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 124–127; Зефилов Н. Указ. соч. — С. 13.
- ⁷⁶ ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 281. Л. 8; Д. 297. Л. 15; ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2793. Л. 268 об.
- ⁷⁷ Трошин И.П. Указ. соч. — С. 108.

- ⁷⁸ Асалханов И.А. Указ. соч. — С. 259; Брусницин А.Ф. Указ. соч. — С. 145—146.
- ⁷⁹ Сибирский земледелец и садовод. — Томск, 1910. — №2.
- ⁸⁰ Краткие сведения о животноводстве некоторых русских хозяйств. По данным, полученным от хозяев. — Пг., 1915. — С. 2, 709.
- ⁸¹ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 89, 99, 103, 112, 125, 134, 144—145, 151. Подсчитано автором.
- ⁸² Там же. — С. 70-153; Трошин И.П. Указ. соч. — С. 110—111.
- ⁸³ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 125, 135, 145; Краткие сведения о животноводстве некоторых русских хозяйств... — С. 2, 709, 711, 712, 714.
- ⁸⁴ Зефиоров Н. Указ. соч. — С. 14.
- ⁸⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1097. Л. 30 об.; Обзор Акмолинской области за 1905 год. — Омск, 1906. — С. 27; Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912 г. — Омск, 1912. — С. 258.
- ⁸⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1700. Л. 20; Д. 260. Л. 2 об.; Азиатская Россия. — СПб., 1914. — Т. 1. — С. 574.
- ⁸⁷ Азиатская Россия. — СПб., 1914. — Т. 1. — С. 574.
- ⁸⁸ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 2033. Лл. 9—11; Записка председателя Совета Министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году. Приложение к всеподданнейшему докладу. — СПб., 1910. — С. 114; Кулешов П.Н. Овцеводство. — Пг., 1916. — С. 4; Степной край. — Омск, 1905. — №151. — С. 3.
- ⁸⁹ Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области за 1912 г. ... — С. 258.
- ⁹⁰ Степной край. — Омск, 1905. — №178. — С. 2.
- ⁹¹ Там же; Материалы по экономическому обследованию районов Сибирской железной дороги. Животноводство. — Томск, 1904. — Вып. 1. — С. 190; ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 238. Л. 5.
- ⁹² Обзор Акмолинской области за 1905 год. — Омск, 1906. — С. 27.
- ⁹³ Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1907 год. Часть гражданская. — Омск, 1908. — С. 35.
- ⁹⁴ Там же; РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1097. Л. 30 об.
- ⁹⁵ Женин В. Тонкорунное овцеводство в Сибири // Нужды деревни. — М., 1908. — №4. — С. 6—8.
- ⁹⁶ Материалы по экономическому обследованию районов Сибирской железной дороги... — С. 220.
- ⁹⁷ Там же. — С. 192—194.
- ⁹⁸ Женин В. Указ. соч. — С. 6.
- ⁹⁹ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 79—80, 95—96, 108—110.
- ¹⁰⁰ Там же. — С. 80.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Материалы по экономическому обследованию районов Сибирской железной дороги... — С. 211.
- ¹⁰⁴ Там же. — С. 210.
- ¹⁰⁵ Там же. — С. 212—214.
- ¹⁰⁶ Там же. — С. 215.
- ¹⁰⁷ Там же. — С. 218.
- ¹⁰⁸ Женин В. Указ. соч. — С. 8.

- ¹⁰⁹ Там же; Обзор Акмолинской области за 1905 год. — Омск, 1906. — С. 27; Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 70—153.
- ¹¹⁰ *Букейхан А.Н.* Избранное. — Алматы, 1995. — С. 168; Материалы по экономическому обследованию районов Сибирской железной дороги... — С. 15—16.
- ¹¹¹ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 70—153; *Женин В.* Указ. соч. — С. 8.
- ¹¹² Материалы по экономическому обследованию районов Сибирской железной дороги... — С. 222; ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 238. Лл. 9—10.
- ¹¹³ Там же. — С. 219.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ *Женин В.* Указ. соч. — С. 8.
- ¹¹⁶ Обзор Акмолинской области за 1905 год. — Омск, 1906. — С. 28.
- ¹¹⁷ Материалы по экономическому обследованию районов Сибирской железной дороги... — С. 192—194.
- ¹¹⁸ *Зефиоров Н.* Указ. соч. — С. 14; ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 238. Лл. 9—10.
- ¹¹⁹ *Зефиоров Н.* Указ. соч. — С. 14.
- ¹²⁰ Там же. — С. 15; Материалы по экономическому обследованию районов Сибирской железной дороги... — С. 220.
- ¹²¹ *Зефиоров Н.* Указ. соч. — С. 15.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 294. Л. 236 об.
- ¹²⁴ Там же. — С. 14.
- ¹²⁵ Подсчитано автором. Формулы для расчета показателей см.: *Хазанов Ю.С.* Статистика. — М., 1974.
- ¹²⁶ Обзор Акмолинской области за 1905 год. — Омск, 1906. — С. 27.
- ¹²⁷ *Зефиоров Н.* Указ. соч. — С. 11.
- ¹²⁸ Там же; ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2289. Л. 34—34 об.
- ¹²⁹ *Брусницын А.Ф.* Указ. соч. — С. 212; ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 417. Оп. 1. Д. 593. Л. 33.
- ¹³⁰ *Зефиоров Н.* Указ. соч. — С. 9. Подсчитано автором.
- ¹³¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 206. Л. 21—21 об.; ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 281. Лл. 7—9; Ф. 417. Оп. 1. Д. 591. Лл. 2, 4, 8, 16; Д. 592. Лл. 3, 5, 9, 13; Д. 594. Л. 22; Д. 700. Л. 19; Ф. 342. Оп. 1. Д. 169. Л. 27—27 об.; ГАОО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 737. Лл. 4 об., 7; Список частных конных заводов в России. — СПб., 1904. — С. 1150, 1156; Обзор Акмолинской области за 1914 г. — Омск, 1915. — С. 22—23.
- ¹³² ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2463. Л. 9; Д. 2837. Лл. 16—18; *Зефиоров Н.* Указ. соч. — С. 9—10; Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда 2—12 января 1916 г. в г. Омске. — Омск, 1916. — С. 668—670.
- ¹³³ Конный завод Ф.Ф. Штумпфа. Омский уезд. Акмолинская область. — Омск, 1916. — С. 1; Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 123.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Конный завод Ф.Ф. Штумпфа... — С. 1—2.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 128.
- ¹³⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 206. Л. 20; ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 281. Л. 7—7 об.; Ф. 417. Оп. 1. Д. 593. Л. 51; Список частных конских заводов в России... — С. 1150.

- ¹³⁹ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 93–94, 102–103, 111–112, 118.
- ¹⁴⁰ ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 417. Оп. 1. Д. 591. Лл. 2, 5, 16; Д. 593. Л. 51.
- ¹⁴¹ Список частных конских заводов в России... — С. 1151.
- ¹⁴² *Зефирова Н.* Указ. соч. — С. 10; Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 128, 139, 220, 221, 222.
- ¹⁴³ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 128, 221.
- ¹⁴⁴ Там же. — С. 75, 85, 89, 94, 124, 133; ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 237. Л. 41; Д. 281. Л. 7 об.
- ¹⁴⁵ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 74–75, 85, 89, 94, 99, 103, 107–108, 112, 124, 134; ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 281. Л. 7 об.; *Зефирова Н.* Указ. соч. — С. 10–11.
- ¹⁴⁶ ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 237. Л. 24; Д. 281. Л. 8; Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 75, 89, 94, 99, 103, 108, 112, 118, 124, 134.
- ¹⁴⁷ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 107, 112, 118, 123, 147.
- ¹⁴⁸ Там же. — С. 107, 124, 147; ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 237. Л. 24.
- ¹⁴⁹ Конный завод Ф.Ф. Штумпфа... — С. 2.
- ¹⁵⁰ *Зефирова Н.* Указ. соч. — С. 16. Подсчитано автором.
- ¹⁵¹ Краткие сведения о животноводстве некоторых русских хозяйств. По данным, полученным от хозяев. — Пг., 1915. — С. 3–4, 711, 715; *Зефирова Н.* Указ. соч. — С. 16.
- ¹⁵² Нужды западно-сибирского сельского хозяйства. — Омск, 1913. — №7. — С. 20; Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 104, 127; Ветеринарно-санитарные сведения по Акмолинской области за февраль 1913 г. — Омск, 1913. — С. 25.
- ¹⁵³ Краткие сведения о животноводстве некоторых русских хозяйств... — С. 4, 711; Нужды западно-сибирского сельского хозяйства. — Омск, 1913. — №7. — С. 20.
- ¹⁵⁴ *Зефирова Н.* Указ. соч. — С. 16; Краткие сведения о животноводстве некоторых русских хозяйств... — С. 3.
- ¹⁵⁵ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... — С. 104, 127.
- ¹⁵⁶ Там же. — С. 100, 114, 120, 142, 145, 149, 212, 221.
- ¹⁵⁷ Там же. — С. 101.
- ¹⁵⁸ Там же. — С. 100, 115, 121, 142, 145, 149; *Зефирова Н.* Указ. соч. — С. 17; ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2651. Л. 35 об.
- ¹⁵⁹ Сибирская советская энциклопедия. — Новосибирск, 1937. — Т. IV. — Стб. 789.
- ¹⁶⁰ ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2837. Л. 25.

О.В. Ищенко

Постановка учебного дела в первых сибирских вузах (конец XIX — начало XX в.)

Более века назад, в июле 1888 г., в истории Сибири произошло знаменательное событие, каким стало открытие первого высшего учебного заведения в крае — Томского университета. Ныне это один из старейших вузов страны. В XIX веке он был не только первым университетом в Сибири, но и первым высшим учебным заведением вообще на всей азиатской территории России. С момента открытия университет действовал в составе одного медицинского факультета, а в 1898 г. к нему добавился еще один факультет — юридический.

С целью организации учебного процесса и научной деятельности преподавателей и студенчества, в Томском университете к 1913 г. действовало 37 кафедр, полагающихся по уставу высших учебных заведений. Из них 6 имело статус общеуниверситетских, 19 кафедр действовало на медицинском факультете и 12 на юридическом. Кроме того, медицинский факультет имел свыше 25 кабинетов, таких как физический, минералогический, ботанический, общей химии, нормальной анатомии, гистологии, физиологии и др. На юридическом факультете в 1901 г. был организован специальный юридический кабинет, созданный с целью «доставлять студентам средства, необходимые для выполнения ими самостоятельных научных работ... и служить... помещением для ведения практических занятий в форме семинарий»¹.

Правильный ход учебных занятий в университете обеспечивали профессора и преподаватели, многие из которых занимались также и серьезной научной деятельностью.

Преподавание на медицинском и юридическом факультетах Томского университета состояло в чтении профессорами лекций и ведении практических занятий. Учебный процесс осуществлялся на основании стабильных учебных планов, утвержденных Министерством народного просвещения. При этом учебные планы медицинского факультета предусматривали преподавание на первом курсе преимущественно общенаучных дисциплин (анатомии, ботаники, зоологии, физики, органической и неорганической химии и др.);

на втором и третьем — изучение общих медицинских теоретических курсов с практическими занятиями (таких как гистология и эмбриология, патологическая анатомия, врачебная диагностика и др.); на четвертом и пятом курсах преподавались специальные предметы и велась медицинская практика. В целом доля практических занятий составляла в учебных планах около 22% от общего количества часов, но фактически удельный вес практики был выше, составляя, например, в 1895 г. 40,8%².

Однако, несмотря на многочисленные предложения собраний медицинского факультета, вопрос о специализации студентов на старших курсах так и не был решен.

Учебные планы второго факультета университета — юридического, были рассчитаны на 4 года и включали в себя меньшее число предметов, чем планы факультета медицинского. Для студентов-юристов уже с первого курса вводилось изучение наряду с общими предметами (богословием, политэкономией, статистикой) предметов специальных (энциклопедия права, история римского права, история русского права). Начиная со второго курса, все предметы носили только специальный характер.

В Томском университете существовала традиционная система преподавания, при которой все дисциплины излагались лекционно. Программа лекционного чтения устанавливалась в начале каждого семестра, и на ее основе составлялось так называемое «обозрение преподавания» с распределением лекций и практических занятий по неделям. В обозрении преподаватель указывал краткое содержание читаемого курса и рекомендованные студентам источники и учебные пособия. В дальнейшем эти фактические программы курса рассматривались советом университета и представлялись в Министерство народного просвещения на утверждение.

К числу наиболее талантливых лекторов на медицинском факультете Томского университета можно отнести С.И. Коржинского, В.В. Сапожникова, А.А. Кулябко, М.Г. Курлова, П.П. Авророва, Э.Г. Салищева, П.И. Тихова и многих других. Лекции по медицинским наукам, физиологии, фармакологии обычно сопровождалась опытами для лучшего усвоения изучаемой темы. Особенно широко практиковались на лекциях демонстрации опытов по физике и химии.

На юридическом факультете лучшими лекторами считались Н.Я. Новомбергский, М.И. Боголепов, В.А. Ульяницкий, П.И. Лященко, С.П. Мокринский, И.В. Михайловский и ряд других преподавателей. Многие из них рекомендовали студентам заранее готовиться к лекциям. Так, профессор С.П. Мокринский в отчете за 1914 г. отме-

чал: «Студентам вменялось в обязанность готовиться к каждой лекции заранее по учебнику, что освобождало лектора от необходимости тратить время на пересказ постановлений действующего права»³.

Малая нагрузка преподавателя, читающего лекции (максимально — 6 часов в неделю, а обычно — 2–4 часа), позволяла профессорам тщательно готовиться к каждому занятию, и нередко лекции являлись кратким самостоятельным научным исследованием. Многие из них стенографировались и затем издавались в виде отдельных брошюр, что облегчало студентам в дальнейшем подготовку к экзаменам.

Кроме лекций, учебные планы предусматривали и практические занятия, делившиеся на обязательные и необязательные. Как отмечалось в очерке, изданном к 25-летию Томского университета: «Факультеты придают важное значение практическим упражнениям, как средству обучения слушателей методам и приемам, которыми приобретается знание, с целью подготовки их к самостоятельному научному исследованию»⁴.

Практические занятия проводились обычно в вечернее время, и проводил их или сам преподаватель-профессор, или ассистент под руководством профессора. Студенты работали здесь небольшими группами (обычно 6–8 человек), что повышало возможности усвоения ими учебного материала.

Студенты медицинского факультета, где удельный вес практики составлял 20–30% от общего количества учебного времени, должны были участвовать в практических занятиях по гистологии, гигиене, судебной медицине, токсикологии и ряде других. В результате будущие врачи получали здесь навыки препарирования, распознавания лекарственных средств, изготовления лекарств, проведения санитарных исследований и др.

Практические занятия проводились также на юридическом факультете, представляя собой либо беседы по основным вопросам курса, либо семинарские занятия, проходившие в форме чтения рефератов. На младших курсах практические занятия проходили преимущественно в форме бесед и анализа источников. Так, по отчетам преподавателей видно, что, например, по русскому государственно-му праву профессором П.М. Богаевским практические занятия проводились как беседы по отдельным вопросам прочитанного курса. В то же время профессор М.Н. Соболев на практических занятиях по политэкономии практиковал зачитывание «отрывков из классических экономистов по теории заработной платы, которые затем разбирались и комментировались»⁵. Другая форма проведения практических занятий была применена при изучении статистики, когда сту-

дентами университета проводилось анкетирование студентов всех высших учебных заведений г. Томска на тему «Экономическое положение томского студенчества в 1913–1914 г.» с последующей обработкой полученных данных и подведением итогов⁶.

На старших курсах юридического факультета практические занятия преимущественно проходили в форме чтения рефератов по заранее выбранным темам с последующим их обсуждением. Разработка рефератов проводилась при помощи ассистентов кафедры на основе литературы, имевшейся в университетской библиотеке. Подготовленный реферат представлялся профессору и после его одобрения зачитывался на занятии в группе.

Существенным недостатком данной модели являлось, пожалуй, только одно обстоятельство — малая посещаемость студентами как обязательных, так, особенно, и необязательных практических занятий. Подобная постановка вопроса об обязательности и необязательности посещения занятий вытекала из самой системы постановки преподавания в высшем учебном заведении, рассчитанной на то, что студент должен самостоятельно стремиться к приобретению знаний. Как отмечал по этому поводу профессор юридического факультета И. В. Михайловский: «Студент взрослый и самостоятельный человек. Если он поступил в университет с целью учиться, то должен уметь и слушать лекции, и работать в библиотеке, и готовиться к экзаменам дома»⁷. С этим мнением было солидарно и большинство преподавателей.

Тем не менее, в Правилах для студентов и вольнослушателей Томского университета особо подчеркивалось, что «исправное посещение лекций и признанных обязательными практических занятий вменяется в обязанность каждому студенту»⁸.

Описанная выше система постановки учебного дела в Томском университете в основных чертах прослеживается и в учебной деятельности открывшегося в 1900 г. второго сибирского высшего учебного заведения — Томского технологического института, который к 1902 г. включал в себя 4 отделения (механическое, химическое, горное и инженерно-строительное).

Новый институт в первую очередь нуждался в квалифицированных преподавателях, которых не так просто было найти в отдаленной от крупных учебных и научных центров Сибири, поэтому для обеспечения учебного процесса в Томский технологический институт приглашались как преподаватели из Европейской России, так и многие профессора Томского университета, работавшие здесь на условиях совместительства. В то же время Томский технологический институт имел солидную научно-учебную базу, позволявшую успешно

решать задачу подготовки студентов к будущей профессиональной технической деятельности. В 1904 г., например, в составе учебно-вспомогательных учреждений Томского технологического института числились физическая лаборатория, геологический, минералогический, палеонтологический кабинеты, кабинет по горному искусству, химическая, электротехническая и металлургическая лаборатории, механические мастерские и ряд других лабораторий и кабинетов.

Система преподавания в Томском технологическом институте как в высшем учебном заведении существенно отличалась от принятой в средней школе. «... Урочная система не применима в высших учебных заведениях, — отмечал директор института Е.Л. Зубашев, — здесь находятся лица, кончившие средние учебные заведения, лица взрослые, поступившие вполне сознательно, имеющие определенную цель, а потому следить шаг за шагом за занятиями является не только лишним, но даже вредным; здесь молодые люди должны выработать в себе самостоятельность, умение разбираться самостоятельно, а потому в высших учебных заведениях предоставлена значительная свобода в распределении времени занятий; здесь принята лекционная система»⁹. Суть данной системы состояла в изложении основ наук на лекциях, «практических упражнениях» в группах и самостоятельной работе студентов вне учебных аудиторий.

Согласно учебному плану на первом курсе преподавались преимущественно предметы общие для всех отделений, такие как богословие, физика, теоретическая механика, черчение и др. На втором и третьем курсах число общих предметов было сокращено до пяти (физика, сопротивление материалов и др.), а большинство дисциплин изучалось уже в рамках специфики конкретного отделения. С четвертого курса все предметы носили специальный характер¹⁰.

Академик В.А. Обручев, вспоминая впоследствии о периоде своего пребывания в Томском технологическом институте, отмечал: «В Томском институте, чуть ли не в одном из первых, была введена более узкая специализация на старших курсах всех отделений. Задачей ее являлась подготовка инженеров, лучше подготовленных по избранной специальности, в пределах которой и выбиралась тема дипломного проекта или дипломной работы»¹¹.

Большое внимание в вузе уделялось проведению практических занятий, без которых немислима была подготовка будущих инженеров. «В особенности нужно отметить, — подчеркивалось в институтских отчетах, — исправное посещение студентами практических занятий и упражнений. Сознание полезности и важности этих занятий с одной стороны, а с другой полугодичных экзаменов

как меры, заставляющей студента более регулярно вести свои занятия и облегчающей весенние экзамены, все более и более проникают в студенческую среду»¹².

С целью практического освоения навыков будущей профессиональной деятельности для студентов предусматривалась учебным планом и летняя практика. Как отмечалось в Отчете о состоянии и деятельности института за 1904 г.: «В течение летних каникул по учебному плану студенты должны заниматься изучением практической стороны техники, для чего они командированы на фабрики, заводы, рудники, прииски, дороги и различного рода строительные работы. Общий план занятия практикой таков: студенты, переходящие с первого курса на второй, должны заниматься летом геодезической практикой...; студенты всех отделений, переходящие со второго курса на третий курс, должны ознакомиться с практикой строительного дела; студенты, переходящие с третьего на четвертый курс, летом должны уже знакомиться ближе с тем, что составляет их специальность. Студенты же, переходящие с четвертого на пятый курс, должны работать летом по своей ближайшей специальности»¹³.

Кроме того, студенты в течение года под руководством преподавателей совершали учебные экскурсии «с целью осмотра и ознакомления с различного рода заводами, мастерскими и предприятиями». Так, например, в 1904 г. студенты химического отделения под руководством преподавателей Е.Л. Зубашева и В.Н. Джонса осмотрели в Томске кожевенный, пивоваренный, винокуренный и дрожжево-винокуренный заводы¹⁴.

Высокий уровень преподавания в томском вузе, тесная связь науки с практикой отмечались всеми, кто так или иначе был связан с постановкой учебного процесса. В частности, профессор П.М. Силин, учившийся в Томском технологическом институте в период 1907—1913 гг., вспоминал: «Преподавание здесь велось на высоком научном уровне, требования к студентам были значительно выше, чем в других высших учебных заведениях. Но и институт, действительно, был прекрасным храмом науки, где были созданы хорошие условия для самостоятельной работы студентов: просторные, хорошо оборудованные лаборатории и чертежные, прекрасная и вполне доступная студентам фундаментальная библиотека. Институт выпускал инженеров высокой квалификации, которые скоро создали ему репутацию первоклассного высшего учебного заведения»¹⁵.

В то же время, существовавшая в томских вузах традиционная система обучения предусматривала и периодический итоговый контроль знаний студентов, выражавшийся в форме сдачи экзаменов.

Так, в Томском университете согласно университетскому уставу 1884 г. устанавливалась курсовая система преподавания и полукурсовые экзамены. Суть данной системы заключалась в том, что для перевода на следующий курс студент должен был сдать годовой экзамен, а для облегчения сдачи экзаменов были введены полукурсовые испытания и контрольные испытания в процессе текущей учебы, осуществлявшиеся при помощи домашних письменных работ, а также на практических занятиях посредством ответов студентов на вопросы преподавателя.

Однако текущую проверку в виде бесед в группах многие профессора университета игнорировали, считая ее «школярством». Значительно чаще в качестве промежуточной проверки знаний использовались домашние письменные работы.

Гораздо более сложными для студентов были полукурсовые испытания. Согласно утвержденным Министерством народного просвещения правилам, полукурсовые испытания делились на три части: студент, выдержавший первую часть этих испытаний, получал зачет по двум полугодиям; выдержавший испытания по второй части, получал зачет за 4 полугодия; выдержавший испытания в полном объеме — зачет за 6 полугодий. Студенты, не прошедшие полукурсовое испытание, допускались к новому испытанию только через год. Поскольку экзамены устанавливались в конце 4, 6 и 8 полугодий, посещать лекции в 3, 5 и 7 полугодиях студент получал право только после сдачи полукурсового испытания. Однако неудовлетворительная оценка не лишала права посещения лекций в следующем семестре, а несданный предмет присоединялся к следующему полукурсовому испытанию. Качество ответов оценивалось по пятибалльной системе, и выдержавшими испытание признавались те, кто получал на нем не менее трех баллов¹⁶.

Таким образом, на юридическом факультете, например, студенты должны были пройти полукурсовые испытания по энциклопедии и истории философии права, истории римского и русского права, русскому государственному праву, политической экономии и статистике, церковному, финансовому и полицейскому праву, богословию и одному из иностранных языков.

Подобная система встречала резкую критику и противодействие со стороны значительной части студенчества и профессуры, поскольку, по мнению большинства, она противоречила академической свободе. «Курсовая система, устанавливающая полукурсовые испытания... — говорилось на одном из факультетских собраний, — в качестве системы во всяком случае принудительной, исключая-

ющей свободный выбор занятий и ослабляющей самодеятельность учащихся, стоит в известном противоречии самому духу университетского преподавания»¹⁷.

Комиссия Министерства народного просвещения по реформе университетского образования в 1902 г. также выступила с критикой курсовой системы: «Эта система требует от учащихся не столько ровных и серьезных знаний в продолжение всего учебного года, сколько, главным образом, крайнего напряжения сил в экзаменационный период. Она допускает со стороны учащихся различные уловки и ухищрения, и, как бы поощряя ложь и обман, служит препятствием к прямым доверчивым и близким отношениям между профессорами и студентами»¹⁸.

В результате столь резкого противодействия Министерство народного просвещения вынуждено было уступить, отменив полукурсовые испытания и заменив их предметными. Новая система предполагала, что теперь каждый студент имеет право изучать те предметы одного или даже разных факультетов в той связи и последовательности, которые он сам свободно выбирал. Экзамены в данном случае оказывались приурочены не к курсам, а к учебным планам, которые вырабатывались факультетами и избирались студентами, как указывалось в протоколах собраний юридического факультета Томского университета, «соответственно их симпатиям и научным влечениям»¹⁹. Студент теперь сдавал экзамены лишь по тем предметам, по которым он считал себя достаточно подготовленным и в те сроки, которые ему были удобны. Для сдачи экзаменов устанавливались три сессии: зимняя, весенняя и осенняя.

В 1905 г., с началом первой революции в России, студенты добились ряда льгот в отношении сдачи экзаменов. Так, не выдержавшие экзамен в первый раз могли пересдать его через полгода; не сдавшие к концу года даже трех экзаменов не исключались, а получали право сдавать задолженности в течение года.

В Томском технологическом институте существовавшая в первые годы после его открытия курсовая система, предусматривавшая сдачу экзаменов для перевода на следующий курс, в годы первой революции также была заменена предметной.

«Томский технологический институт начал свою учебную жизнь при строгой курсовой системе, — вспоминал профессор М.А. Усов, — но после первой революции под влиянием общественного мнения, боровшегося с различными видами прежней суровой регламентации, а также под нажимом студенчества, протестовавшего против курсовой системы, которая была очень неудобна при сложных

и вообще трудно выполнимых учебных планах, эта система была заменена предметной. Предметная система в чистом своем виде характеризуется полной свободой преподавания и обучения, без ограничения последовательности прохождения дисциплин и продолжительности пребывания студентов в школе»²⁰.

Новые учебные правила Томского технологического института, принятые в 1906 г., гласили:

«1. Полный учебный курс разделяется на 10 семестров, указывается учебными планами и программами и состоит из 3-х частей; а) общеобязательной, б) обязательной для специализации, в) необязательной...

3. Для получения диплома на звание инженера избранной специальности студент должен: а) сдать все обязательные экзамены и работы, б) все обязательные экзамены и работы по соответствующей специальности и в) представить дипломную работу с защитой ее в собрании отделения.

4. Обязательная последовательность сдачи экзаменов и работ указывается графиком предметов или таблицей последовательности предметов...

14. Оценка знаний по каждому из предметов производится на экзаменах в течение всего учебного года, но не реже одного раза в месяц. Дни экзаменов объявляются деканом отделения в начале семестра.

15. Экзаменов по одному и тому же предмету нельзя держать более раза в семестре и в общей сложности не более трех раз в течение всего учебного года. Студент, получивший по одному предмету у преподавателя два раза неудовлетворительный балл, подвергается в третий раз экзамену в комиссии по назначению отделения. В случае если на экзамене в этой комиссии студент опять не обнаружит удовлетворительных познаний, он увольняется из института без прав обратного поступления.

18. Результаты экзаменов и работ оцениваются баллами: весьма удовлетворительно и неудовлетворительно»²¹.

Однако введение системы предметных испытаний привело к заметному уменьшению числа студентов, успешно переходящих с одного курса на другой. «Предметная система, применяемая у нас в чистом виде, — отмечал на факультетском собрании в 1907 г. профессор юридического факультета Томского университета Н.Н. Розин, — привела к крайнему расстройству учебной части. Масса студентов экзамены по предметам не сдает, перенося их из одного семестра в другой»²². Кроме того, значительно увеличилось количество обучающихся в высших учебных заведениях. Так, в Томском техно-

логическом институте средний срок обучения студента увеличился с 6,8 года в 1906/1907 учебном году до 9,2 года в 1915/1916 учебном году, как следствие, возросло и количество обучавшихся в нем²³.

Неутешительные результаты введения новых учебных правил были очевидны. «Предметная система, — как отмечал профессор М.А. Усов, — не могла укорениться в ТТИ (Томском технологическом институте. — О.И.), как и в других русских вузах, по ряду вполне объективных причин. Так, после почти двухлетнего перерыва в занятиях институт оказался перегруженным студентами, и его учебно-вспомогательные учреждения не могли справиться с образовавшимися «пробками»; кроме того, вообще в учебном плане ТТИ было довольно много разного рода практических занятий и графических работ, для надлежащего прохождения которых при сравнительно небольшом составе педагогического персонала требовался известный порядок в выполнении учебного плана. Как бы то ни было, но уже в 1907 г. Совет ТТИ ввел на отделениях особые «графики», определявшие известную последовательность в прохождении дисциплин»²⁴.

Таким образом, «предметная система довольно скоро после своего введения выродилась в нечто среднее между собственно предметной и курсовой системами и стала еще более трудной для студенчества, чем старая курсовая система, так как при всех ограничениях свободы обучения свобода преподавания сохранилась, а это привело к крайнему разбуханию программ предметов и к совершенному переобременению учебных планов, формально делившихся на пять лет»²⁵.

В результате в 1907/1908 учебном году происходит возврат к курсовой системе, когда студенты переводились на следующий курс только после сдачи экзаменов годового учебного плана. Срок пребывания в вузе при этом не должен был превышать определенного количества лет. Для студентов Томского университета и Томского технологического института он составлял, в частности, 6,5 года. Министерством народного просвещения были установлены и так называемые учебные минимумы, то есть минимальное количество экзаменов, которые должен был сдать студент для перехода на следующий курс. Так, в мае 1908 г. на заседании Совета Томского технологического института были утверждены следующие нормы: на первом курсе учебный минимум составил 5 экзаменов, на втором — 10. После трех переэкзаменовок студент исключался из вуза без права восстановления²⁶.

Введение новых учебных правил вызвало массовые волнения студентов, поскольку грозило исключением большому числу тех, кто за период действия предметной системы не набрал необходимого количества зачетов. Кроме того, подобные действия прави-

тельства расценивались вузовской молодежью как попытки ликвидации последних элементов автономии высшей школы, как вмешательство во внутреннюю жизнь учебных заведений. Выступления студентов Томского технологического института в 1908 г. по поводу введения учебного минимума вынудили совет института пойти на уступки. На заседании 15 ноября 1908 г. совет постановил: «Лица приема прошлых годов, которые не будут иметь к концу учебного года требуемого числа зачетов, все-таки не будут уволены, если в текущем 1908/1909 учебном году они получают не менее 5 зачетов»²⁷. Но смягчение правил оказалось временным, и осенью 1909 г. они были восстановлены в полном объеме.

Данные учебные правила неоднократно служили причиной студенческих выступлений. Так, невзирая на ходатайство совета Томского технологического института, в феврале 1913 г. за несдачу минимума зачетов из института был уволен ряд студентов, большинство из которых учились 4–6 лет, а у некоторых не хватало для минимума только одного зачета²⁸. Однако на трудности, связанные с выполнением учебных правил, указывало даже учебное начальство. Например, попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев в октябре 1913 г. писал министру народного просвещения: «Пройти добросовестному студенту в 5–6 лет положенные 124 предмета на механическом отделении не представляется возможным»²⁹.

С началом Первой мировой войны учебные правила были несколько смягчены. В частности, в некоторых вузах было продлено время предельного пребывания студентов. В Томском технологическом институте студенты приема 1914 г. теперь могли учиться 7 лет, приема 1909–1913 гг. — 8 лет, приема 1905–1908 гг. — 10 лет. Осенью 1914 г. студентам института был предоставлен льготный семестр. В Томском университете максимальный срок пребывания не изменился, составляя, как и ранее, 6,5 года³⁰.

Назначение в 1915 г. на пост министра народного просвещения сторонника реформирования высшей школы П.Н. Игнатьева подвигло советы вузов выступить с предложениями пересмотра учебных правил, вызывавших массовое недовольство студентов. В частности, совет Томского технологического института предложил переработать учебные программы с тем, чтобы «средние» студенты могли пройти их «без особого напряжения» за 5–7 лет³¹. Введение новых правил прохождения курса могло бы существенно снизить накал студенческого движения, поскольку большинство выступлений студентов имели под собой академическую почву, но работа в этом направлении министерством не была завершена.

Примечания:

- ¹ *Зайченко П.А.* Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). — Томск, 1960. — С. 87–88, 135–136; Краткий исторический очерк Томского университета. — Томск, 1917. — С. 266.
- ² *Зайченко П.А.* Указ. соч. — С. 132.
- ³ Там же. — С. 151.
- ⁴ *Попов М.Ф.* Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913). — Томск, 1913. — С. 9.
- ⁵ *Зайченко П.А.* Указ. соч. — С. 155.
- ⁶ См.: *Сибирская жизнь.* — 1914. — 4–6 апр.
- ⁷ Цит. по: *Зайченко П.А.* Указ. соч. — С. 158.
- ⁸ Правила для студентов и вольнослушателей Императорского Томского университета. — Томск, 1909. — С. 22.
- ⁹ Историческая записка об учреждении и открытии Томского технологического института императора Николая II. — Томск, 1902. — С. 26.
- ¹⁰ См. напр.: Отчет о деятельности и состоянии Томского технологического института императора Николая II. За 1904 год. — Томск, 1905. — С. 60–70.
- ¹¹ История Томского политехнического института в документах. Сборник документов и материалов. Т. 1. 1896–1917 гг. — Томск, 1975. — С. 136.
- ¹² Отчет о деятельности и состоянии Томского технологического института императора Николая II. За 1904 год. — С. 41.
- ¹³ Известия Томского технологического института. Т. 3. — Томск, 1905. — С. 16.
- ¹⁴ Отчет о деятельности и состоянии Томского технологического института императора Николая II. За 1904 год. — С. 20.
- ¹⁵ История Томского политехнического института в документах. — С. 139.
- ¹⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 199. Лл. 3–7.
- ¹⁷ Там же. Д. 31а. Лл. 29–30.
- ¹⁸ *Зайченко П.А.* Указ. соч. — С. 162.
- ¹⁹ Там же. — С. 163.
- ²⁰ История Томского политехнического института в документах. — С. 134.
- ²¹ Там же. — С. 50.
- ²² Там же.
- ²³ *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX—начале XX века. — М., 1991. — С. 255.
- ²⁴ История Томского политехнического института в документах. — С. 134.
- ²⁵ Томский технологический институт за 25 лет своего существования (1900–1925). — Томск, 1928. — С. 17–18.
- ²⁶ ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Лл. 110–112.
- ²⁷ Там же. Л. 152.
- ²⁸ *Сибирская жизнь.* — 1913. — 16 февр.
- ²⁹ *Смокотина Л.И.* Социально-экономическое положение томских студентов в конце XIX — начале XX в. (1888 — февраль 1917 г.). Дисс... канд. ист. наук. — Томск, 1994. — С. 148.
- ³⁰ *Сибирская жизнь.* — 1914. — 30 сент.; Утро Сибири. — 1916. — 2 февр.
- ³¹ *Сибирская жизнь.* — 1915. — 23 авг.

О.В. Чудаков

Оказание помощи пострадавшим от войны органами городского самоуправления в Западной Сибири (1914 — февраль 1917 г.)

С началом Первой мировой войны широкие слои населения Западной Сибири ощутили на себе ее отрицательное влияние. Одними из первых, кто почувствовал это на себе, были семьи призванных в армию нижних воинских чинов и ратников государственного ополчения. На помощь семьям призванных пришли органы государственной власти, городские самоуправления, благотворительные комитеты, церковные попечительства и различные общественные организации.

Омской городской Думой на заседании 23 июля 1914 г. общее руководство помощью семьям призванных в армию нижних воинских чинов было возложено на особую исполнительную комиссию в составе 10 лиц, под председательством гласного Думы Г. П. Дроздова¹. Она объединила в своих руках общее руководство всеми функционировавшими при ней организациями и согласовывала свою деятельность с другими учреждениями. Одной из главных организаций, действовавших под началом особой исполнительной комиссии, являлось городское попечительство, в круг ведения которого входило: 1) выявление лиц, нуждающихся в помощи, обследование их имущественного и семейного положения, принятие заключений о способах оказания материальной помощи; 2) привлечение общественного внимания к делу помощи семьям призванных и к работе попечительства; 3) выдача пособий и оказание других видов помощи семьям призванных². Городское попечительство предоставляло также медицинскую помощь. Помимо городских медицинских учреждений, более тридцати городских врачей согласились оказывать бесплатную медицинскую помощь семьям призванных. Городская амбулатория и аптека, а также две частные аптеки, бесплатно отпускали лекарства в пределах определенной суммы. Городской аптекой, в частности, было отпущено с 22 августа по 1 декабря 1914 г. 814 рецептов на сумму 528 руб. 49 коп.³ Всего к 1 января 1915 г. в

особой исполнительной комиссии числилось 2147 призреваемых семей, через год их число увеличилось до 4028 семей⁴. Многие из них получали в соответствии с законом от 25 июня 1912 г. казенные пайки, состоящие из 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли, 1 фунта постного масла в месяц на одного взрослого человека, или деньги, а также, особенно нуждающимся, выдавалось от 2 до 5 руб. в месяц на наем квартиры и отопление, для чего использовались данные о семейном и имущественном положении призреваемых⁵. Выдача этих денег производилась с разрешения городской Думы за счет средств, жертвуемых ежемесячно с этой целью Омским коммерческим клубом, и сумм, отпускаемых городской кассой из общих пожертвований на нужды семей призванных. Всего по 1 декабря 1914 г. на оказание помощи семьям призванных в г. Омске было отпущено 82604 руб. 35 коп., в том числе из государственной казны 52627 руб. 09 коп., из городских средств 12 тыс. руб., собрано частных пожертвований 17977 руб. 26 коп.⁶

При исполнительной комиссии по оказанию помощи семьям призванных в Омске находились бюро труда, юридическое бюро и школьный отдел, которые, как видно из их названий, ведали определенной сферой своей деятельности. Например, бюро труда занималось приисканием работы для ищущих заработка. Являясь посредником между ищущими работу и нанимателями, оно в то же время ставило одной из своих задач создание из ищущих заработка трудовых артелей. На 1 декабря 1914 г. бюро предоставило труд 455 безработным. Кроме того, в швейных мастерских, организованных при бюро, работало до 500 жен запасных, общий заработок которых составлял около 4000 руб. в месяц⁷. Юридическое бюро, обслуживаемое местной адвокатурой, предоставляло бесплатные консультации для семей призванных: давало советы по судебным, административным и другим делам, занималось составлением прошений и принятием дел к ведению в судебных и других учреждениях. Школьный отдел оказывал детям призванных, которые учились в школах, помощь учебниками, тетрадями, одеждой, обувью, устраивал для них школьные завтраки. Отделом были приняты меры к тому, чтобы в учебных заведениях, содержащихся за счет казны, дети призванных были освобождены от платы за обучение.

Особым видом помощи ведали санитарные попечительства, в распоряжении которых находились столовые для бесплатного отпуска обедов нуждающимся семьям призванных. Столовые обслуживались членами санитарных попечительств, которые трудились бесплатно, а содержались они на средства городского фонда помо-

ши семьям призванных. Для семей запасных и ратников ополчения в Омске в августе 1914 г. были открыты две столовые. К 1 декабря 1914 г. содержание столовых обошлось городскому самоуправлению в 14982 руб. 72 коп.⁸

С объявлением в г. Тобольске мобилизации постановлением городской Думы от 21 июня 1914 г. была образована особая городская исполнительная комиссия для обследования состава семей из числа лиц, призванных на военную службу. 21 августа 1914 г. гласные городской Думы решили пополнить состав комиссии новыми членами, «...поручив ей организовать особое городское попечительство, с правом приглашения полезных лиц для обследования состава и имущественного положения семейств лиц, призванных в армию, а также для определения формы помощи и изыскания для этого средств»⁹. За весь период существования в городском попечительстве было взято на учет 5875 семей, всего — 17818 человек. За это время им было выдано денежных средств на сумму 21448 руб.¹⁰

В Кургане городской комитет по оказанию помощи семьям нижних чинов был учрежден на заседании городской Думы 23 июля 1914 г. Городское самоуправление сразу же приняло меры по оказанию помощи семьям призванных, ассигновав на пособия им 5000 руб. и предоставив бесплатное лечение в городской больнице и отпуск лекарств из городской аптеки¹¹. 7 августа городская Дума постановила выдавать квартирное довольствие семьям призванных деньгами, так как город испытывал трудности в предоставлении им дешевого жилья. Квартирное довольствие для семей в количестве до трех человек составляло 3 руб. и 2 руб. на отопление в месяц, а семьям, где было более трех человек, полагалось 4 руб. на наем квартиры и 3 руб. на отопление¹².

Помимо выдачи квартирного пособия семьям призванных, городской комитет выдавал казенное пособие, размер которого составлял 3 руб. 54 коп. на взрослого и 1 руб. 77 коп. на ребенка. В Кургане его получали 1455 семей нижних воинских чинов, всего 3837 человек¹³. Помимо городского комитета по оказанию помощи семьям нижних чинов, в городе активную деятельность в этой области проявляли Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, отдел Сибирского общества подачи помощи раненым и больным воинам, отдел вспомоществования бедным семействам поляков, участвовавших в войне¹⁴.

Тюменской городской Думой 21 июля 1914 г. была организована для обследования семей призванных исполнительная комиссия и, кроме того, был образован городской благотворительный коми-

тет по призрению семей запасных, который должен был предоставлять пособия им из благотворительных средств города помимо казенных сумм¹⁵. С 21 июля по 10 августа 1914 г. комитетом было выдано пособий 391 семье призванных на сумму 1696 руб. Общая же сумма пожертвований, поступивших в комитет за это время, составила 4281 руб. 57 коп¹⁶.

Призывы оказывать помощь семьям призванных на войну встретили энтузиазм в среде томской просвещенной публики. В октябре 1914 г. в «Сибирской жизни» сообщалось: «Горячо, живо откликнулся Томск на нужды войны... Город покрылся сетью комитетов, попечительных советов и дамских кружков, вышедших на помощь жертвам войны»¹⁷.

29 июля 1914 г. в Томске возник городской комитет по оказанию помощи семьям запасных и ратников ополчения. Помимо обследования экономического положения семей запасных и оказания им необходимой материальной помощи путем выдачи пособий комитетом было решено взять на себя заботу о детях-сиротах, оставшихся без всякого надзора и попечения, принять меры к сбору пожертвований, организовать трудовую помощь семьям запасных и с этой целью обратиться в торговые фирмы и общественные учреждения с просьбой, чтобы несложные работы отдавались семьям запасных¹⁸. На нужды этого комитета из городских средств Думой на заседании 2 сентября 1914 г. было ассигновано 100 тыс. руб¹⁹. В смету на 1914 г. по статье «Общественное призрение» городским самоуправлением была внесена новая статья «На пособие семьям запасных нижних чинов и ратников государственного ополчения за время с 19 июля по 31 декабря 1914 г.» и расход по этой статье утвержден в размере 49303 руб. 09 коп²⁰. К 1 января 1915 г. на попечении Томского комитета по оказанию помощи семьям призванных состояло 3663 человека, включая взрослых и детей²¹.

Вслед за городским был образован губернский комитет по сбору пожертвований в пользу семей запасных, призванных на военную службу, который возглавил томский губернатор В.Н. Дудинский. При Томском биржевом комитете действовал Комитет помощи нуждам войны во главе с предпринимателем И.Г. Тихоновым²². Общественность организовывала трудовую помощь семьям призванных, открыла несколько детских приютов.

В Барнауле с сентября 1914 г. по апрель 1915 г. городским попечительством о семьях призванных на войну было обследовано материальное положение более 2000 семей. Оно же, по мере возможности, подыскивало нуждающимся работу, оказывало бесплатную

медицинскую помощь через посредство местных врачей, выдавало бесплатно лекарства, снабжало учащихся обувью, одеждой и учебными пособиями, предоставляло юридические консультации²³.

К началу 1915 г. органы городского самоуправления начали испытывать недостаток в финансовых средствах, что ограничивало их возможности по оказанию помощи семьям запасных. Курганский городской комитет по оказанию помощи семьям призванных 10 января 1915 г. постановил, в частности, прекратить выдачу пособия от города лицам, «...вполне обеспеченным материально и могущим обойтись без такового». Таких, по данным комитета, имелось свыше 30²⁴.

Барнаульское городское попечительство о семьях запасных нижних чинов, ушедших на войну, также было обеспокоено ослабевшим притоком средств. Количество призываемых попечительством семей росло с каждым днем. В связи с недостатком средств оно уменьшило в значительной степени размер выдаваемых пособий — ежемесячная сумма выдач составляла около 3000 руб., не считая казенного пособия, а приход составлял около 1000 руб. в месяц. Поскольку все применявшиеся до сих пор способы добывания средств — устройство спектаклей, концертов и т. п. — не могли покрыть растущие расходы, отдел попечительства по приисканию средств обратился к жителям города с призывом помочь ему в этом деле: «Дайте нам периодические пожертвования, граждане!»²⁵

О недостатке денежных средств говорили и гласные Омской городской Думы на заседании 17 февраля 1915 г. Городской голова В.А. Морозов изложил представление исполнительной комиссии по оказанию помощи семьям призванных в армию, в котором отмечалось, что большая часть имевшихся в ее распоряжении денег на призрение семейств запасных уже израсходована, в силу чего, комиссия просит выделить в ее распоряжение из городских средств до 1 июля 1915 г. 22—25 тыс. руб. К тому же, с 1 февраля 1915 г., по циркулярному распоряжению министра внутренних дел, из числа получавших казенное пособие было исключено 147 внебрачных семей, на содержание которых теперь необходимо было найти около 850 руб. в месяц. По данному вопросу гласный Думы Н.Д. Буяновский высказал мнение, чтобы город принял на себя обеспечение внебрачных семей защитников Родины, лишенных казенного пособия распоряжением Министерства внутренних дел, с чем городская Дума согласилась²⁶.

Из-за нехватки денежных средств выдачу пособий в некоторых городах временно прекращали, что вызывало большое недовольство в семьях призванных. Выступления женщин-солдаток, или,

как их еще называли, «бабьи бунты», представляли специфическую для того времени форму протеста против войны, тяжелого материального положения, дороговизны жизни и несвоевременной выдачи пособий семьям мобилизованных. Такие выступления имели место в Омске, Тюмени, Барнауле, Бийске, но, пожалуй, наиболее массовыми они были в Новониколаевске. 5 июня 1915 г. большая группа солдаток и городских обывателей (примерно 500 человек) собралась у здания городской управы и потребовала у городского головы выдачи пособий²⁷. В декабре 1916 г. волнения солдаток в Новониколаевске повторились, что было связано с длительной невыдачей продовольственного пайка. К солдаткам присоединились бывшие фронтовики и ратники ополчения. При столкновении с полицией несколько человек было убито и ранено²⁸. В ноябре 1916 г. барнаульский городской голова доносил, что «среди местного простого населения, главным образом среди солдаток, замечается нервно-повышенное настроение на почве дороговизны жизни. Это повышенное настроение выливается в форму угроз и может проявиться в виде весьма нежелательных эксцессов»²⁹.

Одной из примет сурового времени были прибывающие в тыл с театра военных действий раненые солдаты. Предполагая, что в Омск могут быть направлены раненые из ближайших к нему распределительных пунктов, в частности из Перми, городская Дума на заседании 26 августа 1914 г. ассигновала на помощь больным и раненым воинам 30 тыс. руб. Когда же выяснилось, что раненые в Омск первое время посылаться не будут, Дума решила отчислить из выделенной суммы 5000 руб. Красному Кресту на оказание помощи раненым и 5000 руб. Сибирскому обществу помощи раненым³⁰. Стоит также упомянуть, что сразу после вступления России в войну, 1 августа 1914 г. в Омске было созвано экстренное собрание членов Российского общества Красного Креста, на котором присутствовали и представители общественных организаций. Их основная деятельность сводилась к привлечению денежных и материальных пожертвований, а также к заготовке белья и других необходимых предметов для раненых и больных воинов³¹.

На заседании Омской городской Думы 16 января 1915 г. омский городской голова доложил гласным, что «...за последнее время в Сибирь стали прибывать раненые воины и что большая часть их нуждается в оказании помощи. Некоторые виды помощи прибывающим раненым уже оказываются существующими в Омске организациями, но многие, однако, остаются неудовлетворенными»³². Ввиду этого, Омский комитет Всероссийского союза городов «при-

знал необходимым прийти на помощь в этом деле». Омский комитет Союза также признал необходимым «...принять на себя почин в образовании такого органа из представителей всех местных организаций, который руководил бы делом оказания помощи раненым»³³. 11 сентября городская Дума изъявила готовность на открытие в Омске госпиталя на 500 кроватей городов для прибывающих больных и раненых воинов с оборудованием на средства Всероссийского союза, а расход по содержанию ста кроватей госпиталя решила отнести на местные средства³⁴.

Для оказания помощи раненым и больным воинам при станции Омск был образован особый приют. В течение некоторого времени приют содержался на средства дам-благотворительниц, а также на средства учредителей — местного отдела Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям и Омского епархиального попечительного совета. В этом приюте солдатам оказывалась врачебная помощь, предоставлялась возможность временного пребывания, было организовано питание, здесь же они получали белье, теплую одежду и другие предметы. Через этот приют, со времени его открытия по 6 октября 1915 г., прошло 2800 человек³⁵. С 15 февраля 1915 г. приют, согласно решению царской администрации, был передан в ведение управления Омской железной дороги.

В свою очередь, центральный комитет служащих Омской железной дороги по оказанию помощи раненым и больным воинам постановил открыть питательные пункты в Челябинске, Кургане, Петропавловске, Омске, Татарске, Каинске и Новониколаевске. По тюменскому участку Омской железной дороги они были открыты на станциях Камышлов, Тюмень, Вагай и Ишим, а всего в 12 местах. Все расходы по содержанию пунктов несли местные линейные комитеты по оказанию помощи воинам, а комитет служащих отпускал им небольшие денежные пособия в размере до 2000 руб. в месяц и необходимый запас белья и одежды по мере надобности³⁶. Общее число прошедших через питательные пункты с 1 января по 1 июля 1915 г. составляло 48560 раненых и больных воинов. Из них воспользовалось ночлегом — 1360 человек и оказана была медицинская помощь — 1551 человеку³⁷.

В большинстве городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны начали действовать комитеты Союза городов, отделения общества повсеместной помощи, отделения общества Красного Креста, церковно-приходские попечительства. Большинство этих учреждений действовали исключительно на благотворительные сред-

ства. Города предоставляли больным и раненым воинам свои городские больницы и амбулатории, военное ведомство — лазареты. Правда, не во всех городах было сделано все самое необходимое. В Омске и Новониколаевске, например, в которых находилось значительное число больных и раненых воинов, имелись питательные пункты и приюты, где раненые и больные снабжались бельем и одеждой и доставлялись к месту жительства. В Тюмени, Кургане, Ишиме, Тюкалинске, Таре и Тобольске питательных пунктов не было, в этих же городах, кроме Тюмени, не было организовано снабжение бельем и одеждой раненых и больных воинов. Что касается доставки до места жительства, то хотя военное ведомство и отпускало на это средства, но их было явно недостаточно, так как отпускались они из расчета 70 коп. на 200 верст по железной дороге, 100 верст на пароходе и 25 верст на лошадях³⁸. Раненые и больные воины имели также право, согласно постановлению Совета министров от 14 июля 1915 г., на получение суточных денег на продовольствие на срок от 6 месяцев до 1 года, выдача которых возлагалась в городах на городские управы. Нижним чинам армии суточные деньги выдавались в размере 25 коп., нижним чинам флота в том же размере — 25 коп. и кондукторам флота по 45 коп.³⁹

По данным на 1 марта 1915 г. раненых воинов в Омске было — 1098, в Кургане и уезде — 250, в Новониколаевске — 1060⁴⁰. Городские общественные управления, по данным на 1 марта 1915 г., израсходовали на помощь им большие суммы: в Омске — 30 тыс. руб., а в Новониколаевске — 21 тыс. руб.⁴¹

Большую и разнообразную помощь раненым воинам оказывало «Сибирское общество для подачи помощи раненым воинам», образованное в октябре 1914 г. и имевшее свои отделы во всех сибирских городах. Главными задачами этого общества были: устройство подвижных лазаретов, врачебно-питательных пунктов, санитарных и других отрядов в местах военных действий, устройство госпиталей для эвакуируемых больных и раненых воинов⁴². Обществом велся также учет больных и раненых сибиряков в госпиталях и лазаретах, для организации правовой помощи раненым была создана юридическая комиссия, хозяйственный отдел заведовал вещевыми пожертвованиями, изготовлением и снабжением необходимыми вещами раненых сибиряков при выходе их из лазаретов⁴³.

Таким образом, местному самоуправлению в Западной Сибири в определенной степени удалось смягчить для населения городов последствия войны. В меру своих возможностей оно приступило к практической реализации многочисленных задач, вызванных об-

стоятельствами военного времени, внося существенный вклад в организацию работы тыла. В частности, органы городского самоуправления, в целом, успешно справились с организацией помощи семьям призванных в армию нижних воинских чинов и ратников государственного ополчения, а также приема огромного количества раненых и больных воинов с театра военных действий.

Примечания:

- ¹ Гос. архив Омской области (далее — ГАОО). Ф. 172. Оп. 1. Д. 246. Л. 4.
- ² Там же. Л. 4—5.
- ³ Там же. Л. 6.
- ⁴ Там же. Л. 32.
- ⁵ Попов К. Призрение в Омске семей нижних чинов и ратников ополчения, призванных по мобилизации в 1914 г. // Вестник Омского городского общественного управления (далее — ВОГОУ). — 1915. — №6—7. — С. 51.
- ⁶ ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 246. Л. 6.
- ⁷ Там же. Л. 5; Ф. 67. Оп. 2. Д. 2915. Л. 45.
- ⁸ Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 246. Л. 5.
- ⁹ Гос. учреждения Тюменской обл. Гос. архив г. Тобольска (далее — ГУТО ГА) Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1239. Л. 34.
- ¹⁰ Краткий отчет о деятельности Тобольского городского попечительства о семьях лиц, призванных на военную службу, за время с 1 июля 1914 года по 1 декабря 1916 года. — Тобольск, 1917. — С. 14.
- ¹¹ ГУТО ГА. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1166. Л. 217.
- ¹² Там же. Л. 216.
- ¹³ Там же. Д. 1239. Л. 99.
- ¹⁴ Васильева А.М. Забытый Курган. — Курган, 1997. — С. 129.
- ¹⁵ ГУТО ГА И-152. Оп. 35. Д. 1239. Л. 90.
- ¹⁶ Там же. Д. 1164. Л. 164.
- ¹⁷ Сибирская жизнь. — 1914. — 17 октября.
- ¹⁸ Известия Томского городского общественного управления (далее — ИТГОУ). — 1914. — №31—32. — С. 94.
- ¹⁹ Гос. архив Томской обл. Ф. 233. Оп. 3. Д. 1181. Л. 101.
- ²⁰ ИТГОУ. — 1914. — №27—28. — С. 194.
- ²¹ Отчет о деятельности городского комитета по оказанию помощи семьям запасных и ратников ополчения за 1914 год // ИТГОУ. — 1915. — №1. — С. 127.
- ²² ИТГОУ. — 1914. — №27—28. — С. 137; Сибирская жизнь. — 1914. — 18 окт.
- ²³ Жизнь Алтая. — 1915. 3— мая.
- ²⁴ ГУТО ГА. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1306. Л. 8.
- ²⁵ Жизнь Алтая. — 1915. — 16 мая.
- ²⁶ ГАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 28. Л. 123.
- ²⁷ Горюшкин Л.М. Революционное движение в Новониколаевске в годы первой мировой войны // Бахрушинские чтения, 1976 г. — Новосибирск, 1976. — С. 94.
- ²⁸ Новосибирск. 100 лет. События. Люди. — Новосибирск, 1993. — С. 107.
- ²⁹ Цит. по: Камбалов Н.А., Полухин Т.А., Скупов Н.Е. Барнаул. — Барнаул, 1967. — С. 37.
- ³⁰ ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 246. Л. 5.

- ³¹ Обзор Акмолинской области за 1914 год. — Омск, 1915. — С. 73.
- ³² Там же. Л. 19.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 298. Л. 1, 2.
- ³⁵ Обзор Акмолинской области за 1914 год. — С. 73–74.
- ³⁶ Краткий отчет по организации дела помощи возвращающимся из действующей армии раненым и больным воинам. (С 1 января по 1 июля 1915 г.). — Омск, 1915. — С. 1.
- ³⁷ Там же. — С. 2, 3.
- ³⁸ *Клячкин В.Е.* Меры оказания помощи больным и раненым воинам, возвращающимся с театра военных действий, по городам Западной Сибири // Вестник Омского городского общественного управления. — 1915. — №6–7. — С. 31.
- ³⁹ ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 106. Л. 66.
- ⁴⁰ ВОГОУ. — 1915. — №6–7. — С. 7–8.
- ⁴¹ *Клячкин В.Е.* Меры оказания помощи больным и раненым воинам... — С. 31.
- ⁴² Устав Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. — Пг., 1915. — С. 7.
- ⁴³ *Копылов В.А., Миллюхин В.П., Фабрика Ю.А.* Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). — Новосибирск, 1995. — С. 203.

В.В. Цысь

**Из истории социально-экономического развития
Севера Западной Сибири при антибольшевистских
правительствах периода Гражданской войны
(сер. 1918–1919 гг.)**

Социально-экономическому развитию севера Западной Сибири в период правления антибольшевистских режимов в советской историографии не уделялось практически никакого внимания. Не восполнен данный пробел пока еще и в современной краеведческой литературе. Временному Сибирскому правительству, Российскому правительству А.В. Колчака необходимо было обеспечить эксплуатацию природных богатств региона, наладить снабжение населения товарами первой необходимости.

Важнейшей задачей, которую приходилось в рассматриваемый период решать государственным и кооперативным учреждениям, являлся своевременный завоз хлеба в течение навигации. Как отмечал уполномоченный по продовольствию в Северном районе А. Тяпугин в выступлении на совещании при губернской земской управе, состоявшемся 26 февраля 1919 г., снабжение населения производилось из трех источников: 1. Правительство пополнило в основном «инородческие хлебозапасные магазины»; 2. Кооперативы; 3. Частные лица «заботились о старожильческих селениях, движимые целями товарообмена (рыба)»¹.

Временное Сибирское правительство (как и его предшественники) придерживалось курса, направленного на установление контроля за ценами и предпринимательской деятельностью в целом. Соответствующее постановление принимается 6 июля 1918 г. Осуществление контроля возлагалось на продовольственные комитеты и уполномоченных Министерства продовольствия. Виновные в несоблюдении предельных цен подлежали административным взысканиям. У предпринимателя, не имевшего регистрации, не предоставлявшего учетных сведений, продовольствие реквизировалось с выплатой 50% от установленной стоимости².

Летом—осенью 1918 г. наряды на хлеб для обеспечения севера Западной Сибири составили 850 тыс. пудов. Из них 442 тыс. п. было отпущено Министерством продовольствия ВСП, 300 тыс. п. предполагал доставить Закупсбыт, 50 тыс. п. получил Сургутский продком и еще 50 тыс. завезли рыбопромышленники на промыслы.³ Например, для Обдорского и Кушеватского магазинов в конце августа 1918 г. на пароходах «Гражданин» и «Волна» было отправлено 30 тыс. п.⁴ В общем, хлеба хватало. Даже в конце зимы 1918—1919 гг. положение признавалось «не угрожающим», «вполне удовлетворительным»⁵. Главная проблема заключалась в неравномерном распределении продуктов. Завоз осуществлялся не туда, где в хлебе ощущалась наибольшая нужда, а туда, где его было легче обменять на рыбу. На зиму 1919—1920 гг. север Западной Сибири также был обеспечен в достаточной степени, чему способствовали не только поставки колчаковского правительства, кооперативов и предпринимателей, но и эвакуация в низовья Оби барж с продовольствием. По свидетельству И.А. Бублика, только на территории Березовского уезда к декабрю 1919 г. было разбросано до полумиллиона пудов хлеба⁶.

Ухудшение экономической ситуации в первое время происходило постепенно. По-видимому, сказывалась определенная инерция, характерная для периферийных, относительно изолированных уголков страны. Осенью 1918 г. в газете «Сибирский листок» появилась заметка «Продовольственная Аркадия», в которой сообщалось об очень низких ценах на товары на территории Сургутского уезда. По данным местной продуправы, мука-сеянка здесь стоила 6 руб. за пуд, пшеничная — 4,8 руб., ржаная — 4,1 руб., чай кирпичный — 18—21 руб. за кирпич, табак — 9 руб. за фунт, сахар — 1,42 руб. и т.д.⁷ Примерно в это же время в Тобольске цена пуда муки-сеянки доходила уже до 34—40 руб., пшеничной — 22 руб. Конечно же, долго такая ситуация не могла сохраняться. Цены неизбежно должны были прийти в относительное равновесие. Уже в феврале 1919 г. на рынках губернского центра пуд муки-сеянки обходился покупателю в 56 руб., пшеничной — в 32—33 руб., ржаной — 28 руб.⁸ В первой половине 1919 г. стоимость пуда ржаной муки составляла в Сургуте 23—26 руб. На вторую половину 1919 г. городская Дума заключила соглашение о поставке для города пшеничной муки и муки-сеянки по цене 65 и 81 руб. за пуд⁹. Цены на рыбу за год выросли примерно в 6—7 раз. Муксун в Обдорске в июне 1918 г. стоил 3,5 руб., в июле этого же года — 5—6 руб.¹⁰ В середине июня 1919 г. в Кушевате цена муксуна составляла 15—25 руб.¹¹

По мере усиления во Временном Сибирском правительстве правого, кадетского крыла, на территории Урала и Сибири происходит отказ от государственного регулирования торговли. Из либеральной идеологии партии конституционных демократов следовало, что необходимо ограничить участие государства в экономической жизни, которое только мешает частной инициативе и предприимчивости. С 1 октября 1918 г. упраздняются губернские и уездные продовольственные комитеты. 10 декабря 1918 г. Совет министров утвердил постановление об отмене государственного регулирования основными видами сельскохозяйственной продукции: «Торговля хлебом, мясом и маслом в пределах Российского государства производится свободно по вольным ценам»¹². Несмотря на это, значительная роль государства в обеспечении хлебом населения севера Западной Сибири сохранилась, хотя о ее точных объемах в 1919 г. у нас нет достаточно полной информации. В частности, Сургутская городская Дума в марте 1919 г. ходатайствовала перед МВД о выделении 1 миллиона рублей с целью заготовки продовольствия для русского населения уезда¹³. Правительство надеялось отказом от вмешательства в экономику стимулировать конкуренцию, тем самым сдержать рост цен, обеспечить развитие производства. Но в условиях войны, разрыва хозяйственных связей законы либеральной экономики не действовали должным образом. При дефиците промышленных товаров, неизбежно возникшем в аграрной Сибири, возникал, по словам уполномоченного министра снабжения по Тобольскому уезду, лишь один вид конкуренции — соревнование в повышении цен¹⁴. Как отмечал позднее Г. Гинс, «Безудержная спекуляция разлагает тыл!» Так говорили кругом весной 1919 года, жалуясь на непомерное взвинчивание цен, на исчезновение с рынка товаров, на злоупотребление перевозок... В Юридическом обществе в Омске ученый экономист докладывал, что те, кто вопит о спекуляции, — невежды, потому что спекуляция — это «торговля»... Но убедить общество, что спекуляция безвредна и что без нее немислима торговля, не удавалось, и чем больше защищали спекулянтов авторитетные люди науки и опыта, тем яростнее нападали на нее обыватели и «военные»¹⁵.

В мае 1919 г. Министерство снабжения и продовольствия выступило с предложением командировать на пароходе «Станкевич» особую комиссию для всестороннего обследования продовольственных нужд Севера. Данная инициатива вызвала резкую отповедь управляющего Тобольской губернией: поездка комиссии, по его мнению, «сведется к увеселительной прогулке, которая, кроме больших рас-

ходов, ничего не даст», все необходимые материалы уже имеются в губернской земской управе и Обь-Иртышском союзе кооперативов¹⁶.

Несмотря на то, что в целом деятельность кооперации следует оценить положительно, здесь, как и в любом новом деле, не обошлось без определенных издержек. Иногда кооперативы действовали как некие коллективные предприниматели, для которых получение максимальной прибыли стояло выше всех иных соображений. Весьма критически оценивалась работа кооперативов в докладе уполномоченного министра снабжения по Тобольскому уезду, составленного 16 декабря 1918 г. По его мнению, кооперативы «скупают ходовые товары и перепродают их другим кооперативам с надбавкой таких процентов, которые в старое время ни одна более или менее добросовестная фирма и не мыслила брать, да иначе и нельзя, если иметь в виду те колоссальные ставки жалованья, которые получают всех видов и рангов заправилы кооперативов». Закупсбыт купил товар, продал его Центросибири с надбавкой 20%, та Северсоюзу, тот обществу потребителей «Самосознание», а тот уже деревенской потребительской лавке. «Не трудно будет сосчитать, сколько должен переплатить потребитель, благодаря таким благодетельным опекунам», — с сарказмом отмечал уполномоченный. Обыватели сетуют «на полный беспорядок в деле снабжения и невероятный рост цен на предметы первой необходимости»¹⁷.

Часть коренного населения также воспринимала с большой настороженностью деятельность кооперативов. На ежегодном съезде ханты Локосовской волости Сургутского уезда, проходившем в декабре 1918 г., было заявлено, что «рассчитывать на бескорыстные заботы об инородцах разного рода кооперативов, по наглядному для всех опыту, не приходится — дерут три шкуры и опутывают нас тенетами сильнее паука»¹⁸.

Важную роль в жизни населения края играл охотничий промысел. В обычное время Сибирь ежегодно ввозила 22 тыс. пудов пороха и до 110 тыс. пудов свинца. Добывалось до 1 млн. шкурок пушных зверей (из них более 75% белки). Трудности с поставками охотничьих припасов начались уже в 1916 г. Весной 1918 г. Закупсбыт приобрел в Петрограде 18 тыс. пудов пороха, в Восточной Сибири около 12 тыс. п. свинца и необходимое количество пистонов в Японии. Однако начало широкомасштабной гражданской войны привело к срыву планов поставок¹⁹. То, что имелось, теперь в первую очередь направлялось в действующую армию. Это обстоятельство негативно сказалось на объеме добычи пушнины. Так, из бассейна Ваха — одного из важнейших промысловых районов се-

вера Западной Сибири — во время традиционной декабрьской ярмарки, проходившей в 1918 г., было закуплено лишь около 40 тыс. шкурок белки по цене 2,6 руб. за штуку. В обычное время добыча пушнины была в несколько раз больше. Помешали нехватка охотничьих припасов и эпидемия гриппа²⁰. В Юганской волости Сургутского уезда за весь 1918 г. было добыто 50 тыс. шт. белок на сумму 75 тыс. руб.²¹.

24 октября 1918 г. при Министерстве земледелия и колонизации создается отдел рыболовства и охоты, одной из задач которого являлось наведение порядка в эксплуатации природных богатств края. Данная проблема без особого успеха рассматривалась еще в 1910 г. специальной комиссией Государственной Думы. Теперь же отделом разрабатываются «Правила об охоте в Сибири», в соответствии с которыми предполагалось ввести ряд ограничений, способных предотвратить хищническое истребление сибирской фауны. Намечалось лицензирование охотничьего промысла, введение системы штрафов за убийство редких зверей и птиц, разорение гнезд, установка определенных сроков охоты, запрет на использование ловчих ям, настроженных луков и ружей, охоту на оленей на переправах и т.п. Планировалась организация заповедников в местах обитания редких животных и птиц (на оз. Байкал, в верховьях Иртыша)²². Постановлением Совета министров от 26 апреля 1919 г. выделяется 5 охотничьих районов, в том числе Тобольский, с местом пребывания заведующего районом в Тюмени²³. Однако для реализации намеченного в полном объеме у Министерства земледелия и колонизации не имелось ни времени, ни средств. В циркуляре заведующим охотничьими районами от 11 августа 1919 г. министерство вынуждено было признать, что «ввиду тяжелого финансового положения» в текущем году приходится ограничиться лишь сбором статистических сведений и изучением промыслово-хозяйственной жизни²⁴.

Вышеназванные запреты фактически не касались коренного населения. Правительство, как уже отмечалось, старалось не нарушать привычный жизненный уклад аборигенов. Все же иногда происходили конфликты между представителями администрации и коренными жителями. Так, 10 июля 1919 г. самоедский старшина Николай Никифорович Оногурчи (Югомпелик), проживавший в Обдорской волости в 15 верстах от селения Хе, направил в министерство жалобу по поводу нарушения имущественных прав иногородцев. Суть дела заключалась в следующем. В одну из поездок по Северу лесничий А.А. Дунин-Горкавич «через своего землемера» произвел измерение песков в районе Хе. Был разработан проект

образования казенно-оброчной статьи из угодий, которыми самоеды пользовались «с незапамятных времен», утвержденный губернской земской управой 20 марта 1919 г. Пески общей площадью 22786 десятин сдаются с торгов в аренду купцу Корнилову за 2820 руб. Купец, ставший теперь полновластным хозяином угодий, допустил бывших владельцев ловить рыбу «исполу» (т.е. 50% арендатору и 50% рыбакам). Тем самым он приобрел в лице самоедов «даровых бесплатных работников». Н.Н. Оногурчи пытался опротестовать самоуправные, с его точки зрения, действия лесничего²⁵.

Основным оленеводческим районом являлась Обдорская волость Березовского уезда. По данным на 1918 г. (конечно, приблизительным), здесь насчитывалось до 300 тыс. голов оленей, в том числе 220 тыс. принадлежало примерно 300–350 крупным оленеводам, имевшим в своих стадах не менее 200 животных²⁶. Помимо охоты, рыболовства, оленеводства жители севера Западной Сибири занимались разведением и содержанием крупного рогатого скота, лошадей, овец, овощеводством. Так, в Юганской волости Сургутского уезда в 1918 г. на 120 русских и 1344 ханты приходилось 200 лошадей, 120 голов крупного рогатого скота, 30 овец, 450 оленей, 90 ездовых собак. Сена заготавливалось до 20000 ручных копен²⁷. Выращивался картофель (700 пудов, урожайность сам-три), являвшийся «важным подсобным продуктом питания». Остальные овощи «считались деликатесом»²⁸.

Ухудшению материального положения населения в какой-то степени способствовало восстановление дореволюционной системы налогообложения. Следовало не только выплачивать текущие окладные и земские сборы, но и недоимки прошлых лет. Так, 6 декабря 1918 г. Н.А. Замятин разослал указание председателям и старшинам волостных земских управ с требованием «приложить все усилия и старание, чтобы население уплатило в текущем году полностью не только причитающиеся с него оклады... но и все недоимки», иначе «я буду к неисправным и упорствующим плательщикам принимать самые строгие меры взыскания»²⁹.

Несмотря на угрозы, население не слишком торопилось оплачивать счета, предъявляемые государством. Общая сумма недоимок составляла по Тобольской губернии на 1 декабря 1918 г. свыше 3 миллионов руб., в том числе по Березовскому уезду 154169 руб., по Сургутскому — 6921 руб.³⁰ Ситуацию довольно точно охарактеризовал Тобольский уездный комиссар: «С начала революции, а особенно за время процветания большевизма, население, которому были обещаны земля и воля, поняло это так, что земля будет немедленно

распределена между всеми обрабатывающими ее, и пользование ею, как Божьим даром, предоставляется без оплаты ее, в каких бы видах оплата ни выражалась (подати и пр.). Кроме того, население рассуждало так, что их деды и отцы платили подати и переплатили их столько, что та земля, которой оно пользуется, оплачена с избытком, и, таким образом, считает землю своей собственностью, о нуждах же государства сельское население ничуть не беспокоится, а наоборот, считает, что правительство обязано дать населению все, не потребовав в свою очередь от него ничего... Не желают платить не отдельные лица, а в большинстве случаев целые общества... нынешний гражданин, отсидев, например, положенные два дня (*наивысшее наказание за неуплату податей*. — В.Ц.), не только не считал это для себя позором, а наоборот, как бы гордился тем, что он пострадал за правое, по его мнению, дело. Меры внушения действуют лишь некоторое время, но часто повторяемые утрачивают свою эффективность. Далее следует прибегать к репрессиям — описи и продаже имущества неисправных плательщиков. Однако когда не платит целое сельское общество, к составлению описи необходимо привлекать чуть ли не всю уездную администрацию. Но как только работа закончена, подати тут же выплачиваются, и, следовательно, все усилия оказываются напрасными. В новом селении история повторяется. «Нужно наказывать целое общество штрафом. Эта мера, несомненно, действовала бы устрашающе и на других, и случаи массовых отказов стали бы наблюдаться реже»³¹.

Настроения населения в целом столь же точно, с нашей точки зрения, описал помощник тобольского уездного комиссара. Кресьяне, по его мнению, делились на три группы: 90% инертны «безразлично ко всякой власти, пока не затрагиваются его интересы: в землепользовании, во взыскании податей и проч.», 5% — «сознательные большевики», 5% — «сознательно желают поддержки существующего правительства»³². По воспоминаниям И.П. Дорони-на, в марте 1919 г. 30 мобилизованных солдат в с. Самарово, «взяв за горло» председателя волостного правления, получили справки о том, что они не добровольцы, а «насильно мобилизованные». Справки были зашиты в одежду и обувь³³. Думается, в этом поступке в большей степени следует видеть не идейный большевизм, а все тот же «индифферентизм», о котором говорил помощник тобольского уездного комиссара, т.е. стремление обезопасить себя от случайностей при попадании в плен. Если судить по письмам П.И. Лопарева, относящимся ко второй половине 1918 — первой половине 1919 г., даже у будущего лидера партизанского движения на севере Запад-

ной Сибири сложно обнаружить четкие политические убеждения, которые можно было бы оценить как пробольшевистские или же антиколчаковские. Автор практически полностью поглощен заботами по организации потребительских обществ. Некоторый перелом настроений наблюдается в последнем письме, относящемся, скорее всего, к концу лета — началу осени 1919 г.

Нередко сами же представители власти своими непродуманными действиями провоцировали оппозиционность части населения. Примечательный случай описывается на страницах газеты «Сибирская земская деревня». Вскоре после свержения советской власти в с. Демьянское прибыли люди, именовавшие себя «белогвардейцами». Сойдя на берег, они вместо того, чтобы собрать крестьянский сход и разъяснить суть происходящих политических перемен, отправились пить чай к местному купцу Карякину. Мужики сразу же насторожились — «ну эти не будут за нас». В волостном правлении «посланцы» новой власти предложили собрать население записываться в ряды белой гвардии, поставив в пример Карякиных. «Ну туда им и дорога», — прозвучал ответ крестьян. Реакция последовала незамедлительно: «Да тут все большевики». На следующий день прибывший из Березова отряд белых начал производить обыски у служащих волостной земской управы и других «подозрительных» лиц. Автор заметки об этом происшествии резюмировал: «Подобное действие внесло озлобление и недоверие к новой власти... необходимо посылать людей с жизненным опытом, а не с большевистскими замашками»³⁴.

Как вспоминал И.А. Бублик (участник борьбы за установление советской власти на Севере, организатор кооперативного движения), когда в Самарово в конце 1918 г. прибыл отряд подпоручика Туркова, им была устроена в зале земской управы публичная экзекуция в отношении 8 человек, участвовавших весной 1918 г. в реквизициях имущества местных купцов. Турков самолично отсчитывал по 25 и более ударов привязанным к скамейке «преступникам». Одного из провинившихся, Нестора Скрипунова, поставили на колени и заставили молиться Богу, прощаться с находившимися здесь же родственниками и т.п. После долгих уговоров Н. Скрипунова все-таки оставили в покое³⁵. Выступив из Самарово, Турков по пути следования к месту назначения продолжал действовать в том же духе. В с. Малый Атлым «по приговору общества» им был расстрелян бывший жандармский унтер-офицер Иван Тимофеевич Иванов, «как бывший главный агитатор большевизма». Кроме того, еще 13 человек наказали ударами шомполов: 11 — «за принадлежность к большевизму», 2 — «за ослушание сельских властей»³⁶. Вряд ли подобные акции мог-

ли снискать дополнительные симпатии основной массы местных жителей в отношении власти, которую представлял Турков.

В источниках сохранились отдельные случайные эпизоды повседневной жизни и быта населения севера Западной Сибири, подтверждающие оценки помощника Тобольского уездного комиссара. В середине июня 1919 г. в с. Кушеват Березовского уезда побывал анонимный корреспондент газеты «Тобольское народное слово», оставивший интересную зарисовку с натуры. Накануне воскресенья в Кушеват приехал торговец с двумя сыновьями — солдатами. Они привезли небольшое количество мелочного товара, но главное «николаевскую живительную влагу» (*т.е. спирт. — В.Ц.*). «Открылась торговля. Товаришко не берут, а на николаевскую влагу потащились местные русские и остяки: покупали по 100 руб. за полбутылки спирта. В воскресенье появилось много пьяных и русских, и остяков, а к вечеру весь состав местного кооператива, член земской управы Л., местный батюшка Ш. (*Никита Шахов. — В.Ц.*) с николаевской влагой поехали кататься на лодке по протоке против Кушевата с песнями и гармоникой. Остяки пьяные на берегу кричат: «Наше начальство гуляет, и мы гуляем». В понедельник у остяков денег не стало — пропились. Остяки потащили торговцу «николаевской» перо, оленье постели, сети и пошел обмен на спирт. Один остяк, десятник Андрей, продал суконный гусь за 300 руб. И тут же на них взял 3 полбутылки спирта. Торгующий уехал, говорят, выручив около 5000 руб. на спирте»³⁷.

В докладе начальника 3-го участка Березовского уезда на имя начальника уездной милиции от 23 декабря 1919 г. отмечалось, что «в с. Няксимвольском жители совершенно безразлично относятся к самозащите (*от наступающих красных отрядов. — В.Ц.*), а также и остяки». Зажиточные ханты, имевшие от 200 до 500 оленей, на предложение пожертвовать теплой одежды, пимов, гусей «промолчали». «Имеющие приличное состояние, не считающие затруднительным проиграть в карты» по 1000 руб., жертвуют «на спасение родины» по 10—15 руб.³⁸

Бедноту больше всего волновали заботы о хлебе насущном. В конце 1919 г. в юртах Кошатских, располагавшихся примерно в 60 верстах от Васпыхоля, побывал П.И. Лопарев. В хантыйской «избушке» он увидел грязную детвору с большими животами, испуганно тарачившую глаза из углов и материнских юбок. «Второй год нету хлеба, — сказал хозяин семейства. — Все рыба да рыба. Старик еще ничего, а у молодых брюхо пухнет... мяса нет, ружья все отобраны, чем зверя поймать?»³⁹. Накануне в юртах побывал во-

оруженный отряд. Но П.И. Лопареву так никто и не смог объяснить, кто это были — красные или белые. Для местных жителей по большому счету это не имело особого значения. Абсолютное большинство ханты, манси, ненцев, по-видимому, очень слабо разбиралось во всем, что происходило за пределами их родного края, и имело смутное представление о том, кто такие красные и белые, почему они между собой воюют, и т.п. Традиционное общество, как известно, не приемлет резких перемен. Оно ориентировано на прошлое, на сохранение и использование опыта, накопленного предками. Поэтому главное, к чему стремились аборигены, — сохранить прежнюю систему социальных и политических связей, экономическую и культурную автономию.

В то же время нельзя обойти вниманием и существенную помощь, которая оказывалась частью населения действующей армии. Так, жителями Обдорска для Северного отряда, действовавшего против красных в районе Ляпино, было отправлено 182 гуся (здесь — верхняя одежда), 211 пар теплых рукавиц, 87 пар пимов⁴⁰. Как отмечалось в одной из корреспонденций, «сознательное население Обдорска, глубоко сочувствующее делу возрождения родины, горячо откликнулось на зов выздоравливающей России и не переставая несет свою посильную лепту...»⁴¹. Русско-зырянская земская управа отправила в качестве подарков 18-му Тобольскому стрелковому полку 2000 руб. и 20 пудов рыбы. Кружок любителей драматического искусства собрал 1500 руб. От устройства 3 января 1919 г. литературно-музыкального вечера был получен чистый доход 6112 руб., переведенный на нужды армии через газету «Русская армия». 24 января 1919 г. в Обдорске устраивается бал-маскарад, прибыль от которого в размере 21000 руб. передается командиру Северного отряда поручику Лушникову. Дамский комитет Красного Креста изготовил для солдат и офицеров отряда белье⁴². За короткий срок жители Обдорской волости выделили для белой армии несколько десятков тысяч рублей.

Таким образом, социально-экономическая ситуация на севере Западной Сибири в период правления антибольшевистских правительств значительно ухудшилась. Об этом говорит быстрый рост цен, сокращение поставок необходимых товаров, уменьшение объемов добычи пушнины. Однако проблемы, стоявшие перед краем, не имели катастрофического характера, а местные жители в целом вели себя лояльно по отношению к существующему режиму. Кризисные явления были в большей степени связаны с объективными обстоятельствами, вызванными длительной войной, нарушением хозяйственных связей.

Примечания:

- ¹ Тобольское народное слово. — 1919. — 26 (13) февраля.
- ² Сибирский листок. — 1918. — 13 сентября.
- ³ Сибирская земская деревня. — 1918. — 14 (1) сентября.
- ⁴ Сибирский листок. — 1918. — 13 сентября.
- ⁵ Тобольское народное слово. — 1919. — 26 (13) февраля.
- ⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 317. Оп. 1. Д. 50. Л. 12.
- ⁷ Сибирский листок. — 1918. — 2 октября (19 сентября).
- ⁸ Тобольское народное слово. — 1919. — 11 февраля (29 января).
- ⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 722. Оп. 2. Д. 30. Лл. 8, 12.
- ¹⁰ Сибирский листок. — 1918. — 14 (1) августа.
- ¹¹ Тобольское народное слово. — 1919. — 7 августа.
- ¹² Там же. — 1918. — 14 (1) декабря.
- ¹³ Там же. — 1919. — 27 (14) марта.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 294. Л. 46об.
- ¹⁵ *Лиса Г.* Впечатления и мысли члена «омского правительства» // *Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни.* — Барнаул, 1991. — С. 37–38.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 73. Л. 23.
- ¹⁷ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 294. Л. 46об.
- ¹⁸ Сибирская земская деревня. — 1919. — 24 (11) марта.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 24. Лл. 55–56.
- ²⁰ Тобольское народное слово. — 1919. — 12 марта (28 февраля).
- ²¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 421. Оп. 2. Д. 18. Л. 38.
- ²² ГАРФ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 24. Л. 108.
- ²³ Там же. Л. 105.
- ²⁴ Там же. Л. 130.
- ²⁵ Там же. Д. 3. Л. 28–28об.
- ²⁶ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173. Л. 86.
- ²⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 421. Оп. 2. Д. 18. Лл. 42, 51, 64.
- ²⁸ ГАТО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 25. Л. 102.
- ²⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 421. Оп. 2. Д. 18. Л. 36.
- ³⁰ Вестник Тобольской губернии. — 1919. — 11 февраля.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 148. Оп. 3. Д. 186. Лл. 24об.–26.
- ³² Там же. Оп. 4. Д. 14. Л. 14.
- ³³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 1834. Оп. 1. Д. 65.
- ³⁴ Сибирская земская деревня. — 1918. — 31 (18) июля.
- ³⁵ Тобольский Север. — 1922. — 15 июля.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 10. Д. 39. Л. 3–4.
- ³⁷ Тобольское народное слово. — 1919. — 7 августа.
- ³⁸ ГАТО. Ф. 943. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–8об.
- ³⁹ *Допарев П.И.* Воспоминания. Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. — С. 97.
- ⁴⁰ Тобольское народное слово. — 1919. — 24 (11) января.
- ⁴¹ Там же. — 17 (4) апреля.
- ⁴² Там же.

И.В. Курьшев

Из истории партизанского террора в Западной Сибири (1918–1920 гг.): социально-психологический аспект

В последние десятилетия в историографии Гражданской войны в Сибири наметилась тенденция, связанная с критическим переосмыслением данного исторического этапа и отходом от бытовавших ранее поверхностной описательности и чрезмерной героизации, однако целый ряд проблем, в том числе связанных с изучением социальной психологии повстанческо-партизанского движения, нуждаются в дальнейшей разработке.

В этом аспекте, несмотря на имманентно присущую субъективность, немалый интерес в качестве исторического источника представляют мемуары бывших участников партизанского движения, либо еще не введенные в научный оборот, либо недостаточно востребованные сибирскими историками. По справедливому замечанию А.Н. Никитина, «мемуары — основной, а нередко и единственный источник для изучения субъективных устремлений участников партизанского движения, их внутреннего мира, уровня развития и т.п.»¹.

Рассматривая партизанские воспоминания, созданные в 1920-е — середине 1930-х гг., можно обнаружить достаточно глубокие патологические изменения в человеческом сознании, которые произошли под влиянием самой военной обстановки, ожесточенной, кровавой борьбы, расколовшей общество. И, прежде всего, это — отчетливо выраженные формы и проявления синдрома жестокости и насилия (по терминологии К.Г. Юнга), вырывающиеся наружу под давлением архетипов коллективного бессознательного. Так, из содержания неизвестных ранее мемуаров бывшего партизана П.А. Нечаева, написанных им в декабре 1935 г. в с. Корнилово Каменского-на-Оби района, следует, что их автор в начале ноября 1918 г. был мобилизован в колчаковскую армию (по призыву 1919 г.), однако бежал. Известно, что дезертиры из молодежи первоначально составляли основу многих партизанских отрядов. В своих воспоминаниях П.А. Нечаев последовательно рассказывает о различных формах террористической деятельности партизан, в том числе и об

убийстве колчаковского сыщика, пытавшегося найти следы бывшего советского руководителя в Каменском уезде И.В. Громова (Мамонова). Причем сам факт свершившегося убийства и спустя много лет выступает здесь, как совершенно обыденное явление, нечто вроде драки между деревенскими парнями: «Я схватил за горло и за яйца. Горюнов выхватил из-за ошкура сыщика бульдог и выстрелил ему в лоб. Убили и вернулись по домам»².

Вскоре небольшой партизанский отряд совершает набег в с. Корнилово на торговца скотом, «крупного спекулянта» Манохина, жестоко притеснявшего бедноту. Кроме того, ответные чувства злобы и мести Манохин вызвал тем, что незадолго до этого набега обратился за помощью к карателям, перепоровшим плетями и шомполами большевистски настроенных крестьян. Причем после жестокой порки около тридцати крестьян, девять из них белые насильно заставили исповедаться и причаститься в местной церкви, а затем увели на кладбище и расстреляли. Насилие и произвол, происходившие по вине представителей противоборствующих сторон, порождали прогрессирующие чувства ненависти и мести, которые приобретали всепроникающий, иррациональный характер, выражая себя и в фактах коллективной ответственности. По словам мемуариста, под видом белых партизаны ворвались в дом торговца Манохина, взорвали бомбой его двенадцатилетнего сына, а сам Громов из бульдога застрелил его жену³. Громовский отряд реквизировал у Манохина деньги (10000 руб.), ящик с товаром, большое количество пимов, а также пару лошадей.

В этот же день партизаны убили компаньона Манохина, мельника Н. Леоненко вместе с его женой. Последовали и другие экспроприации, в ходе которых полученные деньги шли на закупку необходимого оружия, массовые убийства милиционеров (в начале приводится цифра восемь, затем еще двадцать восемь человек), взбудоражившие окрестное население. После этого партизанская деятельность сподвижников Громова до весны 1919 г. приостановилась в силу усиления карательной политики колчаковских властей.

В мае 1919 г. партизаны, переодетшись в белогвардейскую форму, совершили нападение на старообрядческого попа, выдавшего белым в селе Поперечном многих крестьян, сочувствующих советской власти. У попа было конфисковано около пяти тысяч золотом и серебром, а сам он был убит партизанами на Ярковских заимках.

В целом на протяжении Гражданской войны в Западной Сибири (особенно весной — осенью 1919 г.) представителями разных партизанских отрядов были совершены массовые, потрясающие

своей жестокостью убийства священнослужителей, как по причине их активного сотрудничества с колчаковскими властями (в том числе шпионажа в пользу белых, доносительства на всех неблагонадежных и неугодных), так и в силу яростного неприятия старого мира, дореволюционного прошлого, с которым ассоциировалось нередко духовенство. Причем расправы над священниками были характерны, прежде всего, для партизанских частей, в социальном составе которых преобладали криминальные элементы, бывшие преступники, дезертиры, лица с ярко выраженным маргинальным типом сознания. Что же касается крупных партизанских соединений, в которых явственно прослеживалось стремление установить строгий порядок и воинскую дисциплину (по крайней мере с осени 1919 г.), то в них подобные репрессивные акции практиковались гораздо реже.

В частности, И.В. Громов (Мамонов), ставший впоследствии командиром партизанского корпуса, по этому поводу отмечал в своих воспоминаниях: «Я с небольшим отрядом в это время находился верстах в 30-ти от Корнилова. Это было в последних числах октября 1918 г. Мы решили укротить аппетит кулацко-поповской своры, чтобы они забыли, как составлять списки на большевиков [...] Мы решили в противовес белому террору, чинимому карательными отрядами, объявить красный террор и на 3-й день после указанной казни расстреляли две кулацкие семьи вместе с их детьми.

Наверно, кто будет читать мои воспоминания, назовет нас зверями за нашу расправу, но должен сказать, что мы шли на это вполне сознательно, чтобы этим красным террором приостановить белый террор и этим самым спасти сотни и тысячи невинных человеческих жизней, которых выдавало кулачество как большевиков»⁴ (выделено мною. — И.К.).

Неслыханно кощунственные казни священнослужителей, погромы православных храмов совершали партизаны так называемых анархистских отрядов Рогова и Новоселова. Так, в донесении титовского волостного секретаря в Барнаульскую уездную земскую управу от 29 октября 1918 г. сообщалось о нападении полутысячного отряда роговцев на село Дмитро-Титовское. Причем, как указывал секретарь, бандиты не только совершили ограбление, но и убили 14 человек мирных жителей, преимущественно зажиточных. В числе убитых оказался священник о. Василий Закурдаев, которого, обхватив веревкой, роговские партизаны привязали к запряженной двумя лошадьми телеге, носились на ней по селу во весь карьер, а сзади трое верховых нагоняли и топтали

обреченную на мучения жертву. У растерзанного священника впоследствии было обнаружено несколько огнестрельных и штыковых ран, все тело оказалось избитым, а голова отрублена. «Эти разбойники почти над каждым убитым производили подобные пытки, — писал волостной секретарь, — а в довершение всего бросали на огонь. Трое из убитых оказались сожженными. В церкви все иконы переколоты штыками, вся церковная утварь побита, престол обнажен, но этого еще было мало, они заводили лошадей и там разъезжали верхом»⁵.

Сведения о погромной деятельности партизанских отрядов Рогова подтверждаются данными различных источников, несмотря на то, что некоторые бывшие роговцы утверждали, что чудовищные расправы совершали не они, а уголовники, вышедшие в этот момент из тюрем, или проникшие в партизанские ряды⁶.

Действительно, криминальная стихия всегда сопутствовала народным бунтам, и в том числе повстанческо-партизанскому движению, которое имело с ними сходные черты и сопровождалось погромами, разгулом уголовщины, вырвавшейся на волю из тюрем во время революции и Гражданской войны. Однако, по другим сведениям, роговцы вовсе не опровергали своего очень деятельного участия в кровавых расправах над «гадами», всеми чуждыми им элементами. Так, по словам дочери его сподвижника Е. Новоселовой, Г.Ф. Рогов после освобождения из-под ареста в начале марта 1920 г. (по распоряжению командования 5-й армии) признался: «В настоящий момент я не признаю никакой работы. Я признаю бунтарей, бунтарство. Террор, полнейший террор»⁷.

В декабре 1919 г. опустошительному погрому и омерзительным жестокостям, насилиям со стороны обреченного роговского отряда подверглись жители городов Кузнецка и Щегловска Томской губернии. Известный сибирский писатель В.Я. Зазубрин в очерке «Неезженными дорогами» делился личными впечатлениями от посещения Кузнецка в 1926 году, спустя семь лет после описываемых событий: «Я медленно иду по рубчатым, черно-рыжим чугунным плитам. Мне кажется, что я иду по запекшейся, заржавевшей крови. Сюда в 19-м году роговцы согнали «буржуев, попов и прочих паразитов» и здесь «казнили» их четвертованием, жгли. Здесь в алтаре, на престоле, была разложена и изнасилована толстая купчиха Акулова. Изнасиловав Акулову, роговцы воткнули ей в живот зажженную рублевую свечу. Потом собор, заваленный трупами убитых и недобитых купцов и попов, зажгли. От собора остались стены»⁸. Жертвы только среди населения Кузнецка соста-

вили не менее нескольких сотен человек, хотя они до сих пор не поддаются точному учету.

К сожалению, разрушение православных церквей в Гражданскую войну уже не воспринималось партизанами как акт вопиющего вандализма, более того, по свидетельству тех же роговцев, нередко диктовалось практической необходимостью, связанной с военной обстановкой, поскольку колчаковцы каменные церкви превращали в крепости, а церковные колокольни в пулеметные гнезда и наблюдательные пункты, в результате чего партизаны несли значительные людские потери⁹.

Приведенные примеры свидетельствуют о серьезных деформациях в нравственно-психологическом облике участников партизанского движения, нарастании агрессивного поведения с их стороны. В период Гражданской войны поведение значительной части партизан обуславливали, прежде всего, ярко выраженные, самодовлеющие чувства ненависти и мести. По признанию одного из партизанских мемуаристов, «единственным желанием каждого партизана было иметь огнестрельное оружие, чтобы отомстить негодьям за зверства, чинимые над беззащитным населением деревень» (выделено мною. — И.К.)¹⁰. А в предсмертной записке юного партизана Кири Боева, которую он, отстреливаясь от белых, написал собственной кровью, говорилось: «Товарищи, погибаю не от рук палачей, а от своей руки, должны за меня отомстить сотне палачей»¹¹.

Понятно, что с одной стороны партизанский террор тесно смыкался с уголовщиной и бандитизмом, а с другой стороны, уходя своими корнями в полную противоречий действительность самодержавной России, он являлся порождением сложных психологических и провокационных факторов: жестокостей, произвола, насилия, неадекватных действий со стороны колчаковских властей. И как и всякий другой террор, преследовал собой цель вызвать страх, сменяемый ужасом, и тем самым внести дезорганизацию, панику в жизнь вражеского тыла.

Примечания:

¹ Никитин А.Н. Мемуары как источник по истории партизанского движения в Сибири в годы гражданской войны: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Томск, 1979. — С. 12–13.

² ЦХАФАК (Центр хранения арх. фонда Алтайского края). Ф. 1061. Оп. 1. Д. 306. Л. 5.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922: Хрестоматия / Изд-ие управления архивного дела администрации Ал-

тайского края и комитета по образованию администрации Алтайского края.
— Барнаул, 2001. — С. 175.

⁵ Там же. — С. 272–273.

⁶ Там же. — С. 268.

⁷ Там же. — С. 255

⁸ Цит. по: *Зазубрин В.Я. Общежитие* / Сост. Г. Арабескин. — Новосибирск, 1990.
— С. 404–405.

⁹ Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. — С.
262–263.

¹⁰ *М. А-зов. Горные партизаны (Воспоминания)* // *Алтайская деревня*. — 1924. —
№1. — С. 132.

¹¹ ЦХАФАК. Ф. 1061. Оп. 1. Д. 306. Л. 17.

П.Г. Любомиров в Томском университете

В последней четверти XIX в. самым крупным городом Сибири по-прежнему оставался Томск. К торгово-промышленному первенству прибавилось и научное — там по инициативе и на средства местных предпринимателей был открыт университет.

В период между двумя революциями волею судьбы оказался в Томске¹, где в университете только что открылся историко-филологический факультет², П.Г. Любомиров, недавно защитивший магистерскую диссертацию в Петроградском университете (10 декабря 1917 г. он был утвержден в ученой степени). Еще 1 июля этого же года он стал исполняющим должность экстраординарного профессора Томского университета (по другим сведениям, с 1 сентября)³. В отношении от 9 сентября 1917 г. за №9020 товарища министра народного просвещения ректору Томского университета сказано, что «приват-доцент Петроградского университета, выдержавший испытания на утверждение степени магистра русской истории, Любомиров утвержден профессором Томского университета с 1. 07. с. г.»⁴. Карьера ученого продвигалась быстро. Уже через год (27.06.1918 г.) П.Г. Любомиров был назначен исполняющим должность ординарного профессора (с 27 мая 1918 г.), а 20 сентября 1919 г. избран на должность ординарного профессора, которую и занимал до избрания его профессором Саратовского университета (со 2 июля 1920 г.). Отчислен же П.Г. Любомиров из Томского университета был только 18 ноября 1920 г.⁵

Сложно судить, почему П.Г. Любомиров выбрал сибирский университет, хотя одновременно с открытием нового факультета в Томске был открыт историко-филологический факультет и в Саратове, на его родине. По воспоминаниям Е.Н. Кушевой (ученицы П.Г. Любомирова), «на вакансии профессоров и преподавателей историко-филологического факультета ... приехали, главным образом ученые из Петрограда и Москвы»⁶. К моменту своей неожиданной перемены места жительства и вуза (хотя, надо думать, П.Г. Любомиров занимал довольно прочные позиции и на кафедре русской

истории в столице, единственно, что смущало, как и других ученых, — это профессорская карьера) П.Г. Любомиров был уже известным исследователем. П.Г. Любомиров зарекомендовал себя (еще к 1916 г.) в оценке А.А. Савича (последний слушал лекции и присутствовал на семинарах П.Г. Любомирова), «первосортным лектором. Эрудиция — колоссальная, он прекрасно знал греческий язык»⁷. Воспринял П.Г. Любомиров от С.Ф. Платонова и манеру работы с источником. Именно эту деталь отмечали в дальнейшем многие исследователи, в том числе и прямые его ученики. Например, А.А. Савич отмечал: «значение источника у него было исключительное»; Е.П. Подъяпольская писала, что ее учитель придавал большое значение «единству источника, единству тематики»⁸. Исследовательская манера, заимствованная у С.Ф. Платонова, организаторские способности, образованность позволяли заниматься разнообразными направлениями научно-исследовательской и педагогической деятельности. В Томском университете П.Г. Любомиров активно включился в организацию изучения краеведения, сибиреведения и архивоведения.

Переезд пришелся на самый разгар Гражданской войны. Трудно вообразить, как в этот момент можно было решиться на дальнюю дорогу, через фронты боевых действий, когда было совершенно неясно, какая и где будет власть. Ученые же страны были озабочены сохранением от пожара войны исторического и культурного наследия народа, что было важно, несмотря ни на какую смену власти. В этом отношении показательна деятельность П.Г. Любомирова. Ученый занимался своим делом и при «белых», и при «красных». Так, Временное правительство Томской губернии выдало в 1919 г. удостоверение профессору П.Г. Любомирову, дававшее право осматривать архивы г. Томска, в том числе архивы бывших жандармского, губернского и губернаторского управлений⁹. В данных учреждениях скопилось большое количество материалов, в том числе политических, которые представляли большую научную и историческую ценность. Уже после восстановления советской власти в городе 26 мая 1920 г. Постановлением Томского губернского революционно-го комитета П.Г. Любомиров был утвержден в должности заведующего губернским архивным управлением¹⁰. Таким образом, П.Г. Любомиров стоял у истоков создания советской архивной службы в Томске. Примечательно, что его учитель и другие историки — А.Е. Пресняков (П.Г. Любомирова часто называют и его учеником¹¹), С.В. Рождественский, П.Г. Васенко, Б.А. Романов и другие — налаживали архивное дело в Петрограде, Б.Д. Греков — в Кры-

му, и предпринимали неимоверные усилия к спасению архивных собраний от уничтожения. «Восстановление советской власти в Томске сразу же вывело П.Г. Любомирова на гораздо больший простор научно-организационной работы, и он, в частности, очень много сделал для организации в Томске архивного дела на новых советских началах», — констатировал С.Н. Чернов (*ученик С.Ф. Платонова и ближайший друг П.Г. Любомирова*. — В.М.) на траурном заседании, посвященном его памяти¹².

Активное участие принял П.Г. Любомиров в организации Института исследования Сибири. Поразительно, еще не закончилась жестокая, разрушительная, братоубийственная война, а налаживали изучение истории Сибири. Организация этого учреждения была вызвана благородной целью — «оживление работы замирающих обществ для распространения деятельности живых учреждений, для поощрения энергии отдельных исследований и руководства и помощи начинающим интересоваться нашими дисциплинами — нужен какой-то центр, который бы объединял и время от времени соединял на съездах разобщенных работников, который координировал бы теперь разрозненные и в каждом учреждении ведущим за свой страх работу», — говорилось в «Грудах съезда по организации Института исследования Сибири», который состоялся в 1919 г. Кроме того, справедливо было отмечено, что «многие крупные и наиболее авторитетные деятели по исследованию Сибири в области наших дисциплин отрезаны от нас фронтом и не могут сказать своего веского слова»¹³. При институте было создано общество «Института Сибири», в совет которого входил и П.Г. Любомиров¹⁴. Приведенный документ позволяет предположить, что П.Г. Любомиров преподавал и в других учебных заведениях Томска, в частности, в технологическом институте.

Заметим, что в дореволюционный период ряд ученых серьезно интересовались историей Сибири, особенно на раннем этапе ее колонизации. Выдающийся историк С.Ф. Платонов в своих работах разрабатывал многие проблемы колонизации Зауралья. Он исследовал пути, ведущие из Европейской России «за Камень», роль правительства в процессах колонизации восточных земель, вопросы сибирского летописания, высказал оригинальные оценки похода Ермака и роли Строгановых, которые оформятся в целое направление на колонизацию Сибири в 1920-е годы¹⁵. С середины 1910-х гг. история Сибири становится ведущим направлением научной деятельности московского ученого С.В. Бахрушина (впоследствии выдающегося сибиреведа), взгляды которого «на коло-

низационные процессы сформировались под воздействием авторитета В.О. Ключевского», а в дальнейшем, в 1920-е гг., «испытали серьезное влияние С.Ф. Платонова»¹⁶. Названные ученые активно разрабатывали сибиреведческие проблемы в начале нового столетия.

Вероятно, по делу службы П.Г. Любомирову приходилось выезжать в отдаленные районы губернии. Поэтому 14 августа 1918 г. П.Г. Любомирову как профессору университета было выдано удостоверение на получение скидки при проезде на пароходе¹⁷. Видимо, материальное положение профессорского состава было не лучшее. Каким-то образом, пытаясь облегчить поездки, вводились льготы при пользовании пароходным транспортом.

Интересна следующая деталь жизни П.Г. Любомирова в Томске: как законопослушный гражданин, он явился «для регистрации по организации дружины самоохраны и принят на учет под №420 12 декабря 1919 г.»¹⁸.

Уже в конце своего пребывания в Томске П.Г. Любомиров был командирован на 3 месяца (с 15 мая по 15 августа 1920 г.) в Саратов, Москву и Петроград «для изучения рукописного материала, относящегося к изучению Сибири»¹⁹. Хотя это была официальная командировка, она, вероятно, была использована для решения вопроса о переводе П.Г. Любомирова в Саратовский университет (где также открылся Историко-филологический факультет)²⁰. А перебраться при «случае» из Томска П.Г. Любомиров мечтал, хотя это казалось ему «беспочвенным» делом²¹.

Поездка в столичные города необходима была, как нам представляется, для согласительных процедур, встреч с лицами, которые могли оказать авторитетное содействие в переводе, в том числе и с С.Ф. Платоновым (активная переписка с ним, прерванная Гражданской войной, с новой силой возобновилась 4 февраля 1920 г.). Командировка была оформлена от Архивного управления Томской губернии и отдела народного образования на основании распоряжения Сибнаробра от 19 мая 1920 г.²²

Единственный в Томском университете профессор русской истории П.Г. Любомиров состоял членом организованного там общества этнографии, истории и археологии. Общество в плане работы на первое полугодие 1920 г. запланировало на 21 января доклад П.Г. Любомирова «Из экономической истории Древней Руси по кладам арабских монет». Заметим, что материалы этого доклада были положены в основу известной работы «Торговля Древней Руси с Востоком в VIII–IX вв.», которая напечатана в «Ученых записках

Саратовского университета» (1923 г.) и высоко оценена специалистами²³. На годовом заседании совета университета в 1918 г. П.Г. Любомиров выступил с большой речью на свою любимую тему, изучение которой принесло ему широкую известность: «Социально-политический кризис, известный под именем Смутного времени»²⁴. «Конечному разорению Московского государства» П.Г. Любомиров посвятил цикл лекций на летних учительских курсах, на которые был приглашен в 1918 г. Среди основных пособий для слушателей он рекомендовал «Очерки» С.Ф. Платонова и свой «Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг.»²⁵ (который скорее всего еще не был известен среди местных историков и краеведов). В лекциях П.Г. Любомиров вновь подчеркнул значение вступления Минина и деятельность кн. Дмитрия Пожарского, направленную на «освобождение отечества». Среди итогов Смуты П.Г. Любомиров называет «смену правящего класса (вместо бояр — дворяне), рост бюрократии и проникновение в неё дворянства, усиление неволи крестьян, начало увеличения или подготовка разрыва интеллигенции и народа»²⁶.

В Томске же П.Г. Любомиров разработал целый курс по русской истории, который он читал в университете. Материалы лекций были затем высланы ему в Саратов деканом историко-филологического факультета (*на конверте нет фамилии. — В. М.*) 18 октября 1920 г.²⁷ (Обратим внимание на дату. Именно 18 октября П.Г. Любомиров был отчислен из Томского университета) на факультет общественных наук Саратовского университета. Лекции (*на деле, где хранится конверт с материалами, они называются «записки, выписки, составил Любомиров»*). Конечно, это не написанные лекции в прямом смысле слова, предназначенные для печати, а, в некоторой степени, планы лекций, написанные на листочках — части листа, исписанные с обеих сторон, в большей части простым карандашом. Вот, например, материалы лекции, где говорится об истории Сибири: «Отряды на Сибирь. Не его (Ивана IV) заслуга. Воры на Волге. На службе у Строгановых...»²⁸.

Работая на кафедре русской истории, П.Г. Любомиров вел работу по оснащению кабинетов, закрепленных за нею. Так, 18 июля 1919 г. на основании написанного им еще 22 марта заявления, ему было направлено на фирменном бланке от имени ректора университета сопроводительное письмо с инвентарной книгой для кабинета русской истории на историко-филологическом факультете²⁹.

Один из близких учеников С.Ф. Платонова, П.Г. Любомиров активно переписывался с ним. Но переписка прервалась на целых

2 года. 4 февраля 1920 г., когда Гражданская война стала затихать, П.Г. Любомиров вновь написал в Петроград своему учителю из Томска. В письме имеются малоизвестные сведения о состоянии и организации занятий в Томском университете, о его преподавательском составе, о жизни и научной деятельности самого автора письма. Ситуация в стране была трудной, «почта еще не налажена», — писал П.Г. Любомиров. В первую очередь, его волнуют вопросы: как учитель пережил тяжелые годы, «над чем работает», как «живет Петроград и дорогие мне университетские коллеги — особенно русские историки». Интерес закономерен, так как последние вести (которые дошли до Томска) о столичной жизни, датировались весной 1919 года; очевидно, слух о кончине С.Ф. Платонова Сибири не достиг. Преподавательский состав Томского университета пополнился учеными из Саратова, затем из Кракова и Перми. «Но мне не везет, — сетовал П.Г. Любомиров, — я все один представляю здесь русских историков». Вначале, после переезда П.Г. Любомирова в Томск в конце марта 1918 г., он только читал лекции. «Прямо не представляю себе, что буду делать на будущий год, если никто не приедет», — писал он. В среде сотрудников «недурного» факультета была «дружная работа», которая давала «замечательные результаты»³⁰. Поэтому пребывание в крупном научном центре Сибири не прошло для П.Г. Любомирова бесследно. Но его серьезно беспокоило то, что семья оставалась в Саратове. Таким образом, данное письмо позволяет судить о многих проблемах и событиях в жизни сибирского университета времен Гражданской войны, личности известного историка.

Крупных работ во время пребывания в Томске П.Г. Любомиров не написал. К этому не располагала обстановка Гражданской войны, большая преподавательская нагрузка, работа по созданию факультета, участие в многочисленных курсах, обществах, общественная работа не позволяли сосредоточиться на крупном исследовании, да и период пребывания П.Г. Любомирова был непродолжительный. Однако именно здесь был начат ряд работ, которые были позже изданы уже в Саратове, например, уже упомянутая статья. На траурном собрании, посвященном смерти ученого, подчеркивалось, что «другие работы этого времени (1917—1920 гг.) в основном исполнены в Томске, но отделанные уже позже в Саратове и там напечатанные, представляют собой ценнейший вклад в изучение русской истории VIII—IX вв.»³¹.

Одним из направлений научно-краеведческой деятельности (П.Г. Любомиров к этому времени был членом Саратовской и авторитет-

ной Нижегородской губернской ученых архивных комиссий) П.Г. Любомирова в период пребывания в Томске являлось участие его в организованном при Институте исследования Сибири историко-этнологического отдела: на него были возложены также обязанности члена библиотечной и библиографической комиссии. Эту ответственную работу он вел до 12 марта 1920 г. Освобождая П.Г. Любомирова от этих обязанностей (по просьбе ученого), администрация института просила его оставаться членом института³².

Для организованных в 1918 г. курсов сибиреведения П.Г. Любомиров составил специальную программу. Она написана на нескольких листах с обеих сторон карандашом и поэтому во многих местах плохо читается³³.

Программа состоит из нескольких разделов, в основу положен хронологический принцип. В первом — «Значение изучения истории Сибири, как местной истории» — отмечается, что процесс освоения русским обществом Сибири не прекращается с конца XVI в. Этот процесс не остановила даже Смута, которая смогла только «задержать быстрое стремление на Восток». Уже к середине XVII в. русские достигли Камчатки и устья Амура. «Весь край, почти вся современная Сибирь в руках русских», — констатирует ученый. Если прежде они знали о загадочных землях, раскинувшихся за «Каменным поясом», из «удивительных рассказов» вроде «Сказа о людях незнаемых», где говорилось о людях, которые замерзают на зиму, то вскоре огромные просторы Сибири стали известны драгоценными соболями, черно-бурыми лисицами, высоко ценившимися в Европе, а также «рыбьим зубом».

По П.Г. Любомирову, Сибирь осваивалась прежде всего правительственными отрядами и «вольными ватагами», а цель продвижения на Восток — «жажда наживы» и «удаль». Для закрепления на новых территориях правительство посылает туда целые гарнизоны.

Большое место отводит в своей программе П.Г. Любомиров изменяющемуся значению Сибири. Со временем она становится местом ссылки и «полуссылки», а в народе слово «Сибирь» стали переводить как «тюрьма». Воеводство же во вновь присоединенных землях П.Г. Любомиров считает «государевой опалой». В качестве примера он ссылается на неизданную в то время грамоту Бориса Годунова от 1604 г. в Тару, где царь на просьбу разрешить пострижение в монахи одному казаку приказывает: «а сослан будет он в Сибирь не в нашей опале...». (Впоследствии, уже будучи в Саратове, об этой грамоте П.Г. Любомиров сообщал С.Ф. Платонову, советуясь по поводу издания сборника по истории Смуты).

Отмечая наличие многочисленных племен инородцев, ученый замечает, что мирная колонизация шла особыми путями, вдали от воевод, в обход правительственных гарнизонов и застав, через тайгу Алтая и Саян, где климат позволял заниматься земледелием.

В XVII в. Сибирь рассматривалась как транзит в «далекие и таинственные страны», например, в Китай, откуда шли «драгоценные азиатские товары», и место добычи ценных мехов.

С XVIII в., который П.Г. Любомиров характеризует как тяжелое для России время, в Сибирь бегут многие староверы (заметим, что эта тема, давно интересовавшая П.Г. Любомирова, активную разработку которой он начнет в 1920-е гг.), так как здесь «легче всего»; «сюда их тянет» попытка укрыться от правительственных отрядов. Несмотря на суровую природу, «дикий край», как пишет П.Г. Любомиров, мирный народ, продвигаясь, вступает в контакты с местным населением. В этот период приток населения в Сибирь увеличивается, прежде всего, за счет пленных шведов и поляков. Сюда же направляются заключенные, «разные подозрительные люди».

Отрицательными моментами считается продолжающееся хищническое расхищение пушных богатств, «естественных богатств недр» (П.Г. Любомиров указывает в этой связи на серебряные рудники), «безжалостную эксплуатацию туземцев».

XIX в. вносит существенные изменения в развитие края. По наблюдению П.Г. Любомирова, начинается активное освоение земельных богатств в южных районах Сибири, что приводит к формированию здесь «крупных хлеборобных районов». Правительство предпринимает меры, направленные на «запрет нелегальной колонизации Сибири (указы 1765, 1837, 1844 гг.). Эти меры приводили к усилению потоков населения на земли Зауралья. В народе находил распространение мечта «о восточных землях, сказочных заработках».

Среди историков, которые занимались изучением Сибири, П.Г. Любомиров называет Н.И. Костомарова и А.П. Шапова. Оба историка, по мнению П.Г. Любомирова, уловили «дух народа, дух жизни его, ее особенностей в различных районах». Н.М. Ядринцев же «продолжает их взгляды, доказывая, что Сибирь — область (со своей особой историей) — не колонизирована, «идет только эксплуатация местного края».

В программе П.Г. Любомирова отводится большое место задачам и основным направлениям изучения Сибири. Исследователь замечает, что оно должно рассматриваться как «изучение целого процесса построения России». Процесс колонизации оставил историку «обильный материал», который сосредоточен в основном в

архиве Сибирского приказа. П.Г. Любомирова волнуют вопросы: «Как устанавливались связи с местным населением, как происходило слияние с ним и его результаты? Влияние быта, воззрений, верований?»

Оторванный от крупных научных центров, П.Г. Любомиров, составляя свою программу, опирался в значительной мере на свою память, ссылаясь на труды немногих ученых, в основном XIX века.

П.Г. Любомиров предпочтение отдает правительственной колонизации. Именно эта мысль была высказана его учителем С.Ф. Платоновым, который, обратившись к проблеме покорения Сибири, еще в своей докторской диссертации — «Очерках по истории Смуты в Московском государстве в XVI—XVII вв.», а затем и в «Лекциях по русской истории» называл поход Ермака (которого признавали по сложившейся традиции покорителем Сибири) «одним из военно-приграничных предприятий», «случайностью» и приписывал инициативу в освоении восточных просторов правительству. Эта мысль будет развита С.Ф. Платоновым и в ряде других работ, особенно написанных в 1920-е гг., когда он активно будет разрабатывать проблемы колонизации Поморья и Сибири. Но примечательно, что П.Г. Любомиров уже тогда поддержал своего учителя в этом вопросе.

Период пребывания крупного исследователя русской истории П.Г. Любомирова в Томском университете оказался небольшим по времени, но богатым по содержанию. В частности, рассмотренная программа, участие П.Г. Любомирова в ряде обществ, работа по организации архивной службы в Томске позволяют увидеть в нем заинтересованного историка Сибири, разностороннего ученого.

Примечания:

- ¹ Пока не выяснено, когда точно и как оказался ученый в сибирском университете.
- ² Историко-филологический факультет открылся в составе Томского университета 1 июля 1917 г. (См.: Постановления Временного правительства // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). — 1917. — №10. — С. 83).
- ³ В автобиографии П.Г. Любомиров писал: «1 сентября 1917 г. назначен профессором по кафедре русской истории во вновь организованном историко-филологическом факультете Томского университета, где и состоял до 2 июля 1920 г.» (Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 470. Ед. хр. 232. Л. 58). Чтобы привлечь специалистов в далекую Сибирь, были смягчены требования, предъявляемые к кандидатам на профессорские звания. Поэтому в Постановлении Временного правительства (его подписали министр-председатель кн. Львов, за министра народного просвещения П. Пресображенский) об открытии ряда новых факультетов в Саратовском и Томском университетах говорилось: «к исправлению должности экстра-

ординарного профессора могут быть избираемы лица, выдержавшие испытания на степень магистра и преподававшие в звании приват-доцента (П.Г. Любомиров был зачислен в состав приват-доцентов с осеннего полугодия 1915 г. Согласно прошению отчислен из состава приват-доцентов Петроградского университета 16 декабря 1917 г. (Там же. Ед. хр. 224. Л. 29)) одного из российских университетов не менее 3-х лет, допускается и сокращение этого срока» (См.: ЖМНП. — 1917. — №10. — С. 84). Заметим, что, воспользовавшись такой ситуацией (осенью 1916 г. в Перми был открыт филиал Петроградского университета), еще один ученик С.Ф. Платонова Б.Д. Греков покинул столицу для поиска профессорской кафедры и с 1 июля 1917 г. стал исполнять должность ординарного профессора по кафедре русской истории (См.: *Митрофанов В.В.* С.Ф. Платонов и Б.Д. Греков: Творческие контакты и личные взаимоотношения // Малоизученные и дискуссионные проблемы отечественной истории: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Я.Г. Солодкин. — Нижневартовск, 2005. — С. 237).

⁴ Справка, выданная архивным бюро в Томске 19 декабря 1929 г. №104 (ОПИ ГИМ. Ф. 470. Ед. хр. 224. Л. 33).

⁵ Там же. Л. 33—33об.

⁶ *Кушева Е.Н.* Воспоминания // Отечественная история (далее — ОИ). — 1993. — №4. — С. 131.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 470. Ед. хр. 242. Л. 15 об.

⁸ Там же. Л. 32.

⁹ Там же. Л. 34.

¹⁰ Там же. Л. 46.

¹¹ См.: Александр Евгеньевич Пресняков: Письма и дневники 1889—1927. СПб., 2005. С. 937. Е.Н. Кушева пишет, что П.Г. Любомиров только испытал «сильное влияние А.Е. Преснякова» (См.: *Кушева Е.Н.* Воспоминания. — С. 132).

¹² ОПИ ГИМ Ф. 470. Ед. хр. 232. Л. 8.

¹³ Там же. Ед. хр. 224. Л. 27.

¹⁴ Вот текст одного извещения: «имеющее состояться сегодня, в четверг, 4 сентября, заседание совета общества «Института Сибири» вследствие экстренного заседания совета технологического института, назначенного на то же время, переносится на завтра (подчеркнуто синим карандашом), пятницу, 5 сентября, на 7 час. вечера. Профессору П.Г. Любомирову» (ОПИ ГИМ. Ф. 470. Ед. хр. 185. Л. 17).

¹⁵ *Митрофанов В.В.* С.Ф. Платонов как исследователь колонизации Зауралья// Западная Сибирь: История и современность: Краеведческие записки (далее — ЗС). — Тюмень, 2003. — Вып. 5. — С. 102—114; Он же. С.Ф. Платонов о роли Строгановых в присоединении Сибири к России // Тюменский исторический сборник. — Тюмень, 2004. — Вып. 7. — С. 43—52.

¹⁶ *Митрофанов В.В.* С.Ф. Платонов и формирование взглядов С.Ф. Бахрушина на проблемы колонизации Сибири // ЗС. — Тюмень, 2004. — Вып. 6. — С. 80—81.

¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 470. Ед. хр. 224. Л. 42.

¹⁸ Там же. Л. 43.

¹⁹ Там же. Л. 44.

²⁰ См.: ЖМНП. 1917. №10. С. 83. Е.Н. Кушева, допускает неточность, называя дату 1.09.1917 (См.: *Кушева Е.Н.* Воспоминания. — С. 130).

²¹ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 3440. Л. 19 об.

²² ОПИ ГИМ. Ф. 470. Д. 224. Л. 44.

- ²³ Zeitschrift für Slavische Philologie. — 1926. Band III. Hef 7. — S. 264–266.
- ²⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 470. Ед. хр. 139. Л. 1–9.
- ²⁵ Там же. Ед. хр. 141. Л. 1–10.
- ²⁶ Там же. Л. 6, 8.
- ²⁷ Там же. Л. 12–99.
- ²⁸ Там же. Л. 39 об.
- ²⁹ Там же. Ед. хр. 185. Л. 2
- ³⁰ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 3440. Л. 18–19 об.
- ³¹ ОПИ ГИМ. Ф. 470. Ед. хр. 232. Л. 7–8.
- ³² Там же. Ед. хр. 224. Л. 35.
- ³³ Там же. Л. 48–51 об.

Тюменцы и их город в 1920-е годы

Парадоксально, но Тюмень не скатилась в «демографическую яму», куда после революции и двух войн, Первой мировой и Гражданской, попала истерзанная Россия. Более того, в 1914–1920 гг. население города даже увеличилось с 42550 до 43134 человек¹. Однако темпы и источники этого роста существенно изменились. Если в предшествующее десятилетие численность тюменцев ежегодно возрастала на 2–3%, причем в основном за счет естественного прироста, то за семь военных лет этот показатель понизился в 10 раз — до 0,2–0,3%, а главным фактором относительной демографической устойчивости стал приток беженцев. Этот поток продолжался и в первые годы нэпа, когда жесточайшая засуха в Европейской России заставила огромные массы людей искать спасения от голодной смерти вдали от родного дома. Тюмень была первым крупным перевалочным пунктом на их трудном и жертвенном пути за Урал. В отдельные недели здесь скапливалось до 5 тыс. беженцев, которые питались «мясом собак, сорок, ворон и другими птицами и зверями, ранее не употреблявшимися в пищу, и даже... падалью»². Ради миски пустой похлебки они соглашались на любую работу — расчищали свалки, подметали улицы, перетаскивали грузы.

Волна вынужденных переселенцев до предела обострила все язвы городской жизни. Возросли преступность, нищенство, ухудшилась эпидемиологическая обстановка. В июле 1921 г. в Тюмени вспыхнула эпидемия холеры, осенью пришел тиф, которым переболели 6948 человек, т.е. каждый шестой горожанин³.

Чтобы облегчить положение беженцев, для них на одной из окраин города наскоро построили бараки с печками «буржуйками» и баню. Здесь же открыли столовую, где время от времени выдавали горячие обеды. Однако масштабы бедствия оказались столь велики, что помочь всем голодающим было просто невозможно, тем более что в условиях разрухи запасы продовольствия в регионе не покрывали даже половины минимальной потребности населения в хлебе⁴.

Острый дефицит продовольствия сопровождался бешеным ростом цен. Если в сентябре 1921 г. пуд муки стоил 140–150 тыс. руб., то через два месяца — 230–250 тыс. руб., а еще через полгода — 12 млн. руб. За это же время стоимость фунта масла выросла с 15 тыс. руб. до 500–600 тыс. руб., а четверти молока — с 5 тыс. руб. до 500 тыс. руб.⁵ К декабрю 1922 г. цены на картофель в сравнении с 1914 г. поднялись в 1666 раз, на яйца — в 1647 раз⁶.

При заработной плате рабочего, лишь изредка доходившей до 120 тыс. руб. в месяц (данные на сентябрь 1921 г.), ее не хватало даже на то, чтобы питаться одним хлебом. Катастрофическим было материальное положение служащих, интеллигенции. Так, за первую половину сентября 1921 г. средняя заработная плата тюменского учителя составила 1143 руб., на которые можно было приобрести только полстакана молока или 10 спичек⁷. В этих условиях в первые годы нэпа в основном сохранялась сложившаяся в годы Гражданской войны распределительная система снабжения населения продуктами питания (по талонам и хлебным карточкам), а продовольственные нормы зависели от наличных ресурсов и дифференцировались для различных групп населения. Так, за первую половину июля 1921 г. рабочие получили по 11,25 фунта муки и полфунта соли, дети — по 9 фунтов муки, полфунта масла и столько же соли, неработающие женщины-матери — 3 фунта муки, полфунта масла и столько же сахара⁸. Не составляет труда рассчитать, что при таком снабжении энергетическая ценность пищевого рациона работающего мужчины не превышала 1000 ккал в сутки (вместо необходимых 3000 ккал) и не возмещала его энергозатрат. Трагизм тех дней ярко передает короткое, но леденящее душу частное объявление, помещенное в тюменской газете «Трудовой набат»: «Не имея возможности прокормить детей, отдаю в дети мальчика десяти лет и трех девочек — тринадцати, семи и пяти лет»⁹.

Еще хуже было организовано снабжение населения промышленными товарами. Работница одного из предприятий жаловалась в городской Совет, что «за 9 месяцев работы не получила ни обуви, ни мануфактуры», хотя «является сестрой красноармейца»¹⁰.

Кризис снабжения, нараставший с каждым днем, лишил рабочих и служащих даже минимальных стимулов к труду. Привычными стали воровство на предприятиях, прогулы. В июне 1921 г. в расчете на одного рабочего Тюмени приходилось 12,6 прогула, на одного служащего — 9,6, в июле — соответственно 13,8 и 11, в августе — 12,2 и 9,1¹¹ и т.д. Продолжалось сокращение промышленного производства, и без того пришедшего в упадок. Если за

семь военных лет выработка продукции на кожевенных предприятиях города упала в 4,3 раза, то за шесть месяцев мирного времени — в 3 раза¹². Производство в мукомольной отрасли, главной в дореволюционной Тюмени, уменьшилось в 7 раз, в деревообрабатывающей — в 3 раза. На 1 января 1922 г. в Тюмени не работали 13 заводов, в том числе Жабынский судостроительный, мыловаренный «Унион», лесопильный, кирпичный, уксусный, лаково-чернильный и другие. Развал царил на заводе «Механик», в прошлом самом крупном металлообрабатывающем предприятии края. Современник, побывавший здесь осенью 1922 г., увидел «наглухо заколоченные окна полуразрушенных фабрично-заводских зданий, которые навешают на каждого человека какую-то грусть»¹³.

В критическом положении находилось и городское хозяйство: почти прекратилось освещение улиц, разрушались деревянные тротуары, с перебоями работали телефонная сеть, водопровод, переправа через реку Туру. В выгон для скота превратились городские сады, дырами прогнившей мостовой зиял уникальный Затюменский мост, сооруженный в середине XVIII века. Город, и раньше не отличавшийся чистотой, был завален кучами мусора. Вот так, например, выглядел в начале 1922 г. один из уголков центральной части Тюмени: «На берегу Туры около Народного дома навалена масса навоза и отбросов из помойных ям. За последнее время, очевидно, из-за того, что берега уже не хватает, нечистоты начинают валить прямо на Ильинскую улицу (ныне ул. 25 лет Октября), и она представляет собой что-то невообразимое»¹⁴.

Положение оставалось почти безнадежным вплоть до 1923 г., когда в основном сформировались нэповские механизмы хозяйствования и новый, к счастью, хороший урожай позволил перевести дыхание. Большое значение имел также переход на новые принципы формирования городского бюджета: введение местных налогов (со строений, выездных экипажей, домашних животных, грузов и др.), отчислений от государственных налогов и сборов (подходно-имущественного, промыслового, гербового и др.), платы за пользование городским имуществом, коммунальными услугами, землей. Это позволило восстановить освещение улиц, водопровод, построить первый деревянный мост через Туру, исправить тротуары и вымостить ряд улиц, начать работы по озеленению. Для вывоза мусора в 1923 г. организуется «ассенизаторский обоз».

Однако, пожалуй, главной приметой нового стало расширение сферы товарно-денежных отношений. Если на 1 января 1922 г. в Тюмени насчитывалось только 35 торговцев, то на 1 января 1923 г.

— 366, на 1 января 1924 г. — 691¹⁵. Торговали в магазинах, лавках, ресторанах и трактирах, с рук и земли. Главной торговой «точкой» города была Базарная площадь. В 1923 г. здесь восстановили торговые ряды, расташенные на дрова в годы Гражданской войны: «зеленый» (для торговли зеленью и молочными продуктами), мучной, рыбно-мясной, гончарный и другие. Рядом находилась «толкучка», здесь же продавали лошадей, сено, дрова. «Если пройтись в любой день недели по тюменскому базару, — писал современник, — то мы увидим, что на нем царит большое оживление. На нем есть все: и продукты сельского хозяйства, и промышленные изделия, и книги, и газеты, и вообще все, что угодно»¹⁶. В 1926 г. вместо торговых рядов на площади построили крытые ларьки и лавки. В летнее время они открывались в 7 часов утра и закрывались в 17 часов. Зимой торговля на Базарной площади велась с 8 до 16 часов¹⁷.

В начале 1923 г. в Тюмени возобновила работу товарная биржа, где торговали не наличными товарами, а по их образцам. За первые полгода работы здесь заключили 376 сделок. Объектами биржевой торговли являлись зерно (в 1923/24 г. — 21% оборота), кожа (18%), продукты питания (17,1%), текстильные товары (16%), а также шерсть, мыло, махорка¹⁸ и др. Тогда же возродилась тюменская ярмарка, проводившаяся с 15 июня до 1 августа¹⁹.

Правда, реабилитация товарно-денежных отношений сдерживалась сохранением запрета на куплю-продажу земли, крупных предприятий, железнодорожного и водного транспорта, дефицитом товарной продукции. Возможности развития рыночной экономики сужались также в связи с сохранением в первые годы нэпа государственной монополии на ряд наиболее ходовых потребительских товаров. Так, до весны 1922 г. в руках государства оставалась торговля солью, кожевенным сырьем, пушниной, лесом, до лета 1922 г. — медикаментами. До 1925 г. сохранялась государственная монополия на спирто-водочные изделия, драгоценности.

Все эти обстоятельства обусловили соответствующую структуру рынка нэповской России, в том числе Тюмени. Ведущие позиции в городской торговле занимал государственно-кооперативный сектор: в 1923 г. из 54 тюменских магазинов 30 являлись государственными, 21 — кооперативными и только 3 принадлежали частным лицам²⁰. В то же время базарная и уличная торговля в основном контролировалась частником.

Середина двадцатых — это время возрождения тюменских промышленных предприятий, некоторые из них даже превзошли производственные показатели 1913 года. Так, на заводе «Механик»

в 1926 г. работали уже 369 рабочих (в 1908 г. — 220). Основное производство велось в литейном и металлообрабатывающем цехе, где выпускалось чугунное литье, главным образом, печи и посуда. В трех вспомогательных цехах — механическом, кузнечном, гончарном — производили гвозди, проволоку, детали для машин, водоразборных колонок и т.п. К 1928 г. годовая выработка чугунного литья на заводе составила 2 тыс. тонн (в 1913 г. — 1 тыс.). Среди других городских предприятий выделялись фабрика «Пламя» (в 1913 г. производила 70 тыс. ящиков спичек и 2 тыс. куб. м. фанеры; в 1928 г. — соответственно 100 тыс. и 4 тыс.), завод «Угольник» (в 1913 г. производил 12 тыс. валенок; в 1928 г. — 52 тыс.), пивоваренные заводы «Нэп-1» и «Нэп-2» (в 1913 г. производили 30 тыс. гл пива; в 1928 г. — 40 тыс.)²¹ и другие.

В связи с оживлением торгово-промышленной деятельности начинается восстанавливаться банковская система. В июне 1923 г. открывается Трудовая сберегательная касса²², в феврале 1924 г. — тюменское отделение Промбанка²³.

Переход к нэпу изменил весь ритм городской жизни. Ее выразительную зарисовку оставил некто Грей, с помощью которого мы и совершим небольшую экскурсию по Тюмени:

«Еще не так давно приезжающий из Москвы с прискорбием сердечным говорил, что у нас скучно. Идешь, бывало, по ул. Республики, и ничего-то на ней нет: все дома заняты под казармы или склады. Сейчас не то. И вывески, и окна так и ласкают взор. Все помещения приспособлены под магазины, рестораны. А где этого нет, там обязательно мельница. Этих мельниц народилось масса. Стоит одна — на ее месте вырастает другая. В ресторанах гремит музыка, окна поблескивают мадерой, хересом. В цирке для нашей почтеннейшей публики представляют захватывающие фокусы. В театре вылезает нагло на сцену и действует на ней пинкертоновщина. Ну, не возрадуется ли от этого сердце человека? О, да оно радуется! Посмотрите, как весело прохаживаются вечером группы «умеющих жить». В их глазах чинность, важность, уверенность. Они и любят соответствующее им обращение. Не пробуйте назвать их товарищами, вы встретите отпор. Называйте их господами. Это забытое слово начинает снова входить в обиход. Все чаще и чаще слышишь на улице: «Позвольте, господин», «Разрешите, господин». Даже рабочие порой величают друг друга господами.

Безусловно, начинающееся оживление полезно не только «нэпманам», но и трудящемуся населению. Все больше и больше встречаются веселые лица, нет уже той нахмуренности, недовольства,

которое было не так давно. Голод начинает уходить в область пре-
даний. Предприятия снабжаются сырьем, продовольствием и пус-
каются в ход. Рабочие веселей берутся за работу»²⁴.

С переходом 1 октября 1923 г. на выплату заработной платы чер-
вонными рублями тюменцы впервые после 1914 г. почувствовали
себя защищенными от инфляции, которая к тому же быстро пошла
на убыль, стали лучше питаться, хотя их пищевой рацион так и ос-
тался несбалансированным. В начале 1926 г. среднестатистический
горожанин ежедневно потреблял 684 г хлеба (рекомендуется 330 г),
370 г фруктов и овощей (650 г), 587 г мяса и рыбы (242 г), 38 г
сладостей (не более 50–100 г)²⁵. Расчеты показывают, что в это вре-
мя месячный доход полной тюменской семьи (разумеется, если муж
и жена работали), как правило, составлял 50–70 руб. (обычно рабо-
тающий мужчина получал 30–50 руб.; женщина-работница — 15–20
руб.). С вычетом квартплаты (в зависимости от заработка она со-
ставляла от 1 до 35 коп. за кв. м. жилой площади) и платы за обуче-
ние детей в школе, введенной в 1922 г. (1–3% от зарплаты), на по-
купки оставалось не менее 40–60 рублей. Конечно, такая сумма не
шла ни в какое сравнение с доходами новой буржуазии и даже окла-
дами партийных функционеров, но она гарантировала вполне сно-
сное существование основной массе «рядовых» рабочих и служащих.

Чтобы убедиться в этом, приведем сведения о средних ценах на
тюменском рынке по состоянию на 5 июня 1926 г. и сравним их с
покупательской способностью «рядовой» городской семьи: мука
ржаная (пуд) — 1 руб. 40 коп. (на «остаток» зарплаты можно купить
29–43 пуда); мука пшеничная (пуд) — 1 руб. 70 коп. (24–35 пудов);
масло сливочное (фунт) — 54 коп. (74–111 фунтов); телятина (фунт)
— 24 коп. (167–250 фунтов); свинина (фунт) — 28 коп. (143–214
фунтов); молоко (четверть) — 18 коп. (222–333 четверти); карто-
фель (ведро) — 19 коп. (211–316 ведер) и т.д. Дороже обходилась
покупка обуви или одежды, не говоря уже о велосипеде или радио-
приемнике. Так, женские туфли стоили от 6 руб. 90 коп. до 18 руб.,
рабочие сапоги — 12²⁶–19 руб., сандалии — от 2 руб.²⁶ и т.д.

Серьезным достижением в социальной сфере стали сокращение
продолжительности рабочего дня до 7 часов, осуществленное к 10-й
годовщине большевистской революции, введение в 1929 г. всеоб-
щего начального образования. В середине 1920-х гг. несколько улуч-
шилось медицинское обслуживание тюменцев, прекратились эпи-
демии. К 1929 г. в городе имелось 4 больницы, в том числе 2 детс-
кие (в 1913 г. — 2), 5 амбулаторий (в 1913 г. — не было), 5 фельд-
шерских пунктов (в 1913 г. — не было), родильный дом, кстати,

старейший в Сибири, станция скорой помощи (в 1913 г. — не было), сотрудники которой выезжали к больным на двуколке. Если в 1913 г. в Тюмени насчитывалось 16 врачей, то к 1927 г. — 39²⁷. В марте 1923 г. в предместье Тюмени открылся санаторий для больных туберкулезом, а в мае 1924 г. на заброшенной даче купцов Колокольниковых — дом отдыха им. Н.А. Оловянного, секретаря Тюменского уездно-городского комитета РКП(б), погибшего при подавлении крестьянского восстания 1921 года.

В то же время по уровню медицинского обслуживания Тюмень существенно отставала от многих городов России: в Томске, к примеру, в 1928 г. насчитывалось до 700 врачей²⁸, т.е. в 18 раз больше. Несмотря на постоянное увеличение расходной части городского бюджета (1923/24 г. — 281,6 тыс. руб.; 1929/30 г. — 1497,7 тыс. руб.) и средств, выделяемых на образование (1923/24 г. — 28% бюджета; 1929/30 г. — 32%), их хватало только на оплату труда педагогов и отопление школьных зданий, половина которых не имела нормального освещения, спортивных залов, столовых и даже умывальников²⁹. Медицинское обследование учащихся, проведенное в 1927 г., показало, что 5% из них болеют туберкулезом, 5% страдают сердечными заболеваниями, 13% жалуются на головные боли, у 49% увеличены лимфатические узлы³⁰.

Одной из самых серьезных проблем в Тюмени была безработица, вызванная многими причинами, но в первую очередь — общей отсталостью городской экономики. На 15 марта 1923 г. в городе были зарегистрированы 3067 безработных, на 1 февраля 1924 г. — 4224, на 1 октября 1926 г. — 2474, на 1 сентября 1927 г. — 3025, на 1 июня 1928 г. — 4123 человека, из которых лишь малая часть получала пособие³¹.

Среди других городских социальных болезней отметим широкое распространение пьянства. По приблизительным оценкам, в 1926 г. на каждого жителя Тюмени выгонялось по ведру-два самогона. Повсеместно торговали водкой, вином, пивом. Вот всего лишь одна картинка из жизни местных пьяниц — завсегдатаев пивной лавки «Нэп-2»: «Пьяные до невозможности посетители пивной выходят на улицу, мерзко ругаются и устраивают такие сцены, что по улице нельзя пройти. Во дворе же пивной безобразия доходят донельзя: одни — валяются и хрюкают, другие — борются и дерутся, третьи — «сеют репу», оправляются, превращая двор в свиной хлев, или, вернее, в помойную яму. Тут же трутся полупьяные женщины легкого поведения (*жстати, по оценкам медиков, каждая четвертая из них имела венерическую болезнь.* — Авт.)»³².

В 1923 г. тюменская милиция получила право штрафовать лиц, появившихся в пьяном виде на улицах или в общественных местах. Причем за два месяца были оштрафованы 219 человек, которые заплатили в городской бюджет 3616 руб. золотом (сумма, эквивалентная двухмесячной заработной плате всех городских врачей)³³. В 1926 г. запретили продавать водочные изделия в праздники и воскресные дни, а в будни — после 15 часов³⁴. Однако эти и иные меры мало сказывались на масштабах пьянства, хотя бы потому, что производство и реализация алкогольных напитков являлись важным источником формирования городского бюджета, и отказаться от такой доходной статьи никто не решался.

Распространение пьянства в сочетании с другими причинами обусловило высокий уровень хулиганства и преступности, особенно в первые годы нэпа. За четыре месяца, с 1 ноября 1922 г. до 1 марта 1923 г., в городе было зарегистрировано 24 убийства, 59 крупных и 583 мелкие кражи, 183 случая конокрадства, одно изнасилование. Так, в октябре 1922 г. член правления профсоюза печатников Г-ов похитил из союзной кассы 2 млрд. руб., предназначенных для расчета с рабочими. В ноябре 1922 г. был ограблен магазин губсоюза, из которого вынесли 1 тыс. аршин ткани, 200 пудов конфет и других товаров на сумму 10 млрд. рублей³⁵. Одно из наиболее «громких» преступлений — убийство 16 апреля 1922 г. пьяным членом Тюменского губисполкома С-м военного коменданта Тюмени Макарова³⁶.

Разумеется, фиксируя внимание на подобных фактах и явлениях, нельзя забывать и другое. Морально-нравственный климат города, прежде всего, определяли люди-труженики. Их рабочий день начинался около 6 час. утра: надо было принести воды с водоразборной колонки (1 ведро стоило 5 коп.), накормить и напоить домашний скот (горожане держали более 3 тыс. коров), отправить в школу детей. Напряженная работа продолжалась и после заводского гудка, извещавшего об окончании очередной рабочей смены, когда многие мужчины приходили на разгрузку барж, чтобы «еще поработать часа четыре на рубашонку семье»³⁷.

Самым популярным развлечением горожан в годы нэпа оставалось кино (тогда немое). Кинотеатров в Тюмени было несколько — «Победа», «Художественное кино», «Красная звезда». В 1928 г. открылся кинотеатр «Октябрь». Вечерами в городских садах (в 1926 г. их было пять: три «клубных» и два коммерческих) организовывались «танцы до упаду» (терминология одного из рекламных объявлений). Часть молодежи увлекалась спортом. В марте 1923 г. состоялся первый чемпионат города по конькобежному и лыжному

спорту, в 1926 г. — по футболу, в котором участвовали шесть команд — «Желдороба», «Центролюб», «Металлист», «Профшкола», «Коммунистический интернационал молодежи» и «Зарека». Вскоре организуется сборная команда городских футболистов, одержавшая в мае 1928 г. одну из своих первых побед: со счетом 7:0 она выиграла матч у футболистов Ялуторовска³⁸.

В 1923 г. Тюменский губисполком установил «обязательные праздники», которые объявлялись нерабочими днями: 1 января — Новый год, 22 января — День «Кровавого воскресенья» 1905 г., 12 марта — День низвержения самодержавия, 18 марта — День Парижской коммуны, 1 мая — День Интернационала, 15 июля — День освобождения Урала от белогвардейщины, 7 ноября — День пролетарской революции.

Непременным элементом революционных праздников были демонстрации и митинги. Обычно их участники собирались на Площади допризывной подготовки (находилась в районе современной ул. Орджоникидзе), затем колоннами двигались по ул. Республики до Площади борцов революции³⁹. Здесь у бюста К. Маркса (установлен в 1921 г.), замененного в 1927 г. деревянной «революционной колонной», проходил торжественный митинг, после которого демонстрация возобновлялась: выходила на ул. Телеграфную (ныне ул. Красина), поворачивала на ул. Спасскую (ныне ул. Ленина) и расходилась на ее пересечении с ул. Голицинской (ныне ул. Первомайская). С 1926 г. обязательным атрибутом демонстраций стали глухо гремящие по каменной мостовой тракторы с прицепами плугами, сеялками, паровыми молотилками. На демонстрации 1 мая 1928 г. вслед за тракторами медленно двигалась крестьянская лошадка, запряженная в соху, к которой прикрепили красный стяг с четверостишием:

«Шибко жизнь свою кляня,
Плакала кобыла:
Трактор вытеснил меня —
Дьявольская сила»⁴⁰.

Безусловно, такие политические акции оказывали воздействие на массовое сознание. Однако и само оно впитывало в себя все противоречия двадцатых годов и оставалось «расколотым». Отсюда, с одной стороны, представление о нэпе как «золотом десятилетии», с другой — отторжение его, ностальгия по эпохе «бури и натиска», когда выброшенные на поверхность политической жизни общественные «низмы» творили расправу над буржуазией.

Обратимся еще раз к зарисовке Грея, где он передает настроення тюменских пролетариев в связи с хозяйственным укреплением

«нэпманов» и предлагает собственный «рецепт» выхода из нэповских противоречий:

«— Вот только бы не дать вылезавшим буржуям воли, — говорят рабочие.

Бояться нечего. Советская власть на страже, она не допустит, чтобы нэпмановская свинья сожрала все, добытое Октябрьской революцией. Пусть буржуазия пока пожирует: вкусней потом из нее будет окорок»⁴¹.

Примечания:

- ¹ Подсчитано по: Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 123; Отчет Тюменского окружного исполкома Советов РККД первого состава II окружному съезду Советов Тюменского округа Уральской области за 1923—1924 г. — Тюмень, 1924. — С. 4.
- ² Трудовой набат (Тюмень). — 1922. — 25 марта.
- ³ Отчет Тюменского окружного исполкома Советов РККД первого состава... — С. 115—116.
- ⁴ Там же. — С. 58.
- ⁵ Трудовой набат. — 1921. — 13 сентября; 1921. — 1 декабря; 1922. — 28 апреля, 6 мая.
- ⁶ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 276. Л. 121; Ф. 605. Оп. 1. Д. 284. Л. 22—24.
- ⁷ Трудовой набат. — 1921. — 29 сентября.
- ⁸ Там же. — 2 июля.
- ⁹ Там же. — 1922. — 1 марта.
- ¹⁰ Там же. — 1921. — 2 июля.
- ¹¹ ГАТО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 20. Л. 191.
- ¹² Подсчитано по: ГАТО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 19. Л. 26; Д. 20. Л. 24 об., 25.
- ¹³ ГАТО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 19. Л. 38.
- ¹⁴ Трудовой набат. — 1922. — 16 марта.
- ¹⁵ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 235. Л. 24—27 об.
- ¹⁶ Трудовой набат. — 1921. — 20 июля.
- ¹⁷ Там же. — 1926. — 26 февраля.
- ¹⁸ Отчет Тюменского окружного исполкома Советов РККД первого состава... — С. 122; Трудовой набат. — 1923. — 9 августа.
- ¹⁹ Трудовой набат. — 1926. — 23 мая.
- ²⁰ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 235. Л. 98 об.
- ²¹ ГАТО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 88. Л. 265—270.
- ²² Трудовой набат. — 1924. — 27 января.
- ²³ Там же. — 8 февраля.
- ²⁴ Там же. — 1922. — 17 февраля.
- ²⁵ Там же. — 1926. — 24 января.
- ²⁶ Там же. — 5 июня.
- ²⁷ Отчет Тюменского окружного исполкома Советов РККД первого состава... — С. 203; Отчетный доклад о работе Тюменского городского Совета Уральской области за 1926/27 хоз. год. — Тюмень, 1927. — С. 32; Отчет Тюменского городского Совета РККД за 1929—1930 год. — Тюмень, 1930. — С. 46.

- ²⁸ Томск. История города от основания до наших дней. — Томск, 1999. — С. 239.
- ²⁹ Подсчитано по: Отчет Тюменского окружного исполкома Советов РККД первого состава... — С. 175, 179; Отчет Тюменского городского Совета РККД за 1929—1930 год. — С. 7.
- ³⁰ Красное знамя (Тюмень). — 1928. — 7 февраля.
- ³¹ Отчет Тюменского окружного исполкома Советов РККД первого состава... — С. 139; Отчетный доклад о работе Тюменского городского Совета Уральской области за 1926/27 хоз. год. — С. 38; Трудовой набат. — 1924. — 15 марта; Красное знамя. — 1928. — 23 июня.
- ³² Трудовой набат. — 1923. — 7 сентября.
- ³³ Там же. — 14 августа.
- ³⁴ Там же. — 1926. — 27 января.
- ³⁵ Там же. — 1922. — 6 октября, 27 ноября; 1923. — 16 марта.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. оп. 31. Д. 124. Л. 24.
- ³⁷ Трудовой набат. — 1923. — 5 июля.
- ³⁸ Там же. — 1923. — 24 марта; 1926. — 2 июля; Красное знамя. — 1928. — 23 мая.
- ³⁹ Трудовой набат. — 1923. — 7 июня.
- ⁴⁰ Красное знамя. — 1928. — 4 мая.
- ⁴¹ Трудовой набат. — 1922. — 17 сентября.

И.И. Коньшева

К вопросу о землеустройстве и землепользовании на Урале и в Северном Зауралье (1917–1930-е гг.)

Земельные ресурсы составляют важнейшую основу экономической жизни общества. Насколько умело и эффективно они используются, зависит качество жизни населения региона. Зачастую люди, формирующие политику экономического развития регионов, делают допущения, основанные на неаккуратных обобщениях в отношении моделей землепользования. Для Севера Западной Сибири такая практика стала особенно разрушительной с 1970-х гг., когда началась промышленная добыча нефти. Коренное население, ведущее традиционное хозяйство, попало в сложное положение. Тем не менее, в последние годы активизировались их усилия по борьбе за свои права на использование земель и угодий. Поэтому актуальность исследуемой проблемы очевидна. Для того, чтобы правильно разрабатывать модели, в том числе и традиционного землепользования, необходим анализ прошлого, результаты которого могут быть использованы не только для эффективного землепользования, но и адекватного аргументирования проектов по сохранению природных ресурсов края, развития его экономики и традиционного хозяйства.

Применительно к началу XX века на территории севера Западной Сибири существовали традиционные формы землепользования, распространявшиеся на хозяйственную деятельность коренного населения, а также, формы, находившиеся в основе экономической жизни неаборигенного населения. Исследование, проведенное Н.А. Балук по Tobольской губернии, выявило, что в уезде сформировался основной слой (категория) земледельческого населения государственных крестьян, составивший 90% общей численности населения уезда¹.

Анализ документов показал, что с первых дней Февральской революции в южных районах Tobольской губернии проявилась готовность крестьян решать земельный вопрос «снизу» вплоть до захвата земель². В период от февраля к октябрю 1917 года крестьяне захватывали пахотные земли, лесничества, отказывались платить за аренду земли, что приводило к конфликтным ситуациям и вражде. Факты самовольного захвата земель и угодий нашли отражение в «Постановле-

нии Троицкого волостного комитета ... от 12 марта 1917 г.», в «Предписании Тобольского губернского комиссара Временного правительства ... от 3 мая 1917 г.» и других документах³. За время революционных потрясений рыбные промыслы и угодья в Северном Зауралье использовались весьма слабо, поскольку туземное население добывало рыбу только для собственного потребления, а не на продажу (как это было до революции). С установлением в центре советской власти большевистское правительство начало проводить меры по восстановлению рыбных промыслов в стране, но это не распространялось на Тобольский Север. Изменение земельных отношений в деревне, начало которому, как известно, положил Декрет о земле, передавал все земли с их недрами и леса безвозмездно в общенародную собственность. «Помещичьи, монастырские, церковные и частновладельческие имения вместе со всем живым и мертвым инвентарем переходили в распоряжение волостных и уездных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов. Земли и инвентарь трудящихся крестьян и рядовых казаков конфискации не подлежали»⁴.

С приходом к власти большевиков ситуация в деревне стала изменяться коренным образом. Одним из важнейших мероприятий политики большевиков в Тобольской губернии явилось осуществление Декрета о земле, что послужило началом разрешения аграрного вопроса. В конце февраля — начале марта 1918 года были упразднены земства. «Тюменская уездная управа распущена, и все ее функции перешли крестьянским советам, волостным крестьянским советам...», — говорилось в «Сообщении крестьянского отдела Тюменского совета рабочих, военных и крестьянских депутатов...» от 17 марта 1918 года⁵. Упразднение земств означало сосредоточение власти в руках новых органов военно-революционных комитетов и советов. На собраниях уездных и волостных советов ранней весной 1918 года активно обсуждались вопросы о пользовании землями и лесами. Принять приемлемое решение по вопросу перераспределения пахотных земель было весьма затруднительно, и он пока оставался открытым. Хотя к тому времени местные органы власти уже располагали законом о социализации земли. В «Основном законе о социализации земли», принятом ВЦИК 27 января 1918 года и одобренном III Всероссийским съездом советов, указывался уравнительный принцип распределения земель между крестьянами. В деревне стали образовываться различные органы распределения и учета земли. Например, в Тобольской губернии были организованы комиссии из членов уездных земельных съездов⁶. В некоторых районах этим занимались земельные отделы, созданные при советах, но, тем не ме-

нее, земельный вопрос оставался на местах не решенным. Весной 1918 года земельный вопрос не мог больше оставаться открытым, так как нужно было начинать запашку. Не дожидаясь новых земельных законов, крестьяне Тобольской губернии приступили к «обсеменению полей на старых основаниях, исключая земли монастырские, удельные, каковы должны немедленно перейти в ведение ближайших местных советов, которым дается право эту землю распределить между крестьянами, не имеющими земельных наделов»⁷. Рассмотрению вопроса о землепользовании было посвящено заседание крестьянской секции Тобольской губернской конференции, состоявшееся 6 апреля 1918 года. На заседании подчеркивалось, что передача земли производится исключительно через советы. Оговаривалось, что аренда земли не допускается, а все свободные и неиспользуемые земли передавались в распоряжение Тюменского совета. Запрещалось сокращать посевную площадь, вплоть до лишения крестьян права пользования землей. Политика советского государства способствовала изменению характера землевладения в Сибири: крестьяне освобождались от ежегодных платежей за покупаемый у казны лес и арендных платежей за землю, а Декретом о земле за крестьянами были закреплены участки, захваченные ими еще весной — летом 1917 года⁸. Одновременно с решением вопроса о земле, с 1918 года в стране начинаются работы по организации лесного дела, начало которому положил Декрет «О лесах», где были изложены основные задачи⁹. 27 декабря 1918 года постановлением СНК при ВСНХ был учрежден Главный лесной комитет по руководству, регулированию и управлению государственной лесной промышленностью, в 1921 году был создан трест «Северолес»¹⁰. По вопросу о пользовании лесами в Тобольской и Тюменской губерниях были приняты следующие решения: «1. Самовольные, без разрешения советов, порубки леса прекратить. 2. Порубленный самовольно лес конфисковать и предоставить его тем, кто действительно в нем нуждается, а излишки продать с торгов с обращением вырученной суммы в доход волости. 3. Леса, которыми должны пользоваться крестьяне, остаются в пользовании советов. 4. Охрана лесов возлагается на местные советы, земельные комитеты». Следовательно, можно отменить продолжение работы по упорядочению лесопользования.

В годы Гражданской войны вопросы земельных отношений почти не рассматривались правительством. На местах чаще всего крестьяне обрабатывали те участки, которые были у них в пользовании еще до революции. Однако нередко случались и захваты земель. Для того, чтобы навести порядок в деле перекройки земельных участков

и угодий, 30 апреля 1920 г. ВЦИК издал декрет, в котором указывал, что «производство всяких переделов, как общих, так и частных, допускается не иначе, как только с разрешения земельных органов»¹¹. М.М. Кудюкина в статье «Землепользование как фактор формирования общественно-политической ситуации в деревне в 1920-е годы» отмечает особую остроту вопросов землепользования в районах переселения, в том числе в Сибири¹², однако применительно к Северу проблема не имела такой остроты, как на юге Сибири. До Октябрьской революции, как справедливо указывает Л.Е. Киселев в научно-популярной книге «От патриархальщины к социализму», землепользование носило примитивно-захватный характер¹³, приводя в качестве аргумента «Обращение к рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири» от 16 августа 1919 года, принятое ВЦИК и СНК РСФСР. Л.Е. Киселев указал, что «земли фактического пользования инородцев не подлежат никаким ограничениям и урезкам и поступают в полное распоряжение»¹⁴, что означало право туземного населения на пользование рыбными, лесными, пастбищными угодьями. Традиционно в отечественной историографии организация охотничьей территории рассматривалась первым мероприятием советской власти в системе национального строительства на Обском Севере, что содействовало, по мнению Л.Е. Киселева, М.Е. Бударина и других, укреплению и развитию хозяйства остяков, вогулов, самоедов. Считалось, что организация охотничьих угодий призвана была способствовать социалистической реконструкции оленеводства, рыболовства и охотничьего промысла.

Вся работа по землеустройству проводилась под руководством местных советов. В июне 1920 года было принято постановление «Первого Тюменского губернского съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»¹⁵, сообщавшее «об уничтожении разделения в области землепользования между инородческим и русским населением по всей губернии». Наряду с этим указывалось, что следует «снабжать землями в первую очередь семьи красноармейцев, семьи бедноты и пострадавших от контрреволюции». Постановление ориентировало губернский земельный отдел на борьбу «с попытками самочинных захватов земель со стороны населения». В указанном документе обращалось внимание на принятие мер предупреждения к возникающим конфликтам среди населения на почве земельных разделов, планировалось произвести обследование казенных земель с целью переселения туда нуждающихся в земле хозяйств. Вместе с указанным в постановлении получила отражение задача расширения полевых площадей, сенокосных угодий, ведения раскорчевки и осуше-

ния болот. На севере губернии ситуация заметно отличалась. Следовательно, можно заключить, что вопросы землепользования и землеустройства в южных районах Тобольской и Тюменской губерний в 1917–1920 гг. находились в числе приоритетных в деятельности местных органов власти, что, впрочем, закономерно.

Для севера Западной Сибири большое значение имели вопросы урегулирования рыбных и охотничьих угодий. Весной 1920 г. Наркомпрод Республики командировал в Тобольск уполномоченных правительством «...с заданием в кратчайшие сроки восстановить на Иртыше и Оби рыбные промыслы»¹⁶. Теперь все рыбные угодья стали принадлежать Главному управлению по рыболовству и рыбной промышленности «Главрыба», следовательно, формально коренные жители остались без объекта промысла. С введением новой экономической политики и распространением ее на Север восстановление рыбных промыслов пошло быстрее, так как проводились соответствующие мероприятия, в их числе принятие декретов, регулирующих рыбодобычу, о чем пишет Л.Е. Киселев: «В целях сохранения и воспроизводства рыбных запасов в начале 20-х годов вводились правила рыболовства»¹⁷. 31 мая 1921 года Совнарком РСФСР установил общие основы управления и организации рыбного лова. «Исключительное право эксплуатации водных условий в определенных районах закреплялось за Главным управлением по рыболовству и рыбной промышленности «Главрыба» с его областными конторами»¹⁸. Во внутренних водоемах государственная монополия отменялась. «Каждому гражданину РСФСР, уплатившему промысловый налог, предоставлялось право свободно заниматься промыслами и по своему усмотрению распоряжаться добытыми продуктами»¹⁹. В 1922 году произошла перестройка Главного управления («Главрыба»), что диктовалось новыми экономическими условиями, государство разрешило сдачу в аренду частникам свободных рыбоугодий. На промыслах Обского Севера наряду с государственными рабочими, активно использовался труд частников. В те годы действовало 27 частных предпринимателей, которые контролировали свыше 50 рыбоугодий²⁰. В годы нэпа одним из важных мероприятий правительства выступало упорядочение крестьянского землепользования. В мае 1922 года ВЦИК утвердил «Основной закон о трудовом землепользовании», который стал основой Земельного кодекса, введенного в действие 1 декабря 1922 года²¹. Согласно этому документу разрешалось «владение землей только на правах постоянного трудового пользования»²², а так вся земля являлась государственной собственностью. Кодекс закрепил наделенные земли за крестьянами, предоставив им свободу в выборе форм землепользо-

вания. Земельный кодекс основным видом землепользования определил индивидуальное²³. Землепользователь, согласно закону, мог пользоваться землей по своему усмотрению, а также самостоятельно выбирать способ хозяйственного применения (ст. 22). По кодексу допускалась аренда земли, но с ограничением (ст. 30, 31, 33). Сдача земли в аренду разрешалась только для трудовых хозяйств, которые временно были ослаблены. Однако в Земельном кодексе говорилось и о товарищеском землепользовании коммун и артелей, которое рассматривалось как перспектива проведения коллективизации, на что указывает Л.В. Алексеева²⁴. На апрельском 1925 года пленуме ЦК РКП(б) говорилось о необходимости строгого соблюдения основных положений Земельного кодекса в свободе выбора форм землепользования, указывалось, что партия будет содействовать только таким формам землепользования, которые будут более благоприятны для развития сельского хозяйства. Оплата землеустройства возлагалась на сторону, в интересах которой оно проводилось. Советское правительство согласно постановлению III Всесоюзного съезда советов приняло на счет государства оплату землеустройства для бедняцкой части крестьянства²⁵. В 1927 году в ЦК РКП(б) обсуждались вопросы по переводу землеустройства на госбюджет при сохранении оплаты для зажиточной части деревни. В марте 1928 года, исходя из директив XV съезда партии, Совнарком СССР обязал все землеустроительные органы проводить мероприятия, направленные на создание таких форм землепользования, которые должны способствовать кооперированию бедняцких и середняцких слоев деревни и приближать сельское хозяйство к обобществлению. Правительством была поставлена задача на протяжении года завершить землеустройство всех колхозов, возникших до 1928 года, и развернуть работу по организации новых коллективных форм землепользования. Все расходы по землеустройству колхозов были отнесены на государственный счет²⁶. Земли с весны 1928 года распределялись по принципу: лучшие по качеству и расположению земли — колхозам и бедноте. Всего к 1928 году землеустроительными работами в РСФСР было охвачено 172 млн. га (68%) из 252 млн. га общей площади земель сельскохозяйственного назначения²⁷.

Землеустройство на Урале, как на то указывает Л.В. Алексеева, стало проводиться с 1920 года, и к 1928 г. областное управление провело значительную работу по учету имеющегося земельного фонда. Обращение к вопросу землепользования в Уральской области важно, поскольку в конце 1923 г. Обский Север вошел в ее состав. Следовательно, решения в сфере землепользования и землеустройства, принимаемые уральскими областными организациями, оказывали

влияние на местную обстановку (Тобольский Север). Площадь Уральской области составляла 1757329 кв. км. Из них удобные земли (используемые для сельского хозяйства, пригодные для него без коренных улучшений и леса) составляли 49254 тыс. га²⁸. Наибольшая площадь сельскохозяйственных угодий находилась под пашней (60,8%) при сохранении достаточно больших размеров сенокосов и выгонов. Однако использовалось всего 33,2% удобных земель под сельскохозяйственные угодья. 48,8 территории из 9933 тыс. га использовалось под посевы, остальная часть находилась под парами или залежью. Степень использования пашни в разных сельскохозяйственных районах была различная. В земледельческих районах Урала пашня занимала почти $\frac{2}{3}$ сельскохозяйственной площади²⁹. Хозяйственное назначение залежи было различно: в Степном Зауралье она могла быть пахотным фондом, в Северном Предуралье пахотный фонд был ограничен. Надо сказать и о размерах земельной обеспеченности в Уральской области. В южной степной полосе на одно хозяйство приходилось от 30 до 40 га земли, в лесостепном Зауралье от 10 до 20 га, в Южном Предуралье от 10 до 15 га, в северных округах: от 10 га до совершенно крохотных участков³⁰. Л.В. Алексеева делает вывод, что в целом по Уралу обеспеченность землей была удовлетворительной, а в некоторых округах даже высокой, что свидетельствовало о наличии свободных и слабо используемых площадей и то, что землепользование было крайне сложным и запутанным³¹. В некоторых округах (Кунгурском, Сарапульском и др.) была вскрыта картина чересполосицы: 39% селений имели землю в 2–10 местах, 22% — в 11–20 местах, 28% — свыше 20 участков, 17% — от 2 до 10 и 0,3% — в одном месте³². 56 земельных обществ Каменского района (Шадринский округ) имели 150 тыс. га земли, которая была разбросана в 2050 чересполосных участках при среднем расстоянии от усадьбы 17,5 км³³. IV сессия Уралоблисполкома 5-го созыва, которая состоялась в марте 1926 года, отметила запутанность земельных отношений на Урале, сопровождающееся чересполосностью и дальнотемельем, что затрудняло правильную организацию крестьянского хозяйства. Далее отмечалось, что землеустройство является одной из важнейших задач в деле улучшения сельского хозяйства и что всем советским органам области необходимо всячески содействовать ускоренному проведению землеустроительных работ. Указывалось, что в первую очередь землеустроительные работы должны проводиться в районах с большей запутанностью в землепользовании, меньшей обеспеченностью землей и в районах, имеющих колониализационные фонды³⁴. Землеустроительные работы на Урале развернулись широким фрон-

том с 1926 года и уже в 1926/27 г. было землеустроено 4256,9 тыс. га, а в 1927/28 г. — 4317 тыс. га. К концу 1927 г. межселенным землеустройством было охвачено 44,5% и внутриселенным — 16,3% всех земель трудового пользования³⁵. На Урале трудовое землепользование осуществлялось в трех формах: товарищеской, общинной и подворно-участковой. Это предусматривалось и Земельным кодексом, но преобладало на Урале общинное землепользование, которое составляло 92,35% земель. 6,5% земель приходилось на долю отрубов и хуторов и 1,2% на долю колхозов³⁶. Во второй половине 1920-х гг. землеустроительные мероприятия охватили Тобольский Север. Как отмечает Л.В. Алексеева в работе «О землепользовании и землеустройстве на Тобольском Севере»³⁷, землеустроительные мероприятия проводились с большими трудностями. Права на землю декларативно закреплялись «Временным положением об управлении туземными народностями и племенами северных окраин РСФСР» 1926 года. А уже в 1928 году в Комитете Севера при ВЦИК РСФСР докладывалось о необходимости выделить и закрепить за каждым туземным родом промысловую территорию. В 1928 году в Ларьякском туземном районе рыбопромысловые угодья были выделены в коллективный фонд. Вплоть до коллективизации у остяков, вогулов и самоэдов еще сохранялась родовая собственность на рыболовные и охотничьи угодья. Нельзя не отметить, что землеустроительные мероприятия, начавшиеся в отдаленных районах Севера, носили фрагментный характер. Основную роль в жизни доколхозной деревни в Уральской области играли земельные общества, которые располагали значительными материальными ресурсами. В распоряжении земельных обществ находилось почти все деревенское имущество: мельницы, кузницы, различные кустарные предприятия и т.п. В некоторых случаях земельное общество фактически подчиняло себе сельский совет, брало в свои руки вопросы местного управления. В журнале «Уральский коммунист» отмечалось, что сельский совет, «являясь высшей властью на селе, по существу находится в плену у сельского схода и земобщества»³⁸. Многие земобщества находились под властью зажиточных, что не одобрялось органами советской власти. XV съезд ВКП(б) в декабре 1928 г. принял решение, согласно которому земельные общества были подчинены сельским советам, которые должны были заниматься вопросами землепользования и землеустройства. Таким образом, сельские советы получили право отменять решения земельных обществ, которые противоречили советским законам, интересам бедноты и задачам кооперирования крестьянства.

20 марта 1929 года президиум Уралоблисполкома утвердил план проведения землеустроительных работ на 1928/29 год, в соответствии с которым предусматривалось провести землеустроительные работы на площади 4555 тыс. га. Для повышения качества землеустроительных работ признавалось необходимым закрепить переход на гнездовой метод землеустройства с увязкой его с агрокультурными мероприятиями. В 1929 г. было землеустроено 5579 тыс. га, в том числе в единоличных хозяйствах 3040 тыс. га, в колхозах 1441 тыс. га и совхозах 755 тыс. га³⁹. По данным земельных органов, к концу 1929 г. общая площадь удобной земли на Урале составляла — 25,2 млн. га, из которой в пахотный фонд было вовлечено 11,2 млн. га, фактически же в интенсивном использовании находилось около 8 млн. га, т. е. 71% от имевшегося пахотного фонда⁴⁰. В 1929 г. активно использовалось только 50% имевшихся сельскохозяйственных угодий, что объяснялось достаточно хорошим плодородием почв и удовлетворением основных нужд крестьянства в земле в сравнении с другими округами области. Государственные и партийные органы активно проводили политику расширения посевов, т.к. были заинтересованы в наиболее эффективном использовании имевшихся залежных земель. Например, по Курганскому округу $\frac{1}{6}$ часть всей площади, или 16%, состояла из неудобных для сельского хозяйства земель. 43,5% земель были фактически распаханными и до 40,5% земель возможно было использовать при дальнейшем развитии сельского хозяйства⁴¹. Землеустройство являлось важным средством перераспределения земли между социальными группами крестьянства. В Пермском округе, бедняки до проведения землеустроительных работ имели в среднем на одно хозяйство 1,6 га земли, а после проведения землеустройства — 2,4 га, обеспеченность землей середняцких хозяйств повысилась с 4,2 га до 6,2 га и размеры зажиточных хозяйств снизились с 7,2 га до 5,4 га⁴². Таким образом, устранялись чересполосица и дальнотелье. Однако «путаница в земельных отношениях была большим местом, тормозом развития сельского хозяйства»⁴³. Нельзя не подчеркнуть, что землеустройство являлось и средством осуществления классовой политики, и средством регулирования экономических отношений в деревне. Законом «Общие начала землепользования и землеустройства» от 15 декабря 1928 года запрещалось кулакам (зажиточным крестьянам) сдавать в аренду землю. Преимущественное право на получение земли в трудовое использование предоставлялось колхозам и малоимущим крестьянским хозяйствам. Они получали удобно расположенные и лучшие участки земли. Так, пленум Журавлевского сельского совета Каргапольского района (Шадрин-

ский округ) 9 июня 1929 г. постановил: «предоставить колхозам и бедняцко-средняцкой части населения землю лучшего качества. Зажиточным и кулацкой части выделить самого худшего качества»⁴⁴. При проведении сплошной коллективизации в ряде мест допускались злоупотребления и нарушения основ землепользования, так как придерживались классового подхода. Земельные органы нередко шли на уменьшение норм наделения единоличников, отводя последним только земли для посева⁴⁵. В ходе коллективизации на Урале активизировались землеустроительные мероприятия. Л.В. Алексеева приводит следующие данные на 1 января 1930 г. по землеустройству Уралобласти (см.: табл. ниже).

Таблица
Землеустройство в Уральской области (на 1 января 1930 г.)

Сельскохозяйственные районы	Всего землеустроено территорий (тыс. га)	Общая площадь	% землеустройства
Северное Приуралье	376,0	9220,0	4,1
Центральное и Южное Приуралье	2862,1	7710,0	37,1
Горнозаводской Урал	2528,8	16660,0	15,8
Северное Зауралье	1136,2	119650,0	8,6
Центральное и Южное Зауралье	10003,2	22390,0	44,7

Сведения, приведенные в таблице, показывают, что землеустройство в Уральской области было не завершено. Наиболее высокий процент землеустроительных работ наблюдался в пяти уральских округах: Шадринском — 85,3%, Ишимском — 69,3%, Сарапульском — 49,8%, Челябинском — 43,9%, Свердловском — 35%. В меньшей степени землеустройством были охвачены округа: Верхне-Камский — 2,8%, Тобольский — 4,4% и Тагильский — 5%⁴⁶. Всего по Уралу на 1 января 1930 г. из общей площади земель — 175630 тыс. га было землеустроено 17006,3 тыс. га (24,6%)⁴⁷. Л.В. Алексеева констатирует, что работа по землеустройству на Урале в 1928–1930 гг., проводимая областным земельным управлением, значительно улучшилась по сравнению с дореволюционным временем, однако не отвечала потребностям современного сельского хозяйства⁴⁸, с точки зрения этой политики, которая осуществлялась государством в аграрном секторе.

Хозяйственное освоение и коллективизация на Севере требовали проведения землеустроительных работ. 10 сентября 1930 года ВЦИК

и Совнарком РСФСР утвердили совместное «Положение о первоначальном земельно-водном устройстве в просторах Крайнего Севера», которое создавалось «в целях ускорения подъема хозяйственно-го и культурного уровня населения северных окраин РСФСР, усиления социалистических элементов в местном строительстве и обеспечения успешного проведения советской национальной политики на территориях, населяемых туземными народностями»⁴⁹. В.Г. Балин справедливо подчеркнул, что землеустроительные работы проводились под руководством государственных органов, а «на территории бывшего Тобольского округа — работы выполнялись Уральским отделением Госземтреста Тобольской землеустроительной партии, позднее эти функции были возложены на управление землеустройства областных отделов сельского устройства, а на местах — на подотделы землеустройства окружных отделов промыслового и сельского хозяйства»⁵⁰. В северных районах работы велись землеустроительными экспедициями, «куда привлекались квалифицированные специалисты советских, плановых, сельскохозяйственных органов, кооперативных и других организаций округа»⁵¹. В.Г. Балин охарактеризовал земельно-водное устройство на Обском Севере как широкое (обязательное для всех землепользователей), простейшее (производилось всевозможными методами и приемами) и первоначальное. Однако в 1920-х гг., как уже отмечалось, земельно-водное устройство носило непоследовательный характер и не представляло собой систему мероприятий, а ограничивалось до издания в 1930 г. «Положения о первоначальном земельно-водном устройстве» лишь водным, а кое-где охотничьим устройством. С 1930-х годов, по утверждению В.Г. Балина, земельно-водное устройство приобрело организованность: «... экспедиционные работы приобрели комплексный характер. Изучению и дальнейшему устройству стали подлежать все отрасли хозяйства...»⁵². Далее он обратил внимание на виды работ, проведенные в ходе землеустройства: во-первых, были выделены земельные фонды: земли сельскохозяйственного назначения, луговые, ягодные, охотничьи, рыболовные, ягельные, лесные; во-вторых, определены площади территорий районов и установлены естественные границы (реки, протоки, озера, болота, урочища) земель для хозяйственного использования. «Этими актами были уничтожены все родовые и вотчинные права на землю, ликвидировались условия возможных сделок с землей в виде купли-продажи, аренды и т.д.: ...исключена возможность эксплуатации человека человеком»⁵³.

Задачи проводимого землеустройства на Севере соответствовали государственной политике тех лет: «Распределение угодий проводи-

лось в этот период обязательно с соблюдением классового принципа⁵⁴. Политическая задача момента сводилась к тому, чтобы разрушить веками складывавшуюся систему родового вотчинного землевладения... создание конкретных условий, которые бы способствовали дальнейшему кооперированию и коллективизации местного населения». Описание всех работ требовалось фиксировать в особых документах и актах. Содержание включало разделы: «как использовалась земля, на каких правах, как шел процесс национализации земель и угодий, как определялись участки для колхозов, для простейших производственных объединений, для неорганизованного единоличного сектора, для зажиточной, кулацко-шаманской группы населения»⁵⁵. Ряд исследователей считает, что земельно-водное устройство способствовало экономическому развитию региона: «Данные полевых исследований позволили ...планировать развитие основных отраслей хозяйства — оленеводства, рыбного и охотничьего промыслов... внедрять в практику новые отрасли — домашнее животноводство, огородничество»⁵⁶. Другим достижением землеустройства на Севере явилось составление карт Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого округов, на которые «были нанесены уточненные административные границы округов и районов, границы земель колхозов, земель объединений, проектных участков, государственных земельных и лесных фондов, заказников и других объектов землеустройства». Эти карты составлялись примитивными методами, так как недостаточно использовались геодезические обоснования, потому что специалистов в этой области в стране не хватало, как и специальных инструментов и научных знаний, а также средств (технических и финансовых), поэтому карты «были составлены преимущественно методами полуинструментальной и глазомерной съемок, на основе маршрутных ходов с привязкой к астрономическим пунктам». При проведении землеустройства возникали конфликтные ситуации, которые в основном решались незамедлительно, и крайне редко носили затяжной характер, как считает В.Г. Балин. Мы уже подчеркивали устойчивость родовой собственности на рыболовные и охотничьи угодья у коренного населения. В начале 1930-х гг. стали изыматься родовые угодья, и началось создание рыбопромысловых артелей. Л.В. Алексеева подчеркивает, что в национальных округах севера Западной Сибири в 1930-е годы были созданы земельно-промысловые отделы, отвечавшие за землеустройство и коллективизацию⁵⁷. В начале 1930-х гг. стали изыматься родовые угодья, и началось создание рыбопромысловых артелей. Именно земельно-промысловые отделы вели всю работу по землеустройству.

К концу 1938 года, как считает В.Г. Балин, земельно-водное строительство на территории Обского Севера в основном завершилось, поскольку результатами его деятельности явились следующие мероприятия: выявление мест расположения и размеров сельскохозяйственных и промысловых угодий; отвод угодий простейшим производственным объединениям, колхозам, земельным обществам и государственным учреждениям; выделение фондов для промыслового, сельскохозяйственного освоения и заселения; ликвидация спорностей и неопределенности в пользовании угодьями. К сожалению, в работе В.Г. Балина не имеется статистических данных, подтверждающих объемы выполненных работ, и не затрагивается специфика землеустройства в различных северных районах, а также не нашли достаточного отражения нормативные акты, в соответствии с которыми осуществлялась деятельность землеустроителей. Однако ряд исследователей считает, что в 1938 году землеустройство на Обском Севере не завершилось. Например, Л.В. Алексеева на обширной источниковой базе доказала, что землеустройство в северных национальных округах не было завершено даже к началу Великой Отечественной войны⁵⁸. Изучение проблемы землеустройства на Урале и в Северном Зауралье показало, что оно осуществлялось в соответствии с государственной политикой, которая на рубеже 1920–1930-х гг. отказалась от его свободных форм (индивидуального землепользования) и перешла к проведению передела земельных и прочих фондов в пользу коллективных хозяйств.

Примечания:

- ¹ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии в 1917–1920 гг. Сб. док. материалов. — Свердловск, 1967. — С. 34.
- ² *Балюк Н.А.* Тобольская деревня в конце XVI–XIX вв. — Тобольск, 1997. — С. 157.
- ³ Борьба за власть Советов... — С. 24.
- ⁴ История Сибири. — Л., 1968. — Т. 4. — С. 79.
- ⁵ Борьба за власть Советов... — С. 29.
- ⁶ История Сибири... — С. 80.
- ⁷ Борьба за власть Советов... — С. 32.
- ⁸ История Сибири... — С. 80.
- ⁹ Лес и человек. — Меггон, 1998. — С. 15.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Алексеева Л.В.* Сельскохозяйственное производство в Уральской области в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.). Дисс. ... к.и.н. — Курган, 1998. — С. 36.
- ¹² *Кудюкина М.М.* Землепользование как фактор формирования общественно-политической ситуации в деревне в 1920-е годы // Землевладение и землепользование в России. XVIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тез. докл. и сообщ. — М., 2002. — С. 139.
- ¹³ *Киселев Л.Е.* От патриархальщины к социализму. — Свердловск, 1974. — С. 45.

- ¹⁴ Там же. — С. 72.
¹⁵ Борьба за власть Советов... — С. 34.
¹⁶ *Киселев Л.Е.* От патриархальщины... — С. 69.
¹⁷ Там же. — С. 89.
¹⁸ Там же. — С. 91.
¹⁹ Там же.
²⁰ Там же.
²¹ История Сибири... — С. 180.
²² Там же.
²³ *Алексеева Л.В.* Сельскохозяйственное производство... — С. 37.
²⁴ Там же.
²⁵ Там же.
²⁶ Там же. — С. 38.
²⁷ Там же.
²⁸ Там же. — С. 38.
²⁹ Там же. — С. 40.
³⁰ Там же.
³¹ Там же. — С. 41.
³² Там же.
³³ Там же. — С. 42.
³⁴ Там же.
³⁵ Там же.
³⁶ Там же.
³⁷ *Алексеева Л.В.* О землепользовании и землеустройстве на Тобольском Севере (Вторая половина 1920-х — 1930-е гг.) // Землеведение и землепользование в России. XVIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тез. докл. и сообщ. — М., 2002. — С. 155.
³⁸ *Алексеева Л.В.* Сельскохозяйственное производство... — С. 43.
³⁹ Там же. — С. 44.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ Там же.
⁴² Там же. — С. 45.
⁴³ Там же.
⁴⁴ Там же. — С. 46.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ Там же. — С. 46.
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ Там же.
⁴⁹ *Балин В.Г.* Земельные отношения на Обском Севере. — Новосибирск, 2000. — С. 33.
⁵⁰ Там же.
⁵¹ Там же. — С. 38.
⁵² Там же. — С. 45.
⁵³ Там же. — С. 70.
⁵⁴ Там же. — С. 43.
⁵⁵ Там же. — С. 46.
⁵⁶ Там же.
⁵⁷ *Алексеева Л.В.* О землепользовании и землеустройстве... — С. 155.
⁵⁸ Там же. С. 154–156.

Л. В. Алексеева

Землепользование и землеустройство на Обь-Иртышском Севере с середины 1920-х — 1930-е гг.

В статье предлагается описание состояния землепользования и землеустройства в переломный этап развития народов Северо-Западной Сибири. Долгое время в отечественной историографии проблема не изучалась, исследователи касались в незначительной степени лишь вопросов, связанных с землеустроительными работами в связи с коллективизацией, поэтому на современном этапе весьма сложно выделить достаточно четко определенные модели традиционного землепользования в те годы, связанные с различными региональными экологическими комплексами. Данный подход хорошо разработан в антропологической науке, однако в Западной Сибири исследования такого рода единичны.

Актуальность постановки проблемы видится, прежде всего, в том, что коренное население, хотя и составляющее в автономных округах меньшинство, продолжает населять большую часть их территорий. Коренные жители, проживающие на своих угодьях, заявляют права на использование возобновляемых природных ресурсов, что составляло основу их хозяйства в течение многих веков. Обращение к прошлому позволит увидеть истоки современных проблем землепользования, возможно, приблизит общество к пониманию необходимости существования различных моделей землепользования в интересах жителей края и его экономики.

В исследуемый период указанная территория входила в Тобольский округ, который являлся северо-восточной частью Уральской области. По новой реформе административного деления, в декабре 1930 г. здесь были сформированы Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий округа. По переписи 1926 г. на севере Западной Сибири проживало более 58 тысяч человек, аборигены составляли 63%¹. Проблему землеустройства и землепользования на севере Западной Сибири следует рассматривать, исходя из двух факторов: традиционного порядка землепользования, сложившегося у коренных народов Севера к началу XX в., и активно развернувшихся в 1930-х гг.

советизации и коллективизации, повлекших существенные изменения в перераспределении земельного фонда и пользовании им. Фактически в течение двух десятилетий советская власть осуществила комплекс мероприятий, занявший при российской колонизации Сибири три столетия².

Слабая изученность вопроса в отечественной историографии заставляет обратить более пристальное внимание на проблему землеустройства и привлечь к ее изучению современных исследователей. Изучение истории землепользования и землеустройства на севере Западной Сибири важно еще и потому, что преодоление кризиса, переживаемого коренными народами в современных условиях, возможно восстановлением их хозяйственно-культурной автономии на основе соответствующих положений о землепользовании, которые долгие годы нарушались.

Применительно к Тобольскому Северу в 1920-х гг. советская власть не выполнила ни одного из своих программных заявлений. Она присутствовала на уровне райисполкомов и формально созданных туземных советов, что, естественно, означало сохранение в землеустройстве и землепользовании второй половины 1920-х гг. традиционных черт³. Тундра была довольно четко распределена между родовыми группами и отдельными хозяевами-вотчинниками. Обдорские власти почти не вмешивались в систему тундрового землепользования — коренные жители самостоятельно определяли порядок ее освоения, передачи, владения. В основе порядка землепользования у ненцев лежали следующие правила: каждый оленевод придерживался установленного пути и сроков передвижения, которые были унаследованы им от отца или определены по согласованию с сородичами и соседями; тундры полуострова были закреплены за определенными родовыми группами, которые контролировали освоение принадлежащей им тундры; старейшины от лица родовой группы поддерживали сложившиеся нормы землепользования или согласовывали конкретные их изменения (например, обоюдные гостевания в зимний период).

Сообщество старейшин контролировало порядок землепользования на всей территории Ямальского полуострова. Подобный уровень согласованности диктовался общим режимом передвижений и целостной системой хозяйства. На основе общей системы землепользования возник целостный комплекс хозяйства. Ядро этого комплекса составляли оленеводы, а вспомогательные звенья — группы промысловиков. Для оленеводов главную ценность составляли пастбища территории, отношения к которой выражались поговор-

кой (я пуна хаеда), что означало: «земля после нас останется». Поэтому выпас оленей следовало вести в таком режиме, чтобы пастбище успевало восстанавливаться. Имея во владении определенную цепочку пастбищ, оленевод вынужден был ограничивать рост стада или искать новые земли, чему препятствовал сложившийся порядок землепользования и встречные интересы соседей.

Если для оленевода была важна сохранность пастбищ, то рыболовы в не меньшей степени были обеспокоены состоянием рыбоугодий. Примечательно, что в северной тундре отсутствовало понятие собственности на тот или иной водоем, тогда как в южной зоне (зоне интенсивного рыболовства) озера и реки были довольно четко распределены. Южно-тундровая рачительность в отношении рыбоугодий выражалась в предписании оставлять озеро отдыхать на два-три года после его опромышления.

Оформление индивидуальной собственности на песцовые угодья в тундре приводило к возникновению противоречия промышленников с оленеводами. Таким образом, в результате землепользования наметилось довольно четкое разделение труда. Хозяйства победнее занимались промыслом песца, а крупные оленеводческие хозяйства вынуждены были пренебрегать выгодой пушного промысла ради оленеводства. У ненцев в отношении землепользования действовало правило: собственность соразмерна деятельности. При этом нередко территориальные владения оленеводов, рыболовов и охотников пересекались. Однако разность хозяйственной специализации позволяла им уживаться мирно и даже взаимовыгодно. Целостность общемальской системы хозяйства и землепользования предполагала существование своего рода ничьих земель (т.е. общих), по которым проходили массовые весенние и осенние миграции оленеводов⁴.

Особенностями землепользования у коренных народов (ненцы, ханты, манси) было то, что каждый род занимал определенную территорию и пользовался ею в течение очень длительного времени, если не испокон веку. Пользование этой территорией без споров переходило от одного поколения к другому. Если ослабевший род не в силах использовать освоенную им ранее территорию, то она беспрепятственно могла быть использована другими, нуждавшимися в ней. Если в течение нескольких лет семья не выходила на промысел, то соседи, нуждающиеся в этих угодьях, приходили и начинали их осваивать⁵.

Появление пришельцев на территории рода всегда замечалось по оставшимся следам. Занятие же промыслом посторонних на этой

территории — событие из ряда вон выходящее для рода, поскольку род идентифицировал себя с землей, которую он контролировал. «Своей землей» ненцы и ханты называли ту территорию, на которой находились промыслы, пастбищные и рыболовные угодья. Охотничьи угодья считались у ханты общими, а установленные на них ловушки — индивидуальными. Крупные реки назывались общими, ничьими, а отдельные притоки и ручьи находились в частной собственности.

Попытка органов советской власти законодательно оформить право на пользование угодьями была предпринята в 1926 г. во «Временном положении об управлении туземными народностями и племенами северных окраин РСФСР». П.Г. Смидович, выступая с докладом в Комитете Севера при ВЦИК 12 января 1928 г., говорил о необходимости приступить к работе по закреплению за каждым туземным родом требуемой ему промысловой территории⁶. Однако на деле права коренных жителей на землю не всегда соблюдались, особенно в связи с начавшимся активным хозяйственным освоением, с созданием государственных предприятий на Тобольском Севере (Госторг, Рыбтрест и др.), активно развернувших свою деятельность в 1920-х гг. Появление государственных рабочих на рыболовных песках, безалаберное отношение к рыбным и другим ресурсам — порождали естественное возмущение у аборигенов. Примеров ссор и споров местного населения и государственных предприятий из-за угодий более чем достаточно. Например, протоколы заседания Сынского туземного совета Обдорского района за 1927 г. свидетельствуют, что вопросы о порядке пользования рыбоугодьями, а также кедровниками являлись первостепенными в рассмотрении на собраниях⁷. Наемные рабочие Рыбтреста нередко совершали акты вандализма по отношению к аборигенам, оскверняли священные места (озера), где промысел рыбы вести запрещалось⁸.

Что же касается перераспределения угодий во второй половине 1920-х гг., то законодательных актов местного уровня почти не обнаружено. Имеются документы о порядке сдачи в аренду рыбоугодий по системе подачи заявлений в туземный совет, который определял порядок и право пользования. Например, 4 сентября 1927 г. на заседании Сынского туземного совета М.Т. Лонгортов задал вопрос: «Будут ли когда-нибудь туземцам возвращены земли, как это было раньше, чтоб сами в аренду сдавали?»⁹. Таким образом, было очевидно ограничение на пользование угодьями туземного населения. В 1928 г. в Ларьякском туземном районе были определены и выделены в коллективный фонд рыбопромысловые угодья. Тузем-

цам была вручена землеотводная грамота, которая предоставляла преимущественное право на пользование угодьями¹⁰. Пожалуй, это был первый пример мероприятий по землеводному устройству на Тобольском Севере во второй половине 1920-х гг.

Документы позволяют установить, что подготовительные работы по устройству территории Тобольского округа были начаты в 1927/28 г. В докладной записке Г.К. Мальцева — руководителя организации территории Тобольского округа в Уралоблзу от 10 декабря 1930 г. сообщалось, что работы проводились исключительно по водоустройству и заключались в изучении водоемов для устройства рыбопромыслов. Этими работами были охвачены Уватский, Самаровский и частично Березовский район. Приступив к выполнению своих обязанностей, Г.К. Мальцев в июле 1928 г. начал реорганизацию подведомственного ему отдела. Разработал порядок перевода на комплексную гнездовую упрощенную организацию территории, однако, к началу работ в 1929 г. деньги не поступили, таким образом, работы оказались поставлены под срыв. Мальцев считал необходимым наличие двух условий для проведения водного устройства территории: законодательной базы и средств, однако ни того, ни другого в конце 1920-х г. в Тобольском округе не имелось¹¹.

В отчете Г.К. Мальцева в Уралоблзу от 20 февраля 1931 г. подчеркивалось, что работы по землеводоустройству представляли собой в конце 1920-х гг. «выборочное водоустройство, проходившие слабым темпом». Органы власти не уделяли должного внимания этому вопросу, а хозяйственные организации полностью игнорировали его. Работы не были обеспечены ни законодательно, ни денежными средствами, а также надлежащим персоналом и передвижным транспортом. «Работы владели жалкое существование... велись тремя специалистами: А.И. Петяев — экономист, ихтиолог; И.А. Васильев, А.Н. Виноградов»¹².

Проведение работ по землеустройству зависело от наличия сведений о территории края, таковые же являлись весьма скудными. В. Новицкий — известный знаток края, понимал достаточно хорошо значение водно-земельного устройства, ратовал за его скорейшее проведение и неоднократно выступал по этому поводу в уральских краеведческих изданиях. В частности, им отмечалась необходимость определения границ районов, которые нужно было закрепить за туземцами для производства промысла, чтобы «изжить антагонизм между коренным и пришлым населением и защитить аборигенов от натиска госрыбопромышленников»¹³. Споры из-за угодий, вероятно, заставили руководство Уральской области и То-

больского округа выделить в составе рыбоугодий хозяйственные угодья общереспубликанского и местного значения. К угодьям общереспубликанского значения относились водоемы низовьев р. Оби со всеми притоками и озерами от песка Оленского (в 150 верстах севернее Березова) и ниже, а также районы Обской и Тазовской губы. Остальные угодья определялись как угодья местного значения¹⁴.

Начало комплексных работ по проведению землеустройства было положено отправкой 2 экспедиций; одна в Березовский район (руководитель — Воскобойников), другая — в Самаровский район (руководитель — Новицкий). Обе экспедиции приступили к работе в 1929 г.¹⁵ В литературе упоминается о работе комплексной экспедиции по изучению производительных сил Северного Урала, где также велось изучение территории, однако информацией о ее результатах мы не располагаем¹⁶. Таким образом, в 1920-х гг. землеустройство не нашло отражения в практике экономической жизни Тобольского Севера. Можно говорить с большой натяжкой лишь о начале этого процесса, выразившегося в проведении подготовительных работ и отправке первых экспедиций.

Начало коллективизации поставило вопрос о перераспределении земель и угодий в новом ракурсе. Требовалось быстро провести перераспределение земельного фонда и угодий в пользу коллективных хозяйств. В циркулярном письме Комитета Севера при ВЦИК от 10 февраля 1930 г. сообщалось, что «производство всех работ по землеустройству передано Госземтресту»¹⁷. По постановлению ВЦИК от 10 сентября 1930 г. в первую очередь угодья предоставлялись колхозам и производственным кооперативным организациям, во вторую — бедняцким и середняцким хозяйствам и в третью — всем остальным хозяйствам.

Поскольку северные районы в начале 1930-х гг. находились в составе Уральской области, землеустроительную кампанию следует рассматривать в контексте общеуральской. Землеустройство в сельскохозяйственных районах Уральской области к концу первой пятилетки не было полностью завершено. В Тобольском округе землеустройством в 1930 г. было всего охвачено 4,4% территории¹⁸. Применительно к северной части Тобольского округа раньше землеустроительные работы начались в Самаровском районе, которые датируются второй половиной 1930-го года, о чем свидетельствуют протоколы заседаний Самаровского райисполкома. План землеустройства, составленный на октябрь—декабрь 1930 г., предполагал смету расходов в сумме 39 тыс. 354 руб. 50 коп. Крестьянская ссылка оказала прямое воздействие на корректировку плана земле-

устроительных работ. Теперь Рыбтресту и леспромхозу предписывалось «внести кредиты на землеустроительные работы по устройству колонистов» и предоставить в Тобольский окрзуд и окрисполком «картографические материалы по землеустройству спецколонистов к 31.12.30 г.».

Самаровский окрисполком уже 4 декабря 1930 г. отправил в сельские советы района землеотводные проекты по устройству колонистов: в Базановский сельский совет — поселок Добринский; Самаровский сельский совет — поселок Ярки; Елизаровский сельский совет — поселки Кедровый и Горный¹⁹. Раздел земельных угодий в Самаровском районе начался в 1931 г., о чем свидетельствуют разделные записи²⁰. Разделу подлежали усадебная земля, пашня, покосы, постройки, скот, птица, инвентарь. Местные органы власти при проведении раздела землеугодий руководствовались ст. 78 Земельного кодекса РСФСР, применявшегося для раздела дворов, входивших в земельные общества²¹.

В 1930 г. были начаты ознакомительные работы в Березовском районе, там работала экспедиция по устройству территории под руководством М.А. Воскобойникова. Экспедиция состояла из 5 человек и произвела обследования в трех сельсоветах: Мало-Атлымском, Кондинском и Шеркальском. Работа экспедиции была прервана в марте 1930 г. в связи с отправкой ее участников на работы по колхозному строительству. Однако экспедиция все же проделала некоторую работу: составила карту на ватмане, список угодий и подворные карточки. Все материалы были переданы в Тобольское окрзуд²². Окончательная обработка материалов по Березовскому и Самаровскому районам выпала на зиму 1930/31 г.

В начале 1930-х гг. центральными органами власти был принят ряд документов²³, касающихся проблем землеустройства на Севере. Л.Е. Киселев указывал, что с появлением «Положения о первичном земельно-водном устройстве трудового промыслового населения северных окраин РСФСР» начались соответствующие работы, которые сводились к следующим моментам: изъятие земель у кулаков и шаманов; передача земель артелям, товариществам, беднякам; создание государственных земельных фондов». Историк считал, что работы по землеустройству были завершены к 1936 г.²⁴, с чем согласиться нельзя.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 сентября 1930 г. «Об утверждении Положения о первоначальном земельно-водном устройстве трудового промыслового и сельскохозяйственного населения северных окраин РСФСР» в основу проведения землеустройства

ства положило комплексное устройство территории гнездовым методом²⁵, что должно было применяться на местах. С образованием в 1931–1932 гг. системы советского и партийного управления в национальных округах (Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий) при окружных исполкомах были созданы земельно-промысловые отделы, которые отвечали за землеустройство и коллективизацию. Началось повсеместное изъятие родовых угодий и создание рыбопромысловых артелей. Лучшие угодья предавались коллективным хозяйствам²⁶. Однако специалистов-землеустроителей были единицы, и они не могли охватить работами столь огромную территорию²⁷.

Новые документы позволяют заключить, что первичное земельно-водное устройство в Остяко-Вогульском округе началось в 1931–1932 гг. и включало в себя ознакомление с имеющимися угодьями с целью выявления фондов для колхозов и совхозов. Государство отпускало на землеустройство северных округов мизерную сумму — 90 тыс. руб. Землеустройство осуществлялось выборочно, в наиболее обжитых и доступных местах. Весьма скоро обнаружилась проблема нехватки средств. Так, А. Воскобойников в рапорте зав. окружным земельным управлением Михайлову от 17 февраля 1931 г. сообщал, что «средств на водоустройство никто не дает, ни Рыбтрест, ни сельсоветы». Так, Рыбтрест вообще рассматривал водоустройство как дело ненужное, поскольку расценивал себя, в случае передачи угодий населению, обделенным²⁸.

В переписке Госземтреста и Остяко-Вогульского окружного земельно-промыслового отдела в начале 1932 г. отражена проблема нехватки кадров для проведения землеустроительных работ Крайнего Севера. Делался вывод о необходимости привлечения к работам представителей туземного населения. До сего времени Госземтрест не имел сведений об административном делении национальных округов, а потому просил предоставить информацию по данному вопросу²⁹. Таким образом, Госземтрест слабо представлял положение дел в округах. О землеустройстве много говорили, но мало делали.

9 июня 1932 г. Госземтрест принял постановление «О землеустройстве национальных районов», в котором главное внимание уделял необходимости усиления работ по проведению землеустройства, повышению их качества и усилению надзора. Наряду с общими задачами проведения землеустройства обращалось внимание на усиление общественно-массовой работы при его проведении в районах оседания коренного населения, как колхозников, так и единоличников³⁰.

Нормативные документы Центра, ориентированные на проведение землеустройства, не могли быть выполнены без формирования экспедиций, которые обязаны были информировать о ходе работ по проведению первичного земельно-водного устройства. В 1932 г. на Север была отправлена Северо-устроительная экспедиция под руководством Кузнецова, состоявшая из нескольких групп, каждая из которых вела полевые обследования. Закончив работы, экспедиция приступила к составлению проектов.

Следует учитывать, что на Обь-Иртышском Севере в начале 1930-х гг. отсутствовал механизм, регулировавший наделение угодьями, поскольку нормы наделения не были определены. Безусловно, что при распределении угодий учитывали процесс организации колхозов, обеспечивали классовую линию и проведение национальной политики; выявляли фонды для совхозного строительства. Документы ВЦИК, СНК и НКЗ 1931–1932 гг. главной задачей землеустройства рассматривали закрепление за коллективными хозяйствами пользование угодьями.

В отчетах Остяко-Вогульского окрисполкома за 1931–1933 гг. отмечался порядок проведения землеустроительных работ в соответствии с твердой классовой линией: «Сельсоветам, рикам давать решительный отпор, вплоть до привлечения к уголовной ответственности кулацко-шаманской части населения за попытки вернуться к вотчинному порядку пользования угодьями... Вслед за первоначальным землеустройством провести более углубленное устройство его территории (охотоустройство, землеустройство МТС, колхозов, совхозов) и тем уже самым закрепить проделанные работы»³¹.

Для проведения землеустройства в Остяко-Вогульском округе была разработана программа, предусматривавшая разделение каждого административного района на экономические подрайоны и определение земельно-расчетных единиц, исходя из направления хозяйства. Наряду с общей программой проведения землеустроительных работ, в Остяко-Вогульском округе существовали конкретные программы по почвенно-ботаническим исследованиям (предполагалось выделение типов угодий), по оленеводству для землеустроителей (характеристика летних пастбищ). Наконец, существовала программа «по части типировки и распределения угодий сельскохозяйственного назначения». Госземтрестом была рекомендована схема составления характеристики районов Севера, включавшая описание природных условий, экономическую характеристику и краткие итоги землеустройства³².

Документы на проведение землеустройства в Самаровский, Безрезовский, Ларьякский районы были выданы в марте 1932 г., а в Шурышкарский, Кондинский и Сургутский — в августе 1933 г. Кондо-Самаровская землеводоустроительная экспедиция до 1 января 1933 г. должна была произвести обследование Кондинского района и территории Демьянского ондатрового совхоза, общей площадью 8,5 млн. га: выполнить чертежные работы, составить очерки к проекту и тексты отводных записей³³.

В 1932–1933 гг. окружной земельно-промысловый отдел рассчитывал осуществить углубленное (расширенное) землеводоустройство территории округа. «На углубленное устройство добиваться перед центральными организациями соответствующих кредитов при одновременном участии в этих работах средств населения. Кроме того, необходимо поставить вопрос перед центральными организациями об ассигнованиях необходимых средств (32 тыс. руб.) на издание карты округа, систематизацию материалов земельно-водного устройства и издание хозяйственно-экономического очерка округа»³⁴.

Таким образом, в Остяко-Вогульском округе первичное земельно-водное устройство было начато лишь в 1932–1933 гг. и охватывало незначительную территорию, в основном Самаровского и Кондинского районов.

В конце 1932 г. были приняты документы о землеустройстве в Ямало-Ненецком округе. 15 сентября 1932 г. Ямальский окрисполком принял постановление «О перераспределении земельно-водных промысловых угодий в районах». В документе подчеркивалось: «В ряде районов, особенно отдаленных, и в частности Ямальском, Тазовском, до сих пор не было произведено перераздела земельно-водных угодий, песцовых мест, ягельников, рыболовных озер, и по сие время в этих районах землепользование производится на основе родового феодального права... В целях пресечения земельной эксплуатации бедноты и батрачества со стороны родофеодальной знати и скорейшей ликвидации родословных взаимоотношений в тундре... постановляет: в период октября—декабря во всех районах округа провести перераспределение тундровых земельно-водных угодий...»³⁵.

Факты показывают, что в Ямало-Ненецком округе процесс землеустроительных работ затянулся, начавшись в 1933 г. в виде составления проектов по четырем районам округа, замер на несколько лет. Коллективизация шла низкими темпами, споры между артельщиками и государственными ловцами Рыбтреста из-за угодий

были частым явлением в те годы³⁶. Например, постоянным объектом спора являлись салмы (вид рыбоугодий) у селения Хэ между артелью «Промышленник» и гословцами. Во избежание широко распространенных конфликтов «...окружные организации решили впредь до проведения землеустройства закрепить за населением временно часть рыбоугодий, которые ими осваиваются»³⁷.

27 июля 1934 г. Ямало-Ненецкий окрисполком принял постановление «О правилах производства рыбного промысла в водоемах Ямальского округа». Рыболовецкие колхозы и рыбаки-единоличники допускались к рыболовству по договорам, заключенным с председателем Интегрального кооператива, руководителями заготовительных организаций. Данное постановление снимало ограничения на пользование рыболовными угодьями для единоличников и частных ловцов³⁸. Нерешенность вопроса о пользовании земельными и водными ресурсами в округе создавала неразбериху в отношениях между Рыбтрестом, колхозами и аборигенами-частниками, что осложняло и без того непростую ситуацию в рыбном хозяйстве.

Можно сделать вывод, что земельно-водное устройство территории в Ямало-Ненецком округе не было решено в первой половине 1930-х гг. В докладной записке по Ямальскому округу (1940 г.) отмечалось, что в 1933–1937 гг. было проведено лишь первичное земельно-водное устройство³⁹. Хотя на этот счет в литературе имеется и другое мнение. Л.Е. Киселев писал, что с появлением «Положения о первичном земельно-водном устройстве трудового промыслового населения северных окраин РСФСР» от 10 сентября 1930 г. начались соответствующие работы, которые сводились к следующим моментам: изъятие земель у кулаков и шаманов; передача земель артелям, товариществам, беднякам; создание государственных земельных фондов»⁴⁰. Историк считал, что работы по землеустройству были завершены к 1936 г.

Для оказания помощи по землеустройству Центральное бюро краеведения в середине 1930-х гг. поставило перед краеведческими организациями задачу провести комплексную сплошную инвентаризацию районов в каждой области. Начать сплошную инвентаризацию планировалось в 1936 году. Омское областное бюро краеведения 1 июля 1936 г. в письме окружным и районным оргбюро краеведения напоминало, что основной работой краеведческих организаций является комплексное описание (паспортизация районов). «Учитывая большое политическое и хозяйственное значение этой работы, облбюро краеведения немедленно просит включиться в эту работу совместно с райпланами и система-

тически информировать о ходе ее выполнения»⁴¹. Однако эти мероприятия также не оказали должного влияния на изменение ситуации к лучшему.

Во второй половине 1930-х гг. работы по землеустройству были продолжены и в основном направлены на отвод земель для коллективного хозяйственного назначения и создания оседлых населенных пунктов. В конце 1930-х гг. в Остяко-Вогульском округе землеустройство не было завершено. В 1939 г. Октябрьский райисполком в объяснительной записке к плану землеустроительных работ отмечал: «первичное землеводное устройство скорее стремилось к выявлению фондов, нежели к регулированию землепользования». Там же говорилось о спорах на земли, о необходимости распланировки центральных усадеб колхозов. Подобная ситуация скорее была типичной, чем исключением.

В докладной записке инспектора Управления землеустройства Омского облзо Баженова (1940 г.) землеустройство в Ямало-Ненецком округе признавалось неудовлетворительным. «Сейчас на очереди стоят работы по предъявлению колхозам землеустроительных проектов, составленных Северо-Уральской экспедицией», — отмечалось в документе⁴². Таким образом, землеустройство на севере Западной Сибири к началу Великой Отечественной войны не было завершено, тем не менее, земля постепенно поступала в новое освоение. Аборигены жаловались советам, робко возмущались и отступали, поскольку не в их традиции было спорить за землю — это приносило беду.

Подводя некоторый итог изученному фактическому материалу, стоит обратить внимание на то, что землеустроительные процессы требуют времени. На локальном уровне им присущи специфические особенности, обусловленные природно-климатическими факторами. Однако в 1930-х гг. наблюдается преобладание внешних факторов (административные меры советской власти), которые, несмотря на жизнестойкость традиционных моделей землепользования, вызвали изменения в земельных отношениях и природопользовании. Полагаем, что именно тогда стали закладываться основы для уничтожения жизненно важного ландшафта традиционных культур. В последней трети XX в. в результате промышленного освоения оказались разорены и опустошены многие общины ханты, манси и частично береговых ненцев. Последствия очевидны. Без решительных мер по сохранению не только самих культур, но и традиционных моделей землепользования, эти культуры могут исчезнуть безвозвратно.

Примечания:

- ¹ *Алексеева Л.В.* К вопросу о составе и численности населения Обь-Иртышского Севера в 1920-х гг. // Динамика миграции населения и проблемы современного развития Западной Сибири. Сб. тезисов докладов региональной научно-практической конференции. — Сургут, 2002. — С. 8.
- ² *Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. — Екатеринбург, 1995. — С. 91.
- ³ См. более подробно: *Алексеева Л.В.* Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: национально-государственное строительство и население. — Нижневартовск, 2002. — 268 с.
- ⁴ См. более подробно: *Головнев А.В., Прибыльский Ю.П.* и др. История Ямала. — Тобольск; Яр-Сале, 1992.
- ⁵ *Сподина В.И.* Определение «своего» пространства в традиционном мировоззрении лесных ненцев // Западная Сибирь: история и современность. Краев. зап. — Екатеринбург, 1999. — Вып. 2. — С. 50.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 314. Л. 16.
- ⁷ Государственный архив Ямало-Ненецкого округа (далее — ГАЯНАО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 101. Л. 31.
- ⁸ Тюменский областной центр документации новейшей истории (далее — ТОЦДНИ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 21. Л. 29 об.
- ⁹ ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 101. Л. 37.
- ¹⁰ Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1. Лл. 1–3.
- ¹¹ Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (далее — ГАХМАО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 68. Лл. 23–25.
- ¹² Там же. Лл. 27–28.
- ¹³ *Новицкий В.* Вопросы рыбного хозяйства Тобольского округа // Хозяйство Урала. — 1929. — №6. — С. 120.
- ¹⁴ Рыбное хозяйство Тобольского Севера // Хозяйство Урала. — 1929. — №4. — С. 157.
- ¹⁵ ГАХМАО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 68. Л. 30.
- ¹⁶ *Архипова Н.* Хронология географических исследований и основных открытий на Урале за 70 лет советской власти // Наука Урала. — 1987. — 7 октября.
- ¹⁷ ГАХМАО. Ф. 143. Оп. 2. Д. 68. Л. 18.
- ¹⁸ *Алексеева Л.В.* Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. — Курган, 1998. — С. 46–47.
- ¹⁹ ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Лл. 8–9.
- ²⁰ ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 23. Л. 6 об.
- ²¹ Там же. Л. 20.
- ²² ГАХМАО. Ф. 143. Оп. 2. Д. 68. Лл. 2–3.
- ²³ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 сентября 1930 г. «Об утверждении Положения о первоначальном земельно-водном устройстве трудового промыслового и земледельческого населения северных окраин РСФСР», в котором были представлены общие положения, основания и порядок первоначального земельно-водного устройства и подчеркивалось, что документ «является сплошным и обязательным» для народов Крайнего Севера // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.). — Тюмень, 1994. — С. 177–179.

- ²⁴ *Киселев Л.Е.* От патриархальщины к социализму. — Свердловск, 1974. — С. 149—150.
- ²⁵ ГАХМАО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 68. Л. 31.
- ²⁶ Там же. Ф. 43. Предисловие к фонду.
- ²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 199. Л. 20.
- ²⁸ Там же. Л. 34; Д.68. Л. 18, 21.
- ²⁹ Там же. Д. 199. Л. 20.
- ³⁰ Там же. Л. 103.
- ³¹ Там же. Л. 34; Ф. 44. Оп. 1. Д. 138. Л. 73.
- ³² Там же. Д. 68. Л. 32-105.
- ³³ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д.199. Л. 1.
- ³⁴ Там же. Ф. 44. Д. 138. Л. 77.
- ³⁵ ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д.38. Л. 7.
- ³⁶ Центр документации новейшей истории Омской области (далее — ЦДННАО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 3.
- ³⁷ Там же. Л. 4.
- ³⁸ ТОЦДНИ.Ф. 104. Оп.1. Д. 26. Лл. 57—58.
- ³⁹ ЦДННАО. Ф. 17. Оп.1. Д. 2045. Л. 67.
- ⁴⁰ *Киселев Л.Е.* От патриархальщины... — С. 149—150.
- ⁴¹ ГАХМАО. Ф.337. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.
- ⁴² ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 23. Л. 64 об.

Е. Просовикова, Б. Колобова

Оценка потенциала промыслов Югры и развитие звероводства в конце XX века

Определенную неповторимость территории придают промыслы. Именно развитие промыслов, имеющих многовековую историю, отличает одну территорию от другой.

Природно-исторические условия Югры создают предпосылки для развития промыслов. Леса, реки, озера, богатые зверьем, дичью и рыбой, способствовали развитию промыслов по их добыче.

В округе также существуют и развиваются промыслы, сохранившиеся с давних времен. Основным направлением охоты в округе издавна является товарно-пушное. Промысловыми зверьями на территории Югры являются белка, заяц, горностай, лисица, соболь, колонок, норка.

Статистические данные по звероводству за 1990–1995 годы по Нижневартовскому району (Нижневартовский районный архив. Фонд №23. Опись 1)

План реализации продукции (1990 г., март. Д. 136)

Пушнина и меховое сырье

Наименование продукции	Количество (штук)	Цена	Сумма (тыс. руб.)
Пушнина промысловая			
Белка	1700	2–80	4760
Соболь	870	75	65250
Горностай	30	8	240
Колонок	20	8	160
Норка	10	40	400
Заяц	20	2	40
Росомаха	2	150	300
Пушнина клеточного разведения			
Лисица	1200	160	192000

1	2	3	4
Расход в хозяйстве (на переработку) Лисица красная	8	—	—
Получение шкурок серебристо-черной лисицы	—	—	319360
Итого пушнины, добытой охотой (тыс. руб.)			85000
Объем поступления продукции за год (всего пушнины)			85000

**Объемы добычи боровой дичи и мяса
диких копытных коопзверопромхозами с 1990 по 1995 г. (Д. 137)**

Коопзверопромхозы	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Боровая дичь; тыс. шт.						
Ямало-Ненецкий	52	52	52	52	52	52
Березовский	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
Октябрьский	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Кондинский	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5
Сургутский	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0
Нижневартовский	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0
Итого:	60	60	60	60	60	60
Мясо диких животных; т						
Ямало-Ненецкий	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
Березовский	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0
Октябрьский	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0
Кондинский	6,0	6,0	6,0	6,0	6,0	6,0
Сургутский	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5
Нижневартовский	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5
Итого:	25	25	25	25	25	25
По добыче пушнины; тыс. руб.						
Ямало-Ненецкий	290	290	290	290	290	290
Березовский	140	140	140	140	140	140
Октябрьский	40	40	40	40	40	40
Кондинский	45	45	45	45	45	45
Сургутский	260	260	260	260	260	260
Нижневартовский	85	85	85	85	85	85
Итого:	860	860	860	860	860	860

Закупка пушнины на 1990 г. по Нижневарттовскому КЗПХ — всего 285 тыс. рублей, в т.ч. промысловая — 85 тыс. руб. и клеточная — 200 тыс. руб.

с. Ларьяк:

Промысловая пушнина	руб.
Белка	800
Соболь	350
Горностай	13
Колонок	18
Норка	2
Лисица красная	4
Заяц	65

с. Корлики:

Промысловая пушнина	руб.
Белка	990
Ондатра	200
Соболь	530
Горностай	6
Колонок	17
Норка	5
Заяц	80
Выдра	3
Меховое сырье	200

Всего за год промысловой пушнины в с. Ларьяк — 29172 руб.

Всего за год промысловой пушнины в с. Корлики — 44695 руб.

План реализации продукции (1991 г.)

Продукция заготовок реализуется на шкурках серебристо-черных лисиц.

Пушное клеточное разведение серебристо-черных лисиц в количестве 1000 штук составило 456670 руб.

Статистическая отчетность Нижневарттовского КЗПХ

Отчет о закупке пушнины (Д. 141,142)

Пушнина	Заготовлено всего (шт. кол-во)	Сумма (руб.)	В т.ч. коопзверопромхозами и зверохозяйствами потребит. кооперации	
			Кол-во	Сумма
Белка	14649	98350	14649	98350
Волк	1	67	—	—
Горностай	32	415	32	—
Колонок	18	257	18	—
Лисица серебристо-черная	2092	977070	2092	977070

В состав Нижневарттовского коопзверопромхоза входит 2 промысловых подразделения: Корликовское и Сабунское.

План реализации продукции (1992 г.)

**Анализ выполнения плана промысла, производства
и заготовок продукции за год (1992 г.) Нижневартковского КЗПХ
(Д. 146)**

Продукция промысла	План на 1992 год		Фактический объем за год 1992	
	Кол-во (шт.)	Сумма	Кол-во	Сумма
Пушнина				
Белка (в процентах 183%)	10000	60000	18385	219777
Волк	1	200	—	—
Горностай (93%)	15	300	14	281
Заяц (120%)	30	240	36	236
Колонок (60%)	15	300	9	634
Норка дикая (40%)	10	2000	4	1862
Соболь (65%)	700	350000	457	442261
Итого пушнины, добытой охотниками (161%)	—	413040	—	665051

**Выполнение плана промысла, производства и заготовок продукции
за 1993 год
по Нижневартковскому коопзверопромхозу (Д. 150)**

Продукция промысла	Фактический объем в 1993 году	
	Кол-во (шт.)	Сумма
Пушнина		
Белка	8224	3201610
Выдра	1	30000
Горностай	11	1380
Заяц	40	5280
Колонок	5	2675
Норка дикая	6	7000
Песец белый	3	29000
Соболь	353	3499050
Итого: пушнина		6766995

**Выполнение плана промысла, производства и заготовок продукции
за 1994 год
по Нижневартовскому коопзверопромхозу (Д. 154)**

Продукция промысла	За 1994 год		в % к прошлому году
	Кол-во (шт.)	Сумма	
Пушнина, всего			
Белка	13107	15017	159,4 %
Горностай	11	37,0	100 %
Зяец	15	12,5	37,5 %
Колонок	5	34,0	100 %
Лисица красная	1	70,0	—
Норка дикая	13	488,0	217,0 %
Соболь	238	7632	67,4 %
Итого: пушнина		23291	109,5 %

В настоящее время промысловая охота уже не имеет большого значения, она дает только 10% пушнины, остальное получают на зверофермах (клеточное звероводство). Много мехов продается за рубеж. Так, в 1995 г. из России было вывезено пушнины на 35,8 млн. долларов США. Спрос и цены на меха на международном рынке год от года меняются.

Приручение диких животных и превращение их в домашних, разводимых человеком преимущественно для удовлетворения хозяйственных нужд, началось более 10000 лет назад (одомашнивание животных). Это длительное (во многих поколениях) приручение диких животных и их разведение при формирующем влиянии искусственного отбора (сознательного или бессознательного) для получения полезной человеку продукции или эстетического удовольствия, при котором используются закономерности наследования, ведется отбор и направленное скрещивание. При этом могут возникнуть формы, жизнеспособные только в созданных и поддерживаемых человеком биоценозах. Прекращение человеческой деятельности в разведении определенных пород животных может привести к необратимым потерям форм.

В последние десятилетия проведены работы по одомашниванию ряда животных (например, форель, морской лосось, сибирская черно-серебристая лиса). Одно из направлений — разведение пушных зверей в звероводческих хозяйствах.

Меха в России называли «мягкой рухлядью», мягким золотом. И это не было преувеличением. Например, в конце XIX в. соболи-

ный мех на вес ценился дороже, чем золото. Пушнина была долгое время главным валютным фондом России: на экспорт шли меха соболей, лисиц, белок, бобров, куниц, горностаев, выхухолей. Центром меховой торговли до XVIII в. был Новгород, затем им стала Москва. Меха использовались вместо денег, ими платили штрафы, подати, пошлину, плату за проезд, ученье, церковную службу.

В России пушных зверей начали разводить еще в XVIII в. Молодых особей отлавливали и выращивали в неволе. Это называлось «избяное» звероводство. Существовало еще и «островное» звероводство: в Сибири и на Дальнем Востоке зверей выпускали на острова. Они там размножались, и их легко было потом отловить. Впервые это сделал русский мореплаватель Андриан Толстых, который в 60-х годах XVIII в. привез на острова Алеутской гряды голубых песцов, отловленных на островах Северного Ледовитого океана.

Клеточное звероводство началось с середины XIX в. Именно тогда А.В. Маргграф основал «Российское общество хозяйственного разведения промысловых животных и представителей дичи» и написал первую книгу о звероводстве. Первые зверофермы появились в Московской, Санкт-Петербургской и Tobольской губерниях. Там разводили серебристо-черных лисиц, голубых песцов, соболей, норок. В дореволюционные годы в округе выращивали до 1000 лисиц.

Животноводство ХМАО — отрасль хозяйства, существовала у коренных народов региона давно, но ограничивалась разведением собак и оленей. На Конде, незадолго до прихода русских в Зауралье, манси, имевшие военные и хозяйственные контакты с татарами и русскими, начали разводить крупный рогатый скот и лошадей. Только с приходом русских поселенцев появились новые виды и породы домашних животных: крупный рогатый скот, лошади, овцы, козы, свиньи, кролики и др. В 60—80 гг. создавалась кормовая база для животноводства, как за счет освоения естественных сенокосов, так и за счет посева кормовых трав, завозились концентрированные корма, строились скотные дворы с комплексной механизацией процессов содержания и ухода за животными. Однако животноводство округа даже в самые лучшие годы своего развития не было настолько мощным, чтобы полностью обеспечить выросшее население округа продуктами животноводства.

В промышленных масштабах пушным звероводством начали заниматься в 20—30-е годы XX в.

Звероводство как самостоятельная отрасль хозяйства Югры стало развиваться с 1936 года. Из Tobольского зверосовхоза завезли 50

голов серебристо-черных лисиц на звероферму д. Мануйлово под Ханты-Мансийском. В 1937 г. было 4 зверофермы, до 1941 г. сохранилась 291 лисица. Для строительства звероферм колхозам давали долгосрочные кредиты, и клеточное звероводство начало успешно развиваться.

В 1949 г. вышло распоряжение Совета Министров о мерах по разведению клеточного пушного звероводства на севере Тюменской области.

Ханты-Мансийская сельхозшкола открыла отделение для обучения звероводов, и за 1950—1952 гг. было подготовлено 130 специалистов, в т.ч. 65 — из представителей коренного населения. К 1953 г. все колхозы округа имели зверофермы, которые давали высокий доход. В 1954 году было уже 165 звероферм с поголовьем 830 лисиц. В 1961 г. в округе создали два специализированных звероводческих совхоза: «Юганский» в Сургутском и «Карымский» в Кондинском районах. В 1960 г. в округе содержали 90% областного поголовья серебристо-черной лисицы, 16% — песца, 6% — норки¹.

Развито в округе и клеточное звероводство, выращивают ценные породы зверей (черно-бурая и рыжая лисицы, песец, норка). Ежегодно продажа меха составляет более 50 тыс. шкурок. Динамика производства шкурок в округе в последние годы свидетельствует о его сокращении в связи с удорожанием кормов, старением производственных помещений. В хозяйствах сократилось разведение норки и песца.

Динамика производства шкурок в клеточном звероводстве округа (Экономика ХМАО)

Виды	Год					
	1995	1996	1999	2000	2001	2002
Лисицы	41373	38454	23248	11090	7000	5244
Песцы	854	561	326	164	50	—
Норка	299	209	167	77	40	11
Всего	42526	39224	23741	11331	7090	5255

В советские времена славились отменным качеством и повышенным спросом пользовались меха звероферм п. Ларьяк, Корлики, Охтеурье и пушнина оленеводческих совхозов. Затем звероводство пришло в упадок. На сегодняшний день в Нижневартовском районе около 40 лет функционирует единственная звероферма в Охтеурье, принадлежащая НМУПП «Охтеурское». И лишь в последние годы у хозяйства появилась возможность реанимировать про-

изводство, однако возникла другая проблема — сбыт. Сегодня себестоимость одной шкурки серебристо-черной лисы обходится хозяйству больше двух тысяч рублей. Но как бы хороши ни были меха, спрос на них оставляет желать лучшего.

В настоящее время на звероферме насчитывается 1 тысяча 200 голов серебристо-черных лисиц и вуалевых песцов. Однако их содержание сегодня становится все более проблематичным. Почему же такое ограниченное число животных стало объектами пушного звероводства? В клетках целесообразно выращивать только тех зверей, себестоимость содержания которых меньше стоимости их шкурки. Других же пушных зверей (ондатру, белку, горностая, колонка и т.д.) выгоднее разводить в промысловых хозяйствах и добывать на охоте³.

С помощью селекции обыкновенной лисицы выведены серебристо-черная, платиновая и другие формы. Лисицы — объект пушного промысла и звероводства.

Пушнина Охтеурской зверофермы всегда пользовалась хорошим спросом не только у жителей Нижневартовского района, но и других регионов, что объясняется качеством продукции. Во многом оно зависит от правильности содержания пушных зверей. По словам директора ПП «Охтеурское» Ивана Танина, корма для животных поступают своевременно и в достаточном количестве. Но существуют и некоторые проблемы, в частности, необходим капитальный ремонт клеток для содержания лис и песцов, которые были построены еще в начале 80-х годов.

Почти в два раза вырос забой зверофермы села Охтеурье. В прошлом году на мех охтеурские звероводы забили 770 голов серебристо-черных лисиц и песцов, в нынешнем на головное предприятие будет отправлено более 1400 шкур, из них 450 — недавно разведенной породы вуалевого песца.

На показатели забоя пушных зверей положительно повлияли перемены в развитии МНУПП «Охтеурское», в том числе значительное улучшение материального положения предприятия.

Сегодня на звероферму поступают качественные мясопродукты, своевременно закупаются витамины и антибиотики, благодаря чему поражение животных инфекциями сократилось в несколько раз. В результате успешно проведенного весеннего гона поголовье пушных зверей увеличилось на полторы тысячи щенков.

Природоохранный статус округа может быть значительно повышен в связи с образованием территорий приоритетного природопользования для ведения отраслей традиционного хозяйства ко-

ренного населения (охота, рыбалка, оленеводство), примерно на $\frac{1}{3}-\frac{1}{4}$ части территории округа. На территориях традиционного хозяйства будет ограничена деятельность нефтегазодобывающей и лесной промышленности. Разрушающее влияние промышленности на природные экосистемы национальных территорий будет сведено к минимуму или полностью ликвидировано. В экологическом отношении национальные территории будут выполнять роль природоохранных площадей, находящихся под частичной охраной. Можно надеяться, что стабилизирующее влияние национальных территорий на природную среду совместно с заповедниками и заказниками будет способствовать значительному оздоровлению экологической обстановки.

Заметно снизилось изъятие пушных видов из-за снижения рыночной стоимости пушнины, а также уменьшилось изъятие нерентабельных видов (водоплавающие, кулики, зайцы, лисица).

Анализ промысловой деятельности хозяйств охотопользователей показывает, что в настоящее время значительно сокращены объемы заготовок пушнины. Количество штатных охотников сократилось до минимума. Отсутствие спроса на пушнину, низкие закупочные цены также повлияли на объемы заготовок⁴.

Примечания:

¹ Ильина Е.Д., Соболев А.Д. Звероводство. — М., 1990. — С. 64–78.

² Нижневартовский районный архив. Ф. 23–24. Оп. 1. Д. 136–158.

³ Новиков В.П. Охотничьи животные ХМАО. Ресурсы, экология, прогноз. — Ханты-Мансийск, 1994. — С. 132–142.

⁴ Энциклопедия ХМАО — Югория. Том первый. А-И. — Изд-во: Ханты-Мансийск, 2000. — 107 с., ил.

Николай Аполлонович Бирюков

Имя Н.А. Бирюкова было забыто в сибирской историографии. О нем лишь иногда вспоминали краеведы, занимающиеся историей образования в Тобольской губернии. Он был известным преподавателем семинарии и обладал талантом исследователя.

Родился Николай Аполлонович Бирюков в семье ялуторовского священника 4 декабря 1861 года. Позже он называл себя коренным сибиряком «из старинного духовного рода». Оставшись без родителей, он был принят на казенное содержание сначала в Тобольское духовное училище, потом в губернскую семинарию.

Впоследствии Н.А. Бирюков вспоминал: «Моя сознательная жизнь началась с того времени, когда 8-летним круглым сиротой в 1870 году я сделался казеннокоштным воспитанником Тобольского духовного училища, которое помещалось тогда в том здании, где находится ныне семинарское епархиальное общежитие. После семилетнего пребывания в этом училище, перейдя только лежащий пред этим зданием двор, я поступил в семинарию, где в этих самых стенах я пробыл 6 лет. По окончании семинарии, пройдя четырехлетний академический курс, я возвратился в свою родную семинарию уже учителем ее питомцев»¹. Свыше 25 лет он был преподавателем семинарии по кафедре Священного Писания Ветхого завета. Опубликовал несколько богословских работ. В октябре 1902 года в Тобольске было открыто церковное древлехранилище, создатели которого ставили главной задачей познакомить «носителей с замечательными памятниками церковной старины Тобольской епархии и предохранение как собранных в нем, так и известных на пространстве епархии памятников от повреждения и разрушения».

Уже в первый год существования в церковном музее хранилось свыше одной тысячи экспонатов. Среди них представляли интерес иконы, кресты, старинные книги и рукописи. «Но более замечательною и редкою является книга небогословского содержания, изданная в Москве 1647 году, во второй год царствования Алексея Михайловича, под заглавием: «Учение и хитрость ратного строения

пехотных людей». Эта книга, по словам военных лиц, представляет собою едва ли не единственный экземпляр в настоящее время»².

В 1903 г. была учреждена архивная комиссия, «поставившая свою задачу обработку археологических и исторических материалов (по преимуществу с церковно-исторической стороны), относящихся к Тобольской епархии». С этого начался настоящий взлет семинарского преподавателя. Бирюков состоял действительным членом церковного музея и одним из 15 членов архивной комиссии. Им были приведены в порядок дела семинарского и консисторского архивов. «Всем старым консисторским делам, касающимся духовной семинарии, а также и других учебных заведений, существовавших в старину в Тобольской епархии, г. Бирюковым сделана полная и подробная опись»³. 24 сентября 1903 г. Н.А. Бирюков сделал интересное сообщение о состоянии и значении архива Тобольской духовной консистории⁴. Была опубликована статья «Тобольская семинария в 1791 г.». Это, по словам современника, «серьезная, основанная на первоисточниках» работа, в которой автор «изобразил административную, учебную и экономическую жизнь» семинарии⁵.

Затем последовали статьи «Тобольская семинария при ректоре Геннадии (1799—1809 гг.)», «Тобольская семинария при ректоре, архимандрите Филарете Амфитеатрове (1810—1813 гг.)». Основаны они на изучении автором источников семинарского и консисторского архивов. Использовал Н.А. Бирюков акты из Полного собрания законов (Т. XXII, XXIV, XXVI—XXVIII, СПб., 1830), бесспорно, был хорошо знаком с работами А.И. Сулоцкого и П. Знаменского, книги которых имелись в семинарской библиотеке. С 1904 по 1918 годы им было напечатано девять работ, составивших цикл «Очерки из истории Тобольской духовной семинарии». Они охватывают историю Тобольской духовной семинарии с 1773 по 1824 годы. Автором приведены биографические сведения о руководителях и преподавателях семинарии, не утратившие своего значения до настоящего времени⁶. К этому циклу примыкают статья «Эпизод из жизни П.А. Словцова» и труд «Протоиерей П.Д. Головин, ректор Тобольской духовной семинарии (1877—1904 гг.)». В статье на основе актов Тобольской консистории и ведомости Тобольской семинарии об учениках за 1788 год автором указано происхождение и место рождения знаменитого сибирского историка Петра Андреевича Словцова — сына священника Нижнесусанского завода Алапаевского заказа, а также приведен текст аттестата от 5 декабря 1788 года: «Объявитель сего философии ученик Тобольской епархии священнический сын Петр Словцов, обучаясь в Тобольс-

кой семинарии, проходил пиитический, риторический и философский классы с отличным успехом и прилежанием. Причем обучался началам истории и географии, а сверх того в той же семинарии был грамматического класса учителем. Понятия в учении изрядного и нравов честных, от роду имеет 20 лет».

Основное внимание уделено поучению, произнесенному П.А. Слобцовым 10 ноября 1792 года в Тобольском Софийском соборе по случаю торжества бракосочетания великого князя Александра Павловича с баденской княжной Елизаветой Алексеевной, ставшему причиной ссылки тобольского учителя на Валаам⁷.

В 1910—1911 годах напечатал труд о своем духовном наставнике протоиерее П.Д. Головине, стоявшем во главе Тобольской семинарии в течение 27 лет (1877—1904 гг.)⁸. С полным основанием можно заключить, что история Тобольской семинарии стала главной темой в творческом наследии Н.А. Бирюкова, не случайно его называли «историком семинарской жизни».

В юбилейном 1912 году Бирюков занялся поиском документов об участии духовенства «Азиатской России» в немеркнушем подвиге Отечественной войны 1812 года. «В историографии войны, — писал в 1982 году профессор Тобольского педагогического института Ю.П. Прибыльский, — весьма скупо и поверхностно представлена Сибирь. Отдельные разрозненные факты, приведенные в краеведческой литературе, не дают целостного представления об участии сибиряков в защите Отечества. Единственным примером связного изложения темы служит, пожалуй, брошюра омского историка В.И. Стрельского «Сибирь в Отечественной войне», опубликованная малым тиражом полвека тому назад и представляющая ныне библиографическую редкость»⁹. Однако одним из пионеров в разработке этой темы был Н.А. Бирюков. В шести номерах «Тобольских епархиальных ведомостей» была напечатана его статья «Отголоски Отечественной войны 1812 г. среди тогдашнего духовенства Тобольской епархии»¹⁰. Эта работа, написанная на основе обширных и впервые изученных автором источников, на несколько десятилетий оставалась единственной. В ней содержится интересная информация о пожертвованиях священнослужителей края на нужды войны, готовности принять участие в ополчении для борьбы с Наполеоном, о материальной помощи соотечественникам, пострадавшим от неприятеля.

«Несмотря на отдаленность Тобольской епархии от театра военных действий, — писал Н.А. Бирюков, — великая — страшная и славная — година Отечественной войны нашла себе здесь живой

отклик среди тогдашнего духовенства, начиная со стоящего во главе епархии архиепископа и кончая пономарем какого-нибудь заолустного прихода или малолетним учеником духовной школы»¹¹.

В подтверждение этого положения исследователь привел факты, извлеченные из консисторского архива. Например, о том, что на 21 сентября 1812 г. было передано в фонд обороны «от самого преосвященного — 1153 руб. 91 $\frac{1}{4}$ коп., от Софийского собора 500 руб., от монастырских настоятелей — 1340 руб., Тобольского градского духовенства — 350 руб., священноцерковнослужителей ведомства духовных правлений — 1440 руб., тобольских подгородных церквей от священноцерковнослужителей — 40 руб., от чиновников консистории — 80 руб., итого — 5004 руб. 91 $\frac{1}{4}$ коп.»¹².

Ко второй декаде сентября 1813 года тобольским духовенством было пожертвовано на войну с Наполеоном 12099 руб. $\frac{3}{4}$ коп. «Сверх того в казенную палату препровождено серебро в слитках (7 фунтов 40 $\frac{1}{2}$ золотника и серебряный ковш весом 1 фунт 82 золотника)»¹³. (Ср.: в 1813 г. пуд (16 кг) ржаной муки стоил от 47 до 56 коп., соли 80 коп., фунт (400 г) коровьего масла — 30 коп.).

По словам автора, дьяконовские дети, пономари и даже ученики семинарии изъявили желание служить в ополчении, и, наконец, священнослужители епархии «по мере своих средств пришли на помощь своим пострадавшим от войны соотечественникам».

Приведенные в работе факты позволили исследователю сделать вывод о том, что «духовенство Тобольской епархии в тяжелую годину Отечественной войны близко приняло к сердцу бедствия, постигшие Россию с нашествием Наполеона. Движимое патриотическим чувством, оно сделало немалые денежные пожертвования на нужды войны, среди него нашлись люди, которые пожелали поступить в ополчение для борьбы со врагом, наконец, оно не отнеслось черство к жителям местностей, разоренных неприятелем, придя к ним с материальной помощью»¹⁴. Последней крупной работой тобольского исследователя, над которой он трудился в грозном 1917 году, стала статья «Преобразование Тобольской семинарии в 1818 году и первые годы ее существования после реформы при ректоре Серафиме (1818—1819 гг.) и Евгении (1819—1824 гг.)»¹⁵.

После революции Н.А. Бирюков служил в ряде хозяйственных кооперативных организаций, одно время (1920—1921 гг.) заведовал статистико-экономическим отделом в экспедиции для исследования Обь-Печорского Севера. В 1922 году был избран в члены Общества изучения края при местном музее и поддерживал с ним связь до 1929 года, когда «болезнь не позволяла ему почти выхо-

дить из квартиры». Умер Н.А. Бирюков 3 марта 1930 года и похоронен на Завальном кладбище «по правую руку от центральной дороги, не доходя до церкви»¹⁶.

- ¹ *Бирюков Н.А.* Из воспоминаний о прожитой жизни // *Тобольские епархиальные ведомости.* — 1912. — №21 (1 ноября). — С. 494—495.
- ² *Юрьевский А.* Тобольское епархиальное древлехранилище // *Тобольское епархиальное древлехранилище.* Вып. 1. — Тобольск, 1902. — С. 7.
- ³ *См.:* Тобольское епархиальное древлехранилище. Вып. 3. — Тобольск, 1904. — С. 47.
- ⁴ *См.:* Тобольское епархиальное древлехранилище. Вып. 3. — Тобольск, 1904. — С. 45.
- ⁵ Тобольские епархиальные ведомости. — 1903. — №17.
- ⁶ Тобольские епархиальные ведомости. — 1904. — №1—3; 1905. — №13—22; 1906. — №6—19; 1907. — №3—20; 1908. — №1—24; 1909. — №12—24. (Перепечатано: Тобольское епархиальное древлехранилище. Вып. 2—7. — Тобольск, 1903—1909.
- ⁷ *См.:* Исторический вестник. — 1904. — №9 (сентябрь). — С. 877—891. И.В. Беличем в «Тобольском биографическом словаре» (Вып. 1. — Тобольск, 2003. — С. 64) ошибочно указана дата публикации.
- ⁸ Тобольские епархиальные ведомости. — 1910. — №3, 4, 6—8, 11—18; 1911. — №2, 4—5, 7—11.
- ⁹ *Прибыльский Ю.П.* Сибиряки против Наполеона // Югра. — 1992. — №9. — С. 36.
- ¹⁰ Тобольские епархиальные ведомости. — 1912. — №11, 12, 17, 18, 20, 24.
- ¹¹ Тобольские епархиальные ведомости. — 1912. — №11. — С. 243.
- ¹² Тобольские епархиальные ведомости. — 1912. — №18. — С. 422—423.
- ¹³ Тобольские епархиальные ведомости. — 1912. — №18. — С. 424.
- ¹⁴ Тобольские епархиальные ведомости. — 1912. — №24. — С. 602—603.
- ¹⁵ Тобольские епархиальные ведомости. — 1918. — №1—2, 3—5, 7—10.
- ¹⁶ *См.:* Бюллетень изучения края при музее Тобольского Севера. — 1930. — №1. — С. 30—31. — Из материалов I Всероссийской переписи 1897 г. о Н.А. Бирюкове узнаем, что он родился в г. Ялуторовске, служил преподавателем духовной семинарии и являлся секретарем семинарского правления. Его жена — Ольга Петровна, 20 лет, уроженка Нижнего Новгорода. В момент переписи сыну Н.А. Бирюкова исполнилось четыре месяца. Семья снимала квартиру во второй части 6-го квартала Тобольска, по Большой Пятницкой. У него была прислуга: кухарка Наталья Михайловна Загваздина из Вятской губернии и горничная Ульяна Санникова из Карачинской вол. (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 14. Л. 95).

Межгазетная полемика как фактор, идентифицирующий политическую направленность издания

Радикальные реформы, проводимые Александром II, не позволили в 60-е годы сформировать те отношения между властью и местной прессой, которые бы способствовали становлению последней.

В середине последнего десятилетия XIX века в Сибири выпускалось лишь 40 периодических изданий¹. Редакции работали лишь в крупных городах, таких как Томск, Иркутск, Омск, Владивосток, Тобольск, Красноярск, Чита и др. Столь незначительное количество наименований для огромной территории не предполагало типологического разнообразия изданий.

Периодика Сибири, состоявшая в основном из губернских, областных и епархиальных ведомостей, начинала стремительно численно расти за счет частных изданий. Сенатская региональная пресса неохотно уступала сферу своего влияния — читателей губернии или области. Местная власть пыталась удерживать монополию в информационном пространстве административными методами. Это хорошо иллюстрирует попытка издания частной газеты «Сибиряк» в 1869 г. жителем Томска Г.А. Калининым. В архиве сохранились экономические выкладки², которые завершает вывод общего губернского управления: появление нового издания, к тому же частного, нежелательно. Оно, благодаря наличию в программе фельетона, непременно должно было уменьшить количество подписчиков «Томских губернских ведомостей», снизить прибыль уже существующей типографии, а значит, и породить проблемы финансового обеспечения губернского правления³. Желая сохранить монополию на печатное слово, губернатор отказал заявителю в просьбе разрешить издавать «Сибиряк».

В 1881 г. издатель иркутской частной «Сибири», стремясь к капитализации газеты, пожелал перенести ее выпуск в соседнюю губернию, более благоприятную для издания с финансовой точки зрения. Но администрация решила территорию распространения

«Томских губернских ведомостей» разделить между «своими» людьми⁴. Так появилась «Сибирская газета», первое в Западной Сибири издание с расширенной программой. Наличие епархиальных и губернских ведомостей, а также одной частной газеты в губернии сформировало единое информационное пространство, периферия которого могла находиться в любом уголке России. При этом границы сегмента влияния на читателя каждой из этих газет не совпадали полностью: адреса, куда поступали экземпляры издания, пусть даже единичные, могли иметь достаточно большой географический разброс. Общее пространство, покрываемое всеми газетами как передатчиками информации, предполагало усиление тембра звучания вещателя.

Создание первой частной *бесцензурной* сибирской газеты «Восточное обозрение» с выходом ее в северной столице способствовало активному позиционированию изданий по принципу: центр—периферия. Первому была отведена роль защитника интересов не только сибирской прессы, но и всей Сибири, второй (к ней относились в начале 80-х иркутская «Сибирь» и томская «Сибирская газета») — роль провинциального органа печати: с одной стороны, все время нуждающегося в защите от цензурных тисков, с другой — проводника идей «Восточного обозрения», редактор которого Н.М. Ядринцев был уже при жизни признанным идеологом провинциальной прессы. При этом «Восточное обозрение» подчеркивало всем своим содержанием, что сущность издания — в координировании местной печати. «Блестящий триумvirат»⁵ демонстрировал свое единство в принципиальных вопросах, позволяя лишь иногда даже совсем не по-отечески пощипывать на страницах своих изданий друг друга.

Характерным примером таких междусобойчиков «блестящего триумvirата» были отклики «Сибири» и «Сибирской газеты» на публикацию фельетона в «Восточном обозрении» (1885. №5. С. 10–15). Добродушный Сибиряк (один из бесчисленных псевдонимов Н.М. Ядринцева) очередной раз выступал в роли пересмешника с фельетоном «Из страны чудес и курьезов». Лингвистический эквилибр вокруг существования заваленного навозом Каинска, этакого сибирского Бердичева, вдруг коснулся еще одного сибирского города. Добродушный Сибиряк «ужасно обрадовался... на днях узнав, что Тобольск все еще существует. Город этот был когда-то столицей Сибири, но слава оного минула и известность его в жизни Сибири крайне плачевна. Известно только, что город этот весной топит, и он топит всякую свежую силу; далее известен этот город поземом,

осетриной и ненавистью к печати». Последний пассаж автор и не собирался никак мотивировать. Хотя в этом была необходимость: как никак один из первых российских журналов — «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» — появился именно в Тобольске. Да и первые сибирские губернские ведомости начали издаваться именно здесь, 27 апреля 1857 г. Промелькнувший в тексте фельетона элемент комического в противопоставлении любви к пище и ненависти к печати вряд ли служил ассоциативным мостиком для разговора о гнезде Купидона, которое тот свил в Тобольске. «Этот — лыс, с табачным платком и табачным носом, что не мешает ему, однако, заявлять свою слабость к молоденьким цыганкам».

Очевидно, контур фельетонного героя оказался узнаваем. Не исключено, что по истории, в которой фигурировала и цыганка. Первой на это отреагировала «Сибирская газета» (1885. №8. С. 194): «Некоторые фразы фельетона, ...в особенности те, в которых затрагивается частная, семейная жизнь одного из выведенных там лиц, крайне неприличны, если не сказать более. Дом мой — крепость моя, — говорят англичане, и никому нет дела до того, как складывается чья бы то ни было серенькая, будничная жизнь». Иркутская «Сибирь», перепечатав заметку, поместила комментарий в несколько строк: «Во избежание могущих быть недоразумений мы бы покорнейше просили нашу младшую сестрицу выразить свою мысль не экивоками, а прямо указать, чья семейная жизнь затронута в фельетоне» (1885. №12. С. 4).

Но даже такие междусобойчики были исключением в отношениях между «блестящим триумвиратом».

И все же, на взгляд автора данной работы, отношение «Восточного обозрения» петербургского периода к сибирской прессе — это попытка выстроить властную вертикаль, в которой периферийная пресса была бы хорошо управляема. Кто при этом стоял за спиной Н.М. Ядринцева, ответить однозначно сложно. До сих пор остается тайной весьма загадочная история, как генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков смог внушить осведомленному в деталях биографии Н.М. Ядринцева министру внутренних дел Н.П. Игнатову, что будущий редактор «Восточного обозрения» — человек благонадежный и заслуживает доверия⁶.

К тому же и в аттестате Николая Михайловича, представленном в Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел империи, значилось, что тот под следствием и судом не был. Один из очевидцев того времени писал: «...я не могу предположить, чтобы Казнаков мог входить в сношения с людьми, аф-

ронированными правительством, обществом и лучшими людьми литературы. Это, по-моему, крайняя бестактность»⁷. Конечно, относиться к такой точке зрения необходимо очень осторожно. И.Я. Словцов в своей переписке с тестем С.И. Гуляевым практически ни о ком не отзывался положительно.

В конце XIX в. мнению директора Тюменского Александровского реального училища И.Я. Словцова вторил первый ректор Сибирского университета В.М. Флоринский, пытаясь в своих воспоминаниях сдернуть с жизни Н.М. Ядринцева пелену уже сформировавшихся мифов. Особое удивление у мемуариста вызывало «враждебное» поведение «Восточного обозрения» к тем, кто формировал «начинающуюся жизнь не по рецепту»⁸, посылаемому сибирским изданием из Санкт-Петербурга⁹.

Попытка «Сибирской газеты» (Е.В. Корш) отказаться от мелочной опеки «Восточного обозрения» (Н.М. Ядринцев), пытавшегося определять детали политики томского частного издания, привела к конфликту внутри «Сибирки». И как следствие этого — ее сотрудники оказались в разных редакциях. Рассматривая лишь политическую ссылку как действенную силу в становлении культуры Сибири, триумvirат спровоцировал сегментирование рынка прессы сибирской провинции 80-х годов XIX в., в который в 1885 г. попытался вписаться «Сибирский вестник», еще одно частное томское издание.

Середина восьмидесятых была сложным временем, и не только в политическом отношении. Иркутская газета в передовой статье «Оскудение» (1885. №1. С. 2–3) так описывала эту непростую ситуацию: травы и хлеба вымерзли, Западная Сибирь лишилась половины скота. Ремесленники жалуются на отсутствие заработков, купцы — на плохую торговлю. «Даже, о чудо, кабатчики хнычут, что водки продается менее прежнего и кабаки хоть закрывай. Но в последних говорит одна жадность».

Но сибиряки переживали и не такое. Газету волновала иная сторона: «Общественная жизнь провинций однообразна и вяла. Учреждения, имеющие задачей общие интересы, действуют рутинно, без всякой инициативы и энергии. Души и жизни в них нет, потому что нет их в обществе. Каждое из них — ученое ли оно, благотворительное или хозяйственное — кое-как исполняет свою задачу, чтобы с рук долой, только бы отсчитаться от вверенных ему сумм. Даже веселиться — и то наше общество не умеет. Народ в кабаках — задает работу будочникам и веселит кабатчиков. Так называемое общество как бы ex-officio посещает клубы, лениво танцует, винтит и выпивает обязательную рюмку. Даже скандалов — и тех

нет; широких русских натур — не стало: все нивелировалось, ступежалось, и мы, как повядшая в поле трава, склонили головы. Спите, родные, до радостного утра!»

Вот таким радостным утром для Сибири и стало появление нового издания «Сибирский вестник».

История сибирской печати 80-х годов XIX в. достаточно хорошо изучена. Работы Л.С. Любимова¹⁰ штрихом прорисовали путь для дальнейших исследователей. К «Сибирской газете», которую историк печати считал «первым частным органом в Западной Сибири»¹¹, обращались Л.Л. Ермолинский¹², Н.В. Жиликова¹³ и др. В последнее время научные пристрастия Л.С. Любимова¹⁴ и С.И. Гольдфарба¹⁵ были обращены на «Восточное обозрение». Во всех этих работах уделялось много внимания структуре издания, ее направленности, сущности конфликта, происшедшего в «Сибирской газете».

Каждое из исследований по-своему рассматривает частные сибирские издания в системе печати. Но сегодня, в новой культурной ситуации, когда мы пытаемся рассматривать историю не с точки зрения ленинской периодизации, Н.В. Жиликова решила посмотреть еще раз на периодику того времени, на ее первые шаги, на понимание роли прессы в обществе. При этом, как считает исследователь, важно иметь под рукой первоисточник, который не позволял бы жонглировать деталями исторического процесса.

В качестве такого документа молодой томский исследователь Наталья Жиликова избрала воспоминания не сторонних наблюдателей, а участников создания «Сибирской газеты», одного из первых частных изданий Западной Сибири.

И хотя в предисловии автор его и составитель книги¹⁶ Н. Жиликова рассказала все перипетии, происходившие вокруг томского издания, заметки мемуарного характера интересны какими-то мелкими штрихами, оттеняющими рассказ историка печати. При этом в самом начале книги составитель предупреждает читателя: «...во многих материалах содержатся довольно резкие отзывы о томских, сибирских чиновниках и других людях, возможно, обусловленные личными антипатиями авторов. ... так их и следует воспринимать — как живые впечатления тогда живущих людей, пристрастных, не свободных от недостатков, но имеющих право на свою точку зрения...»¹⁷.

Но в тени всех исследований до сих пор осталась главная проблема становления провинциальной печати — формирование направления издания. С этой точки зрения отношения триумvirата и

«Сибирского вестника» представляют идеальную модель для изучения не решенного исторической наукой вопроса.

Наличие двух газет на одной территории стимулировало к поиску эффективных подач местного материала, которые бы позволили читателю определить степень доверия к изданию, степень солидности его мнения для общественности. Т.е. конкуренция между редакциями «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника» — это борьба за читателя, в сознании которого одно издание должно было занять главное (центральное) место. Активная полемика по поводу различных сторон жизни позволяла обеим газетам формировать не только свою политическую платформу, но и искать своего читателя. При этом формы диалога между газетами приобретали изредка причудливые формы: «Невозможно полемизировать с противниками, считающими полемикой площадную брань»¹⁸.

В некоторых исследованиях «Сибирский вестник» до сих пор имеет репутацию «рептильной газеты» (выражение П.И. Макушина), хотя оправданность такого ярлыка в изменившейся культурной ситуации никем пока не доказана (да и не опровергнута). Устойчивые стереотипы методов исследования историков печати советского периода (была приостановлена, закрыта газета — значит, представляла интересы прогрессивной части читателей) мешает разрушить сила инерции. Ссылный А.А. Ауэрбах, на чье мнение не сослался ни один из исследователей сибирской печати, писал, что «Сибирский вестник», «поддерживая законом установленную власть, отвечавший всегда умно и сдержанно на заносчивые выпады «Сибирской газеты», так сказать, похоронил последнюю, так как она зарпортовалась до такой степени, что ее закрыли распоряжением министерства». При этом А.А. Ауэрбах подчеркивает, что «Сибирский вестник» довольно долго «существовал вне конкуренции»¹⁹. Это подтверждает и статистическая выборка. Правда, лишь отчасти, ибо она столь незначительная, что не предполагает к репрезентативности. Но в библиотеке Иркутского общества приказчиков, по данным 1889 г., в течение недели читатели спрашивали: «Сибирскую газету» — 248 раз, «Восточное обозрение» — 313 раз, «Сибирский вестник» — 565 раз²⁰. Данные показатели предполагают: какая газета на самом деле владела умами людей того времени?

В 1885 г., год празднования 10-летия «Сибири», была опубликована статистика распространения повременных изданий на территории. Корреспондент проследил за динамикой тиражей. «Иркутские губернские ведомости» в 1858–59 гг. имели до 500 подписчиков —

выше этого цифра подписки уже не поднималась. Газета «Амур» в первый год существования, 1860 г., имела лишь до 380 подписчиков.

«Сибирь» в первый год издания, с июля 1875 г., имела до 600 подписчиков, «в настоящее время у ней их 1218». Основание «Сибирской газеты» и «Восточного обозрения» не уменьшило этой цифры. Газета делает вывод: «Можно думать, что у всех трех газет почти одни и те же подписчики, — разница только окажется по городам Томску и Иркутску...» (Сибирь. 1885. №27. С. 2). На момент публикации статьи «Десятилетие газеты “Сибирь”» всех подписчиков было 1218. В т.ч. по городам: Иркутск — 361, Москва — 29, Петербург — 17 («более половины — редакции газет и журналов, остальные — сибиряки»). По населенным пунктам, находящимся по Московскому тракту, подписывалось 316, Забайкальскому — 368, Якутскому — 173 чел. Корреспондент с горечью замечает: «Сибирский Тобольск выписывает только один экземпляр».

Основными читателями «Сибири» были: среди дворян и чиновников — 115, военных — 25, духовенства — 36, купцов, промышленников и мещан — 551, крестьян — 6, инородцев — 16, учреждения (каз. и общ.) — 172²¹.

Своих подписчиков в газете считали. Поэтому уже на появление слухов о новом издании («Сибирский вестник») в «Сибири» отреагировали быстро. К тому же не очень дружелюбно: «Из Томска пишут, что там, как и в Иркутске, затевается газета в видах противодействия существующим честным органам местной прессы. Во главе этой газеты будет стоять известный К-въ, К-ъ, П-ский, Д-въ²² и другие. Газета будет выходить 3 раза в неделю. Мы по этому поводу можем только одно сказать: избави Бог от вероломных друзей, а с врагами-то мы уж сумеем справиться, и даже более того, открытый враг менее опасен, чем замаскированный друг» (№12. С. 6).

Появление нового издания в Томске предполагало сразу кучу проблем. Рынок распространения газет незначительный, событий в небольшом городе не так уж и много, корреспондентов можно по пальцам одной руки пересчитать. Хорошо, если все это придется делить на цифру «2», а если не поровну? Да к тому же еще и не в свою пользу?

Свое беспокойство «Сибирская газета» обозначила сразу: «Есть ли необходимость в новом органе печати, посвященном сибирским делам ...когда потребность в печатном слове только что начинает пробуждаться здесь, когда у существующих трех органов сибирской печати²³ едва набирается 3000 подписчиков у всех вместе, когда громадное большинство читающего сибирского населения выпи-

сывает иллюстрированные издания...»²⁴. Для издания, пытающегося приравнять собственное существование с собственностью на подписчика, на сибирскую тему, на приоритет в пропаганде вербального действия, поставленный вопрос слишком откровенный, чтобы говорить о приверженности «Сибирской газеты» к либерально-демократическим ценностям.

Историки печати считают, что в «Сибирской газете» работали политические ссыльные, в «Сибирском вестнике» — «червонные валеты» (так называли уголовников), которые считали ссылку предоставленной им государством возможностью к исправлению. Уголовный ссыльный «Корш признавал эту ссылку важным культурно-просветительским началом для Сибири, не делая в этом отношении никакого различия между нею и политической ссылкой»²⁵.

Все вышесказанное говорит о том, что представители триумvirата и вновь появившегося издания имели различные точки зрения на место их «органа» и роль печати в обществе, на отдельные общественные процессы и явления в регионе. К тому же уровень толерантности сотрудников одних изданий к мнению других угрожал превратить регион в сплошной полигон информационных войн. Именно они и должны были определить для читателя направление каждого из изданий.

Но для большинства изданий лишь теоретически было понятно значение слова «направление». Но уже в первых номерах «Тобольских губернских ведомостей» сотрудники неофициальной части с гордостью сообщали: «...газета усвоила себе определенное направление, полна довольно разнообразных статей, многие местные люди не пренебрегают выписывать газету» (ТобГВ. 1857. №34. С. 358).

Сотрудники предполагаемой издаваться в г. Красноярске еженедельной газеты сообщали в «Сибирь», что новое издание «будет с общими всем еженедельным провинциальным газетам отделами. В своем *направлении* (выделено мной. — Ю.М.) редакция будущей газеты поставит себе задачей служить истине, чуждой узких односторонних тенденций какой-либо партии, законным интересам общества, сообщать о проявлениях местной общественной жизни, указывая и выясняя не только темные и отрицательные стороны этой жизни, но также и положительные, т.е. стремление к общественной деятельности, более лучшим и разумным формам общественной жизни, сознательному отношению к окружающей природе и внутренней духовной жизни, короче сказать, стремление к самопознанию и к самоусовершенствованию. Проблески подобного стремления уже проявляются в сибирском обществе...» (№11. С. 8).

Говорить о направлении неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» и газеты, которая должна была вот-вот появиться²⁶ в Красноярске, некорректно. И вот почему.

Лишь появление конкурента на одном сегменте рынка может заставить издание формировать свою политическую платформу. Именно «Сибирский вестник» стал таким фактором, который вынуждал томские издания в непрерывной газетной полемике учиться ее культуре и понимать, на чьих позициях они стоят. И вместе со своим самоопределением предлагать выбор своего участия в общественной жизни читателю.

Пolemика как форма развития издания существовала в прессе и до появления «Сибирского вестника» в Томске. Если вспомнить первые годы существования губернских ведомостей, то взаимные обвинения регулярно можно было встретить у красноярцев и иркутян. Манера письма последних позднее перекочевала отчасти в «Восточное обозрение». В основе гласности²⁷, модного в 1859–64 гг. явления, лежал у иркутян не факт, а намек. «В простоте сердца, — писали «Енисейские губернские ведомости», — эта редакция и ее сотрудники поняли, что если хорошенько разругать кого-нибудь, выставить хоть начальные буквы фамилии, описать местность и вообще приметы, по которым узнаешь, о ком идет речь, словом сказать, написать на кого-нибудь пасквиль, так уж и значит служишь общему делу, распространяешь гласность» (1859. №11. С. 90)²⁸.

Так ответил князь Н. Костров в статье «Два слова о гласности» иркутянам, в публикации которых был намек на недобросовестную деятельность одного из чиновников Енисейской губернии, фамилию которого издание побоялось указать. Но героя публикации вычислили все...

Но polemica между сотрудниками официальной части продолжения сенатских изданий одной губернии с другой была не больше, нежели гласность Ипполита Завалишина, публикующего в петербургском «Якоре» очерк «Сибирские дороги» после неоднократного добровольного представления его текста начальству для предварительного просмотра. Заповем статьи традиционно стала журналистская сентенция, претендующая на истину в последней инстанции: «...правды не жаловали, и бедная гласность была в полном загоне... Теперь наступили времена иные, времена хорошие, право! Рухнуло крепостное право, откупа умерли, бить перестали, города заботятся об улучшениях, суды делаются публичными, пресса мужает, и на честную гласность есть поход. Значит — можно и по “дорогам” пошляться, и “господним человеком” быть, не опасаясь».

ясь, что сочтут ябедником, беспокойным субъектом» (Якорь. 1864. №8. С. 118).

Совсем иное дело — полемика между изданиями в поисках аудитории, которые начались в Томске после появления «Сибирского вестника». Хотя еще за двадцать лет до томичей другой «Сибирский вестник», иркутский, устами своего редактора Б. Милютина пытался нарисовать картину местной прессы: «Какие потребности удовлетворяют все эти издания? Какой они имеют характер, цвет, направление? К какому принадлежат знамени? Как ни трудно, особенно в провинции, высказаться мнениям и направлению, но наши местные органы, исключая «Записки», как издания неперидического, имеют каждый свой отпечаток. «Епархиальные ведомости» с замечательным постоянством (нельзя сказать, талантом) поддерживают знамя г. Аскоченского²⁹ и «Странника». «Губернские ведомости», имея много общего с «Вестником», разнятся от него, как и следует, большею, так сказать, консервативностью; на них неизгладимо лежит печать «казенной важности» и «строжайшей умеренности». Они не прочь и задеть кое-кого, но так как для подобной роли они слишком серьезны, то пускаемые ими стрелы не изъяты лицепрития... Из такого различия в цвете и направлении наших периодических изданий видно, что они существуют для различных читателей»³⁰.

Это еще одна ступень в развитии понимания «направление временного издания». Автор пытается определить его у газет, относящихся к различным типологическим группам. Если основной адресат у губернских ведомостей — чиновник, то у епархиальных — служитель церкви. Иркутский «Сибирский вестник» не имел столь дифференцированного читателя, как и томские «Сибирский вестник» и «Сибирская газета». Оба издания были ориентированы на массового читателя, интересы которого соединялись в несколько иной парадигме: духовная жизнь общества и, как составная часть последней, — общественная.

Публичное выяснение точек зрения по различным вопросам между «Сибирским вестником» и «Сибирской газетой» предполагает определение вектора полемической направленности:

- роль издания в данном регионе;
- самобытность Сибири как проблема идентичности края, или проблема отношений колонии и метрополии;
- сохранение самобытности или путь прогресса?
- личная неприязнь как публичный прием формирования у читателей имиджа газеты.

Все мировоззренческие вопросы у обоих изданий вертелись вокруг этих векторов. Ибо определение своих взглядов на то или иное

явление предполагало наличие—отсутствие сторонников среди читателей. А значит, зачастую и подписчиков.

Уже программное заявление «Сибирского вестника», что его сотрудники «не могут смотреть на Сибирь как на окраину, связанную с Европейской Россией исключительно внешней связью»²¹, вызвало бурную реакцию у «блистательного триумvirата». Последнему не нравилась критика точки зрения Н.М. Ядринцева на Сибирь как колонию. Но новорожденный смело заявлял: «...говоря о Сибири и России, нельзя называть первую колонией, а вторую метрополией, ибо эти термины, примененные к Сибири и России, вносят в местное общество явную путаницу понятий, которую надо наконец устранить».

Полемизируя, «Сибирская газета» пытается уколоть сотрудников «Сибирского вестника»: «Не для культуртрегеров, которых выбрасывает за борт Россия, издаются сибирские газеты, даже не для тех образованных людей, которые имеют средства и возможность вполне удовлетворять потребности ума и сердца, а для той среднего образования сибирской массы, которую нужно познакомить с краем, в котором она живет и который любит» (1885. №21. С. 512–513). «Сибирь» мнит себя арбитром в этом споре: «В №21 «Сибирской газеты»... весьма обстоятельный разбор тенденций «Сиб. вестн.», выраженных в передовой 1-го № этой газеты». «В № 3-м «Сиб. вестн.» пытается, но весьма неудачно, дать отпор «Сиб. газете». Мы полагаем, что дальнейшая полемика между этими двумя органами будет уже излишней» (1885. №25. С. 3).

Противостояние точек зрения на провинциальную печать начинает медленно перетекать и на другие вопросы. Не только на ссылку имели разные взгляды триумvirат и «Сибирский вестник».

Так, в «Восточном обозрении» (1886. №9) была опубликована статья «О сибирской железной дороге». «Сибирский вестник» не преминул высказать свою точку зрения, доказывая ошибочность «органа главы сибирских патриотов», который, по мнению издания, «отвергает решительно всякую возможность осуществить эту постройку при настоящем состоянии нашей окраины... Доводы Ядринцева сводятся к тому, что дорога через всю Сибирь обойдется 50 тысяч на версту, или 350 миллионов на 7000 верст, что при «малочисленности Сибири и ее теперешних бытовых и экономических условиях железная дорога совсем не является первою и неотложною потребностью. Дорога, конечно, несколько усилит вывоз сырых продуктов, т.е. поддержит ту хищническую культуру, которая в настоящее время беспощадно истребляет естественные богатства, ничего не давая взамен их. Между тем Сибирь прежде всего

нуждается в... реформах... большинство которых для Сибири откладывается или из-за неимения средств: например, судебная реформа, или потому, что Сибирь считается недорослею до них, т.е. до податной реформы, до земской и т.п.».

Возражая «Восточному обозрению», «Сибирский вестник» доказывает, что «цифра в 350 миллионов совершенно произвольная». Дорогу можно построить гораздо дешевле. Даже если разделить эту цифру на 10 лет, то получится всего по 35 миллионов в год. Деньги на железную дорогу в 7000 верст, которая соединит громадный край, «вся экономическая будущность которого еще впереди, а природные богатства несомненны, такое государство, как Россия, всегда найдет на самых умеренных условиях, найдет не только за границей, но внутри государства. ...Россия могла бы совершить беспроцентный заем выпуском потребного числа новых кредитных билетов, и нет сомнения, что курс нашего рубля не только не понизился бы от этого, но, наверное, возвысился бы, ибо постройка громадной железной дороги бесспорно послужит к возвышению народной производительности, а следовательно, и увеличит благосостояние страны. Займы и выпуск кредитных билетов опасны не сами по себе, а лишь тогда, когда они совершаются для покрытия безвозвратных и непроизводительных расходов государства; при затратах же серьезных и производительных никакой заем не страшен, а тем более заем внутри государства, под обеспечение всего народного состояния» (1886. №28).

Полемика вокруг строительства железной дороги не утихла долгое время. «Сибирский вестник», приводя примеры территорий, куда уже пришла железка, постоянно рассказывала, как изменилась там жизнь, в первую очередь промышленников, торговцев и т.д.: «...сибирские патриоты, протестуя против соединения их родины с европейским миром, отстаивают в сущности вредное для края разобщение его с европейской культурой».

В случаях, когда какое-либо издание из триумвирата терпело поражение в поединке с «Сибирским вестником», в ход шла тяжелая артиллерия. И здесь все издания не гнушались сообщать подробности из личной жизни сотрудников «Сибирского вестника».

«Сибирь» сообщала своим читателям: «В «Сиб. газ.» описываются разбойнические похождения какого-то адвоката Картамышева в одном томском трактире. Редактор «Сибирского вестника» тоже носит фамилию Картамышева. Мы надеемся увидеть в новой газете опровержение тождества адвоката Картамышева и редактора Картамышева. Если этого не будет доказано, то значит, в Сибири появился настоящий разбойник печати» (№27 С. 4).

«Сиб. жизнь» (1886. №27): «Угоняться за «Сиб. вестн.», сличая все его тайные “заимствования” с подлинниками, — труд слишком неблагодарный при вертлявости этого талантливового органа».

«Сибирь» (1887. №14–15): «Мы, омичи, охотно верим, что «Сиб. вестн.» — “клика уголовных подонков русского общества!”»³².

Противостояние печатных органов Сибири в 80-е годы XIX века в целях привлечения читательской аудитории — это скорее путь к дикой капитализации провинциальной прессы, в которой под словом «демократия» подразумевалась все еще вседозволенность, а самым демократическим завоеванием считался рубль, который мог позволить держать газету «на плаву». И цена его определялась не количеством, а накалом страстей, в которых культура полемики уходила на задний план.

В этом междусобойчике со временем становилась понятна его прагматика: главная задача повременного издания — быть рупором определенных общественных сил в провинции на выборах. Уже в 1886 г. «Сибирский вестник» писал: «Соединившись с публицистами “Сибирской газеты”, редактор которой также намечался «михайловцами» за верную службу в члены нового городского управления, “независимые” слуги Михайлова... обрели ныне самую страстную, самую преданную защиту... ничего другого не могли выставить в пользу г. Шостаковича, кроме его “ума” и сомнительной “независимости”, а г. Протопопов известен лишь как весьма заурядный адвокат, которому город за поддержание страсти к кляузам платит ежегодно 1000 руб. в год».

«Заслуги городского деятеля — только тогда заслуги, когда результат их ощущается всеми, когда их не надо искать в архивной пыли управской канцелярии, когда каждый может указать их пальцем. ...такова заслуга г. Стасюлевича, благодаря настойчивости которого Петербург начал пользоваться фильтрованной водой; такова заслуга г. Макушина, энергии которого мы обязаны тем, что городские наши школы поставлены так, как в очень немногих городах, равных по населенности с г. Томском; такова заслуга З.М. Цибульского, по почину которого город всеми зависящими от него средствами содействовал скорейшему сооружению нашего будущего университета; такова заслуга Е.И. Королева, построившего в городе ремесленное училище и каменный театр, который рано или поздно сделается общественным достоянием... Подобные заслуги, бесспорно, дают право на общественное внимание...». Было бы странно, если бы общество не выбрало Макушина и Королева... «Общество пробует посадить в думу наряду с людьми образо-

ванными людьми практических, умеющих делать дело, для которых интересы городского благоустройства не будут чужою заботою, забываемою среди интриг личного свойства, ничего общего с городским хозяйством не имеющих. ...большая часть лиц, намеченных отмененными выборами, — действительные представители своей среды, действительные “избранники” пославших их...” (1886. №110).

Именно уроки полемики помогли провинциальным изданиям быстро преодолеть длинный путь к пониманию одной из основных задач местной прессы: быть в центре общественной жизни.

- ¹ См.: Сибирская периодическая печать: Список изданий, выходящих в 1895 году / Сост. И.К. Голубев. — М., 1895. — 12 с.
- ² ГУ ГАОмско. Ф. 3. Оп. 6. Ед. хр. 8729. Лл. 6–7об.
- ³ См. подробнее: *Мандрика Ю.Л.* На пути к первым частным газетам Сибири // Коммуникация в современном мире. — Воронеж, 2005. — С. 72–75.
- ⁴ Исправляющий делами губернатора писал в Главное управление Западной Сибири: «За предположенным изданием в Томске «Сибирской газеты» (представление мое от 14 октября н.г. за №226) и ввиду обширности возложенного на губернскую власть труда я нахожу разрешение второй газеты в Томске затруднительным в отношении цензурования». — ГУ ГАОмско. Ф. 3. Оп. 10. Ед. хр. 16618. Л. 7об.
- ⁵ Цит. по: *Жилякова Н.В.* История «Сибирской газеты» // «Сибирская газета» в воспоминаниях современников. — Томск, 2004. — С. 22.
- ⁶ См.: *Гальдфарб С.И.* Газета «Восточное обозрение»: 1882–1906. — Иркутск, 1997. — С. 14–17. — Законодательство того времени не позволяло ни одному из бывших ссыльных быть редактором газеты. Е.В. Корш, подписывавший какое-то время неофициальную часть «Томских губернских ведомостей», вынужден был прекратить такую практику по указанию МВД. — Подробнее см.: *Корш Е.В.* Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. — 1910. — Т. 120, кн. 5 (май). — С. 441.
- ⁷ *Словцов И.Я.* Письма // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы: Книга II. — Тюмень, 2004. — С. 327.
- ⁸ Заметки и воспоминания В.М. Флоринского // Русская старина. — 1906. — Т. 126, кн. 3 (март). — С. 594.
- ⁹ Еще в «Прошлом и будущем сибирской прессы: Думы к юбилею сибирской прессы» Н.М. Ядринцев писал: «Мы не будем считать и напоминать, как Сибирь прокармливала огромный континент ссыльных и как русский народ дал название ссыльному «несчастный». Когда чувство тоски, жолчи и раздражения на минуту умолкало, когда многие изгнанники оставляли Сибирь, у них являлись иные воспоминания: таковы воспоминания ссыльных поляков и некоторых декабристов, которые мы могли бы привести. Но не в этом дело, не осуждать несчастных за их раздражение и несправедливость к краю желаем мы. Мы понимаем также тоску образованного человека в Сибири, его отчужденность. Нет! мы хотим только спросить, всегда ли были спокойны и беспристрастны эти суждения?» — Восточное обозрение. — 1885. — №19. — С. 9. — Подпись: *Сибиряк*.
- ¹⁰ *Любимов Л.С.* История сибирской печати: Учебное пособие. — Иркутск, 1982. — 80 с. — См. также: История сибирской печати XVIII–нач. XX вв. Хрестоматия: В 5-ти кн. / Сост. Л.С. Любимов. — Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2004. — Гл. первая (1789–1856 гг.). — Гл. вторая (1857–1872 гг.) — 124 с.; Гл.

- третья (1873–1887 гг.) — 128 с.; Гл. четвертая (1888–1904 гг.) — 124 с.; Гл. пятая (1905–1916 гг.) — 132 с.; Комментарий. — 68 с.
- ¹¹ Такой по праву могла именоваться уже газета «Амур».
- ¹² *Ермалинский Л.Л.* Сибирские газеты 70–80-х годов XIX века. — Иркутск, 1985. — 136 с.
- ¹³ *Жиякова Н.В.* История «Сибирской газеты» // «Сибирская газета» в воспоминаниях современников. — Томск, 2004. — С. 3–35.
- ¹⁴ *Любимов Л.С.* История газеты «Восточное обозрение» // Российская провинциальная частная газета / Сост. Л.Е. Кройчик. — Тюмень, 2004. — С. 147–165.
- ¹⁵ *Гольдфарб С.И.* Газета «Восточное обозрение»: 1882–1906. — Иркутск, 1997. — 220 с.
- ¹⁶ «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н.В. Жияковой. Научн. ред. Н.М. Дмитриенко. — Томск: Изд-во НТЛ, 2004. — 200 с.
- ¹⁷ Там же. С. 27.
- ¹⁸ Сибирский вестник. — 1886. — №6.
- ¹⁹ Воспоминания А.А. Ауэрбаха // Исторический вестник. — 1905. — Т. 102, кн. 12 (дек.). — С. 826.
- ²⁰ См.: *Гольдфарб С.И.* Газета «Восточное обозрение»: 1882–1906. — Иркутск, 1997. — С. 25.
- ²¹ Ср. данные о качественной характеристике подписчика, опубликованные в «Иркутских губернских ведомостях» (1859. № 32. С. 6): «...четыре части одного стройного целого вроде пирамиды, имеющей в своей вершине крестьянина, а в основании чиновника, в размещении и сочетании которых усматривается некоторая оригинальная симметрия... Невняты мещане, как они вздумали гнаться в деле образования за специалистами в этом ремесле... и оставили за собой все три гильдии». — См. подробнее: *Мандрика Ю.Л.* Первые издания Сибири: Генезис провинциальной прессы, ее региональная идентичность и стратегия развития // Вестн. Воронеж. гос. ун-та: Сер. «Филология. Журналистика». — 2005. — №1. — С. 187–196.
- ²² *Картамышев В.П.*, присяжный поверенный, редактор «Сибирского вестника»; сотрудники «Сибирского вестника» — *Корш Е.В.*, юрист, публицист; *Полянский П.М.*, уголовный ссыльный; *Долгоруков В.М.*, адвокат.
- ²³ Речь идет о «Сибирской газете», «Сибири» (Иркутск) и «Восточном обозрении» (в 1885 г. издавалось в Петербурге).
- ²⁴ Сибирская газета. — 1885. — №21 (26 мая). — С. 509.
- ²⁵ Цит. по: *Жиякова Н.В.* История «Сибирской газеты» // «Сибирская газета» в воспоминаниях современников. — Томск, 2004. — С. 58. — В другом месте: «Со стороны Ядринцева это была гнусная, беззастенчивая травля бесправного человека, вся вина которого состояла в том, что он желал и умел работать» (*Корш Е.В.* Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. — 1910. — Т. 120, №5 (май). — С. 439). — Или: «Никто более г. Ядринцева и верного его попутая г. Адрианова не травил ссыльных, причем травля обыкновенно носила именно личный характер. В справедливости этого можно убедиться, просмотрев хотя бы за нынешний год одну только «Сибирскую газету», которая еще недавно оправдывалась от обвинения в чрезмерно ожесточенной травле сосланных или ссылаемых в Сибирь лиц». — Сибирский вестник. — 1886. — №113.
- ²⁶ Предполагалось издавать газету в Красноярске, в которой редактором должен был стать приходской учитель. Найдено, что звание редактора несовместимо с учи-

тельскими обязанностями. «Но именно при выдаче разрешений на практике принято, если издание или редакцию принимает на себя должностное лицо, спрашивать начальство этого лица, не имеет ли оно препятствий к этому разрешению. То, что считается совершенно не нужным для разрешения открыть кабаки, считается необходимым для разрешения заняться умственным трудом. ...Участие в периодическом издании считается иногда даже чем-то постыдным для должностного лица. Еще на недавних годах некто предлагал одному из издателей газеты «Сибирь», носившему военный мундир, «снять эполеты», то есть выйти в отставку: он находил, что военному неприлично издавать газету. В понятиях этого господина издание газеты, очевидно, было предосудительнее взяточничества и казнокрадства, которые он совершал, не снимая с себя эполет». «Нельзя не сказать, что журнальное дело в некоторых отношениях находится у нас в более приниженном положении, чем, например, кабачное дело». — Сибирь. — 1835. — №29.

²⁷ В 1858 г. в Совете Министров был поставлен вопрос о государственной политике в газетно-журнальном деле. Министр народного просвещения Е.П. Ковалевский написал специальную записку «О гласности в печати», которая легла в основу циркуляра от 3 апреля 1859 г., согласно которому власть признавала свою заинтересованность в освещении современными изданиями различных злоупотреблений, допускаемых представителями власти, а также беспорядков. — См. подробнее: *Коновченко С.В., Киселев А.Г.* Информационная политика в России. — М., 2004. — С. 346. — Авторы отмечают: при этом в циркуляре было сказано, что «печать должна проводить идеи “неприкосновенности самодержавия и его аппарата” и отказаться от обсуждения преимуществ других форм государственного устройства».

²⁸ Как видно из газетной цитаты, технология изготовления фельетона Добродушным Сибириком была изобретена отнюдь не им. А была описана той же провинцией более чем на четверть века раньше.

²⁹ Редактор-издатель газеты «Домашняя беседа». По мнению Л.С. Любимова, писал доносы на демократическую печать.

³⁰ *Милотин Б.А.* Иркутская пресса // История сибирской печати XVIII—нач. XX вв. Хрестоматия: В 5-ти кн. / Сост. Л.С. Любимов. — Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2004. — Гл. вторая (1857—1872 гг.). — С. 81.

³¹ На выход первого номера Сибирского вестника под рубрикой «Сибирская хроника» был помещен отклик: «Сколько нам помнится, никто и нигде не говорил, что между Сибирью и Европейской Россией существует только «внешняя» связь; но что Россия отличается многими особенностями от своей матери — России, что средства для полного развития ей необходимо искать в самой себе, в стремлении к самостоятельности, образованию, уменья пользоваться своими природными богатствами сообразно указаниям науки, а не быть только местом сбыта для европейско-русских изделий, что взгляд на Сибирь как на колонию — оправдывается и ее торговым положением, и ссылкой, и особенностями ее учреждений, — это мы найдем и в своде законов, и в каждой печатной книге о Сибири. Сибирская печать всегда доказывала, что Сибирь — тоже Русь (даже были статьи прямо под этим заглавием), и не ее вина, что пока на нее все смотрят, как на страну, удобную для ссылки подонков российского общества, для сбыта фабрикатов взамен приобретаемого у нас сырья. Так смотрит правительство, наделяя ее ссыльным элементом и привлекая в нее чиновников особыми привилегиями; так смотрят на Сибирь московские и другие фабриканты. Вот почему Сибирь и не пользуется всеми правами метрополии, хотя, по правде

сказать, без сибирского золота туго пришлось бы России; но если считать, что не моря и не проливы составляют субстрат понятия о колонии, а только юридическая неполноправность и экономическая зависимость известной страны, то Сибирь именно и находится в таких отношениях к Европейской России. Ведь и Американские Штаты в прошлом столетии сплошь населены были англичанами, а все-таки составляли колонию. С этим должна согласиться и редакция «СВ», и потому все ее вопросительные и восклицательные знаки по поводу заселения Сибири русскими должны сами собою обрушиться на ее же голову. Затем ред. новой газеты намерена знакомить нас «с трудами местных администраторов» по разъяснению новых вопросов. Что же, с Богом! Мы о таких трудах имеем очень смутное понятие. Если редакция разумеет здесь «годовые отчеты», то, во-первых, местные органы ими и прежде пользовались, а во-2-х, ужели ред. неизвестно, как составляются подобные отчеты и какое научное значение имеют? У нас, например, в Восточной Сибири явилось недавно целое многотомное издание таких трудов, но литература что-то молчит о них, да не видно, чтобы и правительство приняло их к руководству. Какие еще это труды? Увидим!

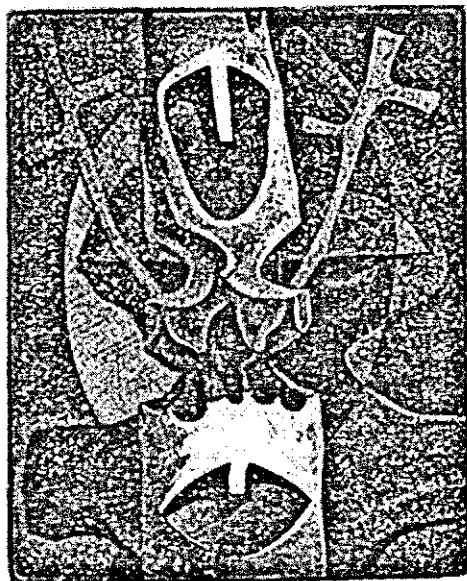
Одним из существенных отличий новой газеты от существующих будет отсутствие обличительных статей. Сведения, получаемые редакцией о разных сибирских неурядицах и злоупотреблениях, будут группироваться редакцией в некоторого рода туманные картины... Что ж? Писари, заседатели и квартальные очень будут благодарны за это редакции; но читатели, и особенно бесчисленное множество «униженных и оскорбленных», спасибо за это не скажут. Они смотрят на печатные, как на последнюю инстанцию их воплей, и желают, чтобы жалобы их печатались с полными фамилиями. Местная печать дает место подобным обличительным статьям (далеко не всем), потому что разные обиды и несправедливости составляют истинную злобу дня в Сибири, что именно эти-то неурядицы и указывают на насущнейшую потребность в обновлении сибирских порядков, в водворении законности и правосудия...

Наконец, новая газета будет избегать полемики. Отчего же? Poleмика по вопросам, имеющим важное значение для страны, обнаруживающая несправедливость взглядов, а тем паче вред известных идей и тенденций — вещь вовсе неззорная. *Du choc des opinions jaillit la verite*. — Сибиряк. — 1885. — № 24, — С. 3.

³² Как-то иркутская «Сибирь» писала совсем по другому поводу: «...шантаж, донос, сплетни; подло... когда за это постыдное ремесло берутся сознательно люди, притворяющиеся интеллигентными, и указывают на себя как на образец чистоты. Вот именно таких три человека, составивших триумvirат, долго морочили нас простаков; а мы, по простоте душевной, верили им, развеяли уши... надо оговориться, что этот триумvirат составляют ссыльные, люди, прошедшее коих покрыто мраком неизвестности и которые здесь, в обетованной земле, прикинулись страдальцами за недоразумения» (1885. №11. С. 9). Увы, мораль, проповедуемая для других, оказалась на поверку исключительно теорией.

«Сибирский вестник» откликнулся на очередную обзыватьку в свой адрес: «“Сибирь”, хиреющая не по дням, а по часам, позволила себе по отношению к нашей газете такую гнусную выходку, которая заставляет предполагать, что в редакции этой газеты прочно засели литераторы кабака и передней. Нам искренне жаль г. Загоскина, вынужденного на склоне лет прикрывать своим именем мерзкие выходки различных проходимцев, состоящих в литературном услужении у г. Ядринцева. Эти господа скоро доведут газету г. Загоскина до того, что ее порядочному человеку будет противно взять в руки» (1886. №77).

**Часть II. Документы по истории края.
Воспоминания**

Л.В. Алексеева

Протокол заседания Исполнительного комитета Ларьякского национального районного совета депутатов трудящихся

Комментарий

Ниже приведенный документ — «Протокол №1 заседания Исполкома Ларьякского национального районного совета депутатов трудящихся от 20 января 1940 г.» — является оригинальной копией и извлечен из Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа (Ф. 129. Оп. 1. Д. 5. Лл. 15—18.). В документе нашли отражение вопросы социально-экономической жизни одного из самых отдаленных и мало освоенных районов округа в предвоенный период.

В повестке дня заседания исполкома значилось 8 вопросов. Не имея возможности привести весь документ целиком, он дается нами в извлечении. Представлены решения исполкома по первым трем вопросам повестки дня: О ходе выполнения пушнозаготовки 1-го квартала 1940 г.; О мероприятиях по обеззараживанию зернофуража, тары, складских помещений РАЙПО от с/х вредителей (клеща); О плане с/х работ на 1940 год по району.

Содержание публикуемой части документа дается без изменений. Орфографические ошибки исправлены без каких-либо оговорок; стиль документа сохранен полностью. Однако в тех случаях, когда в тексте нарушался грамматический порядок предложения или имели место пропуски глаголов, существительных и других частей речи, мы прибегли к примечаниям. Извлекла источник и ввела в научный оборот Л.В. Алексеева.

**Протокол №1
заседания Исполнительного комитета Ларьякского национального
районного совета депутатов трудящихся**

От 20 января 1940 г.

Председательствует т. Титов Н.П.

Присутствуют члены исполкома: Самарин Н.И., Сухинин П.И.,
Вершинин Я.А., Сигишьетов Г.В.

Приглашенные: Мишкевич — РАЙФО, Бойц — РАЙПО, Макаров — СБЕРКАССА, Тычинский — РАЙТОРГ, Губина — РАЙЗДРАВ, Кустова — СОБЕС, Шарьпов — ГЛАВПУШНИНА, Лопаткин — НКВД, Долгушин — РАЙОНО, Колташков — ЗАГС, Редикольцев — ИНСПЕК. СОВ. СТР. (*инспектор советского строительства. — Л.А.*).

Повестка дня

1. О ходе выполнения пушнозаготовки 1 кв. 1940 г.
2. О мероприятиях по обеззараживанию зернофуража, тары, складских помещений РАЙПО от с/х вредителей (клеща).
3. О плане с/х работ на 1940 год по району.
4. Об итогах выполнения плана мобилизации средств 4-го квартала 1939 г.
5. Об утверждении кассового плана по бюджету Ларьякского района на 1-й квартал 1940 года.
6. О ходе работы по указанию пахотных пригодных земель колхозам.
7. Итоговый отчет о распределении земель в районе на 1-е января 1940 года.
8. Разбор жалоб.

1. О ходе выполнения пушнозаготовки 1 кв. 1940 г.

Исполнительный комитет районного совета депутатов трудящихся отмечает:

1. Что в результате неудовлетворительного руководства Главпушнины (Сигильетов), Заготконторы (Бойц) охотниками мобилизация их на выполнение плана пушных заготовок привела к тому, что план заготовок пушнины с 1 января 1940 г. по 20 января 1940 г. оказался выполненным всего лишь по Главпушнине — на 4%, Заготконторой — 2,8%.

2. В результате непринятия необходимых мер со стороны Главпушнины и Заготконторы к своевременному выходу охотников на материк привело к тому, что до сих пор охотники в значительной части по Н-Вартовскому, Тарховскому, Охтеурскому и др. советам не вышли на промысел.

3. Несмотря на неоднократные указания районного исполнительного комитета Главпушнине (Сигильетову) и Заготконторе (Бойцу) о полном обеспечении охотников на местах промысла продуктами питания и боеприпасами, до сих пор это решение не выполнено и достаточных мер к его выполнению не принималось.

4. Ажиотаж, допущенный в период контрактации между Главпушнинной и Заготконторой, привел к тому, что план контрактации пушнины прошел за счет увеличения нормы отстрела охотникам. Обенми системами (*было привлечено к охоте. — Л.А.*) 640 человек вместо 790 человек по плану. В том числе Заготконтора заключила договоры в Корликовском совете с пятью инвалидами (слепыми). Главпушнина (*заключила договоры. — Л.А.*) с рабочими Охтеурского рыбцеха, не имевшими понятия о промысле. Это привело к тому, что фактически промысловиков, занятых ловом зверя, (*оказалось. — Л.А.*) меньше, чем законтрактовано.

5. Массовая работа среди охотников, направленная на организацию социалистического соревнования и стахановского движения, не проводится, опыт стахановцев на всех охотников не переносится. Заботы о бытовых и производственных нуждах стахановцев и их семей не проявляется. Главпушнина и Заготконтора до настоящего времени не знают стахановцев-охотников. Это является решающим фактором, определяющим причину невыполнения плана пушных заготовок.

6. Сельские советы не приняли всех мер к тому, чтобы обеспечить своевременный и полный контроль за работой заведующих заготпунктами и сборщиками пушнины с целью возложения на них персональной ответственности за полное и своевременное выполнение плана пушных заготовок.

В целях изжития вышеуказанных недостатков и выполнения плана пушных заготовок исполнительный комитет районного национального совета депутатов трудящихся постановляет:

1. Обязать райотдел Главпушнины (т. Сигильетова), Заготконтору (т. Бойца) в пятидневный срок обеспечить полный выход охотников-контрактантов на материк с разъяснением им задачи, направленной на необходимость выполнения плана заготовок.

2. Обязать председателей колхозов обеспечить выполнение плана пушнозаготовки 1-го квартала 1940 г. За своевременное выполнение плана пушнозаготовок персональную ответственность несут председатели колхозов.

3. Исполнительный комитет районного национального совета депутатов трудящихся предупреждает заведующего райотдела Главпушнины — т. Сигильетова, Заготконторы — т. Бойца в том, что, если (*они. — Л.А.*) не обеспечат выполнения решения Исполнительного комитета об обеспечении охотников боеприпасами и продуктами питания, табаком, спичками и т.д., а также приема пушнины на местах промысла, вопрос встает о привлечении к ответ-

ственности за срыв этого важнейшего мероприятия, направленного на выполнение плана пушных заготовок в районе.

4. Обязать райотдел Главпушнины — т. Сигильетова, Заготконторы — т. Бойца организовать работу по соровому лову с привлечением на него вторых и третьих членов семей, считая это дело одним из важнейших факторов выполнения плана пушных заготовок.

5. Обязать исполнительные комитеты сельских национальных советов обеспечить руководство заготпунктами и сборщиками пушнины. (*Обязать.* — Л.А.) правления колхозов заслушивать их доклады о ходе выполнения плана пушных заготовок и обслуживания охотников не реже чем два раза в месяц, принимая конкретные меры, обеспечивающие выполнение плана.

6. Одной из решающих задач, обеспечивающих выполнение плана пушных заготовок, является правильно поставленная массово-разъяснительная работа, направленная на подъем производственной активности охотников, организация социалистического соревнования и стахановского движения. Поэтому (*исполком.* — Л.А.) считает необходимым выезд руководящих работников Главпушнины и Заготконторы к местам промысла по организации заключения соцдоговоров: индивидуальных, бригадных. (*Необходимо.* — Л.А.) изучение опыта лучших охотников, перенесение его на всех других охотников, поставив задачей перевыполнение плана пушнины.

7. Обязать заготовителей Главпушнины и Заготконторы выдать премию охотникам, которые премированы в 1937—1939 гг. и до сего времени (*ее не получили.* — Л.А.).

2. О мероприятиях по обеззараживанию зернофуража, тары, складских помещений РАЙПО от с/х вредителей (клеща)

Т. Шатский

Постановили:

В целях предотвращения дальнейшего распространения и ликвидации в районе завезенного с/х вредителя — клеща — обязать РАЙПО с 25 января 1940 г. по 15 февраля 1940 г. провести дезинфекцию.

Провести обработку помещений, занятых под хранением зернофуража, во всем районе с 25 января по 15 февраля 1940 г.: а) обработку полов складских помещений, где хранится завезенный зернофураж; б) завести РАЙПО (для цели дальнейшей борьбы с клещом, в случае повторного обнаружения клеща в складских помещениях, в зернофураже) сероуглерод, каустическую соду и известь к 1 апреля 1940 г.

Предложить агроному Шатскому обеспечить РАЙПО инструкциями и указаниями по борьбе с клещами. Заслушать председателя РАЙПО 15 февраля 1940 г. на заседании исполнительного комитета о проделанной работе.

3. О плане с/х работ на 1940 год по району

Постановили:

1. В соответствии с телеграммой Окрисполкома от 10 января 1940 г. план весеннего сева — 142 га, озимого — 15 га — утвердить, в том числе: зерновых — 50 га, технических — 2 га, картофеля — 70 га, овощей — 10 га, корнеплодов — 10 га.

2. План по сельнацсоветам:

№	Сельсовет	Всего сева (в га)	В т.ч. озимых	Новые площади (всего сева)	Новые площади (яровые)
1	Н-Вартовский	114,1	15	30	30
2	Вампугольский	12,3	—	4,5	4,5
3	Тарховский	11,05	—	6	6
4	Охтеурский	7,25	—	5	5
5	Ларьякский	10,2	—	6	6
6	Б-Ларьякский	2,15	—	1	1

3. Утвердить план вспашки паров — 50 га, в том числе: раннего пара — 15 га, зяби — 50 га.

4. Утвердить план урожайности: по зерновым культурам — 13 ц с га, картофеля — 130 ц с га. План в разрезе сельнацсоветов и колхозов по отраслям работ прилагается.

5. Утвердить план парников — 110 рам и построить новых — 50 рам.

6. Обязать РАЙЗО (г. Самарина), диспетчера Рыбакколхозсоюза г. Рыжова к 25 января 1940 г. план довести до н/советов и колхозов.

7. Обязать РАЙЗО и сельнацсоветы оказывать практическую помощь колхозам в планировании.

Матфий Федорович Боголепов

«Книга дозорная Верхотурского города 129 (1621) года» является самым ранним документом в коллекции письменных источников Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Поэтому целесообразно привести его сохранившуюся часть.

«Книги присланы с Москвы Федорова дозору Тораконова 129-го году.

Список подлинных книг Верхотурского города лет 7129-го. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, наказу Федор Иванович Тораконов да подъячей Андрей Ермолин, досмотря, писали на Верхотурье в остроге дворы и лавки, и что под теми дворы и лавки земли в длину и поперек сажен, и кто имяны и какие люди в тех дворах живут и кто чем промышляет и торгует, и на сколько рублей кто чем торгует, и что с торгов своих государевых пошлин, и сколько кто пашенные крестьяне пашут на государя десятин и что с тех государевых десятин родитца и в которому умолоте ржи и ярового хлеба и что которому крестьянину и посадциким людям дано государева жалованья подмоги и что в уезде верхотурских служилых людей, и ружников, и оброчников, и посадциких людей, и пашенных крестьян, и ямских охотников, деревень, и починков, и заимиш и что в тех деревнях, и починках, и в заимцах за ними пашни паханые и перелогу непаханые земли, и сенных покосов и всяких угодей и то писано в сех книгах.

Государевы пашни паханые у острогу в одном поле шесдесят десятин, а в дву полях вниз по Туре реже от города пять верст по шти ж десят десятин, а пашут крестьяне те государевы десятины, выбирая лутчую землю, да сенных покосов косят на государя ежегод неровно, коли трава велика, живет в тот год, и сена болши укосят, развтыя меж себя против государевы пашни, потому что в выт[ь] крестьяне положены, а косят то сено на государя и зимою возят в город крестьяне на своих лошадях, а продают то сено зимою проезжим всяким и торговым людям служивой человек да ста-

роста пашенных крестьян, да целовалник пашенной же крестьянин, которые живут у государевы пашни по годом, а мера копне вервь две сажени с локтем, а денег емлют за копну по четыре гривны, а собирают за сено деньги и кладут в ящик за государевою верхотурскою печатью и книги сенной продаже с теми денгами относят государеву казну по месяцем.

Да государевы ж пашни паханные от острогу шестдесят верст на Тагили дватцать десятин с полудесятиною в поле, а в дву потому ж земля добрая, а распахали пашню старые и новые крестьяне да диково поля сто дватцат девят десятин с полудесятною в поле, а в дву потому ж.

Да на Верхотурье же от острогу верста на речке Неромке государева мельница, немецкое колесо, мелет весною и летом в прибылую воду, а зимою не мелет, потому что вода вымерзает, а денежново збору за молотье рублей десят и менши, а поставлена та мельница верхотурскими всякими жилецкими людьми, а подельвают тое мельницу и пруд крепят ежегод тех верхотурские всякие жилецкие люди, а живет на той мельнице в государеве готовом дворе мельник Андрюшка Вятчанин, а государева ему годового жалованья пят рублей, хлеба пят[ь] чети ржи, овса тож, да он же пашет на себя пашни три чети в поле, а дву потому ж, земля середняя, да у него ж сенных покосов семдесят копен.

Острог Верхотурской.

А в остроге государевых два двора, а в них стоят воеводы, а за те дворы даны денги из государевы казны, а пашни паханные воеводские в уезде Ивана Пушкина от города пят[ь] верст на пашне двор, а живут люди ево, а пашни паханные у двора пят[ь] чети в поле, а в дву потому ж, земля добрая, да сенных покосов двести десят копен, а сказал Иван Пушкин, что у него тот двор и пашню и сенные покосы заложил в денгах пашенной крестьянин Ларка Болотов, а распахал тое пашню и двор поставил Ларка, со 122-го года по даче воеводы Беленицы Зюзина по челобитной, а сам Ларка живет ныне в другой деревне на Тагиле. Да у Ивана ж Пушкина пашни на Тагиле подле государевы десятины четыре чети в поле, а в дву потому ж, земля добрая, да сенных покосов за Тагилом на лугу триста копен, а распахали тое пашню и сено косили прежние воеводы.

Другово воеводы Дмитрея Зубова в уезде на Тагиле от города шездесят верст на пашне двор, а в нем живут Дмитриевы два половника, а пашни пятнатцат чети в поле, а в дву потому ж, земля добрая, да сенных покосов против двора за Тагилом на лугу триста ко-

пен, а сказал Дмитрий, что он тое пашню купил у Федора Сомова, а сенной покос бывал пашеново крестьянина Якушка Берсенева.

Да воевоцково ж сенного покосу на острове вниз по Туре реке от города три версты тысяча семсот копен, кося по полям, да и прежние воеводы на том острове сено косили.

Николская улица

Двор, а в нем живет сын боярской Василей Тырков, дворовому месту длина однатцат сажен, да у него ж паханые пашни от города полторы версты, в заимище три чети в поле, а в дву потому ж, да обложные земли три чети в поле, а дву потому ж, земля добрая, да сенных покосов у той же пашни сто дватцат копен, а начал он тое пашню пахат, сено косит со 108-го году по даче воеводы Василья Головина без челобитные, а оброку с тое пашни и сенных покосов нет.

Двор, а в нем живет подьячей Андрей Ермолин; дворовому месту длина десят сажен, поперег тож, да и у него ж три версты в заимище пашни паханые три чети в поле, а дву потому ж, да заложные паханые земли три чети в поле, а в дву потому ж, земля добрая, да сенных покосов у тое ж пашни от болота сто трицат сем копен да ево ж Андреевы пашни паханые на острове, две чети с осмною в поле, а в дву потому ж, земля середняя. Да на то же острове на нижнем конце острова Андреевы купленные пашни»¹.

Конец дозорной, к сожалению, утрачен, но в сохранившейся части документа, как видим, содержатся сведения о воеводских дворах в Верхотурье, о составе населения в уезде, обработке государевых пашенных земель и заготовке сена крестьянами, положенными в вытное число. Бесспорный интерес представляет упоминание о водяном мукомольном заведении с немецким колесом, по всей видимости, одним из первых подобного рода предприятий на Урале и Азиатской России.

Другая дозорная книга Верхотурья и пахотных земель датируется 132 (1624) годом. Она значительно дополняет первую и дает представление о заселенности уезда выходцами с Двины, Пинеги, Ваги, Перми, Соли Вычегодской и Великого Устюга и переведенцами из Казани. О последних следует упомянуть особо. Вполне вероятно: это сосланные в сибирские города участники антиправительственных выступлений Смутного времени.

В этом собрании верхотурских рукописных документов, помимо дозорных книг, есть переписанные, отводные межевые, таможенные, оброчные, прихода-расходные, ужинные и обмолотные кни-

ги, списки хлебным запасам, ясачной и поминочной ружляди и т.д. Всего в коллекции насчитывается более 300 документов, и самый поздний из них датируется 1722 годом.

Из записей на некоторых из дел и «Отчета о состоянии библиотеки Тобольского губернского музея за 1893 год» узнаем, что принесены они в дар вдовой протоиерея кафедрального собора².

А кафедральным протоиереем до этого времени, о чем нам напоминает надпись на плите каменного надгробия при входе в Тобольский кремль, был Матфий Федорович Боголепов.

Хранитель верхотурских рукописей

Матфий Федорович Боголепов родился в селе Лобковом (Ильинском) Михайловского уезда Рязанской губернии 6 августа 1828 года. «Отец его Федор был священником. От прихода он получал крайне ограниченные средства, и средства содержания своего немалочисленного семейства он снискивал физическим трудом, главным образом хлебопашеством. Сам он ходил за полосой и сам исполнял все работы по дому»³. Отец старался дать сыну образование, которого в 1838 году представил для собеседования смотрителю Зарайского училища Н.С. Долгомостьеву. «Не помню, — вспоминал позже М.Ф. Боголепов, — что он меня спрашивал, что я отвечал, но все-таки он объявил моему родителю, что я принят во 2-й класс приходского училища, и родитель поблагодарил отца смотрителя серебряным рублем»⁴.

На другой год Боголеповы переехали на Урал. Отец получил приход в селе Камышевском Пермской губернии, а сын поступил в Екатеринбургское училище, по окончании которого с 1844 по 1850 год учился в Пермской семинарии, а затем как «лучший ученик» в Казанской духовной академии.

Его служебная деятельность началась в Екатеринбургском духовном училище с 1854 г. в качестве инспектора и учителя латинского языка. Затем М.Ф. Боголепов служил в Верхотурье, Соликамске, причем, по свидетельству современника, «на долю отца Матфия выпал жребий предотвратить закрытие Соликамского духов-

ного училища, не имеющего даже особого для себя помещения для училища, и оно могло обставиться во всем, согласно училищному уставу 1867 года»⁵.

6 октября 1877 года приказом генерал-губернатора Западной Сибири был перемещен в Тобольск и назначен законоучителем губернской семинарии и женской гимназии.

«Мы, — вспоминал директор гимназии П.И. Панов, — близко знали отца протоиерея с первых дней служения его в нашей гимназии. Во все это время он был аккуратный и добросовестный служака: пропуск уроков у него был самый незначительный, а бывали годы, когда отец протоиерей не пропускал ни одного урока»⁶.

27 января 1879 года был определен настоятелем Тобольского Софийско-Успенского кафедрального собора, а позднее — попечителем училища девиц духовного происхождения и цензором проповедей священнослужителей и «Тобольских епархиальных ведомостей».

За безупречную «отлично усердную духовноучебную» службу был удостоен наград: ордена Святой Анны 3-й степени (27 марта 1877 г.) и 2-й степени (18 апреля 1881 г.), ордена Святого Владимира 4-й степени (13 апреля 1886 г.)⁷.

В 1891 г. при посещении Тобольска царевичем Николаем Александровичем М.Ф. Боголепов «удостоился получить в дар от него золотые часы с государственным гербом»⁸.

В церковной среде он был известен как автор богословских сочинений, в частности работы «Взгляд на способы, какими по сказанию мухаммедян сообщались свыше Мухаммеду откровения»⁹.

В начале 1893 г. М.Ф. Боголепов почувствовал себя плохо, стал жаловаться на отсутствие аппетита, боль в руке. «20-е число января было последним днем, когда он посетил гимназию». Спустя две недели (3 февраля) он умер¹⁰.

После смерти М.Ф. Боголепова его жена Мария Александровна, исполняя, несомненно, волю мужа, пожертвовала часть библиотеки мужа Тобольской духовной семинарии, сиропитательному заведению, древлехранилищу при Братстве Дмитрия Солунского и братской читальне, а собрание старинных документов передала в губернский музей. «Собрание это, — отмечал С.Н. Мамеев, — заключает в себе акты и документы, обнимающие период времени преимущественно с 1621 по 1722 год и относящиеся до Верхотурского, Пелымского и Туринского городов с их уездами...»¹¹.

Нет ясности, каким образом эти документы оказались у М.Ф. Боголепова, но несомненно одно, что благодаря ему и его жене это собрание стало достоянием Тобольского музея.

¹ Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Рукописный фонд. — КП № 12619. — Лл. 1–8 об.

² Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 2. — Тобольск, 1894. — С. 1–35.

³ *Грамматин С.А.* К 25-летию юбилею в сане протоиерея настоятеля Тобольского кафедрального собора протоиерея Матфия Федоровича Боголепова // Тобольские епархиальные ведомости. — 1887. — №19–20 (1 и 16 октября). — С. 381.

⁴ Там же. — С. 382–383.

⁵ См.: Тобольские губернские ведомости. — 1893. — №6. — С. 84.

⁶ Там же. — С. 85.

⁷ Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 156. Оп. 24. Д. 339. Лл. 5 об–7 об.

⁸ *Лебедев М.* Кафедральный протоиерей Матфей Боголепов // Тобольские епархиальные ведомости. — 1893. — №3–4 (1 и 16 февраля). — С. 71–72.

⁹ См.: Сибирский листок. — 1902. — №45 (9 июня). — С. 2.

¹⁰ Тобольские епархиальные ведомости. — 1893. — №3–4 (1 и 16 февраля). — С. 69.

¹¹ См.: Ежегодник Тобольского музея. Вып. 1–3. — Тобольск, 1893–1895.

Ю.Л. Мандрика

Владелец хозяйства в Черной Речке, исследователь сельской жизни и журналист Илья Семенович Левитов

Появление в 1885—86 г. в «Ирбитском ярмарочном листке» публикаций за подписью *И.С. Левитова*, пишущего о Сибири, и в частности о Тюмени, озадачило автора этих строк¹. Неизвестное имя порождало массу вопросов. Исследование сотрудников ТОКМ им. И.Я. Словоцова² слегка приподняло завесу таинственности над именем корреспондента, активно осваивающего публицистическое пространство вокруг «ворот Сибири». Становилось понятным, что унаследовавшая после смерти матери половину Чернореченского имения Юлия Федоровна Филимонова стала женой активного корреспондента первой хозяйственно-экономической газеты Урала³ Ильи Семеновича Левитова. Однако ссылки на книгу краеведа-популяризатора тюменских фамилий В.Е. Копылова⁴ не добавили ясности.

И лишь обнаружив в фонде С.А. Венгерова дела с рукописями И.С. Левитова, удалось познакомиться с публикацией корреспондента, которая проливала свет на некоторые детали жизни автора бесчисленного количества заметок о жизни Сибири.

Но вначале — документы.

* * *

Петербург, 29 мая 1913 г.

Милостивый государь многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Прилагая к моей автобиографии два свертка с брошюрами, три тетради с газетными вырезками, свою автобиографию и фотографическую карточку, честь имею присовокупить при этом следующее.

Во время осады Порт-Артура я лишился всего своего имущества, и все вырезки и отзывы о моих статьях не только русской, но и английской печати погибли, что видно из удостоверения порт-артурского полицмейстера. Я могу представить, таким образом, только отзывы с 1905 года и некоторые до 1905 г., которые не были мною высланы до войны.

В прилагаемой I-й тетради важны три вырезки, на которые прошу обратить внимание, а именно: на 3-м полулисте одна вырезка

из «Никольск-Уссурийского листка» под заглавием «Потерявший-ся из виду журналист», а на оборотной стороне этого же полулиста вырезка из «Московских ведомостей». Библиография: «Возмутительная фантазия», а на 6-м листе I-й тетради английская вырезка «Fears americans».

Это самые главные из сохранившихся у меня вырезок, по которым легко убедиться, во-первых, о моих путешествиях, о выдержанной осаде Артура и, наконец, о том, как отнеслась английская печать к моему докладу «Желгороссия как буферная колония». Что же касается до остальных отзывов о моих статьях английской печати на Дальнем Востоке, а также и перевод доклада «Желтый Босфор» на японском языке, то все они у меня погибли в Артуре.

Во II-й III-й тетрадях собраны некоторые из моих личных статей и некоторые отзывы обо мне.

Из всего прилагаемого мною при сем письме материала (автобиографии), который передаю в полное ваше распоряжение вычеркивать, изменять, исправлять ошибки, я покорнейше прошу иметь только в виду, что первый сверток с пятью брошюрами можно мне и не возвращать, что же касается до второго свертка и трех тетрадей с газетными вырезками, то мне их, безусловно, необходимо вернуть, так как при последнем только условии я могу их оставить у вас временно. В субботу, 1 июня 1913 г., выйдет из типографии мой последний труд «Стандарт русских прядильных материалов и его государственное значение», и выслать вам его немедленно под бандеролью сочту своею обязанностью.

Примите уважение, глубокоуважаемый Семен Афанасьевич, в моем совершенном уважении и преданности.

И. Левитов

Моя автобиография

Илья Семенович Левитов родился в 1850 г. в гор. Алешки Таврической губернии, православный. После смерти отца (купца) был перевезен пятилетним мальчиком в Одессу, где отдан на средства, оставшиеся от отца, в частный пансион, а потом в частную гимназию, основанную Стародубцевым, которую и окончил в 1870 г. и поступил студентом на естественное отделение физико-математического факультета Новороссийского университета.

В это время на юге народилась мысль о слиянии с народом и хождении в народ. Ярым представителем этого движения в Новороссийском университете был студент Желябов, исключенный из

университета в 1872 г. за нежелание подчиниться предписаниям факультета не агитировать и не восстанавливать студентов против проф. Богышица. Дело заключалось в следующем.

На одной из лекций проф. Богышица в 1872 г. один из студентов-евреев как-то вздремнул, и профессор обратился к студенту со следующими словами: «Здесь не трактир (кабак), а если хотите спать, то можете уйти отсюда». Последнее и послужило сигналом к волнениям в университете, который и был тогда (впервые) временно закрыт. Желябов и некоторые другие студенты были исключены за то, что требовали, чтобы профессор извинился в аудитории перед студентами. Тогда исключенный Желябов нас собирал не в здании университета, а на какой-то частной квартире и громил все начальство. Помню, как однажды он говорил, волнуясь, так горячо и долго, что охрип и больше говорить уже не мог.

Серьезно заниматься в то время в университете невозможно было почти, несмотря на то, что лекции на естественном отделении читались некоторыми известными профессорами: Сеченовым, Мечниковым и Ценковским, но молодежь революционизировалась изо дня в день все больше и больше, и в марте 1873 г. я выехал в Гейдельбергский университет, который и окончил в 1878 г. по физико-математическому факультету (доктором математики). Там я познакомился со студентом А.М. Сибиряковым, который вскоре по нашем возвращении в Россию стал организовывать свои знаменитые экспедиции в Карское море и новое пароходство по Восточной Сибири.

Конец 70-х — начало 80-х годов по возвращении в Россию я посвятил изучению Москвы и издал в это время «Путешествие по центру Москвы и ее окрестностям», готовясь в то же время к первому путешествию в 1882 г. по Сибири, что видно из цитируемых мною ниже двух статей: «Поездка с переселенцами от Нижнего Новгорода до Томска» и вторая «От Москвы до Томска».

Путеводитель я составил по образцу Бедекера, знакомясь с достопримечательностями Москвы, и он имел большой успех, несмотря на то, что он не закончен. Цель же моего первого путешествия заключалась в том, чтобы проследить переселенческое движение, которое в то время только что начиналось и представляло собою целую эпопею страданий. Одна только поездка переселенцев от Тюмени до Томска длилась месяц с лишком, и в лето моего проезда по Сибири партия переселенцев одного парохода сдала на пристанях около 40 трупов. Из цитируемых статей видно, в каком состоянии переселенцы достигали места назначения, и администрация недо-

верчиво относилась и скорее мешала, нежели поощряла переселения. И. С. Аксаков, бывший в то время редактором «Руси», обратил внимание правящих сфер на мою статью и тем принес громадную пользу переселениям. Вот примечание редакции к статье, подписанной инициалами И.Л.: «Обращаем внимание на эту статью всех интересующихся делами переселения, а особенно тех, кому о нём ведать надлежит: в ней есть любопытные данные и заслуживающие внимания указания».

Так как меня с детства тянуло всегда к путешествиям, а подготовка к организации Сибиряковского пароходства давала мне возможность осуществить свою заветную мечту, то я и поступил на службу в пароходство Западной Сибири Курбатова и Игнатова, которое должно было слиться с пароходством А.М. Сибирякова. В Тюмени я был избран в 1884 г. секретарем основавшегося Временного тюменского комитета для оказания помощи переселенцам и вместе с П.П. Архиповым (бывшим тогда первым переселенческим чиновником) занимался в летнее время посадкой переселенцев на пароходы. Главную помощь переселенцам оказывало общество, и только с проведением Сибирской железной дороги государство взяло переселенческое дело в свои руки, и Тюмень как перевалочный переселенческий пункт теряет свое значение.

Служба в пароходстве дала мне возможность совершать частые путешествия по Сибири, причем издал «Путеводитель по Западной Сибири», посещал Ирбитскую ярмарку зимою и организовал школу для детей пароходных служащих при Жабынском заводе близ Тюмени.

С 1885 г. до 1888 г. включительно я принимал деятельное участие в «Ирбитском ярмарочном листке», и некоторые статьи, как, например, «Сибирские выставки для поднятия сибирского овцеводства» и «Дезинфекционные печи» не потеряли значения и до сих пор.

Возвышение пошлины на чай, долженствовавшее последовать в 1885 г., должно было, несомненно, влиять на уменьшение провоза кяхтинских чаев сухим путем, и это могло скверно отозваться на пароходстве Сибирякова, которое имелось в виду открыть. В 1884 г. прошло чаев сухим путем 725000 пудов, а морем — 2275000 пудов. Будь возвышена в то время пошлина, как того хотел министр финансов Бунге, стоимость ящика морем обошлась бы на 5 руб. дороже кяхтинских чаев в России, и ни один пуд чаю не пошел бы Сибирью. Ввиду этого я составил докладную записку на имя министра финансов, подкрепленную всеми статистическими данными и

подписанную главными торговцами Ирбитской ярмарки, о немигнуемой убыточности для всего транзита Сибири возвышением пошлин, и ходатайство наше было уважено.

Когда пароходство по Ангаре должно было открыться, я в 1888 г. был командирован компанией подняться туерным пароходством от Красноярска и был первым пассажиром, приехавшим из Красноярска в Иркутск водой.

Покойный Ядринцев, присутствовавший на моем докладе, так описывает свои впечатления (см. «Восточное обозрение» за 1888 г., №40) в передовой статье:

«3 октября в Восточно-Сибирском отделе Географического общества в присутствии иркутского генерал-губернатора графа А.П. Игнатьева мы присутствовали при докладе г. Левитова, сообщавшего о результатах плавания парохода Сибирякова «Св. Николай» и туера «Св. Иннокентий», прошедших несколько шивер и два порога. Нам остается прибавить только, что опыты проложения цепи и отважная экспедиция А.М. Сибирякова выказала всю энергию, какая присуща пионерам всякого предприятия. Несмотря на неудачи и несчастья, постигавшие пароходы, экспедиция отыскивала новые пути, пролагала цепи, рвалась с пароходами вперед, боролась мужественно со всеми опасностями. Такие подвиги не забываются и постепенно намечают и осуществляют задуманное...».

Громадное значение для Сибири кроме пароходства имеют сибиряковские волока. Один только Илимский волок, когда я его обследовал в 1888 г., стоил уже Сибирякову 40000 руб., но грунтовой дороги при мне еще не было. Дело в том, что пароходство возможно только до гор. Илимска, здесь же паровое сообщение должно прекратиться и товары должны переваливать через хребет, по которому проложены два волока: один Илимско-Ленский до Усть-Куты в 143 версты, а другой Илимско-Ангарский до с. Б. Намыр в 101 версту. Первый волок соединяет Енисей посредством Ангары с Леной, а другой — Енисей с Иркутском.

Чтобы понять значение этих волоков, необходимо знать, что лодостроение на севере Сибири, а тем более в Якутской области, при отсутствии каких бы то ни было путей сообщения, случается очень часто.

А.М. Сибиряков, всю жизнь свою борющийся с этими печальными фактами своей родины, хорошо понимал истину, что северу Сибири возможно оказать величайшую услугу не грандиозными сооружениями гигантских железных дорог, а только соединением разнородных областей хорошими путями сообщения, которые обойдутся нам недорого и доступны нашему карману.

Чтобы понять выгоды проложения Илимского волока, необходимо только знать, что до проложения Сибиряковского тракта (пути) на север, т.е. на Печору, голод был обыкновенным явлением на Печоре, мука стоила 2 р. и 2 р. 50 к. пуд, когда же Сибиряков открыл дело на Печоре, то цена за пуд муки сразу упала до 1 р. 25 к., а в 1887 г. — до 75 коп. (о Печорском волоке я сделал особенный доклад еще в 1887 г. в Екатеринбурге, тотчас после обследования). Точно так же дело обстояло и с Илимским волоком: хлеб, который в верховьях Енисея (Минусинский округ) стоит несколько десятков коп., на Олекминских и Витимских приисках ввиду отсутствия удобных путей обходится в три с лишком рубля пуд.

Откланявшись графу А.П. Игнатьеву в Иркутске, я уже понял из его слов, что едва ли можно рассчитывать на какую-нибудь помощь со стороны государства и что одной только Сибиряковской компании придется тратить на это свои денежки. Компаньоны Сибирякова (Губкин, Кузнецов, Курбатов и Игнатов) бросили Сибирякова в этот критический момент, и последнему еще труднее стало вести дело. Если бы Сибиряков не был уверен в том, что компаньоны никогда его не оставят, он бы не начал дела. Сибиряков рассчитывал на денежную помощь своих компаньонов, а последние вошли в компанию для того, чтобы доить казну.

Сибиряков мог разориться и считаться каким-то фантазером в глазах сибирского купечества, но идея его о необходимости парового сообщения по Ледовитому океану и проложения грунтовых дорог по сибирским волокам, не только по Илимскому и Печорскому, но и от Аяна до Нелькана и от Олы на Колыму, которые он лично обследовал предварительно, никогда не умрет.

В 1889 г., после распада паровой компании, я занялся хозяйством, и условия этого хозяйства изложены мною в докладе Восточному экономическому обществу «Сельскохозяйственные нужды Западной Сибири» и в статье «Одно из частновладельческих хозяйств З. Сибири».

Печальное положение нашей деревни заключается в том, что подготовленные люди, которые могли бы ввести усовершенствованные приемы в хозяйстве, т.е. тот средний класс народа, который во всей Европе служит главным проводником усовершенствованных способов хозяйства, не могут работать у нас в деревне. Труд их не оплачивается. Ценность сельскохозяйственных продуктов в России так ничтожна, что не могут окупить затраченный на них труд, несмотря на то, что у многих интеллигентных людей как земля, так иногда и инвентарь достаются им бесплатно по наследству.

Я считал полезным в то время (см. «Русская жизнь» за 1892 г., №126) «создание в Сибири условий, благоприятствующих или, по меньшей мере, не препятствующих возникновению небольших частных хозяйств, владеющих землей на праве собственности», но я не был знаком с условиями сибирского хозяйства.

Пуд овса в Сибири продается обыкновенно 18 коп., а пуд пшеницы — 35 коп. Нельзя же серьезно думать при таких ценах вести хозяйство. Сибирские крестьяне сплошь и рядом разоряются и временами (почти периодически) голодают целыми областями, тем более интеллигентные работники должны разоряться и голодать, занимаясь специально хозяйством в России.

В Германии, Англии и др. ценность пуда овса не дешевле 1 р., а пшеницы 1 р. 40 к. Там государства тратят много денег на проведение дорог, удобных портов и заботятся о дешевизне экспорта сельхозпродуктов. У нас же не только в деревне, но даже в Петербурге замечаются такие аномалии, что петербургское население питается не русским, а немецким картофелем, доставляемым ежегодно Германией в Петербург, в чем каждый может убедиться в таможене на Гутуевском острове. Легко себе представить после этого, какие аномалии бывают в русских деревнях. Столкнувшись близко с этим хозяйством, я пришел к убеждению, что Россия — это какое-то большое государство.

В вышепоименованном докладе и статье о нашем сельском хозяйстве я старался выяснить, что интеллигентные работники в России могут работать в деревне в том только случае, если у них есть дело, обеспечивающее их существование кроме хозяйства, или же когда они гонят водку, — другими словами, при ведении хозяйства они оснуют у себя водочный завод. Это единственная возможность жить и заниматься у нас сельским хозяйством, но для этого нужны большие капиталы. Ни одно государство в мире не дает столько льгот и привилегий хозяевам для поднятия своего хозяйства винокурением, как Россия. Но для этого нужно ввести в своем хозяйстве «пьяное царство», т.е. основать водочный завод или же открыть кабак. Но не всякий пойдет на это. Кроме того, большая трудность воспитывать детей в деревне. Крестьяне довольствуются сельской школой, но для людей среднего класса это недостаточно, и им приходится для воспитания своих детей жить на два дома.

В 1891—1892 г. страшный голод охватил несколько областей Западной Сибири, и пароходовладельцы, скупив весь хлеб в Семипалатинске по 25 коп. пуд, вывезли его в Тюмень, где продавали по 1 р. 80 коп. Этот монопольный захват хлеба пароходовладельцами я

выяснил в 1892 г. в отдельной брошюре «Сибирские монополисты», а в 1893 г. в дополнение я издал брошюру «Сибирские коршуны». В этих двух брошюрах, произведших сенсацию в Сибири, я выяснил весь произвол, царящий в Сибири, благодаря сибирским кулакам и монополистам, где сибирская администрация бессильна бороться с ними, и все то незавидное положение сельского хозяйства, находящегося в зависимости от них.

От 1889 по 1899 г. я занимался в деревне сельским хозяйством, зимою же совершал поездки по Сибири и корреспондировал за это время в «Русской жизни», «Петербургских ведомостях», «Екатеринбургской неделе», а с проведением Забайкальской железной дороги проехал в Порт-Артур, где был приглашен генералом П.А. Артемьевым в постоянные сотрудники для «Нового края». Причем до падения Артура я три раза приезжал в Петербург и в Обществе для содействия промышленности и торговле сделал три доклада под названием: 1) Желтая раса, 2) Желтая Россия и 3) Желтый Босфор.

Сотрудничая в «Новом крае» с 1900 по 1905 годы, я имел возможность совершать путешествия по Маньчжурии, Китаю, Индо-Китаю, Индии, Японии, посетил некоторые английские, немецкие и французские колонии Дальнего Востока и собрал массу материала, который у меня погиб во время осады.

Доклад о «Желтом Босфоре», где я предупреждал русское общество, что флот наш в войне с Японией должен погибнуть в Корейском проливе (Желтый Босфор), я сделал накануне моего выезда из Петербурга в Лондон. Вот как орган наместника Дальнего Востока «Новый край» в передовой статье за 1903 г. в №99 отметил причину моей командировки: «Целый ряд статей за последнее время был посвящен нами разработке теоретических оснований к сближению России и Англии для совместной работы этих великих держав на крайнем Востоке... Для всестороннего изучения почвы к восприятию этой доктрины в среде английских правящих классов, печати и общества «Новым краем» был командирован специально в Лондон наш постоянный сотрудник И.С. Левитов...».

Генерал-адъютанту Е.И. Алексееву ясно было, что для того, чтобы удержать Дальний Восток, нам необходимо сойтись или с Англией, или же с Японией. Но с последней державой мы сойтись не захотели, когда приезжал к нам граф Ито, следовательно, осталась одна Англия, которая могла воспротивиться основанию Желтого Босфора. Но судьба решила этот вопрос иначе.

По-моему, русско-японская война не освещена еще со всех сторон. Мы выслушали объяснения причин нашего поражения от Ку-

ропаткина, Стесселя и некоторых других генералов, но адмирал Алексеев, несмотря на злобность и даже, очевидно, несправедливые нападки на него нашей печати, упорно хранит до сих пор глубокое молчание, и неизвестно еще, какие мемуары он нам оставит об этих событиях.

В Артуре я высидел всю осаду вплоть до сдачи крепости Японии. Участвовал во время осады в «Новом крае», который выходил до дня капитуляции, и, кроме того (во время осады), состоял кассиром Порт-Артурского городского управления и сдал японцам свыше 250000 руб. городских денег в виде процентных бумаг, хранившихся у меня в кассе.

После падения Артура в 1905 г. нас вывезли морем на казенный счет в Петербург, и здесь я сделал 16 мая в Обществе для сод. рус. промышленности и торговле доклад «Желтороссия как буферная колония», а 18 мая второй доклад — «Осада Порт-Артура в картинах».

В докладе «Желтороссия как буферная колония» я высказал свой взгляд на дело (см. глава XII, стр. 109): и мы обязаны будем, сказал я, волей или неволей тотчас после русско-японской войны обратить все внимание на Желтороссию; естественное последствие нынешней войны заключается в том, что отныне мы обязаны будем защищать два фронта, из коих восточный (Желтороссия) гораздо важнее в настоящее время западного, или немецкого, фронта.

Когда 14 мая флот наш погиб при Цусиме, поэтому я 16 мая и высказал свой взгляд, что русским людям необходимо изменить только свой взгляд на Дальний Восток, так как Япония больше не допустит Россию усиливать свой флот в Японском море. Следовательно, с моря защищать наш Дальний Восток мы не можем, а раз мы береговую линию защитить не можем, то рано или поздно желтая раса должна отторгнуть от нас всю эту область. Поэтому я и советовал в докладе превратить весь Дальний Восток до Байкала в буфер. По моему глубокому убеждению, если б Россия объявила до войны всю свою территорию вплоть до Байкала только под своим суверенитетом и разрешила бы всем народам мира право селиться, торговать, строиться и брала с них за это в свою пользу известные доходы, так же, как это делают немцы в Кючау, англичане в Вейхайвее и т.д., то мы бы могли занять не только Маньчжурию, но и Корею, и вся Европа нам бы аплодировала. Европейцы, имея только гарантию, что мы им не помешаем торговать и селиться не только в Маньчжурии и Корею, но даже и в нашем Дальнем Востоке, не позволили бы вместе с нами японцам перейти со своих островов на материк Азии и укрепиться в Корею и Маньчжурии. Это был фа-

тальный шаг не только для России, но и для всей Европы. Соседство японцев на материке почувствуем в недалеком будущем не мы одни, но и вся Европа.

Необходимо предвидеть, что без флота мы Дальний Восток удержать не можем, и русские люди должны были еще до войны объявить только свой суверенитет над всей областью, и никто бы у нас Порт-Артура не отнял, и никакой войны у нас не было бы, и мы бы могли спокойно охранять один только немецкий фронт.

Не считает же Германия Кяочау германской территорией, а в действительности Германия, несмотря на суверенитет Китая в этой области, владеет не только Кяочау, но громаднейшей китайской областью вплоть до Чифу. Почему же нам нельзя было на том же принципе — всем Дальним Востоком?..

С момента этого доклада прошло не более восьми лет, и мои слова оправдываются в том отношении, что немецкий фронт становится уже для нас в настоящее время более угрожающим, нежели восточный, и если бы нам не пришлось бы думать о Дальнем Востоке, то мы бы были вдвое сильнее на немецком фронте. При этом интересно отметить следующее.

Председательствовал на заседании этого доклада покойный граф Ник. Пав. Игнатьев, и он вовсе не нападал на меня в прениях по поводу этого взгляда на Дальний Восток, хотя говорил очень много. Спустя только некоторое время, когда я был у графа, он (в своем кабинете) высказал мне свое несогласие с выводами доклада, но я объяснял себе это только резкими нападками на доклад со стороны «Московских ведомостей» (см. №191 за 1905 г. Библиография. Возмутительная фантазия), а также см. журнал «Семья» (№17 за 1905 г.), тогда как «Сын Отечества» (№79 за 1905 г.) и другие, не только русская, но и иностранная печать (см. Otago Daily Times от 5 июля 1906 г.), одобряли эту мысль.

С 1905 г. я старался восстановить все погибшие у меня материалы при осаде Артура, главным образом «Стандарт» прядильных, с которыми пришлось столкнуться в первый раз в Индо-Китае в 1902 г., на французской выставке, бывшей в Ханое.

Временами я сотрудничал в газете «Россия», а в 1907 г. совершил путешествие по русскому и китайскому Туркестану, Кавказу, где обследовал наркотики, а в 1912 г. совершил путешествие по Англии и Ост-Зейскому краю для восстановления материалов по «Стандарту» прядильных.

По моему мнению, вопрос о введении обязательного «Стандарта» в России не только прядильных, но и всех сельскохозяйствен-

ных продуктов является важным государственным вопросом, ибо он нам дает возможность вступить в недалеком будущем в борьбу с засильем немцев. Обязательный стандарт нам откроет первый клапан на немецком фронте, чтобы выяснить русскому обществу значение русского сырья в экономике русского народного хозяйства.

Напечатаны мной следующие работы

- Путеводитель по достопримечательным окрестностям Москвы. Москва, 1881. I вып. (82 стр.) Ц. 25 к. Прекрасные отзывы о Путеводителе во всех газетах не только Москвы, но и Петербурга.
- Путеводитель по центру Москвы. Кремль и Китай-город. 1882 г. II вып. (стр. 84—138). Ц. 25 к.
- Путеводитель по Зап. Сибири. Москва: Типогр. Нейбюргера, 1884. Ц. 40 к.
- Статья «Поездка с переселенцами от Нижнего Новгорода до Томска». См. журн. «Русь» №4 за 1883 г.
- Статья «От Москвы до Томска». См. журн. «Русская мысль» за 1883 г. Книга VII (стр. 1—30).
- Статьи «По вопросу о таможенной пошлине на чай». См. «Ирбит. ярм. листок» №13 за 1885 г. Кроме того, в этом же листке напечатаны статьи в №№15—20 за 1886 г. — «Пароходство по Ангаре», «Бухарцы Тюменского округа и западносибирский водный путь» и «Сибирские транзиты». За 1887 г. в №9 «Могут ли железные дороги в Восточной Сибири убить чайную торговлю», в №13 «О необходимости выставки в Сибири для поднятия овцеводства», в №16 «О дезинфекционных печах», в №№19—22 «О речной школе».
- Сибиряковский тракт на севере. Екатеринбург, 1887. Брошюра в 36 стр. с картой путей (волоков). Доклад в собрании Уральского общества любителей естествов. Критическую статью об этом докладе напечатал М. Мец (см. «Русское судоходство» №№18—19 за 1887 г., статья «На суд читателей»).
- Статья «Сельхоз. нужды Зап. Сибири». См. Труды Имп. вольного экономического общества №5 за 1892 г. Доклад (стр. 203—233).
- Сибирские монополисты. Брошюра. Изд. «Петербургская жизнь», 1892 г. (16 стр.).
- Статья «Одно из частновладельческих хозяйств в Западной Сибири». См. журн. «Сельское хозяйство и лесоводство» за 1893 г., апрельскую книжку (стр. 299—317) и майскую (стр. 39—55).
- Сибирские коршуны. Брошюра. Петербург, 1894 г. Ц. 25. (47 стр. + VI закл.).
- Статьи «Группа сибирских монополистов» (см. «Петерб. вед.» №119 за 1899 г.) и «С Урала», где сообщается об обесцененных домах в Сибири, которые государство могло бы превратить в рабочие дома для ссыльных (см. №209), а в №243, 270 и 322 за тот же 1899 г. напечатаны «Порто-франко Карского моря и Лены» и «Сибирские эксплуататоры».
- Фельетоны в «Петербургских ведомостях» «С дороги» №№18, 22, 52, 60, 98 за 1901 г. В №52 описана порка харбинского полицмейстера Казаркина и др.
- Фельетоны в газ. «Новый край» начиная с 1901 г. №№119, 122, 125, 128 «Переселенческое движение на Восток» и много других статей за 1902, 1903, 1904 гг., вплоть до падения Артура.
- В Трудах Общ. для содейств. русской промышленности и торговле напечатаны следующие доклады: 1) «Желтая раса» за 1900 г. Ч. 25. Отд. III (стр. 354—393), где

- сообщается об эмиграции китайских кули в Россию; 2) «Желтая Россия» за 1902 г. Ч. 26. Отд. II (стр. 150–202), где сообщается о китайских концессиях, о Дальнем, о китайских синдикатах, о Желтороссии и о необходимости отделиться Байкалом; 3) «Желтый Босфор» за 1904 г. Ч. 27. Отд. III (стр. 120–203). Прекрасный отзыв см.: фельетон в «Русском инвалиде» в №155 за 1903 г. «Желтый Босфор» был также переведен и на японский язык; 4) «Желтороссия как буферная колония»; 5) Россия на мировом рынке прядильных материалов. Докл. от 8 дек. 1911; и 6) Стандарт русских прядильных материалов и его государственное значение. Докл. от 29 нояб. 1912 г. Отдельное издание (стр. 150–X).
- «О необходимости опийной реформы на Дальнем Востоке» за 1906 г. Изд. «Петербург. вед.» (стр. 1–24).
- «Необходимость гашишной реформы в России» за 1907 г. Изд. «Петербург. вед.» (стр. 1–24).
- «Бузо-гашишный вопрос на наших окраинах». Доклад в Имп. русск. геогр. общ. за 1909 г. Т. XLVI, вып. IV–VI (стр. 1–29).
- Ряд фельетонов о переселенцах в Туркестане, об экономических условиях Ферганы, дорожная заметка о путешествии по Палестине, Иерусалиму. См. «Сельский вестник» №№245, 250, 261, 273 за 1908 г., №11 за 1909 г. и мн. др.

ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 377 (Архив С.А. Венгерова).

Оп. 7. Ед. хр. 2114.

В своей статье И.С. Левитов подчеркивает, что «семейные обязательства заставили... в 1889 году переехать в деревню и заняться хозяйством»⁵. Отсутствие оборотного капитала стимулировало автора искать доходные статьи имения. Вначале он посчитал, что к таковым относится эксплуатация паровой мельницы. Но затея оказалась довольно пустой: «...мельница могла очистить около 50 коп. в день, при самых лучших условиях»⁶.

И.С. Левитов взял займы 300 руб., нанял мастера, который возле уже существующей плотины в устье реки Балды устроил «подливное колесо, исправи<л> плотину, сделала<л> взвоз и ларь для воды, установи<л> камни и вообще внутренние принадлежности»⁷. 1 ноября, т.е. через три месяца после появления в деревне, «мы пустили водяную мельницу, а паровую в этот же день закрыли»⁸.

Подробный пересказ статьи журналиста И.С. Левитова имеет смысл еще и потому, что уточняет мелкие детали из жизни Черной Речки, описанной в статьях тюменских краеведов^{2, 4}.

Автор достаточно подробно описывает, как он искал пути борьбы с сорной травой, что предпринимал для удешевления очистки лугов, как культивировал внесение удобрений на поля.

Рассказ журналиста ведется от первого лица. И все распоряжения, о которых вспоминает автор, даются им же. Однако иногда в публикации появляется и «мы», никак не расшифрованные в тексте: «По словам духовного завещания мы не имеем права продать

Чернореченское имение... чтобы добиться права продать лишнее количество лошадей, пришлось бы подать просьбу в сиротский суд, так как в семье у нас есть малолетний, и просить губернское правление о разрешении на продажу...»⁹.

Попытка выжить в деревне заставила одного из ее обитателей — автора — заготавливать «корье» для дубления кож тюменскими кожевенными заводами, удобрять почву для улучшения урожая¹⁰, собирать из ольхи большое количество ящичков для чайной фирмы Кузнецова, устраивать лесопильню из бывшей плотины, проводить опыты с озимой пшеницей, добывать скипидар из щеп кустарным способом, поставлять белый поташ на Успенскую писчебумажную фабрику... Сельскохозяйственная продукция при ее низких ценах в Сибири плохо кормила крестьянина, которому «для развития культуры земледельческого класса» нужны «кроме капитала и большие сельскохозяйственные знания»¹¹.

Автор делает вывод, что «попытки заведения широко поставленной фермы и сельскохозяйственной школы в Сибири были, к сожалению, неудачны» именно из-за отсутствия «опытных управителей, хороших работников».

... Там же в ИРЛИ сохранилось еще несколько любопытных документов. Один из них — справка из полицейского участка, что во время обстрела Порт-Артура погибло все имущество не только И.С. Левитова, но и сгорела печать полиции: по этой причине бумага не имеет официального удостоверения факта: «главная ценность, по словам г. Левитова, заключалась не в обстановке, а в рукописях. Рукописи были собраны для печатания исследования по Дальнему Востоку, которое должно было начать печататься в недалеком будущем. По словам г. Левитова, материалы для этого исследования собраны были в четырех путешествиях, специально предпринятых по Японии, Китаю, Индокитаю и Формозе. Каждое путешествие обошлось ему около тысячи рублей, так что вся ценность имущества, погибшего у Левитова во время бомбардировки, необходимо считать в четыре тысячи восемьсот руб.»¹².

В этом же деле хранится свидетельство, подписанное 2 августа 1907 г. священником М. Ребриным, что «по метрикам ... Пышминской церкви Тюменского уезда за 1890 год под №41 значится Глеб, родился 1, крещен 5 мая. Родители его: бывший студент Новороссийского университета Илья Семенович Левитов и законная жена его Юлия Федоровна. Оба православные»¹³.

Сохранился также билет, выданный на бланке начальника Туркестанского таможенного округа 16 августа 1907 г., что предъявитель

«сего сотрудник больших столичных газет, потомственный почетный гражданин Илья Семенович Левитов отправляется в город Кашгар для изучения вопроса о ввозе наркотиков в Туркестан»¹⁴.

Еще один документ гласит, И.С. Левитов — соучредитель товарищества «Туркестанское товарищество ирригационного травостояния и других ирригационных культур»¹⁵.

Согласно данным, декларируемым на делах И.С. Левитова в ИРЛИ, умер он, не ранее 1918 г.

¹ Мандрика Ю.Л. Н.М. Чукмадин в «Ирбитском ярмарочном листке» // Лукич. — 2003. — №3. — С. 42–44.

² Белов С.Л., Соловьева Ю.А. Легенды Черной Речки, или Где зародилось сибирское маслоделие // Земля тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. — Тюмень, 2004. — Вып. 17. — С. 95–106.

³ Так называет «Ирбитский ярмарочный листок» исследователь печати Урала В.А. Павлов. — См.: Макушин Л.М., Павлов В.А. Первая хозяйственно-экономическая газета // Павлов В.А. Очерки истории журналистики Урала. — Екатеринбург, 1995. — Т. 2, кн. 1. — С. 47 и далее.

⁴ Копылов В.Е. Окрик памяти (история Тюменского края глазами инженера): В трех книгах. — Тюмень, 2002. — Кн. 3. — С. 130–140. — См. подробнее мнение тюменского краеведа С. Кубочкина об уровне достоверности фактов в вышеназванной книге: Кубочкин С.Н. Эхо окрика // Лукич. — 2003. — №1. — С. 222–224; №2. — С. 220–222; №3. — С. 247–251.

⁵ Левитов И. Одно из частновладельческих хозяйств в Западной Сибири // Сельское хозяйство и лесоводство: Журнал Министерства государственных имуществ. — 1893. — Ч. CLXXII (апрель), отд. II. — С. 299–316; Ч. CLXXIII (май), отд. II. — С. 39–54.

⁶ Там же. С. 301.

⁷ Там же. С. 302.

⁸ Там же. С. 303.

⁹ Там же. С. 306.

¹⁰ «Почва, содержащая определенный запас питательных веществ и отдающая ежегодно в урожаях для вывоза минеральные вещества, без обратного их возврата в виде хозяйственных отбросов, несомненно, должна беднеть и истощаться». — См.: Левитов И.С. Сельскохозяйственные нужды Западной Сибири // Труды Императорского вольного экономического общества. — 1892. — №5. — С. 208.

¹¹ Там же. С. 231.

¹² ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 148. Ед. хр. I. Лл. 7–8.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ Там же. Л. 11.

¹⁵ Там же. Л. 14.

Отражение первого этапа крестьянской ссылки на Север Западной Сибири в документах Центра документации общественных организаций Свердловской области

Одной из самых трагичных страниц нашей истории является крестьянская ссылка, начало которой было положено в 30-е годы прошлого столетия. В конце 90-х годов XX века изучение истории спецпереселенцев стало одним из приоритетных направлений в отечественной историографии.

Судьба спецпереселенцев — крестьян, объявленных кулаками, т.е. «классовыми врагами», до сих пор относится ко многим недостаточно изученным страницам истории нашей страны.

Благодаря работам В.П. Данилова, В.Н. Земскова, Н.А. Ивницкого, Н.Я. Гушина, И.Е. Плотникова, Л.В. Алексеевой и других исследователей стала возможна историческая реконструкция механизма осуществления, положения, численности и последствий массовых принудительных спецпереселений различных категорий и групп населения в сталинском обществе.

Районом выселения раскулаченных крестьян, среди других районов, был определен и Тобольский Север, который в годы коллективизации и раскулачивания крестьянских хозяйств входил в состав Уральской области, центром которой был Свердловск (ныне Екатеринбург). Именно поэтому огромный интерес для нас представляют документальные материалы по численности, транспортировке, условиям жизни спецпереселенцев, хранящиеся в местных архивах города Екатеринбурга.

Особый пласт документации по истории спецпереселенческой политики хранится в бывшем партийном архиве Уральской области — Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

Как известно, ссылка на Обь-Иртышский Север проходила в три этапа с 1930 по 1933 гг. Первый этап ссылки является сегодня самым неизученным в отечественной науке, нет пока точных данных о числе

ссылных, их половозрастном, национальном, религиозном, социальном составе, смертности. Потoki спецпереселенцев документально прослеживаются со второй волны ссылки, а именно с 1931 года. Поэтому документов по первым спецпереселенцам, датированных 1930-м годом, сохранилось очень мало, а те, которые обнаружены, свидетельствуют, что власти не были готовы к столь массовому приему крестьян-спецпереселенцев в регион. Первые партии ссылных оказались в тяжелом положении, поскольку никто их не ждал. В постановлении Тобольского Окружкома ВКП(б) №41 от 29.03.1930 года говорилось: «Просить обком ВКП(б) воздействовать на соответствующие организации о скорейшей высылке исследовательской партии для исследования лесных массивов и рыбоугодий по рекам: Надым, Полуи — Обдорского района; Югану и Тром-Югану — Сургутского района — с целью их возможной эксплуатации вселяемым кулачеством»¹. Этот факт, а также отсутствие информации о каторжанах-первопроходцах косвенно свидетельствуют о том, что власти не знали географии расселения и полагались исключительно на революционную волю. Людей, с первой же навигацией, буквально выбрасывали по берегам на многочисленных притоках Оби, где спецпереселенцы рыли землянки, делали шалаши, а впоследствии строили поселки. Согласно докладной записке заместителя председателя УОСНХ Терехова в Уралобком ВКП(б) Кабакову, от 2.03.1930 года, к тому времени спецпереселенцев на Тобольском Севере насчитывалось около 2000 семей².

Все поселения были распределены по специфике работ, соответственно на лесо- и рыбозаготовительные. Политика руководства сводилась к выполнению плана заготовок, а что касается социально-бытовых проблем спецпереселенцев, то до них руки не доходили. Протокол №76 от 30.10.1930 года заседания бюро Тобольского ОК ВКП(б) по резолюции доклада Белоусова об устройстве переселенцев свидетельствует: «...Общее состояние работы по хозяйственному устраиванию переселенцев остается неудовлетворительным (Рыбтресту необходимо 1127 домов — построено 400). До сих пор большая часть спецпереселенцев размещается по крестьянским домам и домам туземцев, что связано с трудностями административного обслуживания и благодаря скученности и антисанитарным условиям вообще не гарантирует от возможности возникновения эпидемии»³.

Снабжение продовольствием первых переселенцев, так же как и их расселение, не было налажено. Пароходство Обь-Иртышского бассейна абсолютно не было готово к перевозке грузов на Север, что повлекло скопление огромного количества продовольственных товаров в г. Тобольске. Из протокола №81 бюро Тобокружкома

ВКП(б) от 3.12.1930 года ясно, что: «в истекшую навигацию Госпар абсолютно не был подготовлен к перевозкам грузов на Север, благодаря чему значительное количество грузов осталось в Тобольске и будет вывезено гужом, что значительно удорожает стоимость товаров (завозимых) и, кроме того, создает перебои в снабжении и этим самым срывает работу по сырьевым заготовкам»⁴.

Даже та часть продовольственных товаров, которая все же попадала на Север, перевозилась в ужасных условиях. Доказательством тому может служить докладная записка Н. Долгирева от 24.09.1930 года в Уралобком ВКП(б) секретарю Обкома ВКП(б) Зубареву: «Уважаемый товарищ Зубарев... ехал я на пароходе «Коммунист» — ровно 12 суток от Тюмени до Тобольска. В то время как езды одни сутки... пароход «К» прибыл с грузом рыбы в Тюмень в ночь на 10-е сентября и приступил к разгрузке... Грузчики рвут кули, ломают рыбу, разбивается бочка рыбы, мигом ее разбирают, а тара выкидывается за борт, никто за это не отвечает... но вот выгрузили рыбу, началась погрузка муки, овса на Север, мешки бросают в трюм с плеча, мешки не выдерживают — рвутся, мука летит по всему пароходу, овса кули порваны, все смешано... Командир парохода пытается пройти мель, хотя за 6 километров от переката пароход принял полный груз, зная заранее, что на перекате воды всего 140 см, в то же время берет нагрузку на 160 и более... садимся на мель... командир пьяный уходит с мостика... сидим пять суток... Снять не смогли в течение десяти суток, а пришлось подать баржу из-под керосина, и началась разгрузка хлеба в керосинные баржи под снегом и дождем, в результате 48 тыс. пудов хлеба, муки, овса, помимо того, что его смешали с грязью, но еще и керосином... Пассажиры парохода 12 суток голодают... меняют свое белье, шинели населению на хлеб и картошку...»⁵.

На первом этапе крестьянской ссылки на Обь-Иртышский Север спецпереселенцев планировалось использовать в двух направлениях: рыбной и лесной промышленности. В первый год план по заготовке рыбы не выполнялся, о чем свидетельствует протокол №32 заседания секретариата Тобольского Окружкома ВКП(б) от 10.06.1930 года. «По отдельным районам выполнение майского плана рыбозаготовок характеризуется следующими процентами: Самаровский район — 95%; Сургутский — 60%; Уватский — 22%... Основные причины плохого выполнения плана: 1. Отсутствие надлежащего руководства рыбозаготовками. 2. Недостаточно крепкая связь с местным населением. В результате чего часть рыбацкого населения выловленную рыбу не сдает, а продает на вольном рынке. 3. Слабое уплотнение рабочего дня: не был введен непрерывный лов рыбы. 4. Недостаточное количество

катеров для обслуживания рыбозаготовок, вследствие чего прием рыбы задерживался, что приводило к порче выловленной рыбы»⁶.

Одна из главных трудностей в рыбозаготовительной кампании, с которой столкнулись власти на Севере, это обучение крестьян-спецпереселенцев рыбной ловле, а также отсутствие связи с местным населением. Об этих трудностях докладывал в своей служебной записке от 3.09.1930 года Мирзояну один из комендантов: «...Трудность работы с туземцами (остяком, самоедином), по существу с основным ловцом на Севере, обучение и приспособление к лову завезенных нами переселенцев (земледельцев), боящихся даже сесть в лодку, канитель с ними, тяжелые ошибки в коллективизации на Севере, повлекшие значительный уход туземца-ловца в тундру, — все это создавало чрезвычайно тяжелые условия в работе»⁷.

План лесозаготовок, согласно протоколу №31 заседания секретариата Тобольского Округкома ВКП(б) от 5.06.1930 года, перевыполнялся. «Констатировать, что план лесозаготовок перевыполнен (лесозаготовки — 135%; вывозка — 125%; экспорт — заготовки и вывозка — 103%)»⁸. Однако в этом же документе отмечается ряд отрицательных моментов, затрудняющих лесозаготовительную кампанию. В их числе «неоднократное изменение лесозаготовительных программ; отсутствие выявленных лесных массивов; необеспеченность рабочих прод. и пром. товарами, спецодеждой и жилищем (вместаемость барakov 1695 — число лесорубов 3665 человек), что повлекло за собой заболелаемость и бегство лесорубов с лесозаготовок (вместо необходимых 3585 человек работало лишь 1900 человек)»⁹.

Огромные пласты документальных материалов по крестьянской ссылке на Север Западной Сибири, в том числе и по первому периоду, хранятся в местных архивах. Многие из них еще не востребованы историками. Вовлечение их в орбиту научных исследований позволит во многом обогатить конкретными сведениями изучение крестьянской ссылки на Обь-Иртышский Север, представляющей немалый интерес для понимания истории нашей страны.

Примечания:

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 347. Л. 72.

² Там же. Оп. 9. Д. 218. Л. 7.

³ Там же. Оп. 8. Д. 347. Л. 147.

⁴ Там же. Д. 347. Л. 217.

⁵ Там же. Оп. 8. Д. 133. Л. 13.

⁶ Там же. Д. 348. Л. 87.

⁷ Там же. Д. 133. Л. 6.

⁸ Там же. Д. 348. Л. 81.

⁹ Там же.

Добрая «Добрая воля»

Был в Тобольске клуб с таким ласковым и обнадеживающим названием. С весны 1986 по осень 1988 я имел к нему самое непосредственное отношение. Позже, когда вчерне была отреставрирована церковь Михаила Архангела, я постепенно отошел от деятельности клуба. О нем тогда много писали, даже и в центральной прессе. Впрочем, в то время была мода на неформальные объединения самого различного толка, в том числе и на политически ориентированные. А в «Доброй воле» никакой особой политики не было. Было добровольное стремление части горожан возродить былую славу Тобольска. Хотя, разумеется, существовали определенные отношения с городскими властями, которые по-разному относились к деятельности клуба. Прямо и непосредственно поддерживал ее тогдашний мэр, как сегодня принято говорить, Тобольска — Аркадий Григорьевич Елфимов. Но если оценивать отношение к клубу городской власти в целом, то оно было весьма прохладным. Не на словах, конечно, а на деле. И это понятно. Действительно, в определенном смысле само существование подобных клубов было своеобразным укором в адрес властей, государства в целом. Представьте себе: группа добровольцев в свободное от работы время совершенно бесплатно восстанавливает церковь. При этом, естественно, на ее долю выпадает самая грязная, трудоемкая, тяжелая работа: выносить скопившийся за многие десятилетия мусор, камни, копать землю. То есть делает она то, что должно было бы делать государство, его нукеры, на словах призывавшие к возрождению памятников, духовных ценностей, а на деле оставаясь ко всему этому равнодушными. Из-за этого и в клубе нередко возникали разногласия: искать ли поддержки у власти или действовать независимо.

Помню, в июле 1988 г. в церкви Михаила Архангела был проведен митинг своеобразного протеста. А поскольку это был первый, возможно, со времен революции митинг в Тобольске, инициированный не «сверху», а «низами», власти города не на шутку переполошились. На митинг прибыли представители городской админис-

трации, горкома КПСС, музея-заповедника, но часть клуба осталась в стороне. Я не хочу сказать, что митинг сыграл решающую роль в возрождении Тобольска, но широкое внимание к деятельности «Доброй воли» он все же привлек.

Иными словами, политические, оппозиционные настроения в клубе иногда вспыхивали. Их гасила в основном основатель и председатель «Доброй воли» Людмила Николаевна Захарова. Наверное, в ее отношении к подобным настроениям была определенная мудрость: во что бы то ни стало ей нужно было сохранить свое детище. И она его сохраняла, даже жертвуя ради этого членством в клубе кого-либо из недовольных. Постепенно, исподволь, его деятельность становилась все более легитимной. Клуб получил признание со стороны городских властей, он стал своеобразным элементом администрации Тобольска, как бы ее народным придатком. Оказалось, что «Добрая воля» действительно добрая — беззлобная и беззубая. Копшатся себе ребятки, ну и пусть копят. Чем бы дитя ни тешилось... Члены клуба уже не собирались и не обитали, как раньше, прямо на месте своей работы. У них появилась собственная обитель — деревянная, довольно-таки вместительная башня на территории Тобольского кремля. И работа, соответственно, сосредотачивалась на той же территории: рыли траншеи, чистили подвалы, белили кремлевские стены. Филиал городской библиотеки перемещался в каменное здание, добровольцы тут как тут: помогали чистить, убирать здание, перевозить книги.

Делали, конечно, доброе дело, ничего не скажешь. Администрация должна была на все эти работы выделять необходимые средства, а тут чудачки за простое «спасибо» все делали. С них на предприятиях и в учреждениях взимались налоги, в том числе и на культурное строительство, а они после трудового дня или в выходные добровольно платили еще один налог. Вот уж действительно полезным изобретением во всех отношениях оказалась «Добрая воля»!

Ради бога, не подумайте только, что я иронизирую. Двусмысленность и ирония заключались в самом существовании клуба. С одной стороны — величие замысла: возрождение Тобольска, пробуждение сознания горожан. С другой стороны — несоизмеримость сил, которыми располагала «Добрая воля», с идеалами, поставшими ее энтузиазм.

Для меня показателем этого было участие студентов в деятельности клуба. Их очень легко зажечь, но если они почувствуют несерьезность и двусмысленность какого-либо мероприятия, то так же легко утасуют. Студентов в клубе почти не было. Позже я понял

почему: идеалы постепенно вырождались, приземлялись, в конце концов, мало чем отличались от будничной суеты, организованной по принципу «подай-принеси».

Действительно, дела клуба постепенно мельчали, его работа все больше напоминала коммунистические субботники прошлого. Уже не было (во всяком случае, у меня) ощущения своего избранного, высокого участия в строительстве Храма. Пришли истинные его строители: к тому времени (конец 80-х) заметно активизировались власти Тобольской епархии. У них было куда больше средств и специалистов по реставрации храмов. И успехов они добились гораздо более ощутимых, чем энтузиасты «Доброй воли». И это естественно: реставрацией культовых сооружений лучше заниматься служителям культа.

Сужение непосредственно физических работ компенсировалось расширением пропагандистской деятельности клуба: проводилась своеобразная инвентаризация памятников деревянного зодчества, организовывались встречи членов клуба с известными людьми города, с представителями духовенства, проводились лектории («Тобольский калейдоскоп»). По инициативе «Доброй воли» был установлен памятник С. Ремезову. Он стоит между бывшим Тобольским централом и кремлем, как бы символизируя собой освобождение от тюремных оков, возврат к высокой духовности, к религии.

Несомненно, что социально-просветительская деятельность «Доброй воли» играла важную роль в установлении связей между всевозможными общественными и официальными организациями в вопросах воспитания интереса жителей города к прошлому Тобольска. Этому служили попытки воспроизведения и сохранения в различной форме отдельных фрагментов его истории. Как-то по телевидению смотрел передачу об организации бала в бывшем доме купцов Корнильевых.

Наверное, было бы интересно непосредственно участвовать в этом шоу. Но я не думаю, что этот бал стал повседневностью Тобольска, хотя бы для элитной части его жителей. Попытки буквального возрождения явлений отжившей культуры всегда носили налет театральности, сценичности. Иначе они и не могут восприниматься в современной жизни. Еще живя в Тобольске, я был убежден, что повседневные жизненные интересы горожан более весомы и значительны для них, чем стремление отдельных энтузиастов сохранить в какой бы то ни было форме прошлое Тобольска. Был уверен, что это прошлое может быть воспроизведено лишь усилиями служителей церкви, в рамках официального православия. Пи-

сал в местной прессе, что реальным отзвуком старины в недалеком будущем Тобольска станет плывущий над городом звон колоколов. Хотя, помню, далеко не все члены «Доброй воли» разделяли эти убеждения. Даже мысль о колокольном звоне многим казалась нереальной и в чем-то крамольной.

Прошло время, многое из того, что когда-то представлялось невозможным, стало повседневностью города. Такова судьба всех начинаний в культуре: являясь поначалу чем-то необычным, экзотическим, может быть, даже революционным, они постепенно становились обыденными элементами массовой культуры. «Добрая воля» — не исключение. С уверенностью и грустью можно утверждать, что она, возникнув как попытка обратить внимание горожан и властей на прошлое Тобольска и сохранить его не только в памяти, но и в реальных объектах, сама стала элементом этого прошлого.

* * *

Очерк о «Доброй воле» будет неполным, если не коснуться внутренней стороны жизни клуба. Как его основатель и организатор, Л.Н. Захарова понимала, что одна только работа на памятниках древнего зодчества не сможет достаточно долго питать энтузиазм добровольцев. Необходимо было совместное проведение досуга. Например, чаепития. Каждый нес на них что мог: пряники, баранки, всевозможные выпечки, варенья. Заваривался чай, все рассаживались за общим длинным столом. Как и в любом кругу сотоварищей, в клубе были и говоруны, и молчуны. Постепенно стихийное поначалу общение тематизировалось, разговор сводился к одному какому-либо вопросу: привлечение молодежи к работе в клубе, отношения его членов с местным духовенством, предстоящие знаменательные даты и т.п. Нередко на чаепития приглашались известные люди. Однажды в городе побывал очень известный тогда писатель В. Распутин и тоже был приглашен в башню. Ближе к лету иногда выезжали за город.

Помню поездку к Абалакскому монастырю, в которой вместе со взрослыми были дети. Веселыми и беспечными казались друг другу участники «вылазки». Думалось, что так будет всегда, что найден какой-то новый для многих, общинный образ жизни. В клубе, с его совместной работой и свободным времяпрепровождением, многие находили утешение, возможность забыть на время о тяготах и неурядицах в личной жизни. Я думаю, что для них эта роль клуба была более существенной и притягательной, чем работа по восстановлению памятников и пропаганда отдельных страниц прошлого Тобольска.

В.А. Мазин

Феномен «Самотлорских ночей»: от декады искусства к универсальной модели фестиваля

Фестиваль «Самотлорские ночи» ныне хорошо известен как социокультурный фактор урбанистического, индустриального¹ процесса, возникший в нефтяном Приобье. Нет сомнения в том, что название саморазвивающегося социокультурного явления, факта самореализации массы городского населения в праздничных действиях появилось как аналог или нечеткий слепок известного в стране ленинградского (санкт-петербургского) фестиваля «Белые ночи». В середине 70-х годов прошлого века в Нижневартовске задавали тон в культурно-просветительной работе выпускники Ленинградской высшей профсоюзной школы культуры (современное название: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов) и Ленинградского института культуры им. Крупской (современное название: Санкт-Петербургский университет культуры и искусств).

Среди лидеров клубоведческих инициатив 1973–1975 гг., безусловно, выделялась опытный культпросветчик, выпускница ЛВПШК, работник ДК «Юбилейный», а в канун организации первого городского мероприятия под названием «Самотлорские ночи» заведующая городским отделом культуры Е.А. Ардашова. Ей удалось сплотить и тех, кому были хорошо знакомы, понятны массовые гуляния на площадях, набережных, концерты в трудовых коллективах деятелей высокого искусства и любителей, парады звезд советской эстрады на открытых площадках и стадионах, обязательные спортивные, игровые мероприятия со школьниками, молодежью, и тех, кто из книг, статей в периодических изданиях представлял обобщенный ленинградский опыт по организации массовых действ. В режиссуре больших клубных форм, когда площади — палитра для творческих поисков, питерцам не было равных. Масштабность июньских мероприятий северной столицы никто не собирался дублировать, повторить «Белые ночи» города на Неве невозможно. Но сам факт празднества, где подтверждались идеи, ценности общекультурного, политического, государственного блага, осознавался в новом городе как потребность.

Только ли одухотворяющий пример ленинградских «Белых ночей» можно считать источником возникновения культурной модели «Самотлорских ночей»? Вряд ли. Растущее новое поселение Нижневартовское ради обновления жизни приобской глубинки рядом со «старым Вартовском» достигло ко второй половине 1960-х годов определенной зрелости в социокультурной динамике. Это стимулировалось задачами нефтедобычи, задачами индустриального освоения таежно-болотного ландшафта, стимулировалось государственной идеологией. Демонстрировался не временный характер поселения, а утверждающийся в статусе города социальный организм, который нуждался в ритуализированном напоминании о действительной важности исторических событий «покорения Самотлора». Представлялась неизменность нравственно-эстетических ориентиров многонационального и многопрофессионального отряда «строителей новой [счастливой и светлой] жизни», как думали многие в ту эпоху, которую позднее назовут эпохой застоя. Формальным поводом для публичных житейских радостей в конце 1960-х — начале 70-х были установленные государством профессиональные праздники, День молодежи, День рационализатора и изобретателя, День физкультурника и другие.

Латинское слово «festum» в буквальном переводе означает торжество, период празднования. Как правило, под фестивалем в наше время мы понимаем ряд праздничных мероприятий, которые чаще всего носят ознакомительно-просветительский, конкурсный или ритуально-идеологический характер. Фестиваль не чуждается массовой развлекательности, но, как правило, развлечения идейно и тематически связаны с другими компонентами. 22 июня 1975 г. — дата рождения нижневартовской модели фестиваля, в то время его назвали *ДЕКАДОЙ «САМОТЛОРСКИЕ НОЧИ»*. О содержании десяти дней скажем далее. Сейчас отметим самостоятельные, местные, истоки фестиваля.

В субботний и воскресный дни 29, 30 июня 1968 года молодежь особенно активно, творчески отдыхала в рабочем поселке Нижневартовском, в котором достраивался 2-микрорайон, изменялся облик улицы Нефтяников, прояснились контуры 5-го микрорайона. В клубе «Нефтяник», который вскоре будет переименован в клуб им. 50-летия ВЛКСМ, днем была развернута яркая торговля тканями, обувью. Как сообщала газета «Ленинское знамя», продавцы магазина «Маяк» представили красивые гирлянды из ситца². В ДК «Юбилейный» прошел яркий ситцевый бал с конкурсом на лучшее платье из этой недорогой, но практичной и популярной ткани.

30 июня большие группы будущих горожан и временных поселян, приехавших в Нижневартовск в составах студенческих строи-

тельных отрядов, на водном трамвайчике отправились на левый берег Оби. В 11 часов на заранее выбранном и обустроенном месте напротив будущего красавца-города официально открылись празднования. После необходимых для советского времени речей и приветствий с азартом были проведены футбольные и волейбольные матчи. Неподалеку от болельщиков желающие могли поиграть в лапту. Массовики проводили шуточные игры, аттракционы. Неизменной спутницей первых летних праздников была, конечно, песня. Сопровождал праздничное мероприятие репертуар эстрадного ансамбля «Радуга» под руководством Валерия Яковлевича Шумилова, автора песни «Самотлор — чудо-озеро». Для отдыхающих пели Юрий Потапов и Владимир Лопаткин, Валентина Иванова, Вера Рычкова, Диана Моисеенко и Марьям Нурмухаметова.

В лето 1968 года для студентов, строивших город на Оби, отдел культуры райисполкома организовал 4 концерта, 13 лекций и творческую встречу с лауреатом международного конкурса Николаем Кондратюком.

Празднование Дня молодежи на левом берегу Оби так понравилось нижевартовцам, что в последующие годы организаторы летнего досуга стремились сделать его традиционным. Утром 28 июня 1970 г. речной трамвай совершил более десятка рейсов с пристани правого берега, доставляя на левое побережье к месту отдыха сотни людей. Волейбол, теннис, городки, перетягивание каната, а также азартные конкурсы создавали веселое настроение, позволяли с пользой провести выходной день на природе. Кстати, в этот день были организованы водные прогулки по Оби на теплоходе ВТТ-3, на палубе которого молодежь танцевала, распевала песни.

Праздник — это открытая форма торжества доминирующих в обществе идей, ценностей, а также открытая форма представления и восхваления бытия, освобожденного от забот повседневности, не ограниченного или мало ограниченного репрессивными функциями власти. Универсальность праздника как социокультурной модели определяется его обязательными и прочными связями с многообразными общественными структурами (возрастными, профессиональными, политическими, художественно-репрезентативными и другими). В празднике участвуют, его характер определяют семьи, классы, этнические и прочие объединения.

Праздник молодежи 1970 года завершался вечером отдыха в ДК «Юбилейный», коллектив которого весной был отмечен грамотой ВЦСПС как победитель Всесоюзного смотра среди культурно-просветительных учреждений профсоюзов. Возглавлял в то время ДК

«Юбилейный» опытный клубник-организатор Николай Сергеевич Нелидов. А заключительное мероприятие молодежного праздника готовили и хорошо провели комсомольцы «Мегионгастроля». Вслед за этим праздником немногочисленные клубные учреждения Нижневартовска продолжали проводить различные мероприятия. На импровизированных сценических площадках в вахтовых и трассовых поселках выступали коллективы художественной самодеятельности клубов, красных уголков, в библиотеках проходили читательские конференции, литературные утренники и вечера.

Особенно интересно было на детских утренниках в ДК «Юбилейный», где появился свой кукольный театр. И это создавало особую атмосферу сказочности, фантастичности. В концертах было немало участников детской художественной самодеятельности. Профессиональный уровень самодеятельности был уже достаточно высоким. Второй отчетный концерт детской музыкальной школы, который состоялся перед каникулами 1970 года (первый прошел в 1969 г.), запомнился надолго. Более 200 детей тогда обучалось в новом здании музыкальной школы, деятельностью которой руководил Юрий Дмитриевич Кузнецов. Подавали большие надежды оркестр и хор. Летом 1970 года в нескольких студенческих строительных отрядах создавались временные концертные бригады. Студенты после трудового дня для себя и для жителей Нижневартовска организовывали досуговые мероприятия. А с 20 июля того же года в нашем крае проходило большое мероприятие, организованное Союзом писателей СССР и посвященное 25-летию Победы: Дни советской литературы в Тюменской области. Маршрут писательских встреч включал и Нижневартовск³. Уже в 1974 году литературные маршруты писателей можно было назвать традиционными. На летней эстраде возле дома культуры «Юбилейный» нижневартовцы встретились с М. Дудиным, К. Лагуновым, А. Кукарским, А. Ананьевым, А. Вознесенским⁴. Интересно, что писатели стремились не только к общению на площадях, в читальных залах библиотек. Так транспонировался опыт литераторов-шестидесятников по вхождению в массы. В то же время писатели непременно хотели встречаться с рабочими на местах нефтяных промыслов, в вахтовых поселках. В обеденные перерывы, в периоды пересменок звучали стихи, отрывки прозы, шли открытые диалоги о роли литературы в преобразовании общественной жизни по законам добра и красоты.

Всякая традиция возникает по ряду причин, имеет несколько истоков. Мне представляется, что в развившуюся во второй половине 1970-х годов традицию встреч нижневартовцев с театральными

ми коллективами весомый вклад внесли актеры Тобольского драматического театра. В начале июля 1969 года в ДК «Юбилейный» артисты старейшего театра Сибири показывали в 16 часов спектакли для детей, а в 20 часов для взрослых. Радовали тобольские артисты соскучившихся по театру нижевартовцев. В июне-июле 1974 г. они показали пять спектаклей⁵.

А молодой город Нижневартовск не переставал обновляться, на улице Пионерской появился первый в Среднем Приобье асфальт⁶. И уже к осени юные жители нефтяной столицы Приобья — самотлорцы — танцевали вальсы на асфальте под оркестр или кем-то принесенный катушечный магнитофон. Об источнике энергии легко договаривались с жителями близко стоявших домов. Какая-то обоюдная доброта и корректность царили в межличностных отношениях горожан. Шумных компаний за полночь фактически не было. Часто можно было видеть прогуливающих молодых людей по неблагоустроенной набережной. Много песен под гитару слушала летняя Обь.

Традиция распространения праздничных мероприятий из строящегося города — нового районного центра на все пространство бывшего Ларьякского района возникла в тот же период конца 1960-х — начала 1970-х годов. Вначале это реализовывалось в форме пролонгации концертных программ коллективов художественной самодеятельности Нижневартовска и приезжих артистов. Выступив на площадках клуба «Нефтяник», ДК «Юбилейный», в красных уголках общежитий, вахтовых поселков, самодеятельные и профессиональные исполнители водным и воздушным транспортом направлялись в клубные учреждения Тархова, Охтеурья, Ларьяка и других деревень. Нередко такие мероприятия назывались шефской помощью, в их финансировании участвовали нефтяные и строительные организации Нижневартовска. Автор этих строк в то время был студентом, каждое лето работал культурным организатором (массовиком) или художественным руководителем в ларьякском сельском Доме культуры. Мы организовывали встречи селян с приезжавшими из Нижневартовска артистами. В свою очередь жители деревень сами откликались праздничными мероприятиями, концертами на инициативы шефов. В июле 1969 года из Нижневартовска на теплоходе до Ларьяка проложили маршрут артисты районного центра. К ним присоединились ларьякские таланты. И далее исполнители песен, танцев, стихов, театральных миниатюр отправились на лодках до рыбацких стойбищ, до древнейшего хантыйского поселения Большой Ларьяк, где в то время работали археологи. От июньского празднования Дня молодежи до июльских торжеств профессионально праздника Дня рыбака в рай-

оне проходило немало интересных мероприятий. Организацией и творческим воплощением многих из них занималась методист районного Дома культуры Лопаткина Нина Петровна.

Нередко культурные события смещались на период от июльского Дня рыбака до августовских праздников физкультурника и Дня строителей. В 1970 году работники районного ДК совместно с агитбригадой клуба «50-лет ВЛКСМ» проехали по району с программой, посвященной 40-летию Ханты-Мансийского округа. Среди талантливых местных артистов был гость — известный поэт, автор стихов популярной в то время песни «Тополя» Геннадий Колесников.

В 1974 году был организован большой выезд культпросветчиков на теплоходе «Антонин Зырянов» в поселки по реке Вах. Тогдашний заведующий отделом культуры Л.В. Соловьев в день отплытия 4 июня принял из рук второго секретаря ГК КПСС В.Д. Салмина «Альбом трудовой славы». На страницах альбома участники агитрейса фиксировали трудовые успехи жителей Нижневартовского района, имена достойных славы и впечатления о своих творческих встречах. Политические обозреватели, врачи, работники пошивочных ателье, журналисты, самодеятельные артисты по пути следования теплохода организовывали целый комплекс досуговых мероприятий. Автору этой статьи, работавшему тогда директором сельского очага культуры, запомнились выставки, беседы специалистов, творческие встречи, проходившие в экс-столице района. Большим концертом на сцене ларьякского Дома культуры закончились два праздничных дня. В концерте участвовали и наши сельские дарования, отмеченные почетными грамотами. В начале июня 1975 года был осуществлен 4-й агитрейс по Оби и Ваху⁷. В нем приняли участие кроме самодеятельных артистов и музыкантов работники службы быта, юристы.

Рождение фестиваля «Самотлорские ночи» вызвано интенсификацией эмоционального климата молодежной среды строящегося города. Слаженный эмоциональный климат, приведший к рождению фестиваля, наиболее эффективно формировался публичными развлечениями. Все «малые» торжества лидерами молодежной среды организовывались как факты борьбы за культуру досуга. Праздничный (как правило, выходной) день не должен быть праздным — незанятым, пустым. Освобожденное от работы, общественных дел время должно быть заполнено творческими делами для себя: физическое и духовное саморазвитие не может быть прерванным, праздник — удовольствием публичной демонстрации творческих способностей. Именно эти качества празднеств учитывались и развивались задолго до официального провозглашения «Самотлорских но-

чей» как формы организации культурного досуга создателей индустриальной эпохи Среднего Приобья.

Духовная жизнь Нижневартовска, который в марте 1975 года скромно отметил третью годовщину присвоения статуса города, была насыщенной. Работало более ста коллективов художественной самодеятельности, функционировали сети государственных и профсоюзных библиотек, постоянно проводились по линии Бюро пропаганды киноискусства встречи с актерами и режиссерами, нередко были концерты артистов Тюменской областной филармонии.

Все вышесказанное показывает, что количественная сторона культурно-просветительной работы должна была перерасти в некое качество. Именно качественным феноменом культурной жизни Нижневартовска через тридцать лет видится факт рождения культурной модели — фестиваля труда, искусства и спорта «Самотлорские ночи». О рождении фестиваля «Самотлорские ночи» В.Д. Салмин писал: «...Сколько потребовалось усилий, чтобы построить открытую эстрадную площадку. Сделать ее рядом с ДК «Юбилейный» силами студенческих строительных отрядов треста «Мегионгазстрой», руководителем которого был Пикман Г.И. Тогда многие иронизировали по этому поводу. Но эта площадка в то время была практически единственным культурным центром. И кто только не выступал на ней: и писатели, и артисты, и ученые, и политические деятели»⁸. В записках бывшего секретаря ГК КПСС вряд ли преувеличены факты личного участия высших партийных деятелей и высоких хозяйственников в формировании праздничной палитры первых «Самотлорских ночей». С.Д. Великопольский лично договаривался о приезде артистов в Министерстве культуры, В.И. Муравленко заказывал и оплачивал самолет, на котором в Нижневартовск был доставлен симфонический оркестр. «Но зато это был грандиозный праздник, получивший широкий резонанс <...> «Самотлорские ночи» стали для нижневартовцев ежегодным общегородским праздником»⁹.

Как было уже сказано, фестиваль в первый год своего существования был представлен как декада «Самотлорских ночей». Особой формообразующей доминантой эта декада не отличалась. Скорее всего, ее организаторы стремились насыщенно актуализировать проблему организации культурного массового досуга. Именно поэтому был объявлен и городской конкурс на лучшее мероприятие¹⁰. В программе декады прошли концерты участников художественной самодеятельности и профессиональных артистов, устные журналы, праздник выпускников школ, массовая сдача норм ГТО, водно-спортивные соревнования, показательные выступления штангис-

тов, гонки на картингах, конкурс детского рисунка на асфальте, торжественная манифестация в День молодежи, выставки-продажи литературы, танцевальные вечера и другие разнотемные мероприятия. Один из устных журналов, организованный зав. библиотекой №2 Августой Григорьевной Поспеловой в красном уголке общежития №19 под названием «Человек славен трудом», был наиболее удачным¹¹. 29 июня на проспекте Космонавтов (новое название: пр. Победы) горожане увидели показательные катания на картингах воспитанников секции клуба «Юных техников», которой руководил работник Нижневартовской тракторной конторы Виталий Владимирович Гладышев¹².

В программе первых «Самотлорских ночей» талант рисовальщиков по теме «Мой город» представили дети шести-семи лет. Интересно, помнят ли нынешние взрослые дяди и тети содержание своих рисунков. Тридцать лет тому назад воспитанники детского сада №20 под руководством методиста А.С. Потиеенко стали победителями. На июньском асфальте 1975 года возникли исторические зарисовки Олега Кулакова («Покорение Самотлора»), Лены Кузнецовой («Пионерский лагерь»), Саши Спесова («Прощание с детством»). Журналистом, следившим за соревнованием юных художников, отмечены работы воспитанников детсада №6: Ильдара Фаттахова («Техника на Самотлоре»), Светы Бускиной («Река Обь»), а также юного мастера городского пейзажа из детсада №4 Володи Варламова («Строится город»)¹³. Включение в декаду мероприятий разной тематики, дифференцированных по возрасту, профессиям, интересам аудитории, — это те параметры, которых будут придерживаться многие годы организаторы фестиваля. «Самотлорские ночи» в конце 1970-х годов превратятся в своеобразный отчет учреждений культуры, профсоюзных комитетов, молодежных объединений перед населением города.

О рождении фестиваля жители Среднего Приобья узнали в июне 1976 года. Как информировала газета «Ленинское знамя», по инициативе горкома КПСС и горисполкома в Нижневартовске с 17 по 27 июня проводится фестиваль «Самотлорские ночи»¹⁴. В открытии фестиваля приняли участие композитор Э. Колмановский, дирижер Б. Карамышев. Впервые был поднят как символ флаг фестиваля, что было предоставлено сделать Николаю Павловичу Нежданову в окружении именитых деятелей искусства. В целом программа фестиваля мало отличалась от проходившей годом раньше декады: нижневартовцев приветствовали самодеятельные артисты Сургута, Нефтеюганска, пос. Стрежевого; праздник выпускников дополнился профессиональным праздником медицинского работника. Одним из самых яр-

ких был третий день фестиваля, когда на обозрение горожан представлялась программа «Самотлорская свадьба». Возле Дома бракосочетания расписывались в официальных документах и клялись в верности друг другу 17 молодых пар. Интересно, что в Нижневартовске 1976 года ежемесячно заключалось около 80 браков¹⁵. В молодом городе, конечно, надолго прижился обряд многолюдной, общегородской свадьбы. С открытием памятника покорителям Самотлора, который в народе называли Алешей, все новобрачные ехали на загородное кольцо — развилку дорог на Мегион и Самотлор. Здесь к памятнику возлагали цветы, гости и молодожены выпивали по бокалу шампанского. Далее праздновали свадьбы все пары по-разному. Молодежные активисты отмечали комсомольские свадьбы в кафе «Юность».

В следующие годы в программах фестиваля появились новые мероприятия: праздники микрорайонов, фотовыставки, торжественные регистрации новорожденных, праздники народного творчества, конференции кинозрителей, встречи со старожилами района, концерты юных музыкантов и др. В июне 1979 года проводился пятый фестиваль, который, по решению ГК КПСС, посвящался 50-летию Ханты-Мансийского округа. Открытие фестиваля проходило на городской летней эстраде. И право поднять флаг фестиваля было предоставлено художественному руководителю самодеятельности СУ-909 Юрию Плотникову, творческие коллективы этого строительного управления вместе с коллективами ДК «Октябрь» стали победителями конкурса юбилейных мероприятий. Хотя юбилей округа отмечался в декабре, органы власти по настоянию партийных руководителей, видимо, торопились как-то обозначить развлекательные блоки фестиваля политической эмблемой. Однако данное «приурочивание» праздничных действий к будущей политической юбилейной дате ничуть не изменило характера и содержания фестиваля. Насколько помню, даже районный отдел культуры не был озадачен необходимостью конкретизировать мероприятия сельских клубов темой государственного строительства на этнической территории ханты и манси. В связи с этим можно было бы привести массу примеров активной клубной работы к 40-летию Ханты-Мансийского округа. Но через 10 лет мало кто говорил о сущности сохранения и развития культур коренных жителей Югры. Впрочем, было достаточно праздных слов о равенстве народов, о торжестве ленинской национальной политики.

На праздниках микрорайонов Нижневартовска с наспех построенных сценических площадок выступали несколько тысяч участников художественной самодеятельности. В дни фестиваля провели торжественное имянаречение стотысячного жителя города. Большой инте-

рес вызвал кинофильм «Трасса», снятый в Нижневартовске. В зале школы искусств гастролировал коллектив Куйбышевского академического драматического театра. Показывали «Старомодную комедию» А. Арбузова, спектакль вызвал неподдельный интерес нижевартовцев, билетов всем желающим не хватало. Исключительный успех выпал на долю гостей из Москвы: Ансамбля скрипачей и Ансамбля электромузыкальных инструментов Центрального телевидения и Всесоюзного радио под руководством засл. артиста Российской Федерации В. Мещерина. Из Киева прибыл ВИА «На крыльях песни». Его четыре концертных выступления в ДКН «Октябрь» молодежь Нижневартовска сравнивало с концертами местных ВИА, чей уровень был уже достаточно высоким. Тогда еще никто не мог представить выступления солистов, музыкантов под фонограммы, все делалось, как ныне говорят, вживую. «Северяне» из СУ-909, «Наследники» из объединения «Сибнефтегазпереработка» давали отдельные концерты в городе, в вахтовых и трассовых поселках, выступали в программах сводных концертов. Они играли на вечерах танцев, которые проводились на городской площади в конце каждого дня фестиваля.

Анализируя программу 5-го фестиваля «Самотлорские ночи», можно сделать выводы о том, что содержательное поле мероприятий стало сужаться вокруг представления видов искусств. Массовые тематические мероприятия становились скорее необходимой атрибутикой для отчетной документации, чем самостоятельными *произведениями* специалистов клубной драматургии, мастеров режиссуры массовых действ. Постепенно фестиваль стал ограничиваться тем, что тематические мероприятия — лишь повод встретиться с полюбившимися артистами, потанцевать.

Продолжительность фестиваля ограничилась неделей: от субботы до субботы. В названии четко обозначилась предметность торжества. В 1980 году универсальная социокультурная модель многодневного праздника была представлена как ФЕСТИВАЛЬ ИСКУССТВ «САМОТЛОРСКИЕ НОЧИ». Ежедневная программа художественно-эстетических встреч, торжеств изящного с 21 по 28 июня была представлена Борисом Приходько¹⁶. Открытие фестиваля состоялось в 19 часов на летней эстраде ДК «Юбилейный» большим эстрадным концертом «Я лечу над Россией». Но раньше, в 16 часов, в ДК «Октябрь» проходил праздник имянаречения. Первый день фестиваля заканчивался большим вечером танцев у «Октября», молодежь веселилась под репертуар ВИА «Радость».

В городе и поселках района гастролировал театр-студия из города на Неве «Время», из Орла на праздник поэзии приехал поэт

Игорь Крохин. Особый интерес нижевартовцев вызвала встреча с правнуком великого русского поэта Г.Г. Пушкиным. А в центральной городской библиотеке прошла читательская конференция по книге тюменского писателя Константина Лагунова «Больно берег крут» в присутствии автора. Из Тюмени же в дни фестиваля прилетел ансамбль скрипачей областной филармонии. Давнюю дружбу продемонстрировал Тобольский драматический театр, который в ДК «Юбилейный» порадовал детскую публику спектаклями «Кот в сапогах», «Карлсон снова прилетел», а для взрослой аудитории показывал «Гнездо глухаря» В. Розова, «Свадьбу Кречинского» А. Сухо-во-Кобылина, драматические сцены «А на заре они проснулись» по В.М. Шукшину. Все, кто помнит фестивальную неделю 1980 года, едва ли забыли заключительный концерт «Я эту песню посвящаю тебе, товарищ Самотлор!» — в нем ярко, с высоким чувством гармоничного сочетания разножанровых произведений в одном сценическом действии, с большим уважением к зрителям блистали таланты гостей и хозяев фестиваля.

Всякая социокультурная модель не может существовать вечно, она устаревает быстрее, чем стареет поколение, бывшее свидетелем рождения модели. Фестиваль нуждался в обновлении и принимал разные обновляющие формы. Уже в восьмидесятые годы прошлого века он изменял определенность: именовался *фестивалем труда и искусств «Самотлорские ночи»* и как *фестиваль труда, искусства и спорта «Самотлорские ночи»*. Неизменными были ценностная ориентация к достойному культуросообразному досугу молодежи, прочная связь фестивальных мероприятий с высоким профессионализмом мастеров искусств. И, конечно, неизменной была красота светлых нижевартовских (самотлорских) ночей.

Универсальная модель культурной активности горожан продолжает демонстрировать уровень духовности жителей Нижневартовска, уровень их материального достатка. В мероприятиях фестиваля выражаются ценностные парадигмы запросов юных, зрелых и пожилых нижевартовцев. Сложная структура многонационального населения с разными профессиональными интересами в наши дни осложнена воздействием квазикультурных стереотипов, которые представляют средства массовой информации. Эти мнимокультурные устойчивые образы растворяются в среде учебных заведений, дворов, мест неформального общения (баров, кафе и т. д.). Это обстоятельство требует от организаторов постоянного совершенствования методики проведения любых мероприятий коммуникативного характера, в том числе праздников, где слишком зна-

чимо общение, где объекты воздействия организаторов легко переходят в субъекты и конкурируют с ведущими, исполнителями качественными способностями воздействия.

Всякое совершенствование, обновление рождается на базе прошлого опыта. Оттого, думается, назрела необходимость в научном освещении, изучении феномена «Самотлорских ночей». Это позволит современным специалистам — организаторам досуговой деятельности с уважением относиться к опыту предшественников и в практике своей допускать меньше ошибок. В нынешних условиях ничуть не легче придумать, спланировать и воплотить мероприятие. Существует немало профессиональных приемов, которыми должен владеть специалист. Но кроме этих приемов имеются базисные законы существования массовой социокультурной модели. Некоторые из них в описательной форме с примерами автор статьи пытался репрезентировать. Среди них выделены закон стремления культурной модели к самосохранению, закон содержательной самодостаточности универсальной модели, закон активного взаимодействия субъектов и объектов творчества, закон перспективного функционирования инноваций в рамках стареющей модели.

Примечания:

- ¹ В литературе закрепился термин: урбано-индустриальный процесс.
- ² Ленинское знамя. — 1968. — 4 июля.
- ³ См. подробно: Ленинское знамя. — 1970. — 30 июля (материал подготовлен В.М. Пятуровой).
- ⁴ Ленинское знамя. — 1974. — 30 июля.
- ⁵ Ленинское знамя. — 1974. — 6 июля.
- ⁶ Ленинское знамя. — 1974. — 4 июля.
- ⁷ Ленинское знамя. — 1975. — 6 июня.
- ⁸ Салмин В.Д. Нас собрал Самотлор. — Сургут, 1998. — С. 125.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: Ленинское знамя. — 1975. — 27 июня.
- ¹¹ Ленинское знамя. — 1975. — 1 июля.
- ¹² Рафиков С. Первый выезд картингистов // Ленинское знамя. — 1975. — 3 июля.
- ¹³ Сафин Р. Рисунки на дороге // Там же.
- ¹⁴ Ленинское знамя. — 1976. — 16 июня.
- ¹⁵ Ленинское знамя. — 1976. — 19 июня.
- ¹⁶ Приходько Б. Здравствуй, фестиваль! // Ленинское знамя. — 1980. — 20 июня.

Часть III. Социология.
Библиотековедение

Л.Г. Скульмовская

Региональная система образования Югры в российском социокультурном пространстве

Образование в современном обществе является одним из основных механизмов трансляции социального опыта. Как составная часть социокультурного пространства, оно выступает в качестве индикатора духовной культуры территории. Основная функция образования в обществе состоит в обеспечении процессов трансляции культуры, с одной стороны, и процессов социализации подрастающего поколения — с другой. Существующие традиционные концепции образования становятся неэффективными, поэтому необходим новый взгляд на образование как подсистемный элемент культуры. Важной особенностью реформ, проводимых на протяжении последнего десятилетия, является их регионализация и федерализация. В практической деятельности это означает перенос основных преобразовательных мероприятий на уровень региона с учетом их специфики и интеграции в едином экономическом пространстве. Преобразования в регионах оказывают существенное влияние на социокультурную ситуацию в муниципальных образованиях.

В настоящее время перед российским обществом стоит задача создания и реализации концепции непрерывного развивающего образования, которая учитывала бы социокультурную ситуацию страны. В системе образования России происходят процессы регионализации (децентрализации), связанные со спецификой подготовки профессиональных кадров для отраслей производства, развивающихся в данном регионе, поэтому предоставляемые возможности получения образования — один из существенных элементов, составляющих потенциал духовной культуры региона.

Регионализация образования означает развитие региональной системы образования, превращение ее в самостоятельную сферу. В условиях регионализации образования особую значимость приобретает единство образовательной системы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Взаимодействие федеральных и региональных структур в области образования позволяет решить ряд задач:

- формировать единое образовательное пространство в России;
- создавать экспериментальные площадки как базы отработки механизмов развития российского образования на региональном и муниципальном уровнях;
- решать социально-экономические, этнокультурные, регионально-образовательные проблемы;
- осуществлять наполнение базисного учебного плана содержанием местного значения (национально-региональный компонент);
- удовлетворять образовательные потребности населения, различных социальных групп и др.¹

Реализация программы регионализации образования предусматривает создание условий для автономного функционирования и развития региональных образовательных систем в соответствии с социально-экономическими, культурными, образовательными потребностями регионов. На этой основе идет обогащение единой общероссийской системы образования и ее функционирования.

Основное содержание проводимой политики регионализации образования заключается в наделении региона правом выбора собственной образовательной стратегии, создания и осуществления собственной программы развития. Важнейшим путем совершенствования системы образования в России на региональном уровне является возможность принятия региональных законодательств в области образования. Одной из задач, обозначенных в концепции регионализации и развития профессионального образования в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, является выявление образовательных потребностей и запросов населения и то, в какой мере они удовлетворяются существующими учреждениями профессионального образования². Образовательные запросы и потребности формируются под воздействием различных факторов экономической, социокультурной и политической жизни населения региона. Большую роль в формировании и изменении данных запросов играют управленческие цели перепрофилирования организационно-деятельностной структуры и развития форм организации экономической деятельности региона.

В начале 90-х годов руководством округа было осознано, что в условиях глобального кризиса общественно-политической и экономической системы страны разрозненные шаги по совершенствованию существующей отрасли образования окажутся неэффективными, поэтому необходимо было решить: продолжать и далее подстраиваться к внешним по отношению к отрасли изменениям или

выработать собственную политику по превращению образования из «непроизводственной отрасли» в важнейший фактор производства и общественных отношений. Сравнивая в настоящее время образование Югры с некоторыми регионами России, можно сказать, что оно получило значительное опережение по сравнению с другими ведомствами и отраслями.

Социокультурное пространство Югры включает все виды образовательных услуг: от дошкольного образования и воспитания до высшего и послевузовского образования. Образовательная школа — основа системы образования, и наряду с институтом семьи она является базисом становления личности, поскольку призвана обеспечить освоение учащимися богатств накопленной человечеством культуры.

В современных условиях образовательная политика Ханты-Мансийского автономного округа включает три компонента:

- 1) общественные и социально-культурные проблемы, на решение которых нацелено образование;
- 2) систему экспериментальных и инновационных площадок в отношении к массовой школе;
- 3) систему служб и обеспечивающих механизмов, нацеленных на гарантированное освоение стандартов образования в округе³.

Особенностью образовательного процесса в округе является обучение детей коренных народов, сочетание общепринятых образовательных программ с уроками национального языка и практически занятиями, традиционными видами деятельности.

В 2004–2005 учебном году общеобразовательные школы ХМАО переходят на новую систему профильного образования. Это один из ключевых моментов модернизации системы российского образования. В рамках эксперимента учащиеся с неполным средним образованием смогут выбрать для себя одно из шести направлений, которые им предстоит более углубленно изучить в 10–11 классе: гуманитарное, физико-математическое, естественно-научное, агротехнологическое, оборонно-спортивное или художественно-эстетическое. Те учащиеся, кто не пожелает переходить на профильное обучение, могут продолжать учебу в универсальных общеобразовательных классах, которые сохраняются во всех школах.

В настоящее время на территории округа сформирована собственная система высшего образования как необходимый элемент реализации его долговременной стратегии, предполагающей комплексное развитие производства и социальной сферы. Высшее образование Югры представляет собой постоянно растущую, формирующуюся систему. В округе работают два университета (Югорский и Сур-

гуский), два пединститута (в г. Сургуте и г. Нижневартовске) и 56 филиалов вузов из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Тюмени, Омска и других городов Российской Федерации. Несмотря на относительную «молодость», по итогам 2003 года нижевартовский и сургутский государственные педагогические институты заняли соответственно первое и второе места в рейтинге педагогических вузов России. Критерии включения в рейтинг были достаточно жесткими. В общем официальном рейтинге педагогических и лингвистических вузов РФ (их 80) Нижневартовский педагогический институт занял 35 место, а Сургутский — 38. Они находятся впереди старейших вузов гг. Тобольска, Ишима Тюменской области. В общероссийском рейтинге, безусловно, лидируют столичные вузы⁴. Квалификационная структура научно-преподавательских кадров дает возможность оценить состояние научного потенциала региона. Обычно квалификационный состав кадров науки формально определяется присвоенными учеными степенями и званиями. Например, в Нижневартовском государственном педагогическом институте число преподавателей с ученой степенью составляет более 61,5% от общей численности профессорско-преподавательского состава, из них 8,8% — доктора наук.

Для сравнения обратимся к общероссийским показателям. С целью оценки состояния вузовской науки Центром социально-политических исследований Госкомвуза РФ в различных структурах высшей школы был проведен сравнительный анализ уровня квалификации вузовского сектора России (исследование проводилось в 1994 г. в 10 городах России). Полученные данные свидетельствуют о том, что 31,5% сотрудников кафедр вузовского сектора не имели в то время ученой степени, 60,1% имели ученой степень кандидата наук, 8,4% — доктора наук⁵. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что высшие учебные заведения ХМАО приблизились к общероссийским показателям, хотя они функционируют немногим более десяти лет.

В циркумполярном измерении образовательное пространство северных территорий включает в себя элементы особой арктической цивилизации и культуры: этническое разнообразие, различия в языках, высокая степень вестернизации и т.д. В связи с этим университеты Югры вовлечены в исследование этнических и цивилизационных вопросов, возникающих в процессе освоения Севера; в решение комплекса проблем образования коренных народов Севера; в подготовку специалистов высшей квалификации.

Особое значение в современных условиях приобретает социологический анализ проблем и противоречий системы функциониро-

вания высшей школы в России. Каждый регион имеет свою специфику и потребность не только в определенном наборе специалистов, но и в адекватности их профессиональной подготовки для данной территории. Нельзя не осознавать того обстоятельства, что провинциализация вузов может способствовать развитию негативных тенденций:

- 1) рассогласованию учебных программ базового и профильного образования;

- 2) снижению престижности преподавательского труда, деформации процесса обновления и ротации педагогических кадров в региональном вузе;

- 3) ослаблению системы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава,

- 4) недостаточному обеспечению научной и учебно-методической литературой.

Региональную образовательную систему следует характеризовать с точки зрения, по крайней мере, двух внешне противоположных подходов: с одной стороны, удовлетворение разнообразных образовательных запросов населения, создание условий для самореализации, а с другой — выполнение современного социального заказа, социализации, вхождения в условия рынка, свободной конкуренции, свободного выбора.

На этапе становления одним из серьезных недостатков экономического и социального развития северных городов считалось невнимание к профессиональной подготовке местной молодежи. Только одна треть выпускников Югры могла получить профессиональное образование в своих городах, поэтому при разработке концепции социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа одним из главных принципов стала подготовка кадров на местах и развитие сети учреждений профессиональной подготовки: вузов, техникумов, ПТУ, то есть предоставление широкого выбора специальностей, необходимых на Севере.

Если длительное время одной из серьезных издержек экономического и социального развития новых северных городов считалось недостаточное внимание к профессиональной подготовке местной молодежи, то сейчас существует другая проблема — учебных заведений слишком много, и вахтовый метод, которым работают преподаватели этих вузов, не всегда дает достаточно прочные знания.

В настоящее время одним из важных противоречий в развитии системы образования является противоречие между потребностями хозяйственного комплекса региона в структуре кадров по про-

фессиям и их реальными предложениями со стороны профессиональной образовательной системы. Увеличение затрат на подготовку специалистов, более широкий ассортимент образовательных услуг, оказываемых вузами зачастую с целью пополнения финансовых ресурсов, повлекли за собой дублирование специальностей в профессиональных образовательных учреждениях региона. Кроме того, наблюдается противоречие между новыми производственными отношениями в условиях рыночной экономики, с одной стороны, и невостребованным потенциалом выпускников высших учебных заведений — с другой⁶.

Одной из задач, которую необходимо решать в округе, является ориентация системы образования не только на профессии нефтедобывающей отрасли, но и на подготовку специалистов сфер энергетики, строительства, лесного, деревообрабатывающего, агропромышленного производства, работников социально-культурной сферы и управления и др. Отставание строительства учебных заведений определяет неравномерность в развитии северных городов, относительную бедность их социальной и культурной среды. Учебные заведения, помимо своей образовательной функции, закрепляют население в городе.

Анализ организации профессионального образования в новых северных городах подтверждает общие тенденции в системе подготовки кадров рабочих и специалистов в Тюменском регионе в целом. В то же время проявляется некоторое своеобразие, которое объясняется определенной специфичностью городов: монопрофильность в экономике, деформированная социально-экономическая структура, ослабление производственно-хозяйственных связей, безработица, что оказывает существенное влияние на формирование и развитие их образовательной инфраструктуры.

В настоящее время в сфере образования нормативно закреплено сочетание государственной и негосударственной систем среднего и высшего профессионального образования. В практику образовательных учреждений интенсивно вводятся инновации, касающиеся направлений и самого процесса обучения. Но вместе с тем значительное число молодежи в силу материальных причин лишено возможности получить высшее образование. Сама молодежь, отмечая значимость таких социокультурных функций школы, как получение минимума знаний и подготовку к учебе в вузе, считает, что недостаточно реализуются ее функции, связанные с помощью учащимся в развитии их способностей и качеств делового человека, подготовке к выбору профессии, к браку и семейной жизни.

При изучении региональной системы образования мы опирались на ряд проведенных нами социологических опросов, среди которых особое значение для раскрытия проблемы имеют:

а) опрос в 2002 г. по представительной выборке 1100 северян в возрасте от 15–16 лет и старше в 10 городских и сельских поселениях Югры, основным предметом исследования которого являлись деятельность и функционирование институтов образования и культуры в городах и поселениях Тюменского Севера в современных условиях;

б) в тех же городах и поселениях были опрошены 115 экспертов. В качестве таковых были выбраны руководители окружных, областных, городских и районных подразделений, ведающих вопросами культуры и связанных с организацией функционирования институтов и учреждений образования, культуры, спорта, воспитания молодежи.

Обратимся к материалам данного регионального исследования, где ключевыми являются вопросы, связанные с проблемой образования и воспитания молодежи, с отношением родителей к получению общего среднего и высшего образования их детьми. В соответствии с результатами исследования только 2,3% опрошенных считают, что заканчивать среднюю школу необязательно, практически такая же группа респондентов полагает, что достаточно лишь среднего образования, и 94% опрошенных уверены, что после школы нужно еще учиться дальше. Не случайно ХМАО считается одним из немногочисленных регионов Российской Федерации, где уровень образования населения достаточно высок, по крайней мере, выше общероссийских показателей. Мнение о необходимости продолжения обучения разделяют 98% экспертов. По городским и сельским поселениям от 94% до 98% населения считают, что после школы нужно учиться дальше, исключение составляет п. Вата, где только 71% респондентов придерживаются данной позиции.

Однако сегодня нередки случаи, когда преуспевающими в бизнесе, жизни становятся люди, не имеющие даже среднего образования. В связи с этим респондентам был задан вопрос «Обязательно ли сегодня молодым людям получать высшее образование для того, чтобы добиться успеха в жизни?» О том, что высшее образование просто необходимо, заявили 73% экспертов и 74% населения в целом по округу. «Иметь диплом желательно, но можно прожить и без него» — считают 17% экспертов и 18% опрошенных в целом. «Учиться в вузе необязательно для успеха в жизни» — считают 8% экспертов и 4,4% опрошенных в целом по массиву, 4,2% респон-

дентов затруднились ответить на вопрос. Эти данные свидетельствуют о высоком уровне престижа высшего образования среди населения северных городов, вероятно, поэтому родители отправляют своих детей получать высшее образование либо на «материке», либо в имеющиеся в большом количестве государственные и негосударственные вузы и их филиалы в своих городах.

На наш взгляд, несомненный интерес представляют данные опроса аналитического центра Ю. Левады⁷, касающиеся выбора родителями профессии своих детей, внуков и их предпочтений. Удивительно, что до сих пор большим престижем среди родителей пользуются профессии экономиста и юриста (24%), программиста (18%), врача (17%), 14% респондентов хотели бы видеть своих детей предпринимателями, 11% — директорами банков, 8% военными или спортсменами, и лишь 6% мечтают для своих детей и внуков о профессии артиста, музыканта, художника, писателя, журналиста, то есть представителей творческих профессий. Однако, несмотря на тот факт, что рынок труда уже насыщен экономистами и юристами, данные профессии до сих пор занимают первые позиции в рейтинговой таблице.

Поскольку ряд вопросов был связан с проблемами семьи и семейного воспитания, то мы посчитали целесообразным задать частный вопрос, касающийся необходимости преподавания в школе предмета «Этика и психология семейных отношений». О необходимости его введения в школьную программу заявили 70% экспертов и населения в целом, против высказались лишь 1,6% респондентов, а больше доводов против, чем за, у 3,5% опрошенных. Таким образом, 94% (вместе с теми, у кого доводов больше за, чем против) считают необходимым получать знания по этике и психологии семейных отношений. В целом по городским и сельским поселениям картина не имеет существенных различий.

Уровень развития сферы науки — один из главных показателей духовного потенциала территории. Однако именно научная сфера как никакая другая подвергнута влиянию центр-периферийных отношений. Подобно любому другому виду деятельности наука должна рассматриваться в общем социокультурном контексте. Хотя Югра находится на периферии, т.е. вдали от крупных культурных, образовательных и научных центров, в ее столице — г. Ханты-Мансийске — начал формироваться не имеющий аналогов в России научно-образовательный центр, в состав которого уже вошли центр управления ресурсами территории, Югорский университет, физико-математическая школа, Научно-исследовательский институт инфор-

мационных технологий. Его создание позволило привлечь известных ученых из академических центров Москвы, Новосибирска и зарубежных университетов. В ХМАО науку представляют 56 научно-исследовательских институтов и инженерных центров. Стала достоянием общественности информация о том, что Российская Академия наук будет оказывать помощь в развитии научно-образовательного комплекса Югры. Договор об этом был заключен между губернатором округа А.В. Филипенко и представителями Сибирского отделения Российской Академии наук. В договоре также участвуют Югорский научно-исследовательский институт информационных технологий и Новосибирский государственный университет. В современных условиях наука ХМАО становится фактором экономического роста, а локальные научные сообщества — более влиятельными не только на территории региона, но и на общероссийском уровне.

Именно образование, как один из главных социальных институтов, ответственно за организацию общего духовного пространства территории. В категории пространства фиксируется мера соответствия мира человеку и человека миру, а это актуализирует использование пространственных представлений в образовании. Термин «образовательное пространство» часто используется в связи с обозначением той части социального пространства, в рамках которого обществом осуществляется образовательная деятельность. Достаточно популярен в современных исследованиях термин «образовательная среда». Например, И.Г. Шендрик, анализируя имеющиеся в настоящее время пространственные представления в психолого-педагогических исследованиях, определяет пространство как освоенную человеком среду (природную, культурную, информационную и т.д.), указывая при этом на нетождественность понятий «среда» и «пространство». По его мнению, среда — это данность, которая не является результатом деятельности индивида, а пространство, напротив, появляется в процессе освоения человеком этой данности. При этом образовательное пространство складывается не само по себе, а лишь при возникновении специально организованной специфически человеческой деятельности⁸.

Концепция единого образовательного пространства ХМАО предполагает взаимодействие различных ведомств и учреждений округа в рамках существующих программных документов, а «Комплексная программа развития образования Ханты-Мансийского автономного округа на 2000–2005 годы», разработанная на основе анализа тенденций социально-экономического развития региона, рассчи-

тывает на достижение к 2005 году нового качества состояния образовательного пространства Югры. В результате реализации данной программы образовательная среда должна обеспечить социально-культурную преемственность как базу для стабильного и комплексного развития Югры в качестве постоянного проживания ее населения, направленность системы образования на удовлетворение запросов социума, интересов России и регионального сообщества.

В настоящее время на территории Югры создан и действует образовательный информационный портал, направленный на создание условий для повышения качества и доступности образования для всех категорий населения, его основное предназначение — формирование единого информационного пространства в области образования и науки.

Примечания:

- ¹ Лоншакова Н.А. Высшее образование: проблемы регионализации в современной России. — Чита: Поиск, 2002. — С. 60.
- ² См.: Программа профессионального образования ХМАО: концептуальные модели развития и пути их реализации / Науч. ред. Н.Н. Карнаухов, А.Н. Силян. — Тюмень: Вектор БУК, 1997.
- ³ См.: Комплексная программа развития образования Ханты-Мансийского автономного округа на 2000–2005 годы / Главное управление общего и профессионального образования ХМАО, ТГУ, Тюм. науч. центр РАО; Науч. ред. Г.Ф. Кудев, В.И. Загвязинский, Л.Н. Паукова. — Ханты-Мансийск, 2000.
- ⁴ Лучшие вузы в Югре //АиФ в Западной Сибири. — 2004. — №25. — С. 4.
- ⁵ См.: Шереги Ф.Э., Харчев В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. — М.: Юрист, 1997.
- ⁶ Лоншакова Н.А. Указ. изд. — С. 225.
- ⁷ Соцопрос //АиФ. — 2004. — №25.
- ⁸ Шендрик И.Г. Образовательное пространство субъекта и его проектирование. — М.: АПКИПРО, 2003. — С. 10.

Нижневартовск в цифрах и мнениях

Город Нижневартовск занимает площадь 270 квадратных километров. Численность населения составляет около 240 тысяч человек, из которых более 115 тысяч трудятся на предприятиях и в организациях города всех форм собственности. Нижневартовск — это крупный промышленный, культурный, деловой центр.

История города берет начало с 1909 года, когда на правом берегу Оби, по свидетельству старожилов и краеведов, появилась деревянная пристань, причал. К ней стали приставать купеческие пароходы, чтобы запастись дровами. В переводе с языка коренных жителей название пристани «Нижневартовская» означает «в низовьях и на излучине реки».

В январе 1924 года был образован Нижневартовский сельский совет. 29 сентября 1964 года село Нижневартовское преобразовано в рабочий поселок. А 9 марта 1972 года поселок получил статус города. В настоящее время Нижневартовск — это второй по величине город Ханты-Мансийского автономного округа.

Город Нижневартовск воздвигнут на правом берегу сибирской реки Обь в 800 км от Тюмени и 400 км от Ханты-Мансийска. На территории множество озер самой разной величины. Самотлор, как самая крупная жемчужина нефтяного ожерелья региона, обрамлен десятками более скромных по запасам подземных кладовых.

Главным градообразующим фактором Нижневартовска является нефтедобывающая промышленность. Большинство других предприятий дополняют и обеспечивают ее функционирование. В городе сформирована крупная база производственной индустрии: строительные организации, ремонтные фирмы, предприятия материально-технического снабжения. В последнее время быстро развивается малый и средний бизнес. Успешно функционируют предприятия местной промышленности, в обеспечение населения продуктами питания вносят вклад крестьянско-фермерские хозяйства.

В Нижневартовске создана комплексная система социальной защиты населения. Уникален опыт работы муниципальных учреждений социальной направленности!

Город Нижневартовск по праву можно назвать сегодня культурным центром региона. Его отличает от других городов Ханты-Мансийского автономного округа наличие относительно развитой сети культурных и образовательных институтов, укоренившихся культурных традиций. В городе функционируют альтернативные учреждения культуры, созданы духовно-просветительские организации и национальные общественные организации, основная цель которых заключается в сохранении языка, культурного наследия, обычаев и традиций своего народа, действуют общественные движения и различные политические партии².

Многолетние наблюдения за социально-экономическим самочувствием жителей г. Нижневартовска свидетельствуют об относительно³ благополучии его населения. По данным опроса, проведенного в январе 2005 года, «жизнь, которую ведут» вполне устраивает и по большей части устраивает 40% опрошенных в Нижневартовске и только 22% жителей других регионов России. По большей части не устраивает и совершенно не устраивает жизнь 18% опрошенных в г. Нижневартовске и 37% — в России (См. табл.1).

Таблица 1

Если говорить в целом, в какой мере устраивает жизнь, которую ведут нижевартовцы и россияне (в % к числу опрошенных)

	Январь 2005			
	Нижневартовск (N=1300)		Россия ⁴ (N= 2107)	
вполне устраивает	16	40	6	22
по большей части устраивает	24		16	
отчасти устраивает, отчасти нет	38	38	40	40
по большей части не устраивает	11	18	21	37
совершенно не устраивает	7		16	
затрудняюсь ответить	3	3	2	2

Таблица 2

Если говорить в целом, в какой мере устраивает жизнь, которую ведут (в % к числу опрошенных)

	устроивает	отчасти устраивает, отчасти нет	не устраивает
мужской	42	34	20
женский	39	41	17
Сумма:	40	38	18

Нижневартовские мужчины о своей жизни высказываются более определенно, чем женщины, среди них меньше тех, кого жизнь отчасти устраивает, отчасти нет. Но среди мужчин больше тех, кого жизнь «устраивает», и больше тех, кого она «не устраивает» (по сравнению с женщинами) (См. табл. 2). Что касается российских мужчин и женщин, то среди них примерно одинаковое число довольных своей жизнью, в то же время недовольных значимо больше среди женщин, чем среди мужчин (37% против 29%). Данные свидетельствуют о хорошей самореализации нижневартовских женщин.

Чем старше респондент, тем чаще его жизнь не устраивает. Средний возраст тех нижневартовцев, кого жизнь вполне устраивает, — 33,5 лет; по большей части устраивает — 34,1 лет; отчасти устраивает, отчасти нет — 35,8 лет; по большей части не устраивает — 36,6 лет; совершенно не устраивает — 39,7 лет. Эти данные вполне коррелируют с данными российского опроса.

Руководство г. Нижневартовска в последнее время уделяет много внимания развитию образовательного пространства города. Чем выше образовательный уровень респондента, тем чаще его жизнь устраивает. Среди имеющих среднее образование «не устраивает» жизнь 31%, с высшим образованием — 12% опрошенных в г. Нижневартовске.

Больше других категорий опрошенных устраивает жизнь, которую они ведут, предпринимателей (48% опрошенных), студентов (учащихся) (56%), руководителей и специалистов (65%), меньше других — домохозяйек (19%), пенсионеров (34%) и рабочих (33%). Чаще остальных жалуются на жизнь работники транспорта и строительства (27% при ср. показателе 18%), реже — работники образования (14%), нефтедобывающей отрасли (16%) и сферы обслуживания (16%).

Таблица 3

Оценка работы мэрии населением

Значение:	F:	% отв.
большинство положительно	19	84
в основном положительно	65	
в основном отрицательно	9	16
большинство отрицательно	7	

Большинство нижневартовцев (84%) положительно или в основном положительно оценивают работу мэрии. Нижневартовцам было предложено оценить, насколько успешно глава города Б.С. Хохряков решал проблемы.

Таблица 4

Насколько успешно на протяжении прошлого года
глава города Б.С. Хохряков решал...

...проблемы	Очень успешно	Довольно успешно	Без особого успеха	Совер- шенно безус- пешно	Мес- то (ранг)
14. Пополнения бюджета города, сбора налогов	14,0	59,9	23,1	3,0	5
		72,3	26,1		
15. Взаимоотношения с округом	14,9	66,4	15,3	3,4	3
		81,3	18,7		
16. Взаимоотношения с нефтяниками	17,7	57,5	19,8	5,0	4
		75,2	24,8		
17. Взаимоотношения с городской Думой	20,8	62,3	14,1	2,8	2
		83,1	16,9		
18. Наведения порядка в городе	17,3	48,7	28,9	5,1	6
		66,0	33,0		
19. Благоустройства города	30,5	53,6	14,0	1,9	1
		84,1	15,9		
20. Здравоохранения и спорта	15,5	49,4	29,6	5,5	8
		64,9	35,1		
21. Образования и культуры	9,9	50,4	33,1	6,6	7
		65,0	35,0		
22. Городского транспорта	12,4	52,6	30,1	4,9	9
		60,3	39,7		
23. Жилищные проблемы	5,6	26,8	47,6	20,0	11
		32,4	67,6		
24. Создания условий для малого и среднего бизнеса	8,0	40,1	41,2	10,7	10
		48,1	51,9		
25. Проблемы трудоустройства	3,1	17,9	50,3	28,7	12
		21,0	79,0		

Наиболее успешно, по мнению опрошенных, решались в городе следующие проблемы: *благоустройство города* — «успешно и довольно успешно» отметили 84% опрошенных; *взаимоотношения с городской Думой* (соответственно 83%), *взаимоотношения с округом* (81%), *взаимоотношения с нефтяниками* (75%). Как мы видим, горожане высоко оценили работу администрации по выстраиванию взаимоотношений с вышестоящей структурой⁵, с городской Думой и нефтяниками.

В 2004 году большое внимание уделялось объектам благоустройства города, затраты составили 89722,6 тыс. руб.⁶

С целью улучшения внешнего облика города в летний период увеличена с 5 до 7 раз в неделю уборка городских дорог, производилась санитарная очистка зон общего пользования, ремонт асфальтобетонного покрытия, выделены дополнительные средства на приобретение скамеек и урн.

Восстановлен фонтан на Комсомольском бульваре, который не функционировал продолжительное время, выполнен комплекс работ по его обустройству.

В летний период город украшали цветники. Расширен перечень мест устройства цветников, на конкурсной основе выполнены работы на площади 3101,94 кв. м.

Кроме этого, новшеством на улицах города стали элементы ландшафтного дизайна — альпийские горки.

Большинство опрошенных нижевартовцев (82%) осенью 2004 отметили, что город за лето в плане благоустройства изменился в лучшую сторону, и только 3% респондентов отметили, что город изменился в худшую сторону. Девяти из десяти (88%) опрошенных понравились альпийские горки. По мнению горожан, на первом месте среди объектов, учреждений по цветочному оформлению администрация города (мэрия) — 16% опрошенных, на втором — городской парк (12%), на третьем — Комсомольский бульвар (10%). Цветочное оформление «ворот» города — железнодорожный вокзал и аэропорт — отметили значительное число нижевартовцев, каждый десятый опрошенный. Данные опроса свидетельствуют, что руководство города обращает внимание в первую очередь на объекты, представляющие «лицо» города и места отдыха (городской парк и Комсомольский бульвар). Мы назвали 5 объектов, которые отметили наибольшее число респондентов. Всего жители города назвали более 50 объектов с удачным цветочным оформлением. Город наш становится «цветочным». Еще совсем недавно нас поражали и радовали первые розы на клумбах города и первые цветники.

В рамках акции «Мы — за зеленый город. Присоединяйтесь!» было заготовлено и высажено на улицах города около 10 тысяч деревьев⁷.

Особое внимание уделялось обустройству и содержанию зон отдыха горожан в летний период. С целью повышения требований к качеству содержания и ремонта жилых домов, повышения уровня благоустройства, санитарного состояния микрорайонов в городе проводились ежегодные конкурсы на звание «Лучший микрорайон», «Лучший двор».

Звание «Лучший микрорайон» присвоено седьмому микрорайону, звание «Лучший двор» — двору по адресу: проезд Заозерный, дома №№10, 12, 14а, 14а/1, 14а/2 в 10г микрорайоне.

В зимний период жилищно-эксплуатационные участки приняли участие в городском конкурсе «Новогодний Нижневартовск». В номинации «Лучший снежный городок по месту жительства» первое место присвоено жилищно-эксплуатационному участку №12 муниципального унитарного предприятия «Производственный ремонтно-эксплуатационный трест №1», выставившему на конкурс снежный городок, выполненный в хантыйском стиле, около дома по улице Мира, 66.

В декабре 2004 года было выполнено устройство снежного городка на площади Нефтяников с элементами льда и частичной подсветкой фигур. Снежные композиции и горки для катания отличаются безопасностью и добротностью, при строительстве городка учитывались замечания прошлых лет.

По данным опроса, городскую елку посетил практически каждый второй житель города. В то же время абсолютное большинство опрошенных (96%) дали оценку снежному городку, что говорит о важности снежного городка для нижевартовцев. Среди значимых событий, которые произошли в Нижневартовске в 2004 г., респонденты называют сооружение снежного городка и снежных фигур на улицах города. Около двух третей (59%) респондентов считают, что снежный городок лучше прошлогоднего; одна треть (34%) — такой же, и только 7% — хуже прошлогоднего. Больше всего в снежном городке понравились горки (30% опрошенных), снежные фигуры (или отдельные фигуры) (33%), елка (16%), оформление городка (15%) и подсветка льда (11%). Понравились также — «новогодняя программа», «чистота и порядок» и «много свободного места».

Элементами благоустройства на зимних улицах стали снежные фигуры сказочных персонажей, в безопасных и удобных местах устроены катальные горки, в центре города появился снежно-ледовый календарь.

Итогами проводимых по благоустройству территории города работ стали первое место, присужденное городу Нижневартовску за участие в окружном конкурсе «Самый благоустроенный город, поселок, село Ханты-Мансийского автономного округа» в номинации «Города с населением свыше 100 тысяч человек», а также вручение диплома Министерства промышленности и энергетики Российской Федерации за участие во Всероссийском конкурсе «Самый благоустроенный город России».

Наименее успешно решались проблемы *трудозанятости* — «без особого успеха и совершенно не успешно» отметило 79% респондентов и *жилищные проблемы* — 68% соответственно.

На 1 января 2005 года численность безработных по городу составила 990 чел., уровень регистрируемой безработицы повысился на 0,1% по сравнению с 1 января 2004 года. Среди безработных доля женщин — 63,1%, молодежи в возрасте от 16 до 29 лет — 70,5%, лиц предпенсионного возраста — 4,7%, выпускников учебных заведений — 14,6%⁸.

За 2004 год трудоустроено — 3859 чел., из них безработных граждан — 1001 чел., уровень трудоустройства составил 49,1%, в соответствующем периоде прошлого года — 57,8%.

Для повышения сбалансированности рынка труда в спросе и предложении на рабочую силу, повышения конкурентоспособности безработных граждан, снижения продолжительности безработицы в течение года проводилась работа по организации профессиональной подготовки и переподготовки безработных граждан по профессиям, пользующимся спросом у работодателей.

В целях расширения возможностей трудоустройства незанятых и безработных граждан продолжалась работа по формированию банка вакансий, в 2004 году в банке данных насчитывалось 24189 вакантных рабочих мест, по состоянию на 1 января 2005 года поданы сведения о 2667 единицах свободных рабочих мест, число ищущих работу граждан — 1130 чел.

В течение года была проведена 31 мини-ярмарка вакансий и рабочих мест, в которых приняли участие 30 работодателей, заявивших 1807 вакансий, трудоустроен 161 чел.

Вопрос высвобождения работников с предприятий, учреждений и организаций города является одним из ключевых в регулировании ситуации на рынке труда и находится под постоянным контролем.

В 2004 году улучшили свои жилищные условия 796 семей (2003 год — 632), из них: 91 семья льготной категории граждан, в том числе: 18 семей инвалидов, участников Великой Отечественной войны, семей погибших в Великой Отечественной войне, 49 семей участников боевых действий и локальных конфликтов, 21 семья ликвидаторов последствий аварий на Чернобыльской атомной электростанции, 3 семьи военнослужащих, уволенных с военной службы.

За счет средств бюджета города и средств дольщиков: закрытого акционерного общества «Нижневартовскстройдеталь», открытого акционерного общества «Строительно-промышленный комбинат», населения города и индивидуальных застройщиков было построено и сдано в эксплуатацию 65706,5 кв. м общей площади домов (8 многоквартирных жилых домов общей площадью 63878,7 кв. м (890 квар-

тир) и 17 индивидуальных жилых домов общей площадью 1827,8 кв. м).

Построен первый молодежный дом, в котором 56 молодых семей получили жилье. Еще 169 молодых семей получают жилье в двух домах, которые строятся по принципу долевого участия. 198 молодых семей Нижневартовска получили субсидии по Губернаторской программе «Молодой семье — доступное жилье». Введен новый механизм содействия молодым семьям в обеспечении жильем, который предполагает приобретение жилья на вторичном рынке. Создан потребительский жилищно-накопительный кооператив «Молодежный жилищный комплекс». Всего на строительство жилья для молодых семей в 2004 году выделено из бюджета округа 13600 тыс. руб., средства дольщиков составили 21 млн. руб., средства бюджета города — 21279 тыс. руб.

Социально ориентированная в области жилищного строительства политика администрации города продолжила реализацию проекта, направленного на снижение стоимости квадратного метра вводимого жилья. Для этих целей на строительство внутриквартальных инженерных коммуникаций к жилым домам в 2004 году из средств бюджета города было израсходовано 101,3 млн. руб.

Объем жилищного строительства в 2004 году увеличился по сравнению с 2003 годом (48,6 тыс. кв. м) на 35%, вместе с тем реализация Программы жилищного строительства на 2001–2005 годы идет с отставанием на 20,9 тыс. кв. м (по программе 232,3 тыс. кв. м, фактически — 211,4 тыс. кв. м).

Жилищная проблема по-прежнему остается одной из самых острых в городе.

Администрацией города принимаются необходимые меры, направленные на увеличение объемов строительства жилья, разрабатываются условия для привлечения средств граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, путем участия их в долевом строительстве жилья.

При опросе нижневартовцев попросили дать характеристику типу социальной политики администрации города. Среди тех, кто дал оценку, 57% опрошенных охарактеризовали ее как активную, 43% как пассивную.

Более половины респондентов (52%) считают, что социальную политику Нижневартовска формирует глава администрации, каждый пятый (20%) — губернатор. По 19% респондентов ответили — управление по социальным вопросам и правительство округа, 15% — градообразующее предприятие и другие предприятия, 11% — фе-

деральная власть. И только 4% респондентов ответили, что активная позиция общественных, профсоюзных движений и партий города. Гражданское общество в России находится в стадии становления, и поэтому такие низкие оценки получили общественно-политические организации в формировании социальной политики.

В 2005 году социальная политика в г. Нижневартовске будет осуществляться по следующим приоритетным направлениям⁹:

- усиление адресной социальной защиты населения, дифференцированного подхода к выплатам пособий из средств местного бюджета в зависимости от времени проживания в городе;

- обеспечение доступности качественной медицинской помощи;

- создание условий для равного доступа к качественному образованию, гармоничному развитию личности, творческих способностей человека и самореализации молодежи;

- обеспечение духовного и культурного роста горожан, развитие и выявление талантов, нравственно-эстетическое воспитание подрастающего поколения, сохранение народных и этнических общностей;

- повышение качества физического воспитания населения, и в первую очередь молодого поколения, развитие массовых видов спорта и улучшение здоровья горожан;

- создание равных условий для занятий физической культурой и спортом различных категорий и групп населения;

- обеспечение надежного функционирования систем жизнеобеспечения города, усиление адресной социальной защиты населения при оплате жилищно-коммунальных услуг;

- обеспечение занятости населения города в соответствии с профессионально-квалификационной структурой рынка труда, повышение конкурентоспособности на рынке труда, расширение возможностей трудоустройства безработной молодежи в пределах полномочий органов местного самоуправления.

Примечания:

¹ См.: Город Нижневартовск в цифрах и фактах. 2002–2005 годы. — Нижневартовск, 2004. — С. 3.

² См.: Скульмовская Л.Г. Город в пространстве культуры региона: общее и особенное. Монография. — СПб: Изд-во ИНФО-ДА, 2004. — С. 96.

³ Относительно других регионов России.

⁴ См.: Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2005. — №1. — С. 68.

⁵ В течение 2004 года велась работа с департаментом строительства Ханты-Мансийского автономного округа, заключены договоры:

- на предоставление субсидий для строительства жилья с целью переселения граждан из ветхого жилья и жилья с неблагоприятными экологическими характеристиками, из окружного бюджета перечислено соответственно 166110 тыс. руб. и 71540 тыс. руб.;
 - на строительство жилого дома №7 (строительный) в 9а микрорайоне для переселения граждан, проживающих в жилье с неблагоприятными экологическими характеристиками, из бюджета города на строительство перечислено 14954 тыс. руб., из бюджета округа поступило 43000 тыс. руб.;
 - на долевое участие в строительстве жилых домов №22 (из бюджета города на строительство перечислено 19940 тыс. руб.) и №41а (из бюджета города перечислено 12253 тыс. руб., бюджета округа — 8176 тыс. руб.) в 10б микрорайоне.
- ⁶ См.: Отчет администрации города о работе за 2004 год. Приложение к распоряжению главы города от 22.02.2005 №160-р.

⁷ См. Там же.

⁸ См. Там же.

⁹ Город Нижневартовск в цифрах и фактах. 2002–2005 годы. — Нижневартовск, 2004. — С. 5.

Библиотечное обслуживание национально-культурных объединений г. Нижневартовска

Межнациональные отношения — наиболее чувствительный индикатор состояния общества, социально-политической и духовной обстановки в стране. Сегодня библиотеки Нижневартовской МУ «БИС» пристальное внимание уделяют обслуживанию населения разных национальностей, ведут работу по воспитанию толерантности, отражению всего многообразия культур, представленных в нашем городе.

Библиотеки ставят своей задачей работу с литературой, отражающей сохранение культурных и духовных ценностей, самобытность национальных культур, сохранение и изучение родного языка, изучение многовековой истории народов, сохранение и обогащение исторического и культурного наследия.

Нижневартовск сформировался более 30-ти лет назад как многонациональный город, в нашем городе живут более 100 национальностей. Украинская, татарская и башкирская диаспоры являются, после русской, самыми многочисленными в нашем городе. Украинцы составляют 8,34% от населения города, татары и башкиры — 13%. Учитывая это, в Нижневартовской МУ «БИС» с 1992 года городские библиотеки №№5 и 11 определены как центры этих культур по желанию представителей полиэтничного населения.

За это время скомплектовано ядро фонда на национальных языках, ведется культурно-просветительская работа совместно с национальными землячествами и общественными организациями. Эти библиотеки работают в рамках «Программы развития культуры г. Нижневартовска (2003–2006 гг.)». В программе есть специальный проект «Диалог национальных культур». Главной идеей этого проекта является равноправный обмен культурными ценностями, воспитание уважительного отношения представителей разных национальностей друг к другу, предупреждение национальных конфликтов, сотрудничество и взаимообогащение. В ходе реализации проекта проводятся дни национальных культур (малочисленных на-

родов Севера, славянской культуры и письменности, татарской, башкирской, украинской, дагестанской, молдавской, армянской, азербайджанской и других культур). Оказывается содействие в проведении «круглых столов», семинаров, научно-практических конференций по вопросам теории культуры. Организуется празднование знаменательных дат, юбилеев выдающихся деятелей национальной истории и культуры, оформляются выставки.

В поддержку этой деятельности мы участвовали в конкурсе и выиграли грант губернатора, представив проект «Развитие национальных культур в библиотеках украинской и татаро-башкирской литературы в городе Нижневартовске».

Общая величина затрат на проект составила 517,0 тысяч рублей, в том числе из:

- окружного бюджета — 309,0 тыс. рублей;
- иных бюджетов — 83,0 тыс. рублей;
- внебюджетных источников — 125,0 тыс. рублей.

Цели и задачи проекта — создание благоприятных условий для развития и взаимодействия культур представителей полиэтнических национальностей, проживающих в Нижневартовске, диалога действующих в городе общественных, национальных организаций и диаспор. Укрепление информационной и материальной базы, авторитета библиотек как консолидирующих структур этого процесса.

Состав участников проекта: МУ «БИС», благотворительный фонд «Дом», татарская общественная организация «Центр Мирас», ОО «Татарская национально-культурная автономия», ОО «Культурно-просветительское общество «Украина», Башкирская ОО «Культурно-просветительское общество «Дуслык», Управление по связям с общественностью администрации МО г. Нижневартовск.

В результате нам удалось улучшить технические возможности — приобрести компьютерное оборудование (на 70,0 тыс. рублей — два автоматизированных рабочих места в ГБ №5, одно — в ГБ №11), оборудование для подключения этих библиотек в городскую библиотечную сеть и интернет. Это позволило пользователям библиотек национальных литератур работать в ЭБД «Либер» и интернете, не выходя из своей библиотеки выяснить место и наличие необходимой литературы в МУ «БИС», узнать о новинках, работать с краеведческими полнотекстами. Интернет — это возможность выхода в другие города, отработка заявок на литературу, возможность через наш сайт (который, кстати, занял 3-е место во Всероссийском конкурсе сайтов муниципальных библиотек) передавать информацию в электронном виде в другие библиотеки нашей системы, а также

обмениваться опытом работы в этом направлении с другими библиотеками страны. Полученное оборудование значительно облегчает процесс информирования руководителей и представителей полиэтнического населения.

По итогам 2004 года в библиотеке украинской литературы 569 читателей-украинцев, которые прочитали в год более 1000 книг на украинском языке и об Украине. В библиотеке татаро-башкирской литературы соответственно 545 читателей и 5200 книговыдачи. Есть трудности в комплектовании фондов национальной литературой, если татаро-башкирскую литературу еще можно заказать и приобрести, то Украина — это уже заграница, поэтому фонд украинской литературы комплектовать очень сложно.

Возрождению и сохранению татаро-башкирских обычаев и традиций, предоставлению возможности для общения на родном языке способствует работа ГБ №11.

Установлены дружеские и деловые контакты с творческими коллективами: татаро-башкирской концертной бригадой «Шатлык», общественными организациями «Ватан», «Мирас», «Дуслык», «Ак тирма», с учреждением культуры «Дом национальных культур», представители которых получают в библиотеке информацию на родном языке, проводят совместные мероприятия, отмечают национальные праздники.

В библиотеке успешно работает клуб общения «Сердэш».

В 2000 году библиотека в рамках культурной акции центра «Мирас» принимала в своем клубе «Сердэш» заместителя министра культуры Республики Татарстан, что способствовало установлению культурных связей, улучшению комплектования.

Библиотека тесно сотрудничает с МОСШ №12 и детским садом №81, где ведется факультативное изучение татарского и башкирского языков и культуры. В самой библиотеке активисты обучали желающих арабскому языку.

Работу библиотеки отличают яркие и интересные мероприятия, тематически связанные с литературным наследием татарского и башкирского народов: это и литературно-музыкальные композиции, выставки декоративно-прикладного творчества, праздники национальной культуры. Мероприятия всегда сопровождаются национальной музыкой, небольшими концертами самодеятельного коллектива «Шатлык», инсценировками самодеятельного театра Центра досуга и творчества.

По телевидению к 1000-летию города Казани была показана передача, которая включала репортаж, снятый в ГБ №11, о состо-

янии татаро-башкирского книжного фонда на сегодняшний день, о массовых мероприятиях и совместной работе с общественными активами.

ГБ №11 отзывается и на приглашение представителей татаро-башкирской диаспоры нашего района, например, в 2004 году по просьбе общественной организации татар г. Мегиона приняла активное участие в праздновании Дней татарской и башкирской культуры в Мегионе. Работники нашей библиотеки открыли праздник приветствием и поздравлением присутствующих на родном языке, за что получили благодарность от главы города, который сам принимал участие в празднике. Представили книжную выставку, посвященную творчеству Мустая Карима, украсили мероприятие музыкальным выступлением семейного ансамбля, исполнившего песни на стихи этого башкирского поэта. Кстати, все члены ансамбля семьи Гиниатуллиных являются пользователями ГБ №11 г. Нижневартовска.

Интерес пользователей этой библиотеки подвиг на создание музея национальных костюмов, но, так как у библиотеки маленькое помещение, музей расположен на базе МОСШ №30. От читателей поступило множество предметов национального быта, декоративно-прикладного искусства. Фонд музея используется на мероприятиях, проводимых библиотекой.

Одной из главных задач библиотеки №5, работающей с украинской диаспорой, является сохранение, изучение народных традиций, быта, языка, истории Украины.

Библиотека тесно сотрудничает с культурно-просветительским обществом украинского землячества «Украина», с Управлением по связям с общественностью администрации города, хоровым коллективом «Веселка», издательством газеты «Голос Украины в Западной Сибири», Генеральным консульством Украины в г. Тюмени.

В начале 2000 года заведующая библиотекой украинской литературы была избрана председателем общественной организации «Культурно-просветительское общество «Украина» и с этого момента является полномочным представителем украинской диаспоры г. Нижневартовска.

Все мероприятия библиотеки отличает яркость подачи, продуманность сценарных ходов. Успешно работающий клуб «Украина» каждое мероприятие превращает в праздник не только для представителей украинской диаспоры, но и для всех пользователей библиотеки, а их в библиотеке более трех тысяч.

Создан кружок вышивания и вязания по национальным орнаментам. В фонде имеются ценные книги о национальной одежде, орнаментах, технике рукоделия.

Сотрудниками библиотек информируются руководители и представители национальных диаспор по различным вопросам, так или иначе касающимся национальной тематики.

Организовываются и оформляются выездные книжные выставки, на которых представляют не только книги и журналы на национальных языках, литературу о культуре и истории народов, но и предметы народного творчества.

Основная работа в библиотеках ведется по таким направлениям:

— Комплектование фондов литературой и ЭБД на национальных языках и о государствах и республиках, национальные диаспоры и общественные организации которых развиваются в городе.

— Книгообмен и информационный обмен между библиотеками Нижневартовска, национальными библиотеками Татарстана, Башкортостана и Украины.

— Взаимодействие с общественными и религиозными организациями, Управлением по связям с общественностью городской администрации в деле развития национальных культур; участие в крупных городских национальных мероприятиях, таких как День украинской культуры, День татарской и башкирской культуры, праздник «Дружбы народов» в рамках празднования «Самотлорских ночей», День славянской письменности и культуры.

— Организация культурно-досуговой деятельности с широким использованием активных форм массовой работы.

— Информирование руководителей и представителей национальных диаспор по вопросам развития национальных культур и литератур, в том числе с использованием сетевых технологий (городская библиотечная сеть «Либер», сеть интернет). Предоставление указанной информации по запросам читателей библиотек.

— Организация и поддержка деятельности национальных клубов по интересам, в т.ч. клубов «Сердэш», «Украина» и ансамбля «Веселка».

— Развитие национальных ремесел, возрождение национальных праздников.

— Повышение квалификации сотрудников библиотек национальных литератур.

— Работа со СМИ, освещение деятельности библиотек национальных литератур в газетах, теле- и радиопередачах.

Существование библиотек национальных литератур в обычной библиотечной системе — явление нетипичное, поэтому часто возникают трудности с формированием фондов на национальных языках, в работе с пользователями. Мы готовы преодолевать все эти трудности, так как видим, что деятельность библиотек в этом направлении способствует межнациональному диалогу, распространению самобытной культуры народов и поддержке межнационального согласия.

Примечания:

«Ак тирма» — белая юрта, «Ватан» — родина, «Дуслык» — дружба, «Мирас» — наследие, «Сердэш» — собеседница, «Чишма» — родник, «Шатлык» — радость.

Детское чтение в процессе перемен

Городская библиотека №16 работает в особых условиях: в течение десяти лет она располагается в здании средней школы №17. Основной контингент пользователей библиотеки — учащиеся и преподаватели школы. С 2002 года в библиотеке в рамках развития компьютерной сети МУ «БИС» организован интернет-класс.

Необходимость адекватно и оперативно реагировать на информационные запросы школьников послужила причиной проведения небольшого исследования, которое было осуществлено сотрудниками библиотеки в 2004 году. В течение одного месяца проводилось анкетирование учащихся МОСШ №17 г. Нижневартовска по нескольким темам.

Опросы проводились среди двух возрастных групп: младших школьников (3–5 классы) и старшекласников (8–11 классы).

Цель исследования — изучение изменения читательской культуры детей в условиях меняющейся информационной среды. В задачи исследований входили:

- изучение информационной среды школьников;
- выявление основных источников информации, определение места библиотеки и библиотекаря в рейтинге источников информации;
- изучение новых «медиа-привычек» детей и подростков и их влияния на читательскую культуру школьников.

В первой части исследования рассматривалось место чтения в структуре свободного времени школьника и позиция книги как источника информации в рейтинге информационных предпочтений школьников. На вопросы анкеты ответили 374 человека (180 мальчиков, 194 девочки).

Каждый третий опрошенный ответил, что «любит читать, но не хватает времени», причем среди школьников старших классов количество подобных ответов больше.

Если среди учащихся 3–4-х классов доля тех, кто сказал «мне нравится читать, много читаю», составила более 1/3 опрошенных,

то к 9—11 классу таких стало вдвое меньше. Лишь 6% учащихся 4-го класса ответили: «читаю редко, не люблю», тогда как среди старшекласников их уже 19% (к тому же из них 2,9% отметили «только деловое чтение»).

Четвертая часть опрошенных уделяет чтению до 30 минут в день. Примерно $\frac{1}{3}$ респондентов тратит на чтение не по школьной программе от 30 минут до 1 часа. И довольно многие (48% школьников) отметили, что читают более 1 часа в день. Но, как правило, большая часть их — дети младшего школьного возраста.

Выяснилось, что чтение периодических изданий «теснит» традиционное чтение книг «для души». 53% подростков предпочитают книгам журналы, как правило, такой вариант ответа предлагает следующее высказывание: «когда отдыхаю, люблю почитать что-нибудь легкое, развлекательное» (39%).

Результаты опроса свидетельствуют, что дети и подростки выбирают для чтения издания самого разного характера, только каждый 10-й ответил, что не читает ничего, кроме книг, необходимых по школьной программе. В целом репертуар чтения школьников довольно разнообразен. Школьная классика занимает первую позицию (31,6% опрошенных), далее следуют сказки, произведения в жанре «фэнтези» (18,5%), приключения и ужастики (12,8%), детективы (9,6%), фантастика (6,7%), книги о природе и животных (5,6%).

Но очевидно, что с возрастом досуговое чтение занимает у школьников все меньше времени, и доля тех, кто читает литературу преимущественно по школьной программе, увеличивается — это значительная часть подростков и более половины старшекласников. Сказки привлекают главным образом младших школьников и подростков. Книги о природе и животных традиционно гораздо популярнее у детей 7—11 лет, подростки 12—14 лет предпочитают приключения, детективы, фантастику, книги по истории.

В подростковом возрасте, особенно у девушек старших классов, популярны романы о любви. Репертуар чтения подростков в целом «смещен» в сторону развлекательной литературы — она составляет 42% всех читаемых книг, тогда как научно-познавательных — вдвое меньше (21%). Между тем подростки 10—16 лет остро нуждаются в современных книгах о своих сверстниках, в адресованной им социально-критической литературе, которая помогает познать окружающий мир и адаптироваться к проблемам современной жизни. Таких книг, как правило, недостаточно. Это обстоятельство обуславливает повышенный интерес к тем зарубежным произведениям, где фигурируют герои-подростки: серия «Детский детектив» (К. Кин,

А. Хичкок, Э. Блайтон и др.), серия о девочках-подростках, а также серия книг Д. Ролинг о Гарри Поттере.

Мотивация чтения у детей младшего и старшего возрастов существенно различается: в детском возрасте ведущий мотив — «читать интересно» (его назвали 28,5% опрошенных). Кроме того, для этой группы важно название (его упомянули 23,7% респондентов), а также иллюстрации, внешний вид издания (13,4%). Книги выбираются преимущественно по совету друзей (20% опрошенных), по совету библиотекарей (13,5%).

У старших школьников мотив «интересно» уходит (его назвали 8,3% респондентов). На смену приходит мотив «школьные задания» (19,4%). Особенно значимым становится не совет друга (10,5%), а рекомендация учителя (37,4%). «Деловое» чтение не оставляет старшеклассникам времени на «свободное» чтение тех книг, которые им интересны.

Особо стоит отметить тот факт, что влияние родителей и библиотекарей на выбор книг учащимися даже младших классов невелико (9,2%).

Таким образом, мнение библиотекарей, учителей учитывается преимущественно при «деловом» чтении, тогда как книги «для души» подросток выбирает почти всегда самостоятельно либо опираясь на советы сверстников.

Второй этап исследования был посвящен взаимодействию школьников с периодикой. В опросе приняли участие 287 детей от 8 до 17 лет.

Результаты проведенного исследования показали, что активное обращение к периодике начинается уже в младшем школьном возрасте, но особенно оно усиливается к подростковому возрасту. 74,8% опрошенных читают необходимые газеты и журналы в библиотеке, 13,2% покупают в киосках, 4,3% — выписывают на дом.

На вопрос: «С какой целью ты читаешь газеты и журналы?» были даны такие ответы:

- для приятного времяпрепровождения — 41,1%;
- получаю полезную информацию — 44,3%;
- хочу быть в курсе всех событий — 33,2%;
- хочу все знать — 28,4%;
- для самовоспитания, самообразования — 14,8%;
- повышаю уровень начитанности — 7,2%.

У детей 8–10 лет, особенно у мальчиков, популярны «диснеевские» журналы и комиксы. Девочки с 10–11 лет интересуются специальными изданиями для девочек. Уже к 6-му классу в девичьем чтении в три раза чаще, чем у мальчиков, встречаются молодеж-

ные, женские, различные развлекательные издания, тогда как мальчиков этого возраста прежде всего интересуют спортивные, технические (автомобили), познавательные и компьютерные журналы.

Таким образом, читательские интересы мальчиков в области периодики значительно шире и разнообразнее, чем пристрастия девочек.

Среди подростков 12–17 лет сверхпопулярны журналы:

- «Бумеранг» — 95%, из них — 64% мальчики, 31% девочки;
- «За рулем» — 81% (мальчики);
- «Фан-клуб» — 77% , из них — 36% мальчики, 41% девочки;
- «Навигатор» — 76% мальчики;
- «Ровесник» — 67%, из них — 43% мальчики, 24% девочки;
- «Страна игр» — 59% (мальчики);
- «Что нового в науке и технике» — 59%, из них — 54% мальчики, 5% девочки;
- «Лиза» — 58% девочки;
- «Ромео и Джульетта» — 39%, из них — 32% девочки, 7% мальчики;
- «Маруся» — 38% девочки;
- «Кинопарк» — 38%, из них — 21% девочки, 17% мальчики;
- «Гео» — 30%, из них — 18% мальчики, 12% девочки.

Опрос выявил неудовлетворенные потребности подростков и юношества: в фонде библиотеки не хватает изданий молодежной тематики, по рукоделию, ведению домашнего хозяйства, изданий технической и спортивной направленности.

На предпочтения школьников, особенно младшего школьного возраста, влияет оформление журналов, наличие большого числа ярких иллюстраций. Детям интересны также и загадки, головоломки, кроссворды, они очень любят в этот период «веселые», с юмором книги и журналы.

Поэтому, формируя репертуар периодики библиотеки для детей младшего школьного возраста, мы учитывали, что уровень полиграфического исполнения журналов, предназначенных этой аудитории, должен быть высоким, иллюстрации и текст должны соответствовать восприятию ребенка; но прежде всего издания должны носить развивающий характер, детям должно быть не только интересно, но и полезно его читать.

Периодика, рассчитанная на подростков, также в первую очередь должна быть ориентирована на развитие личности, соответствовать возрастным потребностям и интересам подростков.

Результаты проведенного исследования были использованы нами при проведении очередной подписной кампании.

На третьем этапе нашего исследования мы рассматривали место телевидения и компьютера в структуре предпочтений школьников.

Просмотр телевизионных программ остается наиболее распространенным видом проведения досуга детей и подростков. Репертуар программ и передач, которые смотрят подростки, довольно широк и разнообразен.

Предпочтение (так же как и в чтении книг) часто отдается юмористическим передачам (их отметили 49% опрошенных). На 2-м месте по популярности — музыкальные программы (47%). Традиционно подростки, особенно мальчики, предпочитают передачи о спорте (34%). Многие респонденты отметили, что им нравятся передачи о путешествиях, приключениях (28%), природе, животных, научно-популярные, образовательные программы (27%).

Часть подростков смотрит информационные программы (17%). И, конечно, многие из них смотрят кинофильмы, причем предпочтение отдается зарубежным художественным фильмам перед отечественными (50% и 30% соответственно). Почти каждый 3-й из опрошенных смотрит телесериалы и мультфильмы. Примерно $\frac{1}{4}$ часть опрошенных сообщили, что время от времени любят смотреть телевизионные игры, конкурсы, викторины.

Таким образом, телевидение продолжает играть значительную роль в жизни подростка, причем функции, которые оно выполняет, многообразны: это и новости, и интересная информация, и образование, и отдых, и разнообразные развлечения.

Специальная анкета содержала вопросы, касающиеся взаимоотношений подростков с компьютерными технологиями. Мы опрашивали группу школьников, активно использующих компьютер в повседневной жизни: почти половина из них занималась в компьютерном зале нашей библиотеки, другая половина посещала кружок, где начала обучаться основам компьютерной грамотности. В опросе приняли участие 128 подростков, 95% из них на вопрос: «В какой мере ты умеешь пользоваться компьютером?» ответили: «Могу играть». Работу в редакторских программах освоили 38%, менее четверти опрошенных выбрали ответы: «могу работать в интернете; создать сайт, обновлять сайт» (23%) и «могу обрабатывать аудио- и видеозаписи» (22%). Только 19% подростков отметили умение «программировать».

Около $\frac{1}{3}$ респондентов активно пользуются ресурсами интернета, другие $\frac{2}{3}$ хотя и не пользуются, но хотели бы освоить этот процесс.

В качестве источников доступа к ресурсам интернета ребята отметили следующие: библиотека, дом, друзья, знакомые и др. Те из

них, кто имеет доступ к интернету, так обозначили свою деятельность в сети:

- просматриваю сайты / играю в сетевые игры — 48%;
- скачиваю информацию — 42%;
- пользуюсь электронной почтой — 27%;
- общаюсь на чатах — 23%.

Таким образом, подростки активно используют весь спектр предоставляемых им возможностей.

Специальный блок вопросов анкеты был посвящен информационным потребностям и ресурсам. Выяснилось, что прежде всего подростки ищут информацию для выполнения школьных заданий — 59%, а также дополнительных заданий (кружка) — 13%.

Для подростков сегодня характерно использование всего спектра каналов и источников информации. Любопытно, что в качестве основного источника большинство назвали библиотеку и друзей (56% и 52% соответственно), затем в рейтинге предпочтений следуют школьные уроки и домашняя библиотека (43% и 40%), CD-ROM (34%), родители — 27%, интернет — 25%.

Нам хотелось узнать, что особенно значимо для подростков из различных видов медиа, в связи с чем мы задали вопрос: «Чем из коллекции книг, дисков, видеofilмов ты особенно гордишься?».

Более половины респондентов ответили на этот вопрос. Как выяснилось, около $\frac{1}{4}$ из них гордятся книгами, среди которых самые разные: от классики (произведений А.С. Пушкина, С.А. Есенина, А.П. Чехова) до фантастики («все книги Перумова») и энциклопедий. Около $\frac{1}{3}$ подростков называют фильмы и видеofilмы из своей коллекции (например, «Ночной дозор», «Звездные войны», «Спецназ», «Антикиллер», «Гарри Поттер», «Властелин колец»), отдельные — аудиозаписи. $\frac{1}{6}$ часть подростков назвала компьютерные игры. Таким образом, у современных подростков есть большие возможности выбора того или иного способа и средства для проведения досуга и есть свои любимые медиаматериалы. При этом книги по-прежнему занимают одну из ведущих позиций.

На вопрос: «Что ты делал вчера?» — многие назвали несколько видов деятельности. Кроме подготовки к урокам — занятия, которое стоит для большинства подростков на первом месте (его отметили 72% подростков), многие смотрели телевизор (61%), играли в компьютерные игры (43%), гуляли (39%), общались с друзьями (32%), слушали музыку (25%), читали книги и периодику (23%), смотрели видеofilмы (22%), занимались в кружке или секции (15%). Примерно каждый 12-й посещал интернет.

Итак, хотя в структуре досуга и интересов детей и подростков происходят существенные перемены, вывод о катастрофическом падении интереса к чтению делать преждевременно. Это, кстати, подтверждает исследование, проведенное Кемеровским государственным университетом культуры и искусств в городах Красноярского края и Кемеровской области: «Библиотека как канал информации также занимает существенное место в жизни подростков из небольших городов. Пользование общественной библиотекой считают необходимым для себя 89,1% опрошенных восьмиклассников... Результаты исследования информационного поведения подростков в целом не подтверждают предположение о вытеснении книги и чтения из их жизни»¹.

Сегодня мы находимся в процессе формирования «новых моделей» детского и подросткового чтения, а также в процессе развития «новой модели» использования детьми средств массовой коммуникации в целом.

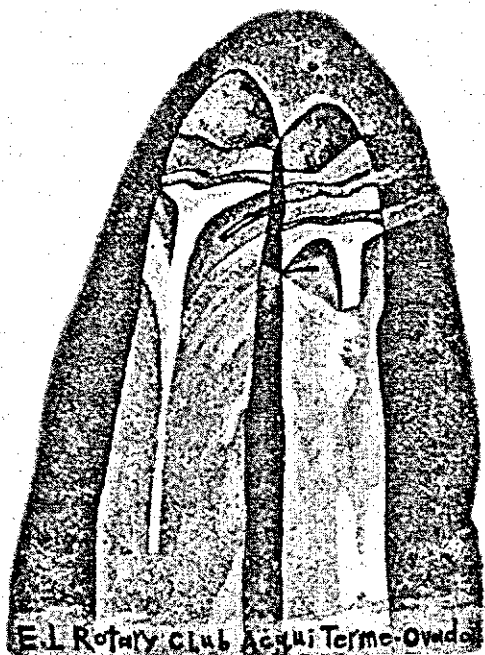
Еще более значимой становится роль библиотеки в качестве инструмента, формирующего информационную культуру юного читателя, прививающего навыки интеллектуального труда, развивающего познавательную активность личности. Для этого в фондах библиотеки нужна не только высококачественная печатная продукция, но и аудио- и видеоматериалы, обучающие программы и мультимедиа, словом все, что составляет сегодня насыщенное информационное поле.

Библиотека выполняет двуединую задачу: наряду с удовлетворением читательских запросов и интересов юного поколения формирует не только сегодняшнего, но и завтрашнего взрослого читателя, его читательскую культуру. Поэтому так важно комплектовать фонды в соответствии с изменяющимися потребностями и интересами юных читателей.

Примечания:

¹ Брагина Г.М. Информационное поведение подростков как фактор развития библиотечной среды небольших городов (по материалам социологического исследования) // Информационный бюллетень Российской библиотечной ассоциации. — СПб.: Изд-во РНБ. — 2004. — №31. — С. 56, 57.

Часть IV. Здоровоохранение

**Записки врача, заведующего окрздравотделом
Тюмень — Ямал***

Шел 1948 год...

Всего три года назад окончилась Великая Отечественная война 1941–1945 годов советского народа против немецко-фашистских захватчиков, принесящая неизгладимый ущерб и горе. Родина восстанавливала разрушенное народное хозяйство после опустошительной войны, унесшей миллионы человеческих жизней.

В послевоенные 1946–1948 гг. в Тюменской области регулярные круглогодичные авиационные рейсы на Север, и в частности в город Салехард, еще не существовали. В тюменском аэропорту «Плеханово» базировались только легкомоторные самолеты ПО-2 на колесах. Чартерные рейсы по мере необходимости от случая к случаю выполнялись Уральским управлением гражданской авиации (город Свердловск): для высоких московских гостей летом на американских гидросамолетах «Каталина», которых на весь Советский Союз было всего два самолета, а зимой — на колесных самолетах ЛИ-2 и трофейном немецком «Юнкере».

В середине октября месяца 1948 года в Москве в Министерстве здравоохранения РСФСР стало известно, что в Ямало-Ненецком национальном округе зарегистрирована эпидемическая вспышка вшивого возвратного и сыпного тифов.

18 октября 1948 г. в город Тюмень прибыл инспектор противоэпидемического управления Министерства здравоохранения РСФСР Д.Д. Ионов, с приездом которого срочно было проведено заседание Тюменской областной чрезвычайной противоэпидемической комиссии, на котором было принято решение командировать в Ямало-Ненецкий национальный округ инспектора противоэпидемического управления Министерства здравоохранения РСФСР Д.Д. Ионова и государственного санитарного инспектора Тюменского облздравотдела П.Т. Московкина на

* Ямал в переводе с ненецкого — край земли.

ликвидацию эпидемической вспышки вшивого возвратного и сыпного тифов.

С закрытием водной навигации по реке Обь и до ледостава всякая связь окружного центра города Салехарда с внешним миром прекращалась, кроме связи по радио и телеграфу (телефонного проводного сообщения еще не было, появилось только в 1950 году).

По решению Тюменской областной чрезвычайной комиссии, несмотря на закрытие летной воздушной навигации, в наше распоряжение был выделен санитарный самолет ПО-2Л №3695 на колесах с опытным пилотом М.И. Медведевым.

В г. Тобольск мы вылетели из Тюмени 19 октября 1948 года, а из Тобольска в Ханты-Мансийск смогли вылететь только 22 октября, ввиду нелетной погоды. Прилетели в Ханты-Мансийск — аэропорт находился в селе Самарово, посадочная площадка зимой располагалась в районе рыбоконсервного комбината на косе, а летом — на противоположном берегу реки. 23 октября прилетели в село Березово, где нам стало известно, что с 22 октября в г. Салехарде днем укатывают снег на аэродроме 501 МВД СССР Героя Советского Союза Борисова, чтобы принять наш самолет на колесах, так как снега выпало глубиной более одного метра. 24 октября, на шестой день, наш самолет приземлился в городе Салехарде. Посадочная полоса располагалась справа от дороги на рыбоконсервный комбинат на берегу реки Шайтанка.

Сразу по прилету были представлены председателю Ямало-Немецкого окрисполкома М.М. Бродневу и первому секретарю окружного КПСС Малинскому, которые нас проинформировали о принятых мерах по ликвидации эпидемической вспышки вшивого возвратного и сыпного тифов.

Как выяснилось, еще в 1947 году началось строительство трансполярной железнодорожной магистрали через Полярный Урал. Среди строителей оказался больной вшивым возвратным и сыпным тифом, от которого заразилось местное население.

Первым диагноз вшивого возвратного и сыпного тифа поставил еще в декабре 1947 года заведующий Пуйковской участковой больницей Линде Эрик Владимирович, эвакуированный из Ленинграда в 1941 году по национальному признаку (немец), выпускник Ленинградской военно-медицинской академии, который при микроскопии капли крови больного выявил возбудителя вшивого возвратного тифа — спирохету Обермейра.

Вспышкой эпидемии возвратного и сыпного тифа было охвачено кочевое население на стыке трех районов — Приуральского,

Ямальского, Надымского. Во все районы были откомандированы представители окрисполкома и врачи Салехардской окружной больницы — для организации и контроля за проведением противоэпидемических мероприятий, обезвреживанием населения путем обработки одежды и белья в сухожаровых камерах, мытьем с мылом К, обработкой дустом ДДТ.

Мы с доктором Д.Д. Ионовым в сопровождении заведующего Ямало-Ненецким окрздравотделом К.И. Кислицына выехали на оленьих нартах по маршруту Салехард—Аксарка—Пуйко—Куттопоган—Шуга—Новый Порт.

Всего с начала вспышки заболевания возвратным и сыпным тифом на стыке трех районов — Приуральского, Ямальского и Надымского — было зарегистрировано 405 случаев, умерло 40 человек, в том числе заведующий Куттопоганским фельдшерско-акушерским пунктом Володя Солдатов, выпускник Тобольской фельдшерско-акушерской школы (так тогда именовались медицинские училища). Володя Солдатов был во время учебы активным комсомольцем, и после его гибели Тобольской фельдшерско-акушерской школе было присвоено имя Володи Солдатова.

Доктор Д.Д. Ионов в декабре месяце 1948 г. выехал в Тюмень с докладом о результатах ликвидации вспышки вшивого возвратного и сыпного тифов. Как у нас в России принято, надо было найти крайнего. Тюменский облисполком принял решение об освобождении от занимаемой должности заведующего Ямало-Ненецким окрздравотделом К.И. Кислицына. Я тогда находился в Новом Порту. Тюменский облздравотдел приказом от 15 января 1949 года назначил П.Т. Московкина заведующим Ямало-Ненецким окрздравотделом. Мне тогда было 25 лет.

Жители тундры, занимавшиеся оленеводством, извечно вели кочевой образ жизни и регулярной медицинской помощью не пользовались. Я сам был свидетелем случая в поселке Хальмер-Седе (тогда так называлось Тазовское) в декабре 1949 года, когда ненец-олeneвод на своих нартах привез в районную больницу больную родственницу на лечение и потребовал оплатить ему за доставку больной: из расчета 1 рубль за 1 км пути. И больница уплатила «транспортные расходы», заверив расписку оленевода с подписью родовым знаком — тамгу — в сельском совете. Подавляющее большинство коренных жителей — ненцы, ханты, манси, селькупы — в те годы были неграмотными.

Достаточно сказать, что в 1949 г. председателем Тазовского райисполкома работал ненец Тэсида — малограмотный оленевод, ко-

торый подписывался тамгу (родовой знак, а также метка на ушах оленей), а его заместителем был русский Н.М. Буторин. С отчетом на заседание окрисполкома или бюро окружка КПСС вызывались обычно и председатель, и заместитель, а отчитывался заместитель председателя. В послевоенные годы районы не имели специалистов со средним и тем более высшим образованием из числа местных коренных жителей.

Коренные жители при пребывании в населенных пунктах в лучшем случае в аптеках приобретали настойку йода и спиртные настойки для растирания. Бесплатно на амбулаторное лечение в те годы медикаменты никому не выдавались.

Женщины коренные жители, как правило, рожали в холодных чумах, так как беременные женщины считались «нечистыми».

Если nenки крайне редко и рожали в больнице, то медицинским работникам приходилось собирать новорожденному ребенку детское приданое всем миром.

Ненцы в своем большинстве до 1948 г. не знали бани. Тело и одежду почти никогда не мыли.

Основными продуктами питания населения Крайнего Севера были рыба, мясо оленя и птиц, ягоды. Употребление в пищу рыбы, оленьего мяса, ягод обеспечивало потребности в витаминах, минеральных веществах.

Мертвая дорога

С окончанием Второй мировой войны в 1945 году противостояние между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки резко обострилось, особенно после известной речи премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля в Фултоне (США) в 1946 году. Границы Советского Союза по Северному Ледовитому океану на севере и на востоке от мыса Дежнева до Петропавловска-Камчатского были прозрачны — все, кто хотел, мог свободно проникнуть на территорию Советского Союза. Старожилы Колымы рассказывали, что в районе бухты Провидения американские эскимосы с Аляски свободно ездили в гости к своим знакомым эскимосам на Чукотском полуострове, и наоборот (о чем свидетельствовало наличие американских винтовок у эскимосов). В целях укрепления северных границ Советского Союза в верхах было принято очередное грандиозное решение: начать строительство трансполярной Северной железнодорожной магистрали через Полярный Урал. Первая очередь железнодорожной магистрали начиналась от станции Сейда Северной железной дороги (на

40 км южнее станции Воркута) до станции Лабытнанги, что напротив города Салехарда, на левом, самом узком берегу реки Обь — на Ангальском мысе. От Салехарда на восток — на станцию Надым на реке Надым — станцию Уренгой на реке Пур — станцию Таз на реке Таз — до станции Ермаково на реке Енисей. Вторая очередь — от станции Ермаково до станции Якутск на реке Лена и третья очередь — до Магадана на берегу Охотского моря. С выходом железной дороги на Енисей предполагалось ее соединить с самой короткой и самой северной железной дорогой — Игарка—Норильск.

Строительство первой очереди велось в трех направлениях: 501 стройка от Салехарда на восток, 503 стройка от Ермаково на запад и, кроме того, 502 стройка от станции Сейда — Лабытнанги на север, на полуостров Ямал до бухты мыс Каменный на западном берегу Обской губы. А также с выходом железной дороги на реку Енисей станцию Ермаково соединить с самой северной в мире и самой короткой железной дорогой Игарка—Норильск. На мысе Каменном планировалось строительство морского порта для базирования морского флота — подводных лодок. Кстати, на мысе Каменном трудно найти камень, так как там кругом только песок. У ненцев этот мыс звался мыс Песчаный, но при переводе топограф ошибочно перевел «Каменный».

Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. немецкие подводные лодки свободно ходили по Северному Ледовитому океану вплоть до мыса Диксон, что в устье реки Енисей, а в Обской губе еще несколько лет после войны находили мины, особенно после штормов.

Штаб 501 стройки МВД СССР дислоцировался в г. Салехарде: на окраине города за летним стадионом невдалеке от берега реки Полуй. Здания штаба и политотдела размещались в так называемых сборно-щитовых зданиях, которые после ликвидации 501 стройки нам с большим трудом (вплоть до обращения в ЦК КПСС) удалось забрать в 1954 году для размещения противотуберкулезного и трахоматозного диспансеров и санитарно-лесной школы для детей с тубинтоксикацией.

Командиром 501 стройки МВД СССР был полковник Артамонов, главным инженером полковник Д.Д. Чхеидзе, которые перед этим построили нефтепровод через Татарский пролив на Дальнем Востоке и были описаны в повести известного советского писателя Василия Ажаева «Далеко от Москвы», где выведены они под фамилиями Батманов и Беридзе.

Переход через реку Обь от станции Лабитнанги до станции Салехард планировался по трем вариантам — строительство моста в самом узком месте напротив Ангальского мыса (до настоящего времени существует в городе Салехарде район Мостостроя); паромной переправы (планировалось приплавить паром с Каспия) и третий вариант — строительство тоннеля.

С наступлением морозов в самом узком месте реки Обь наморазживалась наледь, чтобы можно было перегнать паровозы, вагоны и грузы на правый берег. В 1953 году уже существовало рабочее движение по железной дороге до реки Надым. Остались паровозы и на станции Таз.

Фактически ни один вариант до конца не был осуществлен, так как в связи со смертью И.В. Сталина в 1953 г. строительство Северной трансполярной магистрали было заморожено, и магистраль превратилась в «мертвую дорогу». Часть заключенных была амнистирована, а большая часть была переброшена на другую грандиозную стройку тех лет — на строительство канала Волга-Дон.

Начало больших перемен

В марте 1949 года в городе Салехарде с деловым визитом находилась начальник Управления акушерско-гинекологической помощи Министерства здравоохранения РСФСР Е.И. Станцо, которая в нашем сопровождении побывала в поселковых больницах, фельдшерских пунктах и стойбищах оленеводов Приуральского и Ямальского районов.

Свою справку о командировке она направила в Совет министров РСФСР и ЦК КПСС.

В середине июня 1950 года в город Салехард прибыла большая комиссия ЦК КПСС, куда входили сотрудники разных союзных министерств, а также руководители подразделений Тюменского обкома КПСС и облисполкома. Здравоохранение области в комиссии представлял главный врач Тюменской областной больницы Ю.Н. Семовских. Комиссия ЦК КПСС разбилась на несколько групп, и в сопровождении представителей окружного КПСС и окрисполкома они вылетели во все районы округа. Мы — сотрудники отделов окрисполкома — готовили к возвращению комиссии справки со своими предложениями и просьбами. В начале июля бригада вернулась через Тюмень в Москву. Вскоре вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР за №300, которое на многие годы определило даль-

нейшее развитие хозяйства, культуры, здравоохранения и образования в районах Крайнего Севера, и в частности Ямало-Немецкого автономного округа.

Так, рыболовецкие и оленеводческие колхозы округа были преобразованы в совхозы, что в значительной мере улучшило материальное положение рыбаков и оленеводов, обеспечив постоянную заработную плату коренным жителям.

В округ по государственному распределению ежегодно прибывали молодые специалисты. В послевоенные годы в основном это были молодые женщины, в том числе и медицинские работники, которые при первой возможности, т.е. через два года работы, получали льготный отпуск и к месту работы, как правило, не возвращались, так как не имели возможности на Севере устроить свою дальнейшую жизнь — выйти замуж.

Министерство здравоохранения РСФСР произвело в 1950 г. перераспределение выпускников фельдшерско-акушерских школ в центральных областях России, и во второй половине сентября 1950 г. к нам в Салехард прибыли организованно сразу 25 фельдшеров-мужчин, которые нами были направлены на укомплектование пустующих фельдшерских пунктов в отдаленных населенных пунктах округа, особенно в Газовский, Красносельский и Пуровский районы. Среди прибывших фельдшеров были такие известные впоследствии специалисты: Федорищев Василий Дмитриевич, Базаров Иван Михайлович, Падалкин Петр Петрович, Архипов Николай Сергеевич и другие.

Малые народности Севера

Малочисленные народности Крайнего Севера расселены на огромной территории от Мурманска на Кольском полуострове на западе и до Чукотки, Камчатки и Сахалина — на востоке, занимая две трети территории России.

Согласно переписи населения 1965 г. малочисленных народностей Крайнего Севера всего насчитывалось около 150 тысяч человек, среди них ненцы, манси, селькупы, ханты, алеуты, долганцы, ительмены, кеты, коряки, тофолары, удэгейцы, ульчи, чукчи, эвенки, эвены, энцы, юкагиры, эскимосы. Интересно, что все самоназвания малых народностей в переводе на русский язык означают «человек». Ненец — человек, тунгус — человек и т.д.

Численность малых народностей колеблется в широком диапазоне: от десятков тысяч до сотен человек. Наиболее многочисленны ненцы, которые расселены на огромной территории в трех ад-

министративных образованиях: Ненецкий автономный округ Архангельской области, Ямало-Ненецкий автономный округ Тюменской области и Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ Красноярского края.

Самая большая популяция малых народностей проживала в двух автономных округах Тюменской области: Ямало-Ненецком — 23337 человек и Ханты-Мансийском — 21000 человек (данные 1965 года).

Надо сказать, что существуют серьезные речевые различия у ненцев Ямала, Тазовского района и лесных ненцев Пуровского района, как у русских, украинцев и белорусов, хотя и являются родственными языками.

В Ямало-Ненецком автономном округе проживало:

Годы	Ненцы	Ханты	Селькупы	Всего
1959	13576	5260	1137	19973
1965	15370	6500	1507	23377

Самые малочисленные народности Крайнего Севера России: алеуты — 546 человек (Командорские острова), нганасаны — 867 (Таймырский автономный округ), тофолары — 763 (Иркутская область), юкагиры — 835 (Чукотский автономный округ).

Местное коренное население Ямала в послевоенные годы не имело ни свидетельств о рождении, ни паспортов, не знало даты своего рождения. Время рождения определяли временами года — весной, летом, осенью, зимой. Достаточно сказать, что, например, в 1949 году в Хальмер-Седе (Тазовское) в течение девяти месяцев вообще не работал ЗАГС, ввиду отсутствия специалистов.

Местное коренное население, ведущее кочевой образ жизни, в силу особенностей производства в течение веков выработало самый разумный вид жилища — чум и самую рациональную одежду — чижы, кисы, тоборы, малицу и гуся. В советское время существовали специальные научно-исследовательские институты, разрабатывавшие новые, более рациональные виды жилья и одежды для Крайнего Севера, но ничего более практичного не могли придумать. Мне пришлось быть на Чукотке в 1960-е годы, где жилища и одежда коренных жителей полностью один к одному повторяют жилище и одежду на Ямале, хотя называются по-другому, например, чум — яранга.

Если ненец имел достаточное число оленей (не менее ста оленей на каждого члена семьи), а еще попутно во время каланий добывал рыбу и дичь, как показали наши обследования, все олене-

воды были здоровыми. Даже глубокие старики, съевшие зубы до корней, не имели кариозных зубов. Кочевой образ жизни ненцев в гигиеническом отношении более благоприятный, чем полукочевой, так как при переезде регулярно производится генеральная чистка и жилища, и одежды.

На начало 1949 г. в системе здравоохранения Ямала не существовало вообще передвижных фельдшерских пунктов ни в жизни, ни в номенклатуре учреждения здравоохранения. Даже больше — числившиеся в те годы фельдшерско-акушерские пункты (ФАП) и фельдшерские (ФП) часто не работали ввиду отсутствия физических лиц средних медицинских работников — фельдшеров и акушерок.

В бюджете здравоохранения на 1950 год мы впервые предусмотрели содержание передвижных фельдшерских пунктов, бесплатную выдачу медикаментов коренным жителям на амбулаторное лечение, бесплатную выдачу детского приданого женщинам малых народностей Крайнего Севера на сумму двести рублей при родах с медицинской помощью (распашонки, пеленки, простынки, одеяло). В те годы 200 рублей считались значительной суммой (один доллар стоил 80 копеек).

В 1953 г. из врачей окружной больницы была впервые сформирована передвижная бригада в составе фтизиатра, окулиста, дерматовенеролога для обследования оленеводов при переходе с зимнего на летнее каслание в Надымском и Пуровском районах.

Передвижные врачебные бригады впервые были организованы в системе здравоохранения именно в Ямало-Ненецком национальном округе. В 1957 г. Министерство здравоохранения СССР по нашему предложению утвердило Положение о постоянно действующем медицинском отряде. Многие пугают, что врачи были с передвижными отрядами и раньше, но они существовали не на бюджете здравоохранения, а отдела культуры при культбазах — Ямальской и Гыданской. Культбазы выполняли в первые годы своего существования административные функции советской власти, а также вели обучение неграмотных, культпросветработу, оказание медицинской помощи, санитарную пропаганду.

Подготовка фельдшеров и врачей из местного населения

На 1 января 1949 года в Ямало-Ненецком автономном округе не было ни одного фельдшера, медсестры и тем более врача из числа местного коренного населения — ненцев, ханты, манси, селькупов.

В Салехарде фельдшерско-акушерская школа, открытая в 1945 году, первый выпуск сделала в 1949 году, но там тогда не обучалось ни одного ненца, ханты, манси или селькупы. В округе единицами насчитывались коренные жители с семилетним образованием. Мы просили Министерство здравоохранения РСФСР разрешить открыть подготовительное отделение при Салехардской фельдшерско-акушерской школе. В 1951 году было открыто подготовительное отделение на полном государственном обеспечении для детей ненцев, ханты, манси, селькупов с 4-классным образованием.

Райкомам КПСС и райисполкомам было спущено задание направлять детей в Салехардскую ФАШ не менее двух человек с 4-классным образованием для обучения в 5, 6, 7 классах и последующего зачисления на первый курс. В те годы проводилась большая работа по поголовному охвату детей коренных жителей обучением в школах-интернатах. Со временем, когда общеобразовательные школы округа стали выпускать достаточное число учащихся детей малых народностей, мы постепенно отказывались от пятого, затем от шестого, а в 1961 году и от 7–8 классов.

Одним из первых выпускников из числа малых народностей Крайнего Севера был ненец Леня Лапцуй, окончивший впоследствии высшую комсомольскую школу, ставший известным по этому.

С 1953 г. согласно указанию Министерства здравоохранения РСФСР на первый курс зачисляли до 5 человек вне конкурса из детей Ненецкого автономного округа Архангельской области.

Осенью 1956 г. в Салехарде находился специальный корреспондент газеты «Известия» Бударин Михаил Ефимович (впоследствии доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Омского педагогического института), которого мы ознакомили с состоянием организации медицинской помощи населению. 14 ноября 1956 г. в газете «Известия» была опубликована статья «О воспитании национальной интеллигенции в районах Крайнего Севера» за нашими подписями, в которой мы ставили вопрос о необходимости организации подготовительного отделения при медицинском институте для малых народностей Крайнего Севера.

Совет министров РСФСР в 1957 г. разрешил открыть подготовительное отделение при Омском государственном медицинском институте на полном государственном обеспечении для малых народностей Крайнего Севера, куда Ямало-Ненецкий окрздравотдел

должен был направлять по 10 человек ежегодно с образованием 7 классов, а с 1959 года — 8 классов. В 1959 г. это подготовительное отделение было переведено в Тюменский государственный медицинский институт. Это дало возможность уже к 1 августа 1968 г. подготовить 21 врача из местного населения. Первыми врачами из коренного населения были ненка Ядне Нина Владимировна и селькуп Калин Григорий Егорович.

Часть V. Этнография

Фольклор русских и народа ханты в записях С.К. Патканова

Серафим Патканов еще при жизни был признан певцом инородцев. За годы своего пребывания среди них этот ученый сумел войти в доверие к остякам, благодаря чему написал капитальный труд «Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie», открывший эпоху в их изучении.

Понять остяков и расположить их к себе С.К. Патканову помогло основательное знание языка инородцев. А раз ученый мог говорить с остяками на их родном наречии, то, стало быть, он смог проникнуть и в неизвестные стороны их жизни, религии, воззрений на окружающий мир.

С.К. Патканов прославился и тем, что он собрал уникальный фольклорный материал: сказания остяков, их сказки, пословицы, записал образцы остяцкой поэзии.

Характеризуя масштаб этой незаурядной личности, такой известный ученый, как Н.Н. Поппе, отметил: «После Патканова в области этнографического изучения остяков уже ничего выдающегося сделано не было. В этом отношении он остался довольно одиноким в новейшей истории русского остяковедения» (Серафим Патканов. Остяцкая молитва. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 5–6).

Действительно, все, что записано С.К. Паткановым, представляет несомненный интерес для науки. Благодаря его трудам можно познакомиться не только с древним героическим эпосом инородцев, их былинами и героическими сказаниями, но и с более поздними формами фольклора (в основу которого положены, видимо, как реальные факты, так и досужий вымысел).

К числу свидетельствующих об этом рассказов принадлежат две записи о посещениях остяцкими князьками и богатырями русских царей, сделанные С.К. Паткановым в 1887 г. в Тобольском округе.

Как предполагает ученый, эти рассказы возникли вскоре после покорения Сибирского царства, а именно тогда, когда о русской столице узнали инородные князьки. Они-то и потянулись в рус-

скую столицу с изъявлением покорности. Что касается русских правителей и губернаторов, то они якобы принимали гостей из числа инородцев ласково и, одарив их, наложив ясак, с почетом отправляли домой.

«Сказания о поездках остяцких князей к русским царям» С. Патканов опубликовал в журнале «Живая старина» (1898. Вып. 3—4. С. 351), предварив записанные им рассказы пояснением о том, как в не столь отдаленные времена жили инородцы и почему они могли регулярно платить большой ясак царю и делать подарки его подданным.

Лет 300 тому назад, когда в краю было еще очень мало русских, вся земля всецело принадлежала остякам, которые управлялись своими князьками, — пишет С. Патканов, записывая сказания о поездках остяцких князьков к русским царям, — леса изобиловали пушниной и дичью, а воды — рыбой, ввиду чего остякам жилось недурно. Они не только могли исправно вносить ясак царю, но и делать подарки своим князькам, некоторые из которых, накапливая из года в год пушнину и выменивая на нее серебро, шелковые ткани и деньги, приобрели значительные богатства.

Иными словами, инородцы уже тогда, на заре присоединения Сибири к русскому царству, доподлинно знали о том, что те богатства, которыми они располагали, медленно, но целенаправленно перетекают в руки отдельных высокопоставленных лиц, в связи с чем их ждет не очень-то радостное будущее. Ведь запасы в конце концов будут исчерпаны, а те, в чью собственность они перейдут, не захотят поделиться ими с обездоленными.

Но с течением времени, пишет далее С. Патканов, обстоятельства изменились: русское население стало расти, остяцкое беднеть и убывать. Пушнины уже добывалось меньше, и князьки не только не получали больше подарков, но то и дело должны были выручать обнищавших недоимщиков. К тому же стали ходить слухи, что то тот, то другой из амбаров, посвященных весьма почитаемым остяцким богам, подвергались ограблению со стороны вольных русских людей.

Видя, что не представляется возможным при таких обстоятельствах сохранить свои богатства, многие из остяков и вогульских князьков приняли решение закопать их в землю, — поясняет С. Патканов. Так же поступил, между прочим, и один князек, имя которого не сохранило предание, правивший чиликанскими и соседними остяками. Про этого князька рассказывают, что он не только был мудрым правителем, но и отличался замечательной физической кра-

сотой: на лбу у него сверкала звезда, а на затылке светил ясный месяц. Но подданные его об этом ничего не знали, потому что он, не желая смущать их этим чудом, постоянно носил на голове большую шапку.

Замечу, что князек инородцев, управлявший чиликанскими и соседними остяками, напоминает одного из героев русских сказок, отличавшегося необычной физической красотой и носившего на лбу звезду, а на затылке — месяц. По этому можно заключить, что это свидетельство в хантыйском сказании, записанном С. Паткановым, имеет древние корни, но никак не трехсотлетней давности.

Желая привести в исполнение задуманную им мысль, князек нанял русских крестьян, которых завязал глаза, указывает С. Патканов. В одном бору они выкопали 40 погребов, в которые якобы сам князек опустил 40 ящичков с драгоценностями, и затем ящики засыпали и сравняли с землей. Крестьяне получили право развязать глаза лишь тогда, когда они прибыли в город. Таким образом, никто, кроме самого князька, не знал, где закопан клад.

Как видно из сказания, хантыйский князек был добрым человеком, он не умертвил русских крестьян, нанятых им для того, чтобы спрятать клад. Князек отпустил их, как только все работы были закончены. Думается, его образ в сказании появился не случайно. С его помощью ханты представляют всем, кому рассказывали о давно минувших днях, что их значимый и высокочтимый вождь был добрым человеком, ханты же тоже миролюбивые люди.

Это произошло в ту эпоху, когда указанный князек еще был язычником, или, по выражению остяков, «поклонялся шайтанам», писал С. Патканов. Будучи знатного рода, князек, однако, желал иметь крестным отцом какого-нибудь русского столь же знаменитого происхождения, как и он. Таких же лиц в те времена, несмотря на его поиски, нельзя было найти в целом краю, и князек по совету стариков решил обратиться по этому поводу к Белому царю, к которому, по слухам, уже ездило двое князьков. Но осуществить эту заманчивую идею оказалось делом нелегким: ведь царь его, конечно, не станет крестить даром, а богатств у него более не имелось, он даже забыл место, где были закопаны его драгоценности. Как быть? Он думал три дня и три ночи и решил испытать свое счастье на охоте. Бог, должно быть, русский, ему помог.

(Своим богам князек уже мало доверял. Он делал приклады, но они не исполняли своих обещаний.)

Далее повествуется о том, что князьку посчастливилось найти гнездо с молодыми лисицами, одна из которых оказалась весьма

необыкновенной — шерсть у нее была золотистая и имела такой ослепительно яркий блеск, что его с трудом мог выносить глаз. Вот эту лисицу он и приготовил в подарок царю. Бережно содрав с нее шкурку, он завернул ее в чистый белый платок и в радостном настроении отправился домой.

Через день он был уже в пути, а месяца через два — в столице. Не останавливаясь, чтобы отдохнуть, он прямо направился во дворец. Здесь его встретила старушка, которую он попросил доложить царю, что к нему приехал издали гость.

Указание на время, в течение которого князек якобы находился в пути, направляясь в Петербург, возможно, имеет под собой реальную основу, являющуюся своеобразным свидетельством того, что некогда доброты из числа ханты все-таки ходили в этот далекий край и потому доподлинно знали о том, через сколько дней, следуя из Югры в Петербург, можно добраться до северной столицы.

Представляет интерес в сказании и сцена встречи князька с русским царем, записанная ученым. Оказывается, что хантыйский князек был человек необыкновенный, благодаря чему он имел право на более уважительное и внимательное к себе отношение со стороны царя.

Князек вошел в комнату, где находился царь, не снявши шапки, писал С. Патканов. Государь с ним поздоровался и спросил: «Ты что за человек будешь и отчего предо мной шапки не снимаешь?» Он отвечал: «Я остяцкий князь, приехал к тебе из далекой Сибири по небольшому делу. А что я шапки пред тобой не снял, то это, чтобы тебя не испугать, Ваше императорское Величество». Царь услышал и сказал: «Я не из трусливых, можешь смело снять шапку». Остяк повиновался, и свет, исходящий с его лба и затылка, внезапно озарил всю комнату. Государь смекнул, что перед ним человек необыкновенный, и стал с ним еще ласковее. «Изложи просьбу». «Приехал я сюда, чтобы принять святое крещение и просить твою милость быть моим крестным отцом».

Вероятно, желание хантыйского князька принять святое крещение можно рассматривать как своеобразную пропаганду новой веры — христианской. Церковь, заинтересованная в увеличении своей паствы, вела определенную работу в этом направлении среди всех многочисленных народов, проживающих как в европейской, так и азиатской России, в частности, убеждала инородцев в том, что они должны забыть своих «шайтанов» и принять новую веру. Как видно далее из сказания, эта вера для югорского князька была чуждой.

Он не разбирался во всех тонкостях процедуры ее принятия. Вместо того чтобы прошесть в церковь и там отдаться в руки священников, он пошел к царю и, попросив его быть своим крестным отцом, принял новую веру.

«Что же, это можно», — отвечал Государь.

Тогда остяк вытащил из-под «гуся» платок, в который была возвращена лисья шкурка с золотым руном, и подал царю.

35 лет было князьку, замечает в скобках ученый.

Государь крестил князька и по своей фамилии нарек ему имя Роман, описывает далее С. Патканов приключения главного героя хантыйского сказания. Потом император женил князька, выдав за него одну из придворных девушек. После пышной свадьбы, которая была устроена во дворце, молодец отправился в Сибирь. По дороге молодая стала тосковать, что ей придется всю жизнь провести в глуши, среди лесов и болот, и отравила мужа сулемой, после чего вернулась в Питер.

Вот какой коварной оказалась придворная девушка — избранница царя: убила родного мужа — хантыйского князька 35 лет от роду — и, как ни в чем не бывало, вернулась в столицу.

В память о погибшем князьке Романе родственники его, также принявшие крещение, выстроили возле своих юрт церковь, вокруг которой впоследствии выросло большое село, названное по имени остяцкого князька Романовским, сообщает далее ученый. Оно находится в южной части Деншиковской волости Тобольского округа и губернии. От прежних остяцких юрт сохранились лишь два дома, в которых проживают обрусевшие остяки, считающие себя потомками княжеской фамилии.

Представляют интерес пояснения С. Патканова относительно происхождения села Романовского (вынесенного, по словам, им в сноски (Живая старина. Вып. 3—4. Санкт-Петербург, 1898. С. 354). Как пишет ученый: «...факты, соответствующие истории относительно возникновения с. Романовского, близко подходят к событиям, изложенным в нашем сказании. Остяцкий князек Роман, давший имя означенному селу, правил вместе с князьком Нимньяном над Демьяновской волостью, расположенной около устья реки Демьянки. По взятии казаками их городка он, как гласит история, ушел на Конду. Невыясненным в истории, однако, остается вопрос, каким образом во главе незавоеванной волости языческих остяков мог находиться князек, носивший христианское имя, на которое обратили внимание и сами историки.

Не менее интересно и второе сказание, записанное С.К. Паткановым и тоже приведенное им в примечаниях. Согласно этому сказанию в далеко прошедшие времена близ Троицких юрт на Оби проживали два великих богатыря, прозванных по месту, откуда они происходили, «стариками с вершины речки» (Ега-тей-игенген). Один из них носил имя «Старшего богатыря» (Энэ-урт), другой — «Младшего богатыря» (Ай-урт). Когда русские завоевали край и стали крестить народ, этих богатырей уже не было в живых, на месте их жительства благочестивыми остяками были выстроены амбарчики, в которых хранились изображения с этих идолов, или, по выражению инородцев, «лики». Поп и хотел начать крещение народа, но, несмотря на все старания, не мог их разыскать. Они внезапно скрылись неизвестно куда. Через некоторое время, однако, пронесся слух, что эти высокочтимые боги хранятся где-то поблизости у одного остяка. Посланные 10 человек, придя в указанные юрты, разыскали амбарчики, в которых хранились изображения богов, и хотели отвезти их в церковь, но не смогли сдвинуть «лики» даже с места.

Кстати, вера в то, что священные «лики», как и священные предметы, обладают уникальной способностью, так сказать, тяжелесть по желанию Бога или духов, до сих пор бытует среди коренных народов Севера. Таким образом, по их мнению, Бог и духи сообщают тем, кто имеет с ними дело, свое истинное желание, не исполнить которое аборигены не имеют права. Молчаливый приказ Бога, выраженный в виде неподъемной тяжести, растолковывается однозначно. Бог настаивает на своем решении. Значит, надо ему подчиниться и не делать так, как он не советует. Иначе он накажет за непослушание.

Посланцы обратились к хозяину ликов и попросили его помочь исполнить приказ царя, пишет далее ученый.

Остяк оказался покладистым. Он вынул лики из амбара и передал посланцам.

Когда царь услышал об этом чуде, он повелел привезти эти лики себе. Посланные запрягли большие сани и с помощью остяка положили на них этих богов, но, несмотря на старания лошадей и людей, сани не сдвинулись с места.

Опять обратились к остяку. Он хлестнул лошадей, и они помчались сани с быстротой ветра.

Как ханты, ездившие по северным просторам на оленьих упряжках, вдруг «пересели» в сани и лошади понесли их быстрее ветра?

Возможно, кто-то из ханты, пересказывавших сказание, выезжал за пределы Югры и видел, как быстро, по сравнению с оленя-

ми, бегают лошади. Скорость этих красавцев он сравнил со скоростью ветра и тем самым приукрасил сказание.

Царь принял остяков и, узнав, что они не крещены, «осерчал» и решил их сжечь, а их хозяина казнить, — говорит далее С. Патканов. Царь сел за стол писать приказ и уснул.

На другой день государь вспомнил о бумаге и решил ее окончить. Но каково же было его изумление, когда вместо написанных им строк он прочел следующее: «Ты нас не жги, так как повредишь через это себе самому: ты царь и все равно что русский Бог, а мы остяцкие богатыри и боги. Если ты нас обидишь, то мы поедем к другому царю и будем с ним в союзе. Мы найдем на твое войско каменных и железных волков, которые его истребят. Если же ты нас не тронешь, мы всегда будем стоять за тебя».

Царь прочел бумагу и, убедившись, что не спит, сел писать ее в прежнем виде, но крепко уснул.

Посреди ночи он как бы во сне услышал звон колокольчика и затем громовой удар, внезапно пробудился и увидел как бы молнию, сверкнувшую в комнате и ушедшую через разверзнувшийся потолок и крышу на небо. Государь осмотрел вокруг и заметил, что «лики» остяцких богов исчезли. Он сунул руку под подушку, чтобы разорвать ненужный теперь приказ, но вместо приказа нашел бумагу, на которой было написано: «Ты, Государь, не казни нашего хозяина, иначе ты не будешь иметь счастья в бою, вспомни наши слова!».

Царь подумал, подумал и решил, что в предстоящих войнах помощь остяцких богатырей ему может пригодиться, и отпустил инородцев с миром.

Богатыри Ега-тей-игенген улетели в родную Сибирь и поселились где-то на Оби, хотя по временам показываются и в других местах, например, Нахрачах — священном селении кондинских вогулов. Верные своему слову, они приняли участие во всех войнах, которые ведут русские, истребляя их врагов в виде железных и каменных волков. За эти заслуги остяцких богатырей русские цари освобождали от воинской повинности.

Исчезающая и вновь появляющаяся бумага, на которой якобы писал царь, а также хантыйские богатыри, умевшие читать, — это, безусловно, вымысел многих сказителей, привнесших в повествование свои новые знания о мире. Благодаря этому можно проследить трансформацию мысли аборигенов — хранителей древней истории, пекущихся о нравственной красоте и чистоте своих национальных героев, ревностно заботящихся о простом народе, якобы диктующем русскому царю выгодные для инородцев условия, а следова-

тельно, принимающих активное участие в строительстве новой жизни. Благодаря заслугам богатырей русские цари освободили остяков от воинской повинности.

Но С.К. Патканов проявлял интерес не только к мифологии остяков, при возможности он записывал и образцы русского фольклора, сохраняя при этом особенности речи, о чем предупреждает читателей журнала «Живая старина» (где впервые опубликовал в 1892 г. записанные в деревне Земляной Червишевской волости Тюменского округа Тобольской губернии «Заговоры и поверья от ружья»).

Хотя С. Патканов не называет имя и фамилию человека, поведавшего ему данное поверье, он указывает на то, что там, где произвел запись, проживали почти исключительно ссыльнопоселенцы и каторжники, отбывавшие срок наказания. Следовательно, ими были не ханты. Скорее всего, то были уроженцы европейской России, так как именно их во времена ученого ссылали на каторгу в Сибирь. Жаль только, что С. Патканов не поинтересовался у ссыльнопоселенцев и каторжников: из каких губерний европейской части империи под присмотром конвойных они вынуждены были «откочевать» за Урал?

Наверняка те, с кем беседовал ученый, находясь в деревне Земляной, рассказывали ему о своих родных краях. Но он, вероятно, не придал этому значения, так как считал, что интерес для науки представляют в первую очередь заговоры и поверья, а не названия населенных пунктов, где их впервые услышали носители фольклора (что С. Патканов и сделал, как только ему представился такой случай).

В книге «Остяцкая молитва», выпущенной в издательстве Ю. Мандрики, несколько изменено заглавие заговора: «От ружья. Заговоры и поверья».

Чтобы ружье было верно и не давало осечки, при чистке надо соблюдать следующее: для смывки нужно взять от печки глины сбоку и песку, это положить в воду; нужно наговорить на воду, тогда смывать ружье, — писал С. Патканов; напоследок сказать: кто испортил ружье, тому песку в глаза; кто станет наговаривать, должен свое имя называть.

Заговор: «Лягу, помолясь, встану, благословясь, пойду, перекрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота, под красное солнце, под светлый месяц, под чистые звезды, под батюшку море-океан, на батюшке море-океан стоит Святая Соборная Апостольская церковь, в той Святой Соборной Апостольской церкви стоит престол, за

этим престолом сидит Матушка Пресвятая Богородица за ризой нетленной, за свечами неугасимыми».

Из приведенного текста видно, что многие лексические обороты, присутствующие в нем, заимствованы из русских сказок, а это придает данному тексту особую значимость, указывая на его древность. Что касается Соборной Апостольской церкви и Матушки Пресвятой Богородицы, к которой обращается некий раб Божий, вымаливая удачу на охоте, то они, скорее всего, привнесены в текст после принятия христианства русскими.

«Я, раб Божий (как зовут), пойду близко, поклонюсь низко, ты, Матушка Пресвятая Богородица, закрой и защити меня, раба Божия, нетленной своей ризой от уроков», — записал далее С. Патканов.

«Ты, водица, красна девица, идешь с востока и до запада, подмываешь круты берега, и вымываешь желты пески, смой у меня все уроки с ручной моей ручницы, с огненной бойницы, с китай-железа, с немецкого складного замка, с пороха и дыма, с синего свинца, с глазу и с мишени, с острой цели, все мои уроки сзади заходящего, сбоку заглядывающего, от двуногого и от одноногого, от черного, от русого, от рыжего, от хитки, от прытки, от бабы-самокрутки, от девки-простоволоски, от всей дьявольской сатаны, во веки веков. Аминь».

Прочитанный отрывок заговора отражает наблюдения русского народа над такими природными явлениями, как деятельность водой, подмывающей крутые берега и вымывающей желтые пески, следовательно, принимающей активное участие в преобразовании земли, и потому, по разумению древних, имеющей определенную силу, не считаться с которой они не могли. А коль вода обладала силой созидания, преобразования земли, то и обращались к ней за помощью, просили ее защитить от тех, кто был, по разумению русских, способен навредить во время охоты.

Следующий отрывок заговора, записанный С. Паткановым, тоже, на мой взгляд, имеет сказочные корни, представляющие интерес для науки, так как приоткрывает завесу над представлениями русских о мире.

«Стоит дуб корень-корястый, вокруг дуба корень-корястого змей-змеище о 12 головицах: пожират красное солнце и светлый месяц и чистые звезды, и всю Господню колесницу; я, раб Божий, ему отвечаю: «Не жри, не глотай красное солнце и светлый месяц, и чистые звезды, а сожри и проглоти у меня, раба Божия, все мои уроки с ручной моей ручницы, с огненной моей бойницы, с китай-железа, с немецкого складного замка, и с пороха и дыма, с синего свинцу, и с глазу с мишени, с острой цели, не около меня, раба

Божия, не около думы моей кроткой, не около моей плоти, а вот тебе место и забавище, около задних дверей, около задних петель, там ты забавляйся и прохлаждайся, во веки веков. Аминь. Будь мои слова: крепки и лепки, крепче всячых замков и острых булатных ножей, во веки веков. Аминь». (Трижды.)

Второй заговор, записанный С. Паткановым у русских носителей фольклора, тоже своеобразный, выражающий чаяния промышленявших на зайцев охотников, их представления о том, где живут зайцы и зайки, по каким тропам они бегают, надежды на то, что эти зверьки прибегут к ловушкам и не заметят петли, расставленные на них.

Собираясь ловить зайцев, писал С. Патканов, надо предназначенные для этого петли подвергнуть следующим операциям: зайцев ловить — первое дело надо наскать петель, потом вывесить на воздух, чтобы выветрились; потом взять из подполья, из 4-х углов путеннику (паутина) и моху, подкурить эти петли. Еще достать с дерева вольховую губу (нарост на ольхе), натирать его, когда станешь привязывать за очип. Заговор: Мать Божья, Вышних Творец, небесных Отец, будьте мне пособщики и помощники, пособиите и помогите наговорить на нитяные петли, на мочальные петельки, на березовые мотыльки, падите о суды-переговоры на уметны кости, на мхи, на болота, на гнилые колоды, на черную грязь, лежит белая тропа заячья и зайкина, теките и бегите, белые звери — зайцы и зайки из-за гор, из-за морей, из-за темных лесов — к моим ловушкам, к нитяным петлям, к мочальным подпетельникам, к березовым мотылькам, росту своего не слышите, ушей своих не видите, так бы и не видали и не слыхали моих ловушек, нитяных петель, мочальных подпетельников, березовых мотыльков. Моим словам. Аминь. Замкну слова крепким замком и висячими ключами...

Сказания о хантыйских богатырях и заговоры русских охотников от ружья, записанные С. Паткановым, наглядно выражают мировоззрение этих двух народов. Они свидетельствуют об их языческом прошлом, о том, как с течением времени трансформировалось сознание ханты и русских и благодаря чему не иссякала вера во всемогущество старых и новых благосклонных к человеку Богов.

Н.И. Величко

Ханты в этнографическом описании Г.А. Старцева

Известный отечественный этнограф первой половины XX в. Георгий Афанасьевич Старцев родился 21 февраля 1902 г. в деревне Катгдпом Яренского уезда, в семье крестьянина коми. С 1910 по 1919 гг. Старцев учился в Онежской церковно-приходской школе и Усть-Вымской учительской семинарии, в 1919 г. служил в Красной Армии. В 1924 г. Старцев окончил Петроградский государственный университет по общественно-педагогическому отделению. Одновременно Георгий Афанасьевич состоял вольнослушателем археологического и географического институтов. В 1925–1930 гг. он преподавал этнографию финно-угорских народов, языки ханты, манси, ненцев на географическом факультете Ленинградского государственного университета. В 1926 г. Старцев передал в Музей археологии и этнографии собранную в экспедициях этнографическую коллекцию, отражающую охоту и быт остяков. Председатель историко-этнографической секции ЛОИКФУН, Старцев в 1928–32 гг. преподавал в педагогическом институте им. А.И. Герцена, в 1930–31 гг. — и в Ленинградском историко-лингвистическом институте. В 1932 г. Георгия Афанасьевича перевели, что можно рассматривать в качестве ссылки, в педагогический институт г. Сыктывкара. Там Старцев был заведующим кафедры и руководил учебной частью, а в 1933 г. по совместительству назначен и директором Коми областного музея. В 1938 г. ученого репрессировали. В 1942 г. Старцев ушел добровольцем на фронт. Сведения о дальнейшей судьбе известного этнографа отсутствуют. Реабилитирован он был в 1956 г.

В 1925 г. состоялась экспедиция Г.А. Старцева к осяткам (по заданию Комитета по делам северных народностей при ЦИКЕ РСФСР) для обследования их экономического положения. Георгий Афанасьевич описал этнографическую часть собранного материала и выступил с докладом о нем на ассистентском семинаре, руководимом профессорами В.Г. Богоразом и Л.Я. Штернбергом (в Ленинградском государственном университете).

По результатам экспедиции в 1928 году в издательстве «Прибой» вышла небольшая книга Старцева «Остяки (социально-этнографический очерк)». Эта работа до сих пор представляет немалый интерес для исследователей обских угров. Она состоит из следующих разделов: история остяков; народ финно-угорской семьи; современное положение остяков; материальная культура остяков; язык, счет, названия дней и месяцев; движения населения; следы родового строя; строй остяцкой семьи; брак и свадьба у остяков; положение женщины в семье и роде; боги и духи; шаманы и шаманство; следы тотемизма; жертвоприношения; отношение остяков к смерти, загробному миру и покойнику.

В книге были использованы фотографии из Тобольского музея, часть снимков из коллекции автора и его зарисовок. Старцев приводит статистические сведения о расселении остяков. По его словам, согласно «данным Тобольского окружного исполкома на период октября 1924 г., количество остяцкого населения составляло 18303 человека. Остяки по районам Тобольского округа расселены следующим образом: в Березовском — 7014 человек, Обдорском — 4114 человек, в Сургутском — 2294 человека, Александровском (с октября 1925 г. Александро-Ваховский район присоединен к Томской губернии) — 2919 человек, в Самаровском — 965 человек, Кондинском — 810 человек. В Томской губернии проживает 7000 остяков с учетом Александро-Ваховского р-на и остяков, кочующих по направлению к Енисею; это кеты и остяко-самоеды (современное название селькупы)» (С. 17).

В разделе о современном положении остяков Старцев дает характеристику их хозяйства и приводит данные о добыче пушнины. Говоря о восточных хантах, исследователь пишет: «оленей в этом районе на хозяйство приходится незначительное количество. В Сургутском районе на Югане в среднем на одно хозяйство — 4 оленя, по р. Пиму — 24 оленя, на Агане — 12 оленей и по р. Тромагану — 18 оленей. Поэтому остяки занимаются в этом районе больше охотой и другими промыслами (сбор кедровых орехов и рыболовство), оленеводство обеспечивает передвижение и одежду» (С. 19). В оценке Старцева самый бедный район — Александровский, по бассейну р. Вах. Главным объектом охоты у остяков служит белка, добываемая ежегодно (от 180 до 240 тысяч штук); добывается и птица — около 130 тысяч штук, а в нижнем течении главным образом жители занимаются рыболовством. Стадо оленей у ваховских остяков составляет 750 голов (на 1925 г.) и отвечает транспортным целям, в каждом хозяйстве содержат от 3 до 13 оленей. (Статистические дан-

ные Старцев заимствует из статьи П.И. Сосунова «Общая характеристика современного хозяйства Обского бассейна», опубликованной в 1925 г. в журнале «Северная Азия».)

По словам Г.А. Старцева, «из всех финно-угорских народностей остяки стоят, пожалуй, на самой низшей культурной ступени развития. С остяками могут сравняться лишь вогулы, ведущие почти оседлый образ жизни, и лопари, живущие по северному побережью Скандинавского полуострова» (С. 25).

Исследователь выделяет четыре вида жилища у остяков. Первый из них — юрта зимняя, конусообразная, покрытая оленьими шкурами. По свидетельству Старцева, «на р. Вах чум покрывают берестой в зимнее время» (С. 25). В действительности ханты никогда не покрывали чум берестой в зимнее время, автор путает зимний чум с летним, покрытым тисками вываренной бересты. Второй тип — юрта летняя, берестяная, напоминающая бревенчатый сруб. Этнограф имеет в виду летний двухскатный заслон — временную палатку, покрытую вываренной берестой. Третий тип жилища — зимняя бревенчатая избушка с потолочным перекрытием и без него. Наконец, четвертый — это землянка, врытая наполовину в землю.

Г.А. Старцев только констатирует, что «домашняя утварь остяков сплошь изготавливается из дерева и бересты. На р. Вах и Конде некоторые остячки занимаются изготовлением посуды из глины, но вообще гончарная посуда у остяков совершенно не распространена» (С. 28). Автор упоминает о корзинах, плетенных остячками из корня кедра (их современное название — корневатки), и женских мешочках из оленьей замши и мешочках из кожи налима, в которых хранят муку, соль и т.д. (отверстия мешков затягивались шнуром).

Исследователь очень кратко пишет о верхней одежде из сборного меха: «в зимнее время остяки носят малицы и гуси, сшитые из оленьих шкур, а летняя одежда ситцевая, русская длинная. Однако еще сохранилась женская национальная рубаха — сама ткань из волокон дикой крапивы с продольным прорезом спереди» (С. 29). Г.А. Старцев имеет в виду платье из самотканого крапивного волокна, которое ткали южные и восточные остяки на ткацком станке в конце XIX — начале XX вв.

Н.В. Лукиной представляется «явно ошибочным... утверждение, высказанное ... Г.А. Старцевым, что еще 50—60 лет назад остяки одевались исключительно в звериные шкуры и меха»; предпочтительнее «мнение, что ханты стали применять ткани на одежду очень

недавно, а шелк и бархат у них появился с началом торговых отношений с русскими и татарами при посредничестве зырян».

По наблюдению Г.А. Старцева, «в безоленных районах остяки одеваются в русские тужурки и полушубки. Пиджак, рубашка, пояс, штаны — покупные». Автор, вероятно, бывал только у ханты, проживающих в крупных поселках по Оби, так как только там остяки могли носить покупные вещи. Как писал Г.А. Старцев, «зимой женщины одеваются так же, как и мужчины». Отметим, что зимняя мужская одежда сильно отличалась от женской, и не только покроем, она была украшена бисером или яркими аппликативными полосами.

По свидетельству Г.А. Старцева, остяки очень любят украшать как одежду, так и обувь, домашнюю утварь; на всех берестяных плетеных коробках наносились орнаменты, мотивы которых навеяны окружающей средой: береза, сосна, ель, лиственница, ветки березы, корень лиственницы, корень кедра, белка, медведь, голова лошади, заяц, кулик, чайка, синица, олень, орел, снегирь.

Остяки — большие любители металлических украшений и бисера. Г.А. Старцев сообщал о том, что остячки «вышивают бисером, изготавливая бисерную нить и нашивая ее. Если же статус вещи повышался (она изготавливалась к свадьбе или служила подарком), то каждая бисеринка пришивалась индивидуально».

Восточные ханты изготавливали нагрудные украшения из бисера и в меньшей мере из бус, у восточных ханты бисер называли ай-кёх (букв.: «маленький камень»), у южных — кеу, кев — «камень», у северных хантов сак.

Женщины украшали себя бусами, подвесками и кольцами, надевая их на косы, на уши и на шею.

По словам Г.А. Старцева, «в пищу остяки употребляли мясо животных и дичь. Олень дает мясо и кровь. Мясо медведя и белки — лакомые куски. Летом остяки едят рыбу и ягоды». Вообще остяки были рыбаками, употребляли в пищу рыбу круглый год, изготавливая ее различными способами, заготавливали ее впрок, животных добывали зимой в охотничий период, водоплавающую и бортовую дичь — в определенный сезон; после добычи медведя устраивали медвежий праздник, т.е. медвежье мясо было ритуальной пищей. (По данным Н.В. Лукиной, на Вахе в пищу употребляли дикого оленя, на Васюгане — мясо лося. Домашних оленей забивали на мясо редко, лишь в верховьях Тромагана это было в порядке вещей.)

Как замечал Г.А. Старцев, хлеб остяки пекут в глиняных печах, предварительно замешивают тесто с закваской. (Кислый (русский)

хлеб употреблялся, вероятно, на Оби. Известно, что на Вахе тесто готовили пресное или на соде. Пресное тесто заводили из ржаной муки на рыбном бульоне, на икре, на крови оленя и на порсе, обычно без соли.)

Более подробно Г.А. Старцев описал орудия и способы охоты на зверей и птиц. Это ружья, разнообразные слопцы, ловушки давящего типа (на тетерева и глухаря), силки, петли, лук-самострел (на лося), черкан (на горностаю и колонка) и перевес на уток. Описал автор и сложный лук, и стрелы на разных животных и птиц. По данным Г.А. Старцева, на р. Вах лук в годы революции ценился дороже, чем ружье, а в 1924 г. лук и ружье в цене сравнялись: лук стоил от 6 до 14 руб., ружье — 12—15 руб. (С. 34).

Исследователь почти не дает обзора состояния рыболовства, упоминая только ловушку для рыбы пон (на русском языке морда, гимга).

Говоря о средствах передвижения, Г.А. Старцев называет нарты санями и делит их на женские и мужские. Более подробно представлены автором материал и способы изготовления лодки-долбенки.

Этнографический очерк Г.А. Старцева «Остяки» не претендует на полноту описания; но все же отражает общие черты жизни и быта ханты того времени.

Часть VI. Природа. Экология

*И.С. Аитов, Е.И. Гололобов,
Ф.Н. Рянский, Б.А. Середовских*

Введение в историческую географию Среднего Приобья

Обсуждение проблематики. С середины XX века человечество все чаще сталкивается с неблагоприятными экологическими ситуациями, вызванными как природными, так и антропогенными причинами. Одним из важных направлений оценки причин возникновения и развития многих из современных экологических ситуаций могут являться историко-географические (палеоландшафтно-исторические) исследования.

В исследованиях о взаимоотношении человека с природой в историческом прошлом особую роль имеет оценка ритмических процессов в развитии ландшафта (Шнитников, 1957; Рянский, 1992) и цикличности в развитии общества и этноса (Гумилев, 2001).

У современной истории природы и людей усматриваются свои закономерности. Начиналось повторяющееся от века в век, цикличное, изменение климата, человек или видоизменял свое хозяйство, экономику, либо уходил в другие, более привычные места, мигрировал. Экономика сначала вступала в противоречие с быстро меняющейся природной средой, а затем, когда климат стабилизировался, постепенно к нему адаптировалась, пристраивалась, меняя весь хозяйственный уклад, а за ним и быт, и даже мировоззрение. Если же этого не происходило, то человеческое племя сталкивалось с очередным экологическим и экономическим кризисом и порой исчезало с исторической арены, часто под ударами более сметливых соседей.

Такие сочетания климатических, экологических перестроек и взаимосвязанной с ними экономики и социума (населения) можно выделить в отдельные этапы. Таких этапов и перестроек за историческое время можно выделить на территории Среднего Приобья семнадцать. Нынешняя климатическая перестройка в Северном полушарии, идущая с начала 80-х годов, вероятно, связана с началом нового 324-летнего цикла (XVI ранга) и продлится достаточно

долго. Она является восемнадцатым этапом с начала появления человека в Северной Азии. Более подробно и конкретно историко-географические аспекты этой проблематики рассмотрены в работах авторов (Рянский, 1990, 1993; Гололобов, 1998).

Суть экологического подхода заключается в выявлении и использовании «региональных и эпохальных закономерностей адаптации человеческих обществ к окружающей среде» (Косарев, 1988). Данные, полученные с позиций экологического подхода, позволяют вывести осмысление археологического материала и историко-археологических построек на качественно новый теоретический уровень.

Археологический материал, по мнению авторов, в большинстве случаев заставляет нас лишь предполагать наличие явления. Объяснить и понять эти явления, внести в них определенное историческое содержание помогают данные об особенностях природного окружения, свидетельства о характерных экологических проявлениях той или иной ландшафтно-климатической зоны, а также наличие сопоставимых аналогий в «богатейшем фонде этнографических свидетельств». Не затрагивая вопросы реконструкции древнего мировоззрения и социальной организации, следует обратиться к анализу реконструкции хозяйства.

В основу исследования хозяйства древнего населения Западной Сибири М.Ф. Косаревым положены следующие принципы:

1. Учет естественно-географического окружения и динамики природной среды, в которых протекает социально-экономическое развитие древнего населения.

2. Анализ производительных сил общества (по археологическим материалам во взаимной связи с палеогеографией, экологией и этнографией).

3. Исследование развития хозяйства не отдельных культурных комплексов, а широких этнокультурных ареалов.

Опираясь на данные естественных наук об усыхании и увлажнении климата, М.Ф. Косарев обратился к археологическим материалам, которые позволили доказать высказанные предположения. Он пришел к выводу о том, что при характеристике культур древности нельзя обращаться к современной карте, так как ландшафтно-географические условия в эпоху бронзы отличались от современных.

Поэтому большое внимание уделяется палеогеографии региона. Авторы тесно увязывают хозяйственные изменения в регионе с существенными ландшафтно-климатическими изменениями.

В основе ландшафтно-климатических изменений лежат представления о циклических сменах сухих и влажных климатических

эпох, что подтверждается палеогеографическими, топографическими и гидрологическими данными.

Например, анализ топографической приуроченности древних поселений говорит о том, что они накануне бронзового века зависели от относительно высокого уровня воды в реках и озерах, во второй половине II тысячелетия до н.э. — от низкого, а в середине и второй половине I тысячелетия до н.э. — вновь от высокого.

Аналогичная ситуация наблюдается и в других регионах, например, на Южном Урале и прилегающих территориях, где поселения то «опускаются» в пойму, то «поднимаются» на террасы в зависимости от колебания уровня воды в Каспии (Матюшин, 1988).

Глобальные климатические изменения и современные процессы в контексте программируемых исторических ситуаций. Реконструкция климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири (Проблемы... 2000) показала циклический, в том числе закономерно повторяющийся характер этих изменений (рис. 2). Наши исследования (Рянский, 1993, 2001) установили закономерный иерархический фрактальный рисунок пространственно-временных перемен. Отсюда и возникающее представление о противоречивости процессов потепления—похолодания и сухости—влажности: нет такого похолодания, в рамках которого не происходили бы менее продолжительные и менее глубокие потепления, и нет таких потеплений, которые не прерывались бы серией мелких похолоданий. Поэтому важно определиться с тенденцией, построить верный тренд.

Современные природные условия западносибирской тайги сформировались к началу раннего железного века. По существующей датировке голоцена он входит частично в суббореальный (середина III — середина I тыс. до н.э.) и субатлантический (II в. до н.э. — современность) периоды (Турков, 1980). Последний наиболее хорошо изучен. В субатлантическом периоде отчетливо устанавливаются две фазы многовекового климатического цикла. Первая — более сухая и теплая (2,2–0,7 тыс. назад) с экстремумом в VIII–X вв. н.э., известная под названием «малого оптимума». И вторая — холодная и влажная (XIV–XIX вв. н.э.), описанная как «малый ледниковый период». XIX–XX вв. н.э. являются переходными к очередной сухо-теплой фазе.

Современный климат, сформировавшийся в результате длительного исторического развития Земли, характеризуется ритмическими колебаниями теплового и водного режимов в пределах одних и тех же типов климата (Борисов, 1965). Проблема изменения климата в Северном полушарии в голоцене была решена А.В. Шнит-

никовым, который пришел к выводу о значительном колебании увлажненности Европейского континента (Шнитников, 1957). Были разработаны циклы многовековой изменчивости (1900 лет), которые состояли из трех фаз: трансгрессии (300–500), переходной (700–800) и регрессии (600–800). В отличие от степи и лесостепи, где вариации климатического режима ведут к смене среды обитания (Турманина, 1970), сложилось мнение, что глубинные районы таежной зоны Западной Сибири отличались большей стабильностью. Природная среда здесь была менее подвержена воздействию климатических колебаний, и возможности для традиционных промыслов — охоты, рыболовства и собирательства — в течение последних нескольких тысячелетий оставались в общем одинаковыми (Косарев, 1987). Однако проведенный нами более детальный анализ сопряжения циклических изменений ландшафтно-климатических данных и ландшафтопреобразующей деятельности на территории Среднего Приобья выявил закономерный иерархический фрактальный рисунок пространственно-временных перемен (Рянский, 2001).

На наш взгляд, к числу процессов, имеющих существенное влияние на функционирование геосистем на региональном уровне, относятся естественные циклы смены состояний в истории Земли. Характерной особенностью протекания таких процессов является геофизический комплекс целого ряда природных периодических изменений, к которым относятся сменяющие друг друга резкие колебания сухости-влажности и тепла-холода, что проявлялось через экономически значимые засухи и наводнения. За основу принята таблица иерархии временных этапов (Рянский, 2001). Ритм в 12 лет является базовым — XIX ранга. Мы сделали попытку сопоставить ритмы и кульминации определенного ранга с этапами климато-ландшафтных перестроек и взаимосвязанных с ними изменений экономики и социума Среднего Приобья.

Этапы коэволюции ландшафтов и общества Среднего Приобья. Ниже дается характеристика этапов под рубрикой «Среднее Приобье» по следующей схеме: а) возраст этапа; б) климатические изменения (потепления-похолодания, колебания сухости-влажности); в) изменения флоры и фауны; г) развитие общества (культуры, стоянки, городища, крупные хозяйственные объекты); д) использование ландшафтов и последствия антропогенного воздействия.

Под рубрикой «Мир» параллельно дается рубрикация всемирной историко-географической периодизации по В.А. Зубакову (1976), по схеме: а) этапы и подэтапы природопользования; б) основные рубежи и их время.

МИР I

а) развитие в рамках биоценоза;
б) двуногое хождение (5600 тыс. лет). Начало орудийности (2600 тыс. лет). Миграция в Европу: культурная информация, зачатки речи, трудовая традиция (720–600 тыс. лет), овладение огнем (400–450 тыс. лет).

Среднее Приобье I (по Ф.Н. Рянскому, Б.А. Середовских)

1. а) 400–300 тыс. лет назад; б) регрессия уровня Северного Ледовитого океана, понижение базиса эрозии в пределах 140–100 м. Формирование IV и III надпойменных террас.

2. а) 120–80 тыс. лет; б) ледниковый покров (Самаровское оледенение) северной части Западно-Сибирской равнины. Арктический, резко-континентальный холодный сухой климат. Наличие в центре равнины подпрудного озера-моря. Формирование II надпойменной террасы.

3. а) 25–13 тыс. лет до н.э. (верхний палеолит); б) последнее (зырянское) оледенение. Резко-континентальный климат; в) тундростепи. Мамонт, шерстистый носорог, бизон, северный олень; г, д) нет данных.

МИР II

а) Выход из биоценоза (загонная охота и собирательство); б) искусственное жилище, копье, речь, магия, I демографический взрыв (73 тыс. лет).

Среднее Приобье II

а) 10,05–8,85 тыс. лет до н.э. (древний дриас); б) субарктический холодный и сухой климат; в) тундры и лесотундры. Сток избыточных вод на север, вымирание мамонтовой фауны; г) первичное заселение территории древними охотниками.

МИР III

1. а) облавно-загонная охота; б) I экологический кризис, миграция в Америку и в Австралию (42–38 тыс. лет).

2. а) индивидуальная охота, рыболовство, собирательство; б) II экономический кризис — исчезновение крупной дичи и мамонта (14–13 тыс. лет), II миграция в Америку.

Среднее Приобье III

1. а) 9850–7700 лет до н.э. (ранний голоцен); б) пребореальный климат, формирование современной речной сети; в) березовые леса, современные виды животных; г) начало мезолита. Стоянки на реках Конда, Евра, Эсс, Северная Сосьва; д) становление высокопродуктивного общинного хозяйства.

2. а) 7700–5500 лет до н.э. (средний голоцен); б) бореальный климат. смягчение континентальности; в) березово-сосновые леса с елью; г) уральская мезолитическая коллективная загонная охота, собирательство, рыболовство; д) заселение Нижнего Приобья.

МИР IV

а) мотыжное земледелие; б) неолитическая революция, одомашнивание животных и растений (10,5–8 тыс. лет), керамика, металлургическое производство, тягло, колесо, орошение (5,8–4,5 тыс. лет).

Среднее Приобье IV

1. а) IV—V тыс. до н.э. (неолит); б) климатический оптимум голоцена, теплый и влажный климат; в) максимальное распространение тсмухвойных и широколиственных пород. Формирование верховых болот; г) Барсовгорская поздненеолитическая, переселение праугорских племен с Южного и Западного Урала, поселения и стоянки (Барсова гора), д) комплексное присваивающее хозяйство.

2. а) конец II — III тыс. лет до н.э. (энеолит); б) вторая фаза потепления, нарастание дефицита влаги; в) смещение южной границы лесной зоны к северу на 600 км; г) Барсовгорская энеолитическая. Стоянки, могильники (Барсов городок, поселение Большой Ларьяк); д) освоение рыбных угодий крупных рек, начало использования металла.

Среднее Приобье V

1. а) XV—XIII вв. до н.э. (ранний бронзовый век); б) суббореальный климат, усиление сухости и континентальности; в) перемещение границы степей к северу; г) Барсовская (Ташковская), поселения Сайгатино, Барсов городок, Евра, Большой Ларьяк; д) миграция на север племен скотоводов и земледельцев предтаежных районов Тоболо-Иртышья и Томского Приобья, охотничье-рыболовецкое хозяйство, появление бронзолитейного производства и металлообработки, керамика.

2. а) X—XVI вв. до н.э. (поздний бронзовый век); б) усиление сухости, похолодание; в) отступление северной границы леса к югу, замена лесных сообществ лесотундровыми; г) Атлымская; д) миграция с севера нижнеобских охотников и рыболовов (атлымцы, сиртя), переход от городищ к укрепленным домам.

Среднее Приобье VI

1. а) VII—VIII вв. до н.э. (переход к раннему железному веку); б) потепление, усиление сухости, формирование высокой поймы; г) Белоярская, густая сеть городищ и крепостей по Ваху, Оби; д) «демографический взрыв». Интенсивное освоение территорий.

2. а) V—VI вв. до н.э. (Белоярско-Васюганский этап раннего железного века); б) переход от суббореального к субатлантическому климату, первая волна потепления; в) уменьшение лесистости; г) Калининская, формирование южной границы обских угров-скотоводов; д) расцвет бронзолитейного производства, коневодство, оленеводство. Миграция самодийских племен из южной тайги и лесостепей Южного Васюганья.

МИР IV

2. а) пахотное земледелие, аграрная экономика (4,5 тыс. лет до н.э. — XVII в. н.э.)

Среднее Приобье VII

а) I—IV вв. до н.э.; б) начало субатлантической климатической эпохи, значительное увлажнение, резкое усиление заболачивания; г) Кулайская, более 40 поселений, святилища, могильники; д) сближение и ассимиляция культур таежных аборигенов и праугорских пришельцев.

Складывание огромной культурной общности угорских и самодийских народов во всей таежной зоне Западной Сибири.

Среднее Приобье VIII

а) 1-я четверть I тысячелетия н.э. (ранний железный век); б) похолодание климата, усиление влажности; г) Позднекулайская (Саровская), миграция угорских племен на юг в лесостепную зону; д) гончарное, косторезное, литейное ремесла. Зарождение местной черной металлургии. Обработка ткани и шкур.

Среднее Приобье IX

а) III–IV вв. н.э. (начало средневековья); б) потепление, усиление сухости европейской степи; г) Карымская, Холмогорский могильник, Рачеевская металлургическая площадка. Увеличение площади городищ, рост населения; д) широкое внедрение железа, появление элементов производящего хозяйства (скотоводство).

Среднее Приобье X

а) VI–VII века (конец раннего железного века); б) малый ледниковый период, сухой и холодный климат; в) обеднение состава древесной растительности; г) Зеленогорская, создание оборонительных поселений (Барсова гора и др.); д) заселение лесостепи и расцвет угро-самодийских культур. Формирование этносов сибирских татар, лесных ненцев и нарымских селькупов.

Среднее Приобье XI

1. а) VIII–IX вв.; б) потепление, усиление влажности; г) Кучиминская, повышение мощности и сложности укрепленных поселений (Ермаково, Урьевские и др.); д) охота, рыболовство, скотоводство. Расцвет и профессионализация металлургического ремесла.

2. а) Конец IX — начало XIII веков (поздний железный век); б) климатический оптимум, умеренное потепление, рост увлажнения; г) Кингусовская, рост числа городков с уличной застройкой. Вытеснение тюркскими племенами угров и самодийцев из лесостепей. Заселение тундровой зоны и Предуралья; д) сетевое и запорное рыболовство. Использование транспортных животных. Пушной промысел и включение в систему мировой пушной торговли. Попадание в вассальную зависимость от татарских ханств и Новгородского княжества.

МИР IV

2. б) промышленная революция. Становление индустриальной экономики (1750–1870 гг.).

Среднее Приобье XII

а) IV–XVI вв., последняя стадия родового строя; б) похолодание, усиление сухости; г) Сайгатинская, образование княжеств, городков, святилища, могильники, переход к стадии «военной демократии»; д) расцвет железоделательного производства, деградация гончарного дела. Смещение ареалов проживания манси (на Сосьву и Конду), ханты (к северу и востоку от Оби), ненцы (тундра, верховья таежных рек).

Среднее Приобье XIII

а) 1585–1850 гг. (позднего Средневековья, присоединения к России); б) малый ледниковый период, увеличение суровости зим, летних засух, ранних заморозков; г) Российская, христианско-самодержавная, строительство острогов (Сургут, Березов) и ямских стойбищ. Образование уездов и ясачных волостей; д) массовая насильственная христианизация и миграция обских укров на север Нижнего Приобья и восток (бассейн Ваха). Вытеснение селькупов на Таз. Объясачивание. Хищническое истребление поголовья пушного зверя. Рост рыбных промыслов.

Среднее Приобье XIV

а) 1850–1914 гг.; б) начало потепления климата, конец малого ледникового периода, усиление сухости; г) эпоха послереформенного капитализма. Русская крестьянская колонизация речных долин, появление русских сел и деревень; д) обрусение угорского населения, включение элементов русской культуры в традиционный быт. Попытки по внедрению хлебопашества и картофелеводства. Резкий подъем животноводства. Развитие парового сообщения с Тюменью и Томском. Развитие ярмарочной торговли, формирование крупных местных купеческих капиталов.

МИР V

а) техногей. Индустриальная цивилизация, деструкция биосферы; б) научно-техническая революция, 4 экологический кризис (80 годы XIX века — 80 годы XX века).

Среднее Приобье XV

1. а) 1917–1922 гг.; б) потепление климата, повышение среднегодовой температуры на $0,25^{\circ}\text{C}$, повышенное увлажнение; г) послереволюционная, «военного капитализма». Большевицкое движение и мятежи 1918 и 1921 годов; д) Гражданская война, послевоенная разруха. Сокращение завоза хлеба на Север, голод. Традиционные занятия коренного угорского и русского населения — охота (39,6%), рыболовство (35,7%), домашнее скотоводство (24,6%).

2. а) 1922–1929 гг.; г) новой экономической политики; д) интегральные и туземные кооперативы. Установление госконтроля за традиционным хозяйством Севера. Начало индустриализации, становление местной перерабатывающей промышленности (рыбконсервные фабрики Сургута, Березово).

Среднее Приобье XVI

а) 1930–1939 гг.; б) понижение температуры, повышенная увлажненность; г) ранняя социалистическая сталинского типа. Коллективизация села, преобразование кооперативов в колхозы и моторно-рыболовные станции. Рост числа спецпереселенцев. Возникновение и развитие поселений. Массовый перевод коренных жителей с полукочевого уклада на оседлый. Резкий скачок увеличения объема лова рыбы. Создание предприятий по переработке сырья (рыбозаводы, экстрактные

заводы). Сокращение добычи пушнины. Начало геологоразведочных работ по поиску углеводородного сырья.

Среднее Приобье XVII

1. а) 1950 — середина 60-х годов XX века; б) небольшое похолодание, усиление влажности; г) переход к полному развитию государственно-ведомственного социализма, открытие газовых (с 1953 г. Березово) и нефтяных (с 1960 г. Шаимское, Сургутское, Саянское) месторождений. Начало массового освоения Среднего Приобья. Создание сети рабочих и вахтовых поселков. Строительство лесовозных железных дорог Ивдель—Обь, Тавда—Сотник. Истощение лесных и рыбных ресурсов. Разрушение естественной базы традиционного хозяйства.

2. а) середина 60-х — конец 80-х годов XX века; б) потепление, рост среднегодовой температуры на $0,30^{\circ}\text{C}$; г) создание мощного нефтегазового сектора экономики, становление урбопромышленных комплексов Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска, Урая, Югорска и др. Массовые миграционные потоки в округ. Сокращение численности коренного населения. Вторжение нефтяных промыслов в родовые угодья. Строительство нефте- и газопроводов (Пунга—Север, Усть-Балык—Омск, Шаим—Тюмень и др.). Развитие тепловой энергетики (сургутские ГРЭС I и II). Сооружение железной дороги Тюмень—Сургут; д) резкое ухудшение экологической ситуации. Возникновение острой проблемы рекультивации загрязненных земель и утилизации попутного нефтяного газа («факелы»).

МИР VI (по Карпенко, 2004)

а) Информационная революция. Постиндустриальная цивилизация. Глобализация экономики. Глобальное потепление климата (начало 80-х гг. XX в. — первое десятилетие XXI века).

Среднее Приобье XVIII

1. а) начало и середина 90-х годов XX века; б) продолжается потепление климата; в) уменьшение водности болот, сокращение ледостава на реках. Миграция подвижной части биоты на Север (энцефалитный клещ, некоторые виды рыб, снотовидная собака); г) эпоха экономических и социальных реформ, перехода к смешанной экономике. Становление ХМАО равноправным субъектом РФ; д) стремительный спад производства (добычи нефти, лесозаготовок, попутного газа). Рост нагрузки и износ оборудования. Повышение числа аварий на нефтепромыслах. Рост уровня безработицы.

2. а) конец 90-х — начало XXI века; б) период климатической перестройки («теплых» зим); в) увеличение площади рекультивации загрязненных земель, повышение качества природной среды; г) вступление России в систему глобальной экономики. Приватизация нефтегазодобывающих предприятий, создание концернов «ЮКОС», «ЛУКОЙЛ», «Сургутнефтегаз», «Славнефть», ТНК. Создание совместных предприятий с иностранным капиталом (ТНК-ВР, «Саян-Сервисиз» и др.); д) развитие нефте- и газопереработки, расширение глубокой переработки древесины. Широкое

дорожное строительство и улучшение ЭГП округа (автодороги на Тюмень, Томск, Пермь). Начало освоения природных богатств Приполярного Урала (золото, кварц). Возвращение родовых угодий коренным угорским жителям. Возрастание поголовья оленей. Развитие в округе экологического и др. видов туризма. Развитие науки и наукоемких технологий (ЮНИИТ).

Предстоящие изменения ландшафтов Западной Сибири в связи с глобальным потеплением климата. Сегодня уже с трудом можно найти человека, который не слышал бы о проблеме глобального потепления климата. С каждым днем на нашей планете быстро растет число тех, кто не просто интересуется этой проблемой, а уже серьезно обеспокоен ею. Людей тревожат возможные неблагоприятные последствия или выгоды от глобального изменения климата. Поэтому составляются разнообразные прогнозы предполагаемых изменений окружающей среды на различные сроки для разных территорий, выдвигаются гипотезы о том, как они будут осуществляться, строятся модели ожидаемых процессов и состояний природы и т.д.

Некоторые предположения в связи с глобальным изменением климата возникли и у нас. Нами предпринята попытка составления карт для географического прогноза (ГП) изменения геосистем Западной Сибири при потеплении на основе фрактальной теории пространственно-временных размерностей, разработанной Ф.Н. Рянским (1992). Одна из таких карт изображена на рисунке 1. Прогнозная карта отражает предполагаемое состояние растительных зон и подзон Западной Сибири к 2050 г.

В качестве одного из основных для ГП нами принято положение о том, что как бы человечество ни влияло на развитие природы, ее главные изменения в обозримом будущем в основном будут определяться естественным ходом развития самой природы. Реальное управление такими природными процессами, как тектонический и климатический, в глобальном плане даже не предполагается и в отдаленном будущем, а на повестке дня стоят лишь вопросы предсказания хода возможного развития этих явлений.

По нашему мнению, ГП должен основываться на палеогеографическом анализе в связи с тем, что все состояния окружающей среды уже существовали в прошлые геологические периоды. Среди имевшихся можно обнаружить такие, которые схожи с нынешним или предполагаемыми состояниями. Такой анализ позволяет установить тенденции развития некоторых процессов (и природных комплексов) в прошлом и экстраполировать эти тенденции на будущее (рисунок 2).

После эпохи максимального похолодания и постепенной деградации последних валдайских ледников наступило послеледниковое

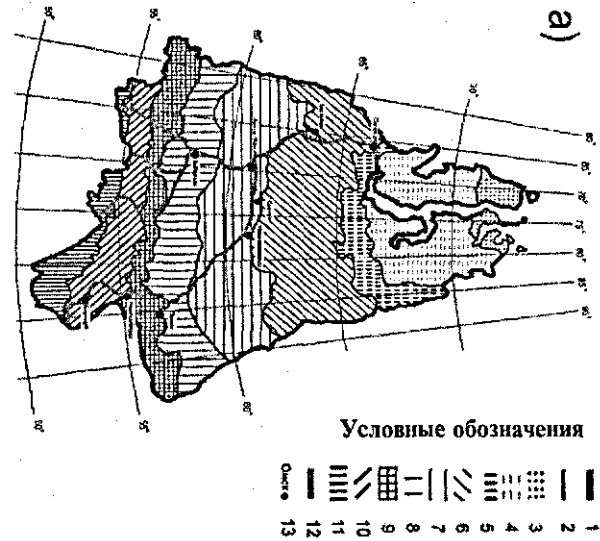

Рисунок 1. Современное (а) и прогнозное (б, на 2050 г.) состояния растительных зон и подзон физико-географической страны Западная Сибирь

Пояснения к рисунку 1. Условные обозначения к части а (современное состояние): 1 — границы физико-географической страны Западная Сибирь; 2 — границы растительных зон и подзон; 3 — северная тундра; 4 — южная тундра; 5 — лесотундра; 6 — северная тайга; 7 — средняя тайга; 8 — южная тайга; 9 — подтайга; 10 — лесостепь; 11 — степь; 12 — реки; 13 — города. Условные обозначения к части б (состояние на 2050 г.): 1 — границы физико-географической страны Западная Сибирь; 2 — границы растительных зон и подзон; 3 — типичная тундра; 4 — лесотундра; 5 — северная тайга; 6 — средняя тайга; 7 — южная тайга; 8 — смешанные леса; 9 — широколиственные леса; 10 — лесостепь; 11 — степь; 12 — полупустыни; 13 — реки; 14 — города.

время — голоцен (12 тыс. лет назад). С окончанием последнего оледенения произошла значительная перестройка глобальных процессов циркуляции атмосферы. Начала преобладать зональная система циркуляции атмосферы, вызывающая увеличение циклонической деятельности и увлажненности климата. На протяжении голоцена отмечалось чередование теплых и холодных эпох с различной степенью увлажнения климата (Коломыц, 2003). В публикациях, посвященных палеоклиматическим реконструкциям четвертичного времени, глубокие потепления обычно называют «оптимумами».

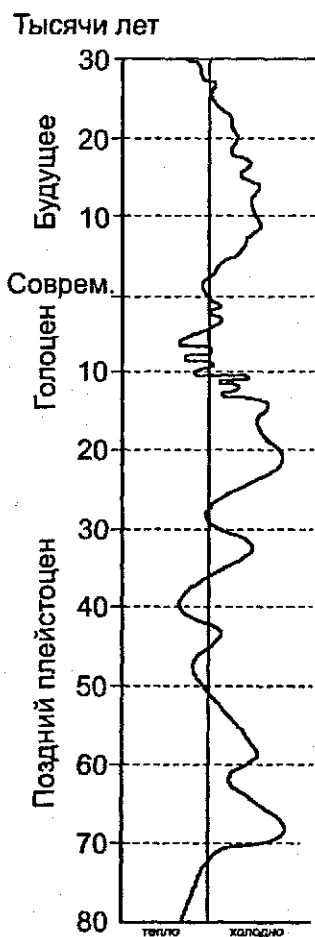
В период потеплений в центральной части Западной Сибири широко распространялись кедровые и кедрово-сосновые леса, с участием широколиственных по долинам рек. Похолодания приводили к обеднению состава древесной растительности, появлению березовых и березово-сосновых редколесий с кустарниковыми березками. Примерно триста лет назад начался современный этап, характеризующийся общим потеплением и аридизацией климата. Исследования Е.Д. Лапшиной (2003) показали, что в настоящее время на юге лесной зоны Западной Сибири наблюдается уменьшение водности болот, что выражается в залесении ранее открытых торфяников. По мнению этого автора, «развитие современного болотного покрова в таежной зоне Западной Сибири происходило на фоне динамично изменяющейся климатической обстановки природной среды». Это в значительной мере объясняет гетерогенность их флоры, разнообразие растительных сообществ и ландшафтной структуры, которые сочетают в себе признаки различных биоклиматических эпох голоцена, а в ряде случаев были унаследованы от более древних, доголоценовых этапов развития растительного покрова Западно-Сибирской равнины (таблица 1).

Таблица 1

Динамика ландшафтно-климатических условий в центральной части Западной Сибири в голоцене

Горизонт		Растительность	Климатические колебания (59-60° с.ш.)			
			Тип климата	t_I	t_{VII}	Осадки, мм
Голоценовый	Субатлантический	Лес сосновый	Бореальный	-23 -14	7 16 25	100 400 700
	Суббореальный	Лес кедрово-сосновый с березой	Бореальный			
	Атлантический	Южно-таежные леса с широколиственными	Бореальный умеренно теплый			
	Бореальный	Еловые леса с кустарниковой березкой	Субарктический			

Грядущее потепление (состояние к 2050 г.) большинство исследователей считают аналогичным климатическому оптимуму голоцена — атлантический период (около 5–6 тыс. лет назад). В Северном полушарии в это время среднегодовые температуры воздуха в умеренных широтах были выше современных на 2–3°C, а годовые суммы атмосферных осадков превышали современные значения на 75–100 мм (таблица 1). Это было связано с преобладанием западного переноса воздушных масс из Атлантики, более интенсивного, чем в настоящее время. Все это способствовало максимальному развитию

лесных формаций, причем смещение границы между лесной зоной и тундрой в северном направлении достигало 400–600 км. Позднее начала отмечаться тенденция к похолоданию климата, причем параллельно с изменением термического режима менялся и режим атмосферных осадков, который постепенно приближался к современному типу.

В атлантическом периоде, по данным В.С. Волковой и Т.П. Левиной (1989), климат таежной зоны Западной Сибири во вторую и особенно в третью фазу был теплее на 3,5–4°C и влажнее современного (таблица 1). Именно с этим временем связывают максимальный расцвет темнохвойных и широколиственных пород, а также смещение границ ландшафтных зон к северу на 500–600 км. Климат лесостепи в это время был значительно суше, чем современный. Древесная и лесотундровая растительность продвинулась значительно на север Западной Сибири. Например, берзовые редколесья достигали широты пос. Тамбей, а в южной половине полуострова Ямал распространились северотаежные виды — лиственница и кедр.

Рисунок 2. Усредненная кривая палеоклиматической и прогнозной температур для территории Западной Сибири.

Предполагается, что при повышении среднеглобальной современной температуры на 1°С северная граница лесной зоны в Евразии сместится на 300–400 км, а при повышении на 2°С — на 500–600 км к северу; при этом зона тундры практически исчезнет. Соответственно начнет смещаться к северу и подзона широколиственных лесов, которая должна появиться и в Западной Сибири. Однако площадь аридных территорий (степи, полупустыни) будет испытывать менее серьезные изменения.

Тотальное таяние вечной мерзлоты на территории Западной Сибири в ближайшие века не предвидится. На эти процессы, по утверждению В.Н. Мельникова, нужны тысячелетия (Мельников, 2005).

Итак, ряд значительных событий катастрофического характера последнего времени подчеркнули возрастающую важность долгосрочных тенденций функционирования геосистем. На наш взгляд, к числу процессов, имеющих существенное влияние на функционирование геосистем на региональном уровне, относятся естественные циклы смены состояний в истории Земли. Характерной особенностью протекания таких процессов является геофизический комплекс целого ряда природных периодических изменений, к которым относятся резкие колебания сухости-влажности с экономическими ощутимыми засухами и наводнениями, землетрясениями, резкие атмосферные явления (смерчи, ураганы, тайфуны и т.д.), длительные суровые зимы и пр.

На территории Западной Сибири от северных морей до южных гор наблюдаются все перечисленные проявления указанных процессов, сочетания которых носят как региональный, так и локальный (порайонный) вид территориального распределения. Использование такого подхода позволяет разработать типологизацию районов и зон регионов в соответствии с описанными выше характеристиками. Для последующего анализа необходимо соотнесение полученной типологизации с имеющимися данными по природно-хозяйственному районированию. Основная суть операции здесь состоит в определении сложившегося на данный момент времени природно-хозяйственного цикла в регионе (Рянский, 2001).

Изменения касаются двух аспектов. С одной стороны, необходима разработка тех направлений хозяйственной деятельности, для которых создается наиболее благоприятный комплекс природно-циклических условий.

В результате речь идет о корректировке приоритетов регионального развития на среднесрочный и долгосрочный периоды,

включающие в себя: изменения в инвестиционной политике, в формировании кредитного механизма, бюджета региона. В условиях развития рыночных отношений эти факторы получают ускоренное развитие и будут гораздо быстрее проявляться в практике хозяйствования. Другим важным моментом влияния упомянутого изменения природных факторов явится варьирование организационных структур и управленческих взаимодействий хозяйственных единиц региона. Речь идет о формировании гибких структур из малых и средних предприятий, способных за рассматриваемый период реализовать те или иные преимущества. Как следствие такого формирования явится развитие процессов кооперации по линии производства, финансирования и других сфер деятельности.

С другой стороны, необходима разработка тех направлений, для которых формируются неблагоприятные условия. В целом следует отметить важную особенность проявления указанных процессов. Это прежде всего вероятностный характер их проявления, в том числе в виде тенденций в среднесрочном и долгосрочном аспектах, что ведет к необходимости определенной корректировки проведения политики регионального развития. Этому наибольшим образом, на наш взгляд, отвечает теория надежности функционирования сложных систем. На основе этих положений строится платежная функция для планов развития региона с учетом влияния долгосрочных тенденций функционирования сложных систем. Такой подход обеспечивает научную основу для постановки задачи о резервировании средств в региональной экономике.

Проведенные аналитические исследования позволили выявить новые аспекты в формировании системы управления природопользования в регионе на длительную перспективу.

Литература:

1. *Аитов И.С., Рянский Ф.Н.* Предстоящие изменения ландшафтов Западной Сибири в связи с глобальным потеплением климата/Материалы краеведческой научно-практической конференции. — Нижневартовск, 2005.
2. *Борисов А.А.* Палеоклиматы территории СССР. — Л., 1965.
3. *Волкова В.С., Базарева В.А., Левина Т.П.* Растительность и климат голоцена Западной Сибири. Палеоклиматы позднеледникового периода и голоцена. — М.: Наука, 1989. — С. 90—96.
4. *Гололобов Е.И.* Палеоэкономическое моделирование как метод археологической реконструкции (на примере таежной зоны Среднего Приобья). Автореферат дис... кандидата исторических наук. — 1998.
5. *Гребенюк Г.Н., Рянский Ф.Н.* Новые вызовы современной цивилизации и глобальной экономике на севере Западной Сибири / Сб. экологический вестник «Югория». — Т. 1. — №1—2. — 2004.

6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — М., 2001.
7. Зубаков В.А. Позднекайнозойская ледниковая эпоха: хронология и периодизация. Чтения памяти Л.С. Берга. — Л.: Наука, 1976. — С. 7–38.
8. Карпенко М.П. Информационная революция и глобализация образования в свете учений В.И. Вернадского и Л.Н. Гумилева / Вестник РАЕН. — 2004. — №4. — С. 42–45.
9. Коломыйц Э.Г. Региональная модель глобальных изменений природной среды / Э.Г. Коломыйц, отв. ред. Г.С. Розенберг. — М.: Наука, 2003.
10. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири. — М., 1991.
11. Косарев М.Ф. Некоторые общие закономерности и региональные особенности социально-экономического развития Западной Сибири. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987.
12. Косарев М.Ф. Некоторые методологические и теоретические проблемы урало-сибирской археологии // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. — Tobольск, 1988.
13. Лапшина Е.Д. Флора болот юго-востока Западной Сибири. — Томск: Изд-во Томского университета, 2003.
14. Матюшин Г.Н. Экологические кризисы и их роль в смене культур каменного века // Природа и человек. — М., 1988.
15. Мельников В.Н. Вечная мерзлота не растает // Аргументы и факты в Западной Сибири. — 2005. — №12. — С. 3.
16. Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. — Вып. 2. — 2000.
17. Рянский Ф.Н. Фрактальная теория пространственно-временных размерностей: естественные предпосылки и общественные последствия. — Биробиджан: Издательство ИКАРП ДВО РАН, 1992.
18. Рянский Ф.Н. И экология, и экономика. — Благовещенск, 1990.
19. Рянский Ф.Н. Эколого-экономическое районирование в регионе. — Владивосток, 1993.
20. Рянский Ф.Н. Ландшафтные подходы и методы геоэкологического регионального прогнозирования // Проблемы экологической безопасности нефтегазового комплекса Ср. Приобья. Избр. научно-методич. матер. Госкомохраны РФ, РАЕН. — Нижневартовск, 2001.
21. Турманина В.И. Влияние на растительность внутривековых ритмов увлажнения // Вопросы географии. — М., 1970. — №79.
22. Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. ЗГО. Т. 16. — М., 1957.

Геофизические опасные явления Западно-Сибирского экономического района

Ежегодно на территории России отмечается 150–250 чрезвычайных ситуаций. По причинам возникновения природные ЧС на территории России подразделяются следующим образом: наводнения — 35%, ураганы, смерчи, бури — 19%, сильные дожди 14%, землетрясения 8%, сильные снегопады, метели — 7,5%, оползни, обвалы, сели — 5%, сильные морозы, заморозки — 3%, снежные лавины — 2,5%, засухи — 2%, грозы, градобития — 1%, гололед, подтопление, карстовые провалы — 1% (География... 2004). К геофизическим опасным явлениям относят землетрясения и извержения вулканов. На территории Западно-Сибирского экономического района проявляются активно землетрясения, которые относят к наиболее разрушительным геологическим явлениям. Статистика показывает, что ежегодно суммарное число землетрясений на Земном шаре достигает 100 тысяч, из которых 10–20 разрушительных и примерно одно катастрофическое. Современные землетрясения связаны главным образом с геологическими структурами, испытывающими новейшие и современные тектонические движения. К таким активным тектоническим поясам приурочены и основные горные сооружения Алтае-Саянского региона. Они представляют собой области с сейсмической активностью от 7 до 9 баллов. В официальных сообщениях часто путают магнитуду землетрясения, выражаемую в условных единицах по шкале Рихтера, и силу землетрясения, выражаемую в баллах по 12-бальной шкале. Магнитуда — это энергия, выделившаяся в очаге землетрясения. Единицы шкалы Рихтера не следует называть баллами. Сила землетрясения определяется по тому действию, которое оно произвело на земной поверхности. При одной и той же магнитуде чем глубже очаг, тем меньше сила землетрясения, тем меньше его балл по 12-бальной шкале. Уменьшается сила землетрясения с удалением от эпицентра.

По данным геофизической службы СО РАН, 27 сентября 2003 года в 11 час. 33 мин. 19 с. (по местному времени 18.33, где разница

с Москвой +3 часа) по Гринвичскому времени в районе п. Кош-Агач произошло землетрясение с магнитудой $M=7,5$ (энергетическим классом $K=17,5$). 1-го октября произошло еще одно достаточно мощное событие из эпицентра с магнитудой 6,9 (энергетическим классом $K=16,5$) (см. табл.). Эпицентр землетрясения находился в районе Курайского хребта Кош-Агачского района (в 30 км от райцентра) Республики Алтай на глубине 33 км. Точные географические координаты $49^{\circ}54'$ с.ш., $87^{\circ}49'$ в.д.

В городе Нижневартовске ощущалось землетрясение в высотных 16-этажных строениях. Время проявления 27.09 в городе соответствовало 17.50 (разница с Москвой +2 часа). Около 17 минут было достаточно, для того чтобы колебания Алтайского землетрясения дошли до г. Нижневартовска по системе разломов.

От землетрясения в Республике Алтай пострадали Кош-Агачский, Улаганский, Шебалинский и Онгудайский районы. Больше всего пострадал населенный пункт Бельтир в Кош-Агачском районе, где полностью были разрушены 99 жилых домов. 161 жилой дом и ряд административных зданий получили сильные повреждения. Из поселка в районный центр были эвакуированы 160 детей. Всего в этом районе нарушено жизнеобеспечение 1,8 тыс. человек, сильные и средние повреждения получили 860 жилых домов.

В Улаганском районе выявлены трещины в стенах и осыпание штукатурки в 526 жилых домах и школе, нарушена телефонная связь. В Шебалинском и Онгудайском районах системы обеспечения не пострадали, получили повреждения здания семи школ, четырех больниц и пяти зданий социально-культурного назначения.

В Бельтире полностью было разрушено 110 домов и школа, в соседнем Ортолыке — школа и 40 домов. Выведены из строя линии электропередачи, котельные, трансформаторные подстанции.

Землетрясение 2003 года на Алтае гораздо сильнее того, что в 1988 г. превратило в руины Спитак, и немногим слабее одного из самых страшных в новейшей истории — землетрясения 1995 г. в Нефтегорске, унесшего более двух тысяч жизней. Предупреждения о надвигающейся катастрофе не было (геофизических станций, которые должны давать сейсмологический прогноз, в районе бедствия очень мало). К примеру, в Японии 600 сейсмологических станций с оборудованием, позволяющим получать самую оперативную информацию. На Сибирь приходится 40, и то большая часть которых создана совсем недавно. До этого было 14. В Армении сейсмические станции расположены с частотой 10 км, у нас же расстояние между станциями в измерительной сети достигает порой 100 км.

Сибири повезло в том, что главный удар стихия нанесла по малонаселенным местам Горного Алтая с редким населением и невысокими домами. Именно поэтому жертв удалось избежать.

Землетрясения в Алтайском регионе нередки. В 1949 году здесь было катастрофическое землетрясение, внесенное в справочники крупнейших колебаний земли. Оно было сравнимо с ашхабадским землетрясением 1948 года, когда погибли десятки тысяч человек. Но эпицентр алтайского землетрясения приходился на пустынные районы.

Нами была проведена дифференциация территории Западной Сибири по силе землетрясения 27.09.03, и на основании данных таблицы составлен рисунок 1.

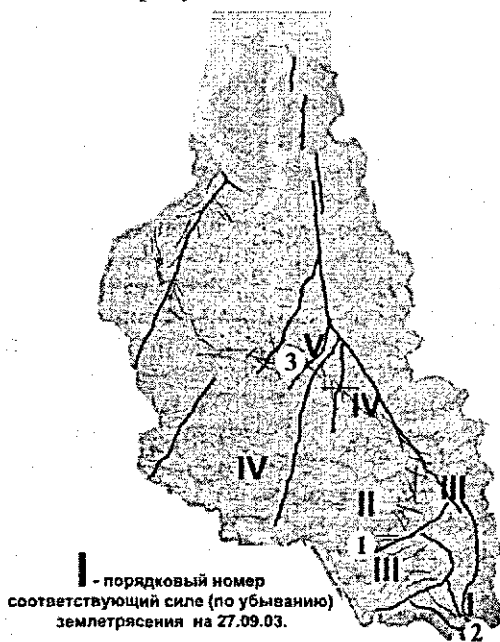

Рис. 1. Дифференциация территории Западной Сибири по силе землетрясения 27.09.03, и показана сеть тектонических разломов фундамента Западно-Сибирской молодой эпипалеозойской плиты

Пояснение к рисунку 1. 1 — землетрясения 1966 года в районе города Каменьна-Оби. 2 — район Алтайского землетрясения 2003 года с эпицентром в пределах Курайского хребта. 3 — район оз.Самотгюр и г. Нижневартовска. Данные по положению разломов заимствованы из «Космогеологической карты СССР» масштаба 1:2 500 000 1982 года издания.

Таблица

Дифференциация территории Западной Сибири по силе землетрясения 2003 г.

Землетрясения	27.09.03	1.10.03	Примечание
Республика Алтай	7,5 балла	6,3 сила в эпицентре составила 8 баллов	По данным МЧС республики, в общей сложности в регионе было зарегистрировано более тысячи подземных толчков разной силы. При этом самое сильное землетрясение зафиксировано 27 сентября с.г. — более 8 баллов по шкале Рихтера. Тогда в результате подземных толчков было повреждено 1 тыс. 472 жилых дома, в которых проживали 4 тыс. 557 человек, 22 школы, 17 лечебных учреждений, 7 котельных, 5 учреждений социально-бытового назначения, нарушено электроснабжение Кош-Агачского и Улаганского районов. В Горно-Алтайске зафиксировано 3 толчка: первый толчок прокатился в 18.34, второй — в 20.15, третий — 1.54, четвертый — в 4 утра. Самый сильный толчок был первым — 6 баллов.
Алтайский край	1,5–2 балла (3–4 балла)	3 балла ощущались в Барнауле (2,5)	Корреспонденты информационных агентств в Сибири утверждают, что сила толчков была больше — до 4 баллов, поскольку в домах открывались шкафы, выплескивалась вода из аквариумов, раскачивались люстры, с полок падали книги. Толчки силой 3–4 балла в Барнауле начались 27 сентября в 18.36 по местному времени.
Кемеровская область	1,5–2 балла (3–4 балла)	2 балла	
Новосибирская область	7,3 балла	1–2 балла	В 18.40 27.09.2003 года на территории Новосибирской области было зафиксировано землетрясение, которое вызвало сотрясение почвы в районе Новосибирска до 5 баллов по 12-балльной шкале Меркалли. Жители города ощутили только толчки в 18.50 27.09 и более слабые толчки в 01.55 28.03.
Омская обл.	1,5–2 балла	2 балла	
Томская область	1,5–2 балла	1 балл	По данным «Газеты.Ру», в Томске сила подземных толчков составила примерно 3,5 балла по шкале Рихтера. Они начались в 18.38 по местному времени (15.38 по Москве). Как сообщили «Интерфаксу» в управлении по ЧС Томской области, у них, а также в Кемеровской области ощущались толчки силой до 6 баллов. Жители многоэтажных домов в панике выбегали на улицу.
ХМАО (г. Нижневартовск)	1–2 балла	офф. данные 0,4–0,8 балла	Авторами предполагается, что в 1966 г. участниками научной экспедиции в районе оз. Самотлор было зафиксировано землетрясение как отголосок прошедшего землетрясения в г. Камень-на-Оби. Зарегистрирован один случай землетрясения: в 1987–1988 годах множество слабых толчков, вызвавших появление трещин в домах, отмечалось в Нефтеюганске. Некоторые специалисты связывают его с влиянием человеческой деятельности (http://www.vsluh.ru).

На представленном рисунке приводится карта-схема, отражающая связь геологического строения с проявлениями землетрясений по тектоническим разломам фундамента Западно-Сибирской молодой эпипалеозойской плиты. Непосредственная связь осуществляется по системе разломов, разделяющих основные структурные элементы платформы и Алтайского складчатого пояса — толстая линия на карте-схеме. По долине Оби проходят внутрикоровые разломы в пределах основных структурных элементов платформы и складчатого пояса — это тонкие линии на карте-схеме. Анализируя данный материал, можно ответить на вопрос о причине землетрясений в пределах территории, примыкающей к г. Нижневартовску.

По данным геофизической службы СО РАН, локальная сейсмологическая сеть на территории ХМАО представлена следующими станциями: Белый Яр (01.04.00), Ханты-Мансийск (01.04.00), Излучинск (01.09.00), Когалым (01.09.00), Мегион (01.09.00), Пыть-Ях (01.09.00), Сказка (01.04.00), Соснино (01.09.00).

Авторами предполагается, что это не единственный случай проявления землетрясений, так, в 1966 г. участниками научной экспедиции в районе оз. Саян было зафиксировано землетрясение как отголосок прошедшего землетрясения в г. Камень-на-Оби. К счастью, города в то время еще не было. Примеры подобного характера существуют, а именно 4 марта 1977 года толчки от Карпатского землетрясения ощущались в Киеве и Москве. В это время в столице Румынии Бухаресте погибло более 2 тысяч человек (Как... 2004). Также зарегистрированы случаи землетрясения в 1987–1988 годах множеством слабых толчков, вызвавших появление трещин в домах, которые отмечались в Нефтеюганске. Некоторые специалисты связывают данное явление с влиянием человеческой деятельности.

Необходимо, по нашему мнению, отметить, то что перед Алтайским землетрясением 25 сентября 2003 года в Японии случилось землетрясение: на острове Хоккайдо силой 7,8 балла по шкале Рихтера (рис. 2). Эпицентр землетрясения находился в Тихом океане, в 104 км к юго-западу от г. Куширо. В результате землетрясения ранены порядка 500 человек, 41 тыс. человек эвакуированы, 16 тыс. домов остались без электричества. Один человек погиб. Данный факт, по нашему мнению, свидетельствует о крупномасштабной активизации геофизических явлений. Хотя есть мнения, что землетрясение в Японии никак не связано с подземными толчками в горах Алтая, позвольте с этим мнением не согласиться, так как это последствия одного глобального тектонического процесса. Дело в том, что механизм такой

Рис. 2. Результаты землетрясения в Японии

связи плохо изучен и составляет перспективную сферу современной геофизики.

Активизация геофизических явлений происходит постоянно, и пример тому землетрясение с эпицентром в Индийском океане, которое породило цунами, обрушившегося в декабре 2004 года на Индонезию.

На сегодняшний день стоит острая проблема предупреждения о надвигающейся опасности, и большая ответственность ложится на науку, которая ничего не сможет сделать без финансовой поддержки государства, в хаотично развивающихся рыночных отношениях, где о стабильности приходится мечтать. Предотвращения и минимизация последствий чрезвычайных ситуаций главная задача, так как все усилия по решению экономических и житейских проблем рушатся в одночасье во время проявления катастрофических явлений. В связи с этим проблемам изучения опасных природных и техногенных процессов необходимо уделять должное внимание и не надеяться на русское «авось». Как это делают у нас, закрывая сейсмостанции, метеостанции, тем самым сводя российский мониторинг до нулевого результата. Наше мнение сводится к тому, что сейчас необходимо не только создавать армию спасателей, но и всеми силами содействовать возрождению российской науки. Сейчас мы работаем в режиме «постфактум», а необходимо в режиме кратко- и долгосрочного прогноза.

Литература:

1. География, общество, окружающая среда. Том IV: Природно-антропогенные процессы и экологический риск / Под ред. проф. С.М. Малхазовой и проф. Р.С. Чалова. — М.: Издательский дом «Городец», 2004. — 616 с.
2. Землетрясение на Алтае // Свободный курс. Экстренный выпуск. — 2003. — 28 сен. — Барнаул: Издательский дом «Алтапресс», 2003. — 40 с.
3. Как это бывало в Киеве // Газета по-киевски. — 2004. — №112. — 23 июня.
4. Природные опасности и общество. Тематический том. / Под ред. В.А. Владимирова, Ю.Л. Воробьева, В.И. Осипова. — М.: Издательская фирма КРУК, 2002. — 248 с.

Природные и техногенные условия формирования почв в пределах Мегионского месторождения добычи нефти и газа

В географическом отношении Мегионское нефтегазоносное месторождение находится в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа, на землях Мегионского лесхоза, в 20 км от г. Нижневартовска. Южный район изучаемой территории используется под сады-огороды, площадь которых составляет 1800 га. В 1965 году Мегионское месторождение введено в разработку и на нем начато эксплуатационное бурение.

Поверхность рассматриваемой территории относится к пойме долины реки Обь и непосредственно располагается между ее протоками Мулка, Мега и Баграс. Протока Мулка отделяется от основного русла р. Оби справа на 1678 км и впадает на 1657 км от устья Оби. Длина данной протоки 22 км. Протока Мега отделяется от устья протоки Баграс на 5,5 км и впадает в протоку Мулка. Длина ее 30 км. Протока Баграс отделяется от р. Оби на 1684 км от устья и впадает в протоку Мулка на 21 км от устья. Длина протоки Баграс 15 км. В результате плановых деформаций русел проток формировался своеобразный гривистый микрорельеф, представленный сложными системами дугообразно изогнутых песчаных валов (грив) и понижений между ними. Формируясь в разные периоды времени, отдельные группы грив могут иметь различную ориентировку и высоту по отношению друг к другу, препятствуя развитию пойменных течений при малых глубинах весенне-летнего затопления. Межгривные понижения заняты многочисленными неглубокими озерами старичного типа, соединяющимися между собой небольшими притоками. Абсолютные отметки изучаемой территории колеблутся в пределах 34,9–40,8 м. Русло разветвленное, со множеством рукавов и островов. Ширина русла Оби 500–1500 м, наибольшая глубина в межень 20–25 м, скорость течения 0,5–1,0 м/с.

Пойменные отложения достаточно четко стратифицируются на русловые и пойменные фации, тогда как старичная фация играет резко подчиненную роль. Практически повсеместно данные фации

подстилаются аллювиальными песками нижнечетвертичного возраста. Русловые фации аллювия поймы сложены преимущественно песками мелкими, серыми, кварцевыми. Среди песчаных накоплений выделяются невыдержанные по простиранию линзы пылеватых супесей и легких пылеватых суглинков мощностью 1–3 м. Вверх по разрезу русловые фации перекрываются пачкой пойменных пылеватых супесей и легких пылеватых суглинков, окрашенных в характерные буроватые тона и содержащих многочисленные растительные остатки, реже линзы намывного торфа. Часто встречаются тонкие прослойки и линзы пылеватых песков. Мощность пойменной фации крайне непостоянна и колеблется от 1 м до 10 м.

В период весенне-летнего половодья река Обь и ее притоки выходят из берегов, покрывая водой значительную часть поймы и захватывая промысловые площади месторождения. Половодье начинается в период с 1 по 15 мая. Наибольший расход проходит в июне. Продолжительность половодья составляет 83–162 дня. График хода уровней воды плосковершинный, растянутый. Годовая амплитуда колебания уровней составляет 9,5 м. На весеннее половодье наслаиваются воды дождевых паводков, однако они не нарушают плавного хода уровней. Сквозное течение воды по пойме отсутствует. Скорости течения на затопленной пойме изменяются от 0,04 до 0,20 м/с. Общая продолжительность затопления поймы составляет 27–65 дней. Спад уровней воды происходит медленно, и лишь в сентябре-октябре наступает межень, которая заканчивается в среднем 26 октября с появлением ледовых образований. Перед ледоставом происходит незначительное повышение уровней, вызванное заторными явлениями. Продолжительность заторных явлений 1–25 дней, в отдельные годы до 50 дней. На рис. 1 показан график максимально зафиксированного уровня воды в пределах г. Нижневартовска.

Водомерный график, Обь: Нижневартовск, 1979 г.

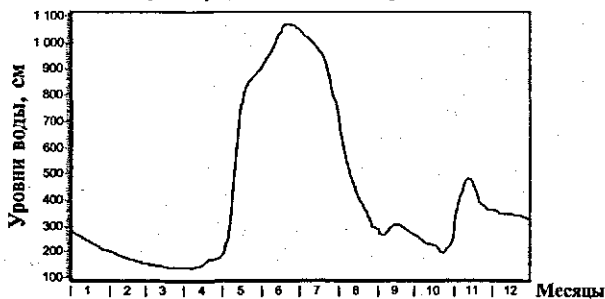

Рис. 1. Водомерный график р. Обь

В таких гидроморфных условиях поймы, когда в соответствии с паводковым режимом на поверхности почв отлагаются свежие слои аллювия, формируются следующие типы почв: аллювиальные серогумусовые (дерновые) глеевые, аллювиальные перегнойно-глеевые. Аллювиальные почвы месторождения формируются под влиянием сочетания пойменного, дернового и глеевого процессов.

Гривистые формы рельефа заселяются лиственным лесом. Под пологом осины, тополя, калины, шиповника, таволги формируются перегнойно-гидроморфные почвы. Перегнойный горизонт буровато-коричневый ближе к черному мощностью 7–10 см. В нижележащих горизонтах наблюдаются охристые пятна, полосы, которые формируются при поверхностном и грунтовым переувлажнении с 1–1,5 м залеганием грунтовых вод.

Низкая пойма характеризуется большой длительностью затопления, которое происходит ежегодно. Здесь формируются аллювиальные перегнойно-глеевые почвы, в условиях длительного поверхностного и грунтового увлажнения под ивово-осоковой растительной ассоциацией. Имеются следующие характерные отличия: сизовато-черный перегнойный горизонт, плохо разложившиеся органические остатки, обычно заиленные, наличие железисто-ржавых пленок. Аллювиальные дерновые глеевые почвы распространены в прирусловой и центральной поймах, под пойменными лугами из вейника, канареечника. В качестве иллюстрации приводим описание почвенного профиля аллювиальной дерновой глеевой почвы: см. рис. 2.

Эти почвы характеризуются как очень плотные — 1,4–1,6 см³/г, так как они сложены тяжелым гранулометрическим составом. В механическом составе преобладают илистые частицы, что связано с развитием аллювиального процесса, продолжительностью половодья и паводков.

Во время половодья в пределы поймы попадают влекомые частички четвертичных отложений и происходит их отложение, так как осуществляется замедление течения и увеличивается шероховатость дна из-за присутствия растительности либо старой, либо молодой. По мере удаления от основного русла реки изменяется интенсивность накопления и дисперсность образующихся осадков. Большая часть влекомых частиц отлагается на прирусловом участке поймы, и это в основном грубый песчаный аллювий, реже супесчаный материал. В меньшем количестве происходит отложение в пределах центральной поймы, что приводит к образованию высокодисперсного суглинистого наилка пойменной фации. Для ста-

Рис. 2. Аллювиальная дерновая глеевая почва

ричных озер характерно преобладание тонкодисперсного илистого осадка с большим содержанием биогенной составляющей.

Изучаемая территория месторождения добычи нефти и газа с 1961 года находится под прессом техногенного воздействия. Окружающая среда меняет свой облик, и в первую очередь изменению подвержены почвы. Нарушенные земли при разведке, строительстве и эксплуатации месторождения нельзя назвать почвами в докучавевском естественно-историческом понимании. Насыпи, валы, ам-21*

бары, траншеи, канавы, карьеры, созданные природным и специфическим субстратом как целенаправленно, так и косвенно, носят название — техногенные поверхностные образования (ТПО)¹.

Формирование почв на ТПО, проведение рекультивации земель для повышения их плодородия, зависит от первоначального субстрата естественной почвы, от технологии сооружения нефтегазодобывающего объекта. Так, до конца 80-х гг. при строительстве кустовых, буровых площадок и др. использовалась технология снятия верхних почвенных горизонтов, в 90-х гг. принято решение все нефтегазодобывающие объекты сооружать путем отсыпки песка. Песок извлекается из рек и озер гидронамывным путем. В пределах Мегионского месторождения располагаются три мощных гидронамыва. Намывной песок затем используется не только на территории месторождения, он вывозится для строительства нефтегазодобывающих объектов других месторождений.

Кроме того, что отсыпанные песком площадки и засыпанные им же нефтяные разливы консервируют углеводороды нефтяных продуктов, для объектов, сложенных песком, существует проблема дефляции. Песок и пыль, переносимые ветром, «опустынивают» сопредельные территории. В итоге восстанавливающиеся и естественные почвенный и растительный покровы вторично подвергаются техногенной нагрузке, травянистая растительность при этом полностью деградирует.

Начальная стадия формирования почвы зависит прежде всего от растительности. В свою очередь, растениям легче закрепить свою корневую систему на естественном перемешанном грунте (суглинке), нежели на непрочном песчаном. Поэтому формирование почвы на песчаных ТПО довольно затруднительно.

Нами изучено, что за 15 лет на ТПО, созданном перемешанным грунтом, формируется дерновая подстилка мощностью 0,5–1 см, а на песчаной насыпи за это время мозаично расселяется пионерная растительность: кипрей, подорожник, полынь, донник, мышиный горошек, клевер, конский щавель.

Таким образом, естественные природные условия, в том числе и почвы поймы р. Обь, ввиду интенсивного развития нефтегазодобывающей отрасли претерпевают серьезные изменения, которые нарушают естественный баланс природного равновесия.

Примечания:

¹ Классификация почв России / Авторы и составители Л.Л. Шишов, В.Д. Тонконогов, И.И. Лебедева. — Смоленск: Ойкумена, 2004. — 342 с.

Б.А. Колобова

Богатство охотничье-промысловых ресурсов Югры: состояние, динамика и их рациональное использование

Вопрос исследования проблем состояния и видового состава охотничье-промысловых видов животных тайги Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, а также зависимость их численности от разработки нефтяных и газовых месторождений, от климатических и других природных факторов, их рациональное использование изучены недостаточно.

Территория Ханты-Мансийского автономного округа — Югры традиционно относится к зоне промысловой охоты. Ханты-Мансийский округ охватывает почти всю подзону средней и частично северной тайги Западной Сибири. Округ является хорошо обособленной и достаточно крупной физико-географической единицей. Общая площадь охотничьих угодий округа — 52,8 млн. га. Здесь обитают практически все представители охотничьих и промысловых животных, характерных для Западной Сибири.

Важную и главную роль в округе играет пушной промысел — добыча пушных зверей с целью получения шкурок (пушнины). Для преобладающего большинства коренных народностей Севера и Сибири пушной промысел вместе со зверобойным промыслом, рыбной ловлей и оленеводством служил основным источником существования.

В России объектом традиционного пушного промысла являются свыше 50 видов диких пушных зверей, из них 20 видов имеют важное экономическое значение.

Шкурки соболя, белки, белого песца, ондатры, лисицы, лесной куницы составляли к концу 70-х гг. XX века 80% пушного промысла. По действующему законодательству перечисленные шкурки, а также шкурки выдры, норки, колонка, горностая, россомахи и рыси подлежат обязательной сдаче государству.

Фауна млекопитающих Ханты-Мансийского автономного округа изучена лишь в части крупных, преимущественно охотничье-промысловых видов.

В подзоне средней тайги велики запасы белки, в пойме Оби основным промысловым животным является ондатра. Из прочих пушных зверей промысловое значение имеют горностай, лисица, соболь.

Но самым распространенным хозяйством является оленеводство. Коренное население округа (ханты и манси) стали заниматься оленеводством с XIII—XV вв. н.э., перенимая манеру ведения этой отрасли хозяйства у северных соседей — ненцев. Большие пастбищные резервы в Ханты-Мансийском автономном округе — в северной и средней тайге. Здесь может быть размещено 220—250 тыс. оленей, что в три раза больше нынешнего поголовья. В целом же по области намечено в ближайшие годы довести поголовье оленей до 500 тыс. голов.

На территории округа выращиваются животные северного вида ненецкой породы домашнего оленя, приспособленного к жизни в таежной зоне. Это группа наиболее мелких сибирских оленей. Оленеводство округа главным образом является таежным видом хозяйства. В разных местах оленеводство велось по одному из типов:

1) *таежно-тундровый*: на р. Казым оленей зимой пасли в тайге, летом — в лесотундре на водоразделе рек Казым и Полуи, т.е. частично на территории ЯМАО;

2) *таежно-горный*: в Березовском районе зимой оленей пасли в тайге, летом — на горных пастбищах Урала с выходом в ЯМАО и республику Коми.

В хозяйстве коренных жителей олени выполняют две функции: шкурно-мясное и транспортно-промысловое обеспечение.

Оленеводство получило развитие в северной части округа в приграничных с Ямало-Ненецким автономным округом Березовском и Белоярском районах, на долю которых приходится почти все поголовье оленей в общественном секторе округа, их стада ежегодно насчитывают около 20 тыс. голов. В остальных районах олени содержатся в основном в личных подсобных хозяйствах. Максимального уровня поголовье оленей в Ханты-Мансийском автономном округе достигло в 1953 г. — 87,9 тыс. голов. К середине 60-х годов оно снизилось до 58,2 тыс. голов, в 1995 г. поголовье оленей составило чуть более 38 тыс. голов, из них 5374 — молодняк. Основной причиной уменьшения общественного стада явилась деградация оленьих пастбищ в связи с промышленным освоением территории округа. Особенно значительно пострадали они в зоне действия Казымского совхоза (Белоярский район), где поголовье с 1980 по

1994 г. сократилось в два раза из-за строительства двух коридоров газопроводов с Ямала.

Наибольшие стада оленей имеются и в других районах округа: в Сургутском — 5704, Нижневартовском — 881, Ханты-Мансийском — 114 голов, и находятся они в основном в личном пользовании.

Оленеводство является самой рентабельной отраслью агропромышленного комплекса. Экономическая эффективность его сохранилась и в настоящее время. В перспективе развитие и сохранение оленеводства, несмотря на его незначительный удельный вес в традиционном секторе хозяйствования, остается важнейшей задачей.

Таблица 1

Состояние ресурсов охотничьих животных в ХМАО¹

Виды	Численность в 1994–2000 гг.	Снижение в сравнении с 1989–1992 гг.
Соболь	22,5 тыс. шт.	на 8–11%
Лось	14,4 тыс. голов	на 8–11%
Лисица	11,1 тыс. шт.	на 8–11%
Горноста́й	65 тыс. шт.	на 14–22%
Заяц-беляк	281 тыс. шт.	на 14–22%
Ондатра	178 тыс. шт.	на 42–70%
Северный олень	10,2 тыс. голов	на 42–70%

Ряд представителей фауны Ханты-Мансийского округа имеют ресурсное значение и используются в хозяйственной деятельности. Из млекопитающих наибольшее ресурсное значение имеют лось, северный олень, рососомаха, косуля, зайцы — русак и беляк, белка, бурндук, волк, лисица. Существенное значение могут иметь также горноста́й, бобр, ондатра, соболь, норка и лесная куница. Ежегодно добывается до одной тысячи голов лося и около 300 голов северного оленя.

Для определения численности охотничьих животных, являющихся объектами охоты и рационального использования охотничье-промысловых ресурсов на территории Ханты-Мансийского автономного округа, ежегодно службой Госохотнадзора и охотпользователями проводится слеппромысловый учет промысловых зверей.

Сведения о численности и запасах основных видов охотничьих животных, их динамика численности в сравнении 2000 г. с 2001 г. представлены в *таблицах 2–3*.

Таблица 2

**Численность охотничьих животных по районам ХМАО
в марте 2000 г.²**

Вид	Административные районы									Всего
	Белоярский	Березовский	Кондинский	Нижневартовский	Нефтеюганский	Октябрьский	Советский	Сургутский	Ханты-Мансийский	
Лось	1380	5140	3490	2560	1160	1870	2200	1770	1540	20500
Сев.олень	40	800	720	20	—	—	400	50	2450	3800
Соболь	1010	4700	820	5100	2680	1110	1440	4400	1580	22600
Горностай	800	6540	300	3150	1260	850	1100	7600	4500	19200
Колонок	—	—	—	—	150	900	—	600	1650	3500
Росомаха	180	330	60	80	20	100	240	60	90	1050
Выдра	140	140	130	1130	90	70	290	260	350	3480
Норка	—	480	1500	3690	1250	—	1900	1400	1560	11800
Лисица	570	900	750	2400	600	400	500	2100	900	9240
Белка	8000	40000	13000	12400	10000	7000	13000	55000	7200	166400
Заяц-беляк	5000	22000	12000	6600	10000	12500	7000	60000	12300	149100
Волк	50	150	20	30	10	20	160	40	90	580
Рысь	—	—	11	—	—	—	30	—	40	81

По данным *таблицы 2* видно, что численность вида северного оленя имеет тенденцию к снижению. Основными причинами этого являются сокращение пригодных территорий и возросшее антропогенное влияние. В границах ХМАО места обитания северного оленя носят локальный характер в Ханты-Мансийском, Советском и Кондинском районах. Численность соболя стабильна, наблюдается увеличение, наибольшая численность отмечается в зоне пониженных насаждений темнохвойных формаций, по окраинам болот. Численность горностая снижается, хотя на территории округа обитает повсеместно. Численность белки обыкновенной в охотугодиях была низкой из-за неустойчивой кормовой базы и миграции животных в летний и ранний осенний периоды. Численность норки довольно стабильная, зарегистрировано ее увеличение, обитает в основном в

Таблица 3

**Численность охотничьих животных по районам ХМАО
(март 2001 г.)³**

Вид	Административные районы									
	Белоярский	Березовский	Кондинский	Нижневартовский	Нефтеганский	Октябрьский	Советский	Сургутский	Ханты-Мансийский	Всего
Лось	1400	4800	3300	2400	1200	1500	2200	1700	1540	20500
Сев.олень	40	200	550	30	—	—	680	100	2200	3800
Соболь	1100	5000	800	3100	2400	1700	1500	5100	1900	22600
Горноста́й	1600	2000	340	1500	1260	1300	1200	5400	4600	19200
Колонок	—	—	—	—	200	1000	—	700	1600	3500
Росомаха	200	230	50	80	20	120	180	60	110	1050
Выдра	230	220	210	1350	150	160	360	340	460	3480
Норка	—	1200	1500	2800	1300	—	2000	1400	1600	11800
Лисица	490	900	750	2400	600	400	500	2100	1100	9240
Белка	8000	40000	13000	12400	10000	7000	13000	55000	8000	166400
Заяц-беляк	5000	22000	12000	6600	10000	12500	7000	60000	14000	149100
Волк	50	150	20	30	10	20	160	40	100	580
Рысь	—	—	11	—	—	—	30	—	40	81

таежной части округа. Колебание численности лисицы незначительное, тенденция роста, вид хорошо приспособлен к антропогенным факторам.

По данным ЗМУ, численность лося незначительно снизилась, но возможен недоучет из-за слабой следовой активности в этот период и снижение интенсивности миграции. Наиболее достоверные данные дает авиаучет, но в связи с отсутствием средств он не проводился. Численность соболя осталась на прежнем уровне, объем добычи в масштабах округа незначителен. Волк распространен по всему округу, численность его подвержена незначительным колебаниям, а вот численность северного оленя намного снизилась из-за браконьерства, в связи с этим охота на данный вид закрыта на период восстановления популяции до промыслового уровня.

Например, численность северного оленя, несмотря на достаточно высокий процент изъятия (30–34%), держится на относительно стабильном, высоком уровне.

Численность ряда других видов териофауны (особенно пушных — ондатра и др.) резко снизилась вследствие браконьерства, некоторых (крот, белка, горностай, куница) — увеличилась, поскольку охота на них в последние годы стала нерентабельной.

В целом за последние пять лет в округе значительно истощились ресурсы многих видов животных, обитающих в таежной зоне (*табл. 1*).

Ресурсы хозяйственно важных видов животных ХМАО характеризуются невысокой продуктивностью на фоне выраженной естественной цикличности. Эти факторы определяют ограниченность восстановительного потенциала охотничьей фауны.

Контроль за состоянием популяций и планирование изъятия в системе охотничьего хозяйства осуществляются на основе учета численности наиболее ценных видов охотничьих животных, но, однако, по большинству видов точность результатов этих учетов пока невелика, к тому же они не охватывают всю территорию.

Состояние и тенденции изменения численности парнокопытных и бобра обусловлены главным образом изменениями местообитаний, а также браконьерством и сильным прессом волка. По понятной причине невозможно точно установить количественные показатели незаконной добычи лицензионных видов териофауны, но, несомненно, они очень велики и, по расчетам, приблизительно в 2–3 раза превосходят официальные показатели разрешенной добычи.

Для предупреждения нарушения популяционной структуры и восстановления численности с 1996 г. введены ограничения на добычу основных видов охотничьих млекопитающих (лося, бобра), что отразилось на динамике численности этих видов в последующие годы. Наблюдаемая в последние годы тенденция роста численности зайцеобразных, в основном зайца-беляка, обусловлена резким снижением внесения минеральных удобрений, пестицидов и гербицидов в агроценозы.

Определить ресурсы животного мира тайги гораздо труднее, чем растительного, но даже приблизительные минимальные показатели весьма внушительны.

Вопросы экономической оценки охотничьих ресурсов разрабатывались рядом специалистов в области охотоведения. Наиболее приемлемой считается методика, предусматривающая денежную оценку популяций охотничьих животных как суммы стоимостей промысловой натуральной продукции по заготовительным ценам и

стоимостей прочих полезностей, получаемых от конкретной популяции, за вычетом эффективных затрат на поддержание ее продуктивности⁵. Отсюда стоимостная оценка охотничьих ресурсов должна быть связана с оценкой промысловых животных, должна соотноситься к площади земельных угодий. В связи с этим возникает необходимость стоимостной оценки той единицы площади, которая отражала бы структуру земельных угодий территории. Единицей площади для количественной оценки животного населения принято считать «объединенные 100 км».

Выражение «мягкое золото» стало таким привычным, что порою мы невольно теряем из виду его подлинное содержание. На пятидесятом юбилейном пушном аукционе в Ленинграде шкурка баргузинского соболя оценивалась в 150 долларов, а отдельные партии доходили до 500 и даже 900 долларов, в то время как тонна пшеницы на мировом рынке стоила 65–75 долларов, а тонна сахара — 38–40.

Давая стоимостную оценку охотничьих ресурсов, необходимо учитывать их разнородность. По хозяйственному использованию продукции они подразделяются на три группы: 1 — пушные ресурсы, 2 — ресурсы копытных животных, 3 — ресурсы пернатой дичи⁶.

Приведенные данные по численности охотничье-промысловых животных округа свидетельствуют о наметившейся тенденции к снижению численности целого ряда основных охотничьих видов.

Как и все традиционные отрасли, охотничий промысел испытывает трудности в нынешний переходный период. Это связано с промышленным освоением территории округа, обусловившим сокращение ареалов охотничьих ресурсов, реорганизацией хозяйств, занимающихся промыслами, сложностью со сбытом продукции⁷.

Для северной половины тайги ХМАО рекомендуется иметь не более 20% площадей, преобразованных интенсивной хозяйственной деятельностью.

Главной причиной, приводящей виды животных к вымиранию, является не прямое истребление животных, а разрушение местообитаний в результате хозяйственной деятельности человека. По сведениям Международного союза охраны природы (МСОП), 67% позвоночных животных, включенных в Красную книгу МСОП, попали в нее именно по причине деградации местообитаний⁸.

В настоящее время нельзя однозначно утверждать, что данное явление вызвано антропогенными факторами, так как изменения численности всех видов находятся в пределах естественных межгодовых вариаций обилия. Результаты исследования позволяют ответить на вопрос: почему фактор «охоты» поставлен на первое место?

По степени влияния на охотничьих животных тайги нерегулируемая охота (браконьерство) стоит на втором месте после концентрированных рубок леса. Влияние рубок леса на охотничью фауну — очень сложная проблема. Многое здесь зависит от конкретных условий. Наилучшие охотничьи угодья образуются при чередовании разных типов леса. Поэтому, когда сплошные массивы темнохвойной тайги перемежаются небольшими участками разновозрастных вырубок или гарей, это вносит разнообразие в состав угодий и фауны.

Для большинства крупных млекопитающих одной из главных причин сокращения численности является, видимо, чрезмерная добыча, т.е. охота. Сила влияния фактора нерегулируемой охоты на популяции животных сопоставима с влиянием нефтяного освоения края. Сила влияния основных антропогенных факторов на популяции охотничьих животных округа определялась с помощью математики и ЭВМ.

Однако к началу XX в. в результате бесконтрольной охоты запасы соболя, выдры, бобра и других ценных охотничье-промысловых и пушных зверей резко сократились и пушной промысел стал приходить в упадок.

Охотничьи ресурсы — популяции животных, используемые для получения пушнины, мяса и других полезностей (жира, лекарственно-парфюмерного сырья и т.п.), — одновременно являются составной частью биогеоценозов. Животные неотделимы от территорий, на которых они существуют, поэтому сохранение животного мира — это, в первую очередь, сохранение мест его обитания.

Развитие нефтяной и нефтегазовой промышленности привело к значительной трансформации охотничьих угодий и, как следствие, к изменению структуры фаунистических комплексов. Основной причиной этого являются рубки леса. Биологическая продуктивность ряда видов животных (белки, соболя, глухаря, лисицы) существенно снизилась, некоторых (горностая, рябчика, медведя, росомахи) осталась на прежнем уровне, а отдельных (лося, зайца-беляка) увеличилась. В целом по округу общая продуктивность охотничьих угодий на начало 80-х годов снизилась приблизительно на 20% по сравнению с концом 50-х, при этом в Нижневартовском районе — в 3,5, Кондинском — в 2,2 раза, Березовском — в 1,8 раза. Для Советского района, где разрушены коренные местообитания животных, характерно практически полное прекращение хозяйственной продуктивности охотоугодий по пушнине.

Пока нет оснований для утверждения о существенной негативной роли загрязнений продуктами нефтегазового комплекса, одна-

ко усиление такого загрязнения может в значительной мере усугубить ситуацию. Особенно это касается животных, связанных с пойменными и водными экосистемами (ондатра, бобр, норка). Усиление концентраций техногенных поллютантов приведет, помимо прямого воздействия на организмы животных, еще и к сокращению или ухудшению их кормовой базы с соответствующими демографическими последствиями.

Соотношение охраняемых и хозяйственно используемых площадей имеет первостепенное значение для воспроизводства популяций диких животных. Например, успешное воспроизводство поголовья соболя в некоторых основных районах его промысла обеспечивается наличием воспроизводственных площадей в пределах 20–30% общей площади угодий.

На основании постановления губернатора Ханты-Мансийского автономного округа «О механизме внедрения положения о статусе родовых угодий в ХМАО» №69 от 27.02.92 г. в районе началось выделение родовых угодий коренным малочисленным народам Севера. На площади 3 млн. гектаров земли закреплены границы 132 родовых угодий. Обустраиваются стойбища. Создаются родовые общины. Выращиванием и добычей ценных пород пушных зверей в районе занимаются муниципальные унитарные предприятия «Нижневартовская районная фактория» и «Охтеурское».

В 2002 году 135 родовых угодий располагались на площади 3001300 га, которые вошли в состав территорий традиционного природопользования на основании постановления правительства ХМАО—Югры от 10.04.2002 г. №192-п.

Корликовский сельсовет	43 угодья	1230400 га
Ларьякский сельсовет	30 угодий	726600 га
Охтеурский сельсовет	26 угодий	359200 га
Большегарховский сельсовет	1 угодье	9200 га
Аганский сельсовет	12 угодий	198300 га
Варьеганский сельсовет	23 угодья	477600 га

Переработка и реализация продукции — важнейшая экономическая проблема всех традиционных отраслей, а не только охотничьего промысла, ее решение позволит решить проблему эквивалентного обмена между нетрадиционными и традиционными отраслями и повысить эффективность функционирования последних. В связи с отводом земель под родовые угодья коренные жители округа получили больше прав и возможностей для сохранения продуктивности промысловых угодий.

Как и другие отрасли экономики, развитие охотничьего промысла имеет не столько экономическое, сколько социальное значение для сохранения малых северных народов, для его функционирования и создания надлежащего уровня жизни занятых в нем необходима государственная финансовая поддержка.

Реорганизация отрасли, появление экономически свободных хозяйств охотничьей продукции ставят на повестку дня создание предприятий по переработке пушнины, мяса и прочего сырья диких животных с целью получения полуфабрикатов и конечной продукции для извлечения дополнительной прибыли, которую до сих пор получали другие районы за счет незначительной промышленной переработки охотничьей продукции округа.

Таким образом, на данном этапе промышленного освоения территории ХМАО основным фактором, определяющим состояние населения хозяйственно важных млекопитающих, является трансформация среды обитания, выражающаяся главным образом в изменении структуры растительного покрова и соотношения нетронутых и видоизмененных ландшафтов. При этом увеличивается неоднородность территории, требующая дифференцированного подхода к использованию и охране животных.

Исходя из изложенной выше краткой характеристики состояния ресурсов охотничье-промысловых млекопитающих, можно отметить некоторые принципиально важные моменты, которые необходимо учитывать при более детальной разработке системы природоохранных мер. При этом выделяют две группы территориальных подразделений:

— зоны, подверженные интенсивному техногенному воздействию. Приоритетное направление природоохранной политики здесь, сохранение здоровья населения и снижение негативного влияния загрязнений;

— зоны, не подверженные или мало подверженные техногенному воздействию.

Снижение негативного влияния факторов освоения территории на восстановительный потенциал промысловых млекопитающих возможно путем правильной организации системы промысла, биотехнических и охранных мероприятий. Необходимо использовать особенности пространственной структуры населения животных и их способность к расселению, что особенно важно с учетом того, что часть территорий, ранее служивших для воспроизводства и промысла диких животных, изымается из такого рода пользования в связи с промышленной экспансией (переходят из второй группы в первую).

Организация сети заповедников, заказников и других особо охраняемых территорий с полным запретом промысла животных в настоящее время рассматривается как наиболее эффективный способ сохранения восстановительного потенциала животных, снижения риска резкого падения численности без существенного сокращения объема заготовок, чему есть как практические подтверждения, так и теоретические основания.

С момента создания округа проведен ряд мероприятий по восстановлению и воспроизводству поголовья ценных пушных зверей, являющихся основой традиционного хозяйства и имеющих экспортное значение. Промысловая фауна Ханты-Мансийского автономного округа была обогащена новыми видами животных. В 1932 г. на охотничьи угодья Сургутского района была выпущена норка, завезены баргузинские соболя. Наиболее быстро адаптировалась в новых условиях ондатра, расплодившаяся в большом количестве⁹.

По восстановлению численности пушных зверей создавались заповедники и заказники, проводились работы по акклиматизации и реакклиматизации пушных зверей (например, соболя, норки, черно-бурой лисицы, бобра, численность которых с каждым годом повышается).

Положение с охраняемыми территориями в нашем округе, на фоне рекомендации схемы рационального природопользования, свидетельствует о явно недостаточной их площади для нормального воспроизводства популяций охотничьих животных, поддержания экологического равновесия в условиях неуклонного расширения сферы промышленной деятельности и урбанизации. В образовании охраняемых территорий нуждаются в первую очередь районы восточной половины округа, в наибольшей степени освоенные нефтегазовой промышленностью.

В последние десятилетия на Средней Оби организовано несколько заповедников и заказников разного ранга и подчинения. Практика их работы убеждает в необходимости их расширения.

Освоение человеком все новых территорий, развивающаяся нефтяная и газовая отрасли промышленности влекут за собой уменьшение площади, состава и качества охотничьих угодий. В этих условиях все большую актуальность приобретает проблема бережного, рационального использования природных богатств области.

Для улучшения качества угодий и привлечения промысловых зверей следует шире проводить различные биотехнические мероприятия. Необходимо существенно изменить стратегию ведения охотничьего хозяйства. В ближайшее время следует организовать комплексное и согласованное использование биологических ресур-

сов разными отраслями хозяйства. Важной задачей существующих и вновь организуемых охотхозяйств является охотоустройство, организация регулярных учетов численности животных, определение размеров добычи, что позволит оперативно контролировать состояние ресурсов и возможности их использования на каждый год, т.е. нормирование промысла.

Поддающиеся государственному контролю показатели заготовок продукции снижаются для большинства охотничьих животных из-за увеличения ее оседания и перепродажи через частные каналы, активизировавшиеся с начала интенсивного освоения нефтегазовых месторождений, поэтому статистика заготовок в настоящий момент не отражает реальные движения численности животных и не может служить основой для реалистического контроля ситуации¹⁰.

Но ни одна разновидность таежных благ — будь то древесина, пушной зверь, дичь, орехи, рыба и всё прочее — сама по себе существовать не может. Природный биоценоз совмещается с хозяйственным комплексом в одном емком понятии: тайга.

Дальнейшее развитие охотничье-промыслового хозяйства округа должно происходить с учетом местных особенностей при условии сохранения и укрепления традиционных для его населения видов сельскохозяйственного производства, таких, как оленеводство, рыболовство, клеточное звероводство, охотничий промысел и развитие на этой основе перерабатывающих производств.

Примечания:

- ¹ Животный мир // О состоянии окружающей природной среды ХМАО в 2002 году / Информ. бюллетень. — Ханты-Мансийск, 2003.
- ² Охотничьи ресурсы. Качество окружающей среды и состояние природных ресурсов // Югра. — Ханты-Мансийск, 2001.
- ³ Животный мир // О состоянии окружающей природной среды ХМАО в 2002 году / Информ. бюллетень. — Ханты-Мансийск, 2002.
- ⁴ Животный мир // О состоянии окружающей природной среды ХМАО в 2002 году / Информ. бюллетень. — Ханты-Мансийск, 2003.
- ⁵ Человек и природа. Спецвыпуск. Дела и люди // Югра. — 1998. — №3.
- ⁶ Животный мир // О состоянии окружающей природной среды ХМАО в 2002 году / Информ. бюллетень. — Ханты-Мансийск, 2002.
- ⁷ Новиков В.П. История кондинских оленей / Югорская н.-п. лаб. охот. хозяйства. — Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996.
- ⁸ Карелов А.М. Принципы экономической оценки биологических природных ресурсов в охотничьем хозяйстве // Всесоюзное науч.-произ. совещание по экономике и организации охотничьего хозяйства / Тез. докладов. — Киров, 1973.
- ⁹ Новиков В.П. Охотничьи животные ХМАО. Ресурсы, экология, прогноз. — Ханты-Мансийск, 1994.
- ¹⁰ Экология ХМАО / Под ред. Плотникова В.В. — Тюмень: СофтДизайн, 1997.

Экология, механизмы адаптации рода *Salix*

Род ива *Salix* является самым многочисленным в семействе ивовые (около 350 видов ив, по другим данным, свыше 600). Это листопадные деревья (10–15 м, реже 30–40 м), кустарники, кустарнички и «полутравы» (8–30 см — стелющиеся арктические и высокогорные виды). На территории России ивы встречаются от арктических пустынь (на островах) до вершин гор Урала, Кавказа, Восточной Сибири, особенно много в пределах Западной Сибири¹.

В процессе эволюции род *Salix* выработал большой спектр биоэкологических свойств и механизмов приспособления к большому разнообразию условий. Это своеобразие является главной причиной их широкого распространения на Земном шаре, особенно на территории Западной Сибири.

На территории ХМАО ивовые леса занимают достаточно большую площадь, как в составе чистых, так и смешанных насаждений. Встречаются около 20 видов ив, среди которых наиболее распространенные: ива козья (*S. caprea*), ива серая (*S. cinerea*), ива шерстистопобеговая (*S. dasyclados*), ива копьевидная (*S. hastata*), ива лопарская (*S. lapponum*), ива трехтычинковая (*S. triandra*), ива корзинчатая (*S. viminalis*)². Некоторые виды относят к редким и исчезающим. Точные данные о площади и запасах ивовых насаждений отсутствуют³.

Растения рода *Salix* характеризуются способностью заселять вновь образующиеся субстраты⁴. Ивы произрастают в самых разнообразных вторичных местообитаниях, создаваемых деятельностью человека, особенно в лесной зоне, легко заселяют различные рытвины, карьеры, насыпи, запущенные поля и огороды⁵.

Растения рода ива отличаются высокой пластичностью, что отражается в способности к эврибионтности. Это обусловлено филогенетической молодостью рода.

Особенности экологии ив выражены в способности к вегетативному размножению: отводками, корнями, черенками, порослью от пня. Кроме этого, в строении семян³: мелкие и легкие семена рас-

пространяются ветром на большие расстояния по воздуху и воде⁶. На влажном открытом субстрате сформированный зародыш и слабая, легкопроницаемая оболочка позволяют семенам ивы прорасти очень быстро на первые-четвертые сутки. Период покоя у них отсутствует. Всходы энергично ассимилируют. За три месяца они вырастают до 50 см⁷.

У видов рода ива различно отношение к степени увлажнения. Многие ивы, произрастая по берегам водоемов, способны переносить длительное затопление⁸. В таких условиях у них быстро развиваются придаточные корни на стволах: временные, при длительном затоплении, и постоянные, при отложении ила и песка. Молодые побеги многих древесных ив гибкие, поэтому не ломаются в быстром потоке воды и при ледоходе³.

Некоторые ивы произрастают в засушливых местообитаниях, даже в степи и полупустынях (ива волчниковая, каспийская, остролистая). В этих условиях они способны развивать мощную и глубокую корневую систему, которая обеспечивает растениям потребность в воде⁷.

Меньшую заинтересованность ивы проявляют к температурному режиму⁹. Многие виды способны переносить в состоянии активной вегетации сравнительно высокие и низкие температуры¹⁰.

По отношению к влажности и температуре воздуха ивы сильно отличаются. Видам аридных областей свойственны рыхлая крона, мелкие и узкие листья с обильным развитием устьиц на нижней и верхней стороне. Сеть жилок густая. Жилки погружены в толщину паренхимы. Число клеточных слоев увеличено. Слои мезофилла плотные, мало различимы по высоте, строение клетки приближается к палисадному типу, анатомическая структура листа к изолатеральной.

Ивам, живущим в условиях умеренной влажности и температуры воздуха, лесных лесогундровых и субальпийских областей, свойственны широкие листья, мягкие, лишенные устьиц на верхней стороне и обладающие четко билатеральным анатомическим строением³.

Арктические и высокогорные виды ив относятся к холодостойким видам. Основная стратегия адаптации ив к низким температурам заключается в их малых размерах⁹.

Некоторые ивы способны выносить затенение и расти в лесах. Ива козья (*S. saepea*) может расти среди сомкнутого древостоя. В подлеске березняков произрастает ива шерстистопобеговая (*S. dasyclados*). Небольшое затенение выносит ива Бебба (*S. Bebbiana*), часто встречаемая в светлых сосновых и лиственных лесах. Неко-

торые виды столь резко светолюбивы, что страдают даже от частичного затенения (*S. Wilhelmsiana*)¹⁰.

Можно выделить две основные экологические группы: 1) аллювиальные, 2) неаллювиальные виды. Первые нуждаются в хорошо аэрируемом субстрате и проточном увлажнении. Поэтому аллювиальные виды ив селятся на наносах (аллювии и делювии) вдоль рек, ручьев, ложбин. Это чаще всего деревья или высокие кустарники с большой энергией роста, обычно узколистные, дающие гибкие хлыстовидные побеги (лоза)⁵.

Неаллювиальные виды ив селятся на разнообразном субстрате: глинистом, песчаном, торфянистом. Данные виды менее требовательны к аэрации субстрата и часто мирятся с застойным увлажнением, заболачиванием или довольствуются умеренным обычных лесных или луговых почв. К этой группе относятся тундровые, скальные, лесные и болотные виды. Жизненные формы неаллювиальных видов очень разнообразны. У них более широкие листья, хорошая лоза образуется редко⁵.

Более широкая зональная и высотная амплитуда характерна для аллювиальных видов по сравнению с неаллювиальными. Виды, приуроченные к лесной зоне, по долинам рек выходят в степную и полупустынную область (*S. viminalis*, *S. triandra*), в зону тундры (*S. viminalis*, *S. dasyclados*, *S. udensis*). Абсолютная высотная амплитуда у аллювиальных видов (*S. pycnostachya*, *S. Wilhelmsiana*, *S. Capusii*) составляет около 3000 м, у неаллювиальных ниже⁹.

Ивы произрастают во вторичных местообитаниях, создаваемых деятельностью человека. Это обеспечивается такими свойствами, как экологическая пластичность, большая жизнеспособность, способность быстро распространяться на новых территориях, где они являются пионерными растениями⁵.

С 2000 г. нами ведется изучение особенностей экологии и механизмы адаптации рода *Salix* на территории Нижневартовского района. Исследованы такие показатели, как интенсивность фотосинтеза, восстановительная способность хлорофилла, интенсивность дыхания, транспирации, наличие дубильных веществ и алкалоидов. В качестве объектов исследования использовали виды ив в сравнении с осинкой (*Populus tremula*) и березой пушистой (*Betula alba*), одинаковых по возрасту и тех же сообществ. Изучение особенностей проводили в разных условиях обитания (в лесу, в городе Нижневартовске и около водоема) в различные периоды вегетации (июнь, июль, август).

Интенсивность транспирации листьев деревьев определяли весовым методом по Иванову¹¹, интенсивность фотосинтеза по при-

росту органического вещества, интенсивность дыхания изучали по количеству выделившегося углекислого газа¹². Изучение анатомо-морфологических особенностей листьев древесных растений вели на поперечных срезах листьев в бузине¹³. В результате изучения некоторых видов *Salix* были получены следующие результаты.

Изученные представители рода ива на территории Нижневартовского района характеризуются высокой ассимиляционной способностью. Интенсивность фотосинтеза среди изученных видов была максимальна у ив, произрастающих около воды. В условиях города накопления органического вещества листьями была ниже. Низкая величина наблюдалась у ив, произрастающих в лесу.

Интенсивность фотосинтеза и фотосенсибилизирующая способность хлорофилла у ив выше, чем у березы и осины¹⁴. Скорость накопления органического вещества у изученных видов ив зависела от сезона года и условий произрастания. Кривые накопления органического вещества имели одновершинный характер. У ив, произрастающих в пойме реки, скорость накопления органического вещества выше, чем у идентичных видов в условиях города. Максимум образования у изученных видов ив наблюдается в середине лета.

Растения рода *Salix* характеризуются более низкой интенсивностью транспирации по сравнению с березой и осиной. В условиях высокого содержания воды в почве (пойме реки) интенсивность транспирации максимальна и кривые имеют одновершинный характер. В условиях города и леса содержание воды в почве лимитирует интенсивность транспирации у изученных видов ив, и как результат этого интенсивность транспирации уменьшается особенно на территории леса, а кривые транспирации имеют двухвершинный характер, т. е. у них наблюдается явление полуденной депрессии, что, вероятно, обеспечивает им экономное использование воды. Ивы имеют гидролабильный тип водного обмена, что проявляется в значительном варьировании содержания воды в листьях и скорости транспирации.

Для ив характерны низкий транспирационный коэффициент и высокая продуктивность транспирации в течение всего дневного периода, а также в течение лета. Затраты воды на образование единицы сухого вещества у ив были ниже, чем у березы и осины. Ивы более продуктивно используют воду. Интенсивность этого процесса изменяется в зависимости от условий произрастания: наименьшее значение транспирационного коэффициента было выявлено у ив, произрастающих у воды, наибольшее — в условиях города.

Ивы имеют более высокий коэффициент продуктивности транспирации. У изученных видов ив на 1000 г воды образуется больше

органического вещества в листьях, чем у березы и осины. При этом значение данного показателя варьировало у изученных видов в зависимости от условий произрастания: максимальные — для ив, произрастающих у воды, минимальные — в урбанизированных условиях.

Представители рода *Salix* меньше затрачивают органического вещества на процессы дыхания различных органов. Интенсивность дыхания у ив была ниже по сравнению с осиной и березой.

Для ив характерно наличие хорошо развитого мезофилла, в котором клетки губки и палисада располагаются плотно, процент межклетников незначителен. Эпидермиальный слой тонкий, но верхний толще нижнего. В мезофилле четко выделяются слои палисадных и губчатых клеток. Толщина палисадного мезофилла больше губчатого. Палисадные клетки располагаются в два слоя. Количество слоев клеток в губчатом мезофилле изменяется в пределах от 3 до 5. Для всех изученных видов ив характерна опушенность листа. Степень опушенности листьев у ив различна. Кроме того, у ив, произрастающих около воды, лист опушен с обеих сторон, а в городе и лесу — с нижней стороны.

Количество хлоропластов в клетках мезофилла ив превышает их содержание у березы и осины. Количество хлоропластов в палисадных клетках ив больше в 3 раза у воды, в 2,5 раза в лесу в сравнении с видами в условиях города. Высокая численность хлоропластов в клетках ив обусловлена филогенетической молодостью рода *Salix*.

Ивы синтезируют большое количество дубильных веществ и алкалоидов, которые являются биологически активными соединениями. Большое содержание дубильных веществ и алкалоидов у ив является одним из факторов, который обеспечивает высокую биологическую активность растений рода *Salix*.

Таким образом, изучение эколого-физиологических особенностей различных представителей рода *Salix* показало, что функциональные процессы и особенности анатомии веществ у них направлены в сторону активации ростовых процессов и создания высокой продуктивности.

Примечания:

¹ Лесная энциклопедия: Т. 2. / Под ред. Г.И. Воробьева. — М.: Сов. Энциклопедия. 1985. — С. 361–363.

² *Иванова Н.А., Костюченко Р.Н.* Ивняки и их роль в таежных экосистемах ХМАО // Тезисы докладов и сообщений IV региональной музейной научно-практической конференции, посвященной 30-летию г. Нижневартовска. — Нижневартовск: Нижневартовск. пед. ин-т, 2001. — С. 116–120.

³ О состоянии окружающей природной среды ХМАО в 1996 году (Аналитический обзор). — Ханты-Мансийск: МУ Х-М, 1997. — С. 361–363.

- ⁴ *Тюрин В.Н., Титов Ю.В.* Эколого-морфологическая характеристика пойменных кустарниковых ивняков Среднего Приобья // Биологические ресурсы и природопользование: Сб. науч. трудов. Вып. 4. — Нижнеартовск: Изд-во Нижнеартовск. пед. ин-та, 2001. — С. 38–51.
- ⁵ *Иванова Н.А., Костюченко Р.Н.* Эколого-физиологические особенности ивовых // Мира не узнаешь, не зная края своего: Материалы 7-х краеведческих чтений. — Нижнеартовск: Нижнеартовская типография, 2003. — С. 109–114.
- ⁶ *Скворцов В.И.* Ивы СССР. — М.: Просвещение, 1968. — С. 5–91.
- ⁷ *Богданов П.Л.* Дендрология: Учебник для вузов. — М.: Лесн. пром-ть, 1974. — 240 с.
- ⁸ *Бокк Э.Н.* Общие черты динамики прирусловых ивовых лесов в пойме Оби // Лесоводственные исследования в Западной Сибири / Под ред. Г.В. Крылова. Вып. 15. — Новосибирск: Наука, 1972. — С. 124–132.
- ⁹ *Миркин Б.М., Наумова Л.Г., Соломец А.И.* Современная наука о растительности: Учеб. пособие. — М.: Логос, 2001. — С. 123.
- ¹⁰ *Прокопьева Е.П.* Экология растений (особи, виды, экогруппы, жизненные формы): Учебник для биологических факультетов вузов. — Томск: Томск. гос. ун-т, 2001. — С. 194, 200, 201.
- ¹¹ *Практикум по физиологии растений / Под ред. И.И. Гунара.* — М.: Просвещение, 1972. — С. 83.
- ¹² *Полевая практика по физиологии растений: Метод. пособие.* — Кустанай: Изд-во Кустан. ин-та, 1990. — С. 58.
- ¹³ *Мезоструктура и функциональная активность фотосинтетического аппарата / Под ред. А.Т. Мокроносова.* — Свердловск: Урал, 1978. — 147 с.
- ¹⁴ *Иванова Н.А., Костюченко Р.Н.* Эколого-физиологические особенности некоторых видов рода *Salix* // Биологические ресурсы и природопользование: Сб. науч. трудов. Вып. 6. — Сургут: Дефис, 2003. — С. 70–79.

Часть VII. Портреты земляков

Н.П. Смирнов

Валентина Ивановна Чернышова

Исполнилось шестьдесят лет директору библиотечной системы Нижневартовска Валентине Ивановне Чернышовой.

Родилась Валентина Ивановна в Омске. Сразу после войны семья вернулась на родину в Уватский район Тюменской области. Еще в ее жизни был Ханты-Мансийск. Она закончила семилетку, национальное педучилище, готовившее кадры для школ с преобладанием малочисленных народностей Севера. Довольно сносно овладела хантыйским языком, много полезного усвоила от преподавателя Алексея Михайловича Сенгепова. Тот вел переписку с родственными венграми. В педучилище учили всему: петь, играть на музыкальных инструментах, быть спортивным тренером и «трудовиком». Вполне подготовленной оказалась для кондинской глубинки, где в начальных классах трудилась полных четыре года, будучи учителем и директором школы одновременно. Так, постигая школу жизни, все больше убеждалась в самой себе, что она, гуманитарий по призванию, должна совершенствоваться дальше.

Перелистала справочник высших учебных заведений и остановилась на институте культуры. Их всего в России было два — в Москве и Ленинграде. Выбрала Ленинград. О городе на Неве много завораживающего поведала знакомая выпускница института библиотекарь-библиограф. И Валентина Ивановна отчасти поэтому предпочла библиотечное отделение, а более потому, что книги сопровождали ее с детства, были основным источником информации и воображения, дополняя краски природы, которые воспринимала трепетно, не уставая. Тогда еще не было телевидения, радио, свет и то не везде был. Книга и природа — вот что формировало сибирячку!

Работа с книгой — это всегда встреча с разнообразным. Спрашивающий книгу надеется, что библиотекарь оправдает ожидания, как, например, оправдывает фармацевт в подборе нужных лекарств.

Выбор состоялся. Училась вдохновенно, напористо, влюбляясь в город, который прежде знала лишь понаслышке. Белые ночи Ленинграда! Белые ночи Среднего Приобья! Между ними ни одной

встречи с городом на Неве. Только в мае 2005-го вернулась уже в Санкт-Петербург. Привела сессия Российской библиотечной ассоциации. Свидание с городом ее юности и узнавание нового в системе библиотек от Сахалина до Калининграда.

Порой общение решает все, заряжая надолго, высвечивая ориентиры. Особенно на «круглых столах», когда обмениваются мнениями. Нижневартовск с его богатейшим опытом в библиотечной науке знают далеко за пределами округа. Вернулась в город студенческой юности, прогулялась по Васильевскому острову, Невскому проспекту, возле института, где знаком каждый сквер и близка дорога к «Медному всаднику». В мыслях же торопила возвращение на берега Оби.

В 1986 году писал в журнале «Библиотекарь», что ее трудно застать на месте. Рабочий день директора Нижневартовской сельско-городской ЦБС насыщен и уплотнен до невозможного. На огромной территории 34 библиотеки-филиала централизованной системы, а в общем слого с профсоюзными, техническими, школьными, библиотеками учебных заведений их 88. Сообща обслуживают более 98 тысяч жителей. Есть еще библиотеки-передвижки, созданные с целью приближения книги непосредственно к рабочим местам буровиков, нефтяников, строителей.

Обширна сфера влияний и действий.

И все это необходимо охватить Валентине Ивановне, директору ЦБС.

Мне приходится часто видеться с ней, наблюдать на работе. Главные ведущие — целеустремленность, тяга к новизне. Эти качества прививает всему коллективу ЦБС. Подобрались истинные энтузиасты своего дела и нефтяного края, всего 105 человек. Для района немного, но малочисленность с лихвой компенсируется высокой отдачей труда. И в этом несомненная заслуга Валентины Ивановны. Она часто выезжает в дальние поселки и деревни с проверками и помощью.

Как-то зачастила в поселок Покур. Спросил ее: «Зачем?». Оказывается, в сельсовете вышли из строя батареи парового отопления, и сельсовет переселили в библиотеку. Читателям некуда стало приходиться. Как было не вмешаться директору? И она добилась иного решения, не за счет учреждения культуры.

Бедной была библиотека в поселке Аган. Валентина Ивановна сделала все возможное, чтобы оснастить помещение стеллажами, столами и стульями, пополнила книжный фонд. Особая забота директора — филиалы системы в новых городах Лангепасе и Радуж-

ном. В Лангепасе детская библиотека — лишь создана, книг мало-вато, и Валентина Ивановна обратилась к коллегам из Заводоуковской ЦБС на юге области. Система выделила северянам часть своих книг. В Радужном основные хлопоты связаны с помещением. Там библиотека «подселена» к другим организациям, Валентина Ивановна звонит председателю исполкома. Не помогает звонок — едет сама, добивается приема, горячо объясняет, просит.

Она — депутат горсовета. В первый свой созыв была секретарем комиссии по делам молодежи, еще — председателем депутатской группы в микрорайоне. Ей поручена комиссия по торговле и общественному питанию. Валентина Ивановна организует рейды и проверки, отчеты руководителей торговых предприятий, контролирует состояние и ремонт овощехранилищ, открытие новых торговых точек.

Именно одержимость помогает Валентине Ивановне, являясь свойством ее натуры. Одержимость удваивает силы, добавляет энтузиазма. С нею нет непреодолимого. В ЦБС отсутствует бухгалтер, не предусмотрены завхоз и машинистка, не хватает людей на обработку поступающей литературы — ее приходит в год шестьдесят тысяч, а обработать успевают лишь половину, и директор применительно к обстановке ищет решения: хозяйственные, кадровые, методические. Уделяет внимание вахтовым поселкам, рабочим общежитиям. Ее постоянная головная боль — чем занять досуг труженика-северянина?

Решением межведомственной библиотечной комиссии утверждается единый план обслуживания вахтовых поселков и общежитий, создаются библиотеки-передвижки в леспромхозах, мостоотрядах, приходят книги и в новые поселки. По примеру ВАЗа в ЦБС внедряется бригадный абонемент. Первой на такую форму обслуживания поставлена одна из бригад нефтедобывающего управления «Черногорнефть».

В школах города, благодаря тесному взаимодействию с ними, проводят регулярные библиотечные уроки. Учащихся знакомят с книжным фондом ЦБС, учат обращению с каталогами и справочниками. Для всех любителей чтения ЦБС ежеквартально выпускает бюллетень «Новые книги в библиотеках города и района». Все это вместе взятое позволило ЦБС за минувший год увеличить число пользователей на семь тысяч. Если учесть, что по области прирост — двадцать тысяч, можно высоко оценить вклад нижегородцев в общее дело. И по итогам 1985 года ЦБС вручены переходящие Красные знамена облисполкома и окружного исполкома.

Успех достигнут и благодаря помощникам Валентины Ивановны — В. Литовченко, Т. Воробьевой, П. Махович, Н. Прозоровой, Л. Филимоновой, Л. Шаймардановой.

Трудностей, конечно, грести и не перегрести.

В первую очередь, теснота и непригодность помещений, но глава межведомственной библиотечной комиссии, заместитель председателя горисполкома Э. Глазунова постоянно в курсе дел, оказывает системе всяческое содействие. При помощи секретаря горкома КПСС Л.В. Малковой коллектив добился помещения и для центральной городской библиотеки по улице Менделеева, отвечающего современным требованиям.

А попала в Нижневартовск неспроста. Перед этим хотела переместиться в областной центр — преподавать в тамошнем открывающемся институте культуры, уже сняла квартиру. Но директор Лангенбах заявила, что, пока не проведет окружную конференцию в Нижневартовске, ни в какую Тюмень не отпустит. Как впоследствии выяснилось, вообще не намеревалась отпускать. Валентина Ивановна провела месяц в городе на Самотлоре. Все сделала, как надо, провела без сучка без задоринки. Заведующий окружным отделом культуры Сергей Кутузов по настоянию Нины Викторовны уговорил остаться ее насовсем. В то время Сургут и Нижневартовск были самыми известными мегаполисами Среднего Приобья, здания и промышленные объекты росли на глазах, ритм жизни захватывающий. Центральная взрослая и детская библиотеки по улице Менделеева в помещении с настенной росписью, просторном на все стороны. И это тоже отвечало духу времени.

В районе семь ударных комсомольскихстроек, и это уже само собой приносило дополнительный стимул в работу библиотек. Книги приходили даже из Москвы. В Москве и прочих крупных центрах стажировались, повышали квалификацию сотрудники ЦБС.

Систему в Нижневартовске возглавляла Тамара Александровна Тихонова, ей в подмогу Лангенбах и направила перспективную ханты-мансийку, по выпуску ленинградку, а по рождению — сибирячку. Вначале дала возможность поработать заведующей методико-библиографическим отделом. Библиотекарей с высшим специальным образованием было по пальцам пересчитать, тем более библиотекарей по призванию. Искали, где прибыльней. Валентина Ивановна отвечала и другим критериям, предъявляемым Лангенбах, оттого и готовила, понимая, где и какой участок укрепляет. С взглядом вперед действовала.

В 1978 году Нижневартовская ЦБС включала 34 филиала, было в чем проявить сноровку и умение, привести неординарное в библиотечную направленность. Узнавали передовое в поездках в командировки и на библиотечные семинары или из литературы — интернета еще не было. Совершенствовались неумоимо и без электронных средств.

В 1984 году В. Чернышова стала директором всей системы, спустя время добившись выделения городской ЦБС в самостоятельную систему. Помимо наращивания филиалов создавала отделы: периодики, искусств, краеведческой и художественной литературы, отраслевой информационный деловой центр, досугово-молодежный, паблик рилейшенз, международной книги, автоматизации, и создала библиотеки татаро-башкирской, украинской литературы, библиотеки семейного чтения, обслуживания инвалидов.

В 80-е гг. в городе ежегодно открывали две новые библиотеки, позже полностью автоматизировали процессы обслуживания, к 1998 г. доведя число пользователей до шестидесяти тысяч.

Валентина Ивановна участвовала в 61 сессии Генеральной конференции ИФЛА. Она награждена орденами и медалями, знаками отличия. Так зафиксировано в документах и сводках, и так на самом деле. Но это сухая констатация фактов. За фасадом их библиотечная реальность и в ней личность Чернышовой много конкретной и объемной, и романтической тоже.

Она сама рассказывает:

— Всего отделов двадцать. Отдел искусств создали в числе первых. Можно сказать, по крупицам собирали отдел православной литературы. Детские библиотеки плодотворно использовали опыт мурманских коллег. Появилась Ребячья республика «Читай-город» и набирает обороты. Наши сотрудники побывали и в Америке, неоднократно бывали и на международных конференциях в украинском городке Судак, что в Крыму, еще в советскую пору инициированных ГПНТБ Москвы. Теперь суть конференций несколько видоизменилась, но конференции проводятся по-прежнему с международным статусом.

Краеведческий отдел мечтала создать давно, вначале собрала стопку книг — детских и взрослых, где какие смогла собрать. Потребность в них обозначилась особенно в юбилей города — Нижневартовску в 1997 году исполнилось 25 лет. До этого краеведческий отдел находился в тесной комнате на первом этаже. В 1996 году в отдел пришли научные сотрудники краеведческого музея Л.Ф. Семенова и Н.Ф. Демидова, и началась серьезная работа по комплек-

тованию фондов и подготовке к краеведческим чтениям, посвященным юбилею города.

С января 1988 года образуется районная ЦБС, в состав которой вошли все поселковые и сельские библиотеки, в состав Нижневартовской ЦБС — массовые библиотеки города. Спустя еще шесть лет городской ЦБС присваивается статус муниципального учреждения, и она именуется «Библиотечно-информационная система», включая и детские, всего двадцать четыре библиотеки. Удалось сохранить их и в сложные девяностые годы.

Рассказала Валентина Ивановна в двухчасовом интервью, поздним уже вечером, после хлопот праведных, что работать становится труднее, процессы автоматизируются, задачи усложняются, нагрузки растут. Одной любви к профессии мало. Людей приходится искать, учить, используя отечественный и зарубежный опыт. В частности, немецкий. У германских коллег Валентина Ивановна училась их мобильности и особенностям обслуживания. Когда широким фронтом развернули автоматизацию библиотечных процессов и внедрение информационных технологий, тщательно отобрали знатоков компьютерной техники. Создали временную мобильную группу профессионалов высокого класса. По востребованности создавали другие специализированные группы.

— Если б снова начать, я снова выбрала бы библиотечное дело, — сказала Валентина Ивановна. — В школе мне тоже понравилось, но чего-то не хватало, может, вот таких перемещений в пространстве и времени, своего рода путешествий. Люблю все новое, переменчивое, увлеченность, преодоления. Путь к вершине далек. Книгообеспечение пока что $\frac{1}{8}$ вместо пяти книг на человека. Это при семидесяти пяти тысячах читателей и полумиллионном фонде, есть еще что осваивать и достигать. Нас понимают. Администрация и Дума города не оставляют без внимания нужды библиотек. В системе 205 человек, и каждый на своем месте незаменим, каждый значим.

Еще Валентина Ивановна добавила:

— Библиотека для меня все — надежды и чаяния, моя стихия, смысл бытия. В библиотеке мне всегда комфортно, и годы не годы, дома в мыслях лежю ее же — библиотеку. И дома она со мной, во мне растворенная, моя составляющая. Дается с годами или от рождения, укладываясь в одно лаконичное слово: призвание. Вовремя обнаружить его — и есть счастье. Счастье своей тропы.

Для сотрудников без специального библиотечного образования — лишь с аттестатом зрелости, — не ограничиваясь лишь наставни-

чеством, приглашает Челябинскую академию. На месте читают лекции, принимают зачеты и экзамены. Не все приживаются в системе, не «каждому дано падать яблоком к чужим ногам», но основной состав постоянный, и он-то, ведомый директором, его надежными помощниками Л. Калюжной, С. Распоповой, Л. Ковалевой, Л. Шаймардановой и другими, обеспечивает системе неувядающую юность. Добьются еще большего!

Трижды была права Валентина Ивановна, когда в студенческие годы отказалась от города на Неве — предлагали работу на Васильевском острове. Осознала тогда — Западной Сибири ей всегда будет не хватать. И Западная Сибирь воздала Чернышовой сторицей.

Из газеты «Новости Югры»: «Для читателей Нижневартовска «своим парнем» стала центральная городская библиотека. Она перешагнула через все постулаты библиотечной науки и превратилась в центр общения, где под одной крышей совместились, казалось бы, несовместимое: здесь можно посидеть в тиши читального зала, побывать на шумном «капустнике» творческой молодежи, получить информацию в деловом информационном центре. Одним словом, здесь найдет себе занятие и меломан, и поэт, и художник».

В уставе МУ «БИС» очерчено: «Основными задачами и целями учреждения являются обеспечение реализации права граждан на пользование достижениями культуры, удовлетворение потребностей нижевартовцев на книги, содействие духовному развитию и саморазвитию горожан».

В 1972 году Нижневартовск получает статус города, а в 1973 году открывается городская библиотека №2, на базе которой в 1978 году была открыта Центральная библиотека. В том же 1973 году «прописался» в Нижневартовске я. Библиотека помещалась в трехкомнатной квартире, но и такая она привлекала молодежь. Захаживали часто без особой надобности, просто пообщаться с библиотекарями — носителями культуры в зарождающемся городе нефтяников. Одновременно с городом выросла и ЦБС. 1986 год памятен мне появлением молодого специалиста по детским библиотекам Л. Филимоновой из Новгорода. С ней тогда вели творческую студию «Родничок».

С появлением Валентины Ивановны связано издание библиографического указателя моих краеведческих публикаций. Подготовила указатель Хафизова.

До воцарения центральной городской в нынешнюю двухэтажку по ул. Дружбы народов она сменила еще один адрес, всякий раз

оставаясь боевым штабом остальных филиалов, их мозговым центром. Не смутила и не сбила темпов перестройка, скорее наоборот — доставила разнообразий. МУ «БИС» приняла на плечи часть музейных направлений и картинной галереи, установила многочисленные внутрirosсийские и зарубежные контакты по обмену опытом и книжным наличием. Даже с библиотекой Конгресса США в Вашингтоне.

То и дело узнавал о новых достижениях, победах, неубывающих темпах МУ «БИС». И всегда в центре движения оставалась Чернышова. Ее занятость — ну, это вне оценок! Горение, полет... Муж Владимир Николаевич сказал как-то, что Валентина Ивановна иногда до утра занимается дома с бумагами. После крепкого кофе или чая снова в работу.

Мировой отрететированный капитал, с легкостью повалив нашу экономику, не в силах пока что срубить духовные основы нации, и это во многом благодаря подвижникам, подобным В. Чернышовой и 205 соратницам-коллегам в Нижневартовске. Это так. Убедился за тридцать с лишним лет. Иного резюме не имею.

Скрипичное эхо бубна

(О книге избранной лирики Владимира Мазина)

Нередко наиболее звучные, глубокие произведения и самобытные авторы рождаются на стыке двух культур. Как правило, в этом случае каждая из культур, формировавших стилистику явления художественной культуры, только выигрывает. Конечно, оставим в стороне массовую культуру, растворяющую в своем дипком американизированном зареве все истинно оригинальное, национальное. Напротив, в сплаве разноэтнических культурных компонентов, как в бронзе, проявляются новые ноты и краски, интонационные вариации. Именно этим привлекла меня книга Владимира Мазина.

Оценивая свежим взглядом чужие открытия, всегда полезно как бы со стороны и на себя взглянуть, и в то же время обнаружить контекстуальное единство отечественной поэзии. Соблазн освоения иных культурных материков был неодолим даже у великих национальных художников слова. Вспомним классиков изящной словесности Пушкина, Лермонтова, давших русской лирике возможности символических переключек с образами народов Европы, Азии, Кавказа. Многие перечитывают изысканные «Персидские мотивы» С. Есенина...

Известный в Сибири поэт Владимир Мазин относится к писателям, создающим метатекст современной культуры. Художественный мир его не ограничивается локальными темами, но конструктивно воссоздает духовную реальность с общечеловеческими ценностями. В поэте не бунтуют, но гармонично сливаются и животворно бурлят энергии хантыйской и русской крови. Пишет он на русском языке, который принял от матери, но образная система его лирики близка анимистическим традициям хантыйской культуры, которую познал лирик от родственников по отцу, которые опекали вдову и рано осиротевших ее детей. Из автобиографических заметок Владимира узнаем, что именно через русскую мать, прожившую среди хантыйского населения более полувека, познавал легендарную историю старинного рода Куниных. Дружеские отношения маленько-

го Володи с дядей и тетей (младшим братом и сестрой-погодком отца) способствовали насыщению поэтической души особым отношением к природным явлениям тайги, озер и малых притоков Оби. И уже первые стихи ученика Ларьякской школы-интерната, опубликованные в районной газете, представляют читателю синтезированный образ природы хантыйско-славянского менталитета. Двенадцатилетний мальчик писал:

*...Зари вечерней коромысло
Два озера уносит в ночь.
Луна без долгой укоризны
Простилась, как большая дочь,
С избою солнца за болотом
И поплыла одна легко
По раскачавшимся высотам
Привычной скоростью веков.
Но через несколько мгновений
Ей коромысло брать пора,
Чтоб к солнцу вынести из тени
Два переполненных ведра¹.*

Немудреная пейзажная зарисовка вызывает желание перечитать, в ней мыслится цикличность существования, бесконечное трудолюбие природы. Но главное, что радует всякого, кто имеет слух, — самобытная поэтическая интонация.

Честно говоря, часто произведения литераторов из представителей северных районов России не вызывают особого интереса по разным причинам. Отторжение может быть вызвано неинтересными, скучными темами. Края-то далекие, в Москве и своих проблем хватает. Что может сказать скромный автор из сибирского захолустья? Еще не прочитаны тома великих словотворцев. А не кроется ли за навязчивым экзотическим колоритом внутренняя пустота и слабое владение элементарными литературными навыками? Эти и тому подобные вопросы, причины могут как-то объяснить долгое отсутствие столичных публикаций писателей из глубинки.

Что касается В. Мазина, то время его лирики пришло не с опозданием. К интересной книжке стихов «Пристань радостей и печалей», изданной в Сургуте с восторженным послесловием «Любить людей и в радости, и в горе...» Сергея Сметанина, сорокашестилетний поэт был готов тридцатью годами заметных публикаций в региональной и столичной прессе, добротной культурологической и филологической образованностью. К пятидесятилетию известный в Сибири стихотворец издал третий столичный сборник.

Вышедшая в Москве книга избранной лирики «Бубен и скрипка» стала заметным явлением литературного процесса. Она была отмечена литературной премией губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в декабре 2002 г. А в феврале 2003 года автор был награжден президентом Российской Федерации медалью Пушкина за большой вклад в региональную культуру.

Лирик никогда не теряет внутренней связи с родным поселком, который для Мазина является его Михайловским, Константиново, Шахматово, Касталией, дающей вдохновение:

*...Воспоминания встревожим
И по наитию души
О жизни дедов песню сложим,
Лоск города отшелушив².*

Поэт всегда стремится к естествену, а в стране детства ждет ответа на сложные взрослые вопросы. Символичны строки из, казалось бы, пейзажного стихотворного этюда:

*...По бездорожью лютому
На стойбище, к своим,
Оленьими маршрутами
Торопимся.
Летим³.*

Сборник «Бубен и скрипка» Владимира Мазина — редкая удача целостного представления мотивов и образов. Широкое пространство поэтического сознания автора делится на потоки — разделы, или фрагменты лирической картины мира. Восемь разделов избранной лирики, названные цитатами — доминантными фразами одной из художественных миниатюр, которые составили речевое полотно, дают достаточно цельное впечатление о художественном мире не только автора, но самобытного бытия динамически развивающегося таежного края Западной Сибири России. Безусловно, удачное и впечатляющее расположение стихотворений в книге — заслуга составителя и редактора Л.В. Ханбекова, подобравшего также к разделам соответствующие тематике иллюстрации, созданные художниками — земляками поэта. Заветный для Владимира Мазина уголок великой России в контексте двух культур конкретизирован во времени и в ситуативных реалиях:

*Дом — уют колыбельный
И мечты на реке
Помню я среди елей
В золотом куржаке.
На груди горизонта*

А Россию крепко полюбил.

(«Наследник»).

*Я по-хантыйски начал петь,
По-русски собирая звуки
От восхищения до муки
На ваховскую гололедь³.*

Следует заметить, что в арсенале поэта немало своеобразных эпитетов, сравнений, метафор и других средств выразительности. Оксюморон (совмещение противоположностей) — видимо, одно из тех средств, которое и создает абсолютно новое качество художественного материала, в котором реализуется славяно-хантыйская натура самобытного лирика. В оксюмороне дано название книги. «Бубен и скрипка» — книга поэта, в полной мере осознавшего все-ленский смысл взаимопроникновения культур, понимающего тончайшие значения этнических символов и овладевшего полноводным лексическим течением русского литературного языка.

К особенностям лирики Мазина относится и то, что у него много стихов о зиме, поре, в которую он родился. В книге немало сверкающих иглистой свежестью строк и образов: «в комьях снега розового цвета. Заплутали детские года...»⁹. «Под седину твоей зимы ворвется память оголтело...»¹⁰, «Минорную мелодию метели нельзя переиначить, изменить...»¹¹. Впрочем, все сезонные преобразования природы и множество чувств, ими рожденные, в стихотворениях сборника представлены ситуативными волнениями, даны как полифония озвученных неразрывных связей лирика со средой обитания.

Конечно, в книге В.А. Мазина, как и в книгах, может быть, более именитых и прославленных авторов, можно отыскать толику общепозитических штампов, натужной глубокомысленности, риторики. Но не об этом речь, не это определяет в целом чистоту и сильную сторону поэзии русскоязычного хантыйского писателя. Поэта судят по вершинам. Они же у Мазина очевидны. К слову сказать, некоторые стихотворные клише настоящий литератор вправе использовать как контекстуальную переключку с читательской аудиторией, нередко нацеленной к узнаванию известного. Автора нескольких заметных в профессиональных кругах стихотворных сборников начинают понемногу признавать в столице. Московский критик Леонид Ханбеков написал о Владимире Мазине обстоятельные статьи, развернутый очерк «Дар живой струны». Я с удовольствием провел несколько вечеров с книгой избранной лирики сибирского поэта «Бубен и скрипка». Высокий уровень поэтического мастерства во многом проявляется в создании стихотворений

на извечные темы любви, разлуки, душевной печали... И в заключение своего отзыва хочу процитировать один из мазинских, не побоюсь этого определения, шедевров любовной лирики:

*Пожала провожавшим руки,
Но мне шепнула одному:
Не забываются разлуки,
А встречи помнить ни к чему.
Исчислен век, средь ночи темной
Часы разлучные стоят —
Безмолвный, дальний и огромный
Висит над миром циферблат.
И сотни встреч соединились —
Путь к ним разлукою разрыт,
Когда часы остановились
С последним шепотом навзрыд¹².*

В этой миниатюре изящной словесности гораздо больше смыслов, чем те, что несут отдельные слова, ее составляющие. Не о рифмах, не о размере думается при чтении, но гораздо о большем, что расширяет смысловые рамки стихотворения. Здесь целый мир подтекстовых образов, палитра ассоциаций. Ради таких строк и стоит читать книги.

Март 2003, г. Москва

Примечания:

- ¹ Мазин В.А. Бубен и скрипка: Избранная лирика. — М.: Изд-во «Московский Парнас», 2001. — 208 с.
- ² Там же. — С. 33.
- ³ Там же. — С. 30.
- ⁴ Там же. — С. 54.
- ⁵ Там же. — С. 188.
- ⁶ Там же. — С. 24.
- ⁷ Там же. — С. 66.
- ⁸ Там же. — С. 194–195.
- ⁹ Там же. — С. 147.
- ¹⁰ Там же. — С. 190.
- ¹¹ Там же. — С. 143.
- ¹² Там же. — С. 112.

Иосиф Иванович Гиганов

В начале XIX века в Петербурге были напечатаны пособия для обучения татарскому языку, получившие высокую оценку. Говорили, что одна из книг «Грамматика татарского языка» была с особенной благосклонностью принята императором Павлом I¹.

Автором этих пособий был уроженец города Тобольска, священник Софийского собора и учитель татарского языка Главного народного училища Иосиф Иванович Гиганов. Он, вне всякого сомнения, пользовался уважением среди горожан, декабрист Г.С. Батеньков в своих воспоминаниях называл его «известным священником»².

Родился И.И. Гиганов в 1764 году. По имеющимся данным, в 1791 году ему было 27 лет, и простой арифметический подсчет позволяет считать истинной названную нами дату³. Весьма вероятно, что сначала обучался он в домашних условиях, осваивал псалтырь. Затем был отдан в духовную семинарию. Успешно ее окончил. 8 ноября 1788 года он был рукоположен в дьяконы, а 2 мая 1789 года священником Софийского собора⁴.

Около 1793 года И.И. Гиганов женился. В архивных источниках обнаруживаем сведения о том, что его жену звали Дарьей Петровной, а детей Петром, Павлом и Алексеем. В 1800-м году первому из них исполнилось 6 лет, «обучается писать», второму — 1 год, а младший сын «3-х месяцев» показан в числе умерших⁵.

Из других источников узнаем, что Петр Иосифович Гиганов учился в семинарии и служил пономарем при Михайло-Архангельской церкви⁶. Эти сведения представляют ценность даже потому, что о родителях и раннем периоде жизни И.И. Гиганова исследователи не располагают надежными источниками. А имя этого замечательного человека вошло в историю просвещения Тобольского края.

И.И. Гиганов — первый в плеяде учителей татарского языка. Еще в семинарии он проявил интерес к иностранным языкам. Учил греческий и латынь. Хорошо знал татарский язык. Последнему,

возможно, обучился «самоуком» (самостоятельно), а может быть, кто-то из родственников или обывателей Татарской слободы оказал помощь. Не следует забывать, что И.И. Гиганов вел знакомство с бухарцами города и юртовскими муллами. Об уровне его знаний свидетельствует тот факт, что когда в 1786 году в семинарии, а затем и народном училище введено было преподавание татарского языка, то на должность учителя его назначили И.И. Гиганова⁷.

Среди служащих семинарии И. Гиганов характеризовался «способным», а по мнению Н.И. Ильинского, он в Тобольском народном училище считался «лучшим знатоком татарского языка»⁸.

Согласно выявленным в начале XX века Н.А. Бирюковым архивным документам, в 1791 году татарскому языку обучалось 8 учеников, а ежегодное жалованье учителя татарского языка составляло 20 рублей⁹.

Одна из проблем, с которой пришлось столкнуться И.И. Гиганову в процессе преподавательской деятельности, — это отсутствие учебных пособий. И он занялся их созданием. Подготовленные рукописи были отправлены в Петербург, где и были напечатаны в начале нового века «иждивением и попечением» Комиссии об учреждении народных училищ.

По сведениям известного библиографа XIX в. Гр.Н. Геннади, И. Гиганов являлся автором нескольких пособий, названия которых уточнены нами по «Сводному каталогу русской книги 1800–1825 гг.». (Т. 1. М., 2001. С. 326–327). Это Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованная. СПб., 1801.

Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими муллами, свидетельствованные. СПб., 1801.

Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном училище учителем татарского языка священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованный. СПб., 1804.

В «Словаре...» Гр.Н. Геннади названо еще одно пособие И. Гиганова, но отсутствующее в современном каталоге: Грамматика турецкого и арабского языка. СПб., 1801.

Принял И.И. Гиганов участие в подготовке сочинения Ният Бака Атнометева «Букварь татарского и арабского письма с приложением слов со знаками, показывающими их выговор, сочиненный в

Тобольском главном народном училище бухарцем Ният Бакою Атнометевым под руководством татарского языка учителя, соборного священника Иосифа Гиганова». СПб., при Академии наук, 1802. 66 с. (тираж 3330 экземпляров. 1000 экземпляров было отослано в Тобольский приказ общественного призрения, по 300 экземпляров — в Астраханский, Казанский и Оренбургский приказы)¹⁰.

По мнению исследователей, труды И.И. Гиганова «заложили основу изучения языка татар Тобольщины и не утратили своего значения и сегодня для тюркологов», а «Грамматика И.И. Гиганова стала первой в России, да и в Европе в целом, грамматикой татарского языка, к тому же написанной на местном, сибирском наречии»¹¹.

В марте 1799 года И.И. Гиганов обратился к руководству семинарии о выдаче «из какой-либо суммы» за свои труды 200 руб., но ректор семинарии архимандрит Вениамин и семинарское правление снизили денежное вознаграждение до 50 рублей¹².

Весьма вероятно, что в это время он тяжело болел, так как в постановлении семинарского правления от 27 февраля 1800 года отмечалось, что «татарского языка учитель Гиганов после вакансии до сего времени весьма редко и почти никогда не ходит в свой класс, между тем получил он не только жалованье все сполна за весь прошедший год и за первую половину сего половину, но при том и знатное от семинарии награждение»¹³.

Летом здоровье его ухудшилось, и он просил семинарское правление разрешить ему обучать татарскому языку дома, «чтобы ученики, изучающие татарский язык, являлись к нему для обучения на квартиру ежедневно в 4 часа пополудни». Но, видимо, болезнь прогрессировала, и 8 сентября 1800 года И.И. Гиганов умер¹⁴.

Спустя несколько месяцев семинарское правление приняло постановление:

«А книги покойного священника Гиганова поторговать у жены его библиотекарю»¹⁵.

А в Петербурге 20 октября 1800 года Комиссии об учреждении народных училищ было сообщено о награждении тобольского учителя татарского языка за его труды орденом Св. Иоанна Иерусалимского¹⁶. Награда, бесспорно, довольно высокая, но она, к сожалению, опоздала.

¹ См.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. 2. — М., 1933. — С. 101.

² И. Гиганов происходил из старинного тобольского рода. В «Книге государева жалованья за 1696 год» упомянут подьячий Иван Гиганов, а в переписной

книге сибирской столицы за 1698 год показан «Илюшка Федоров сын Гиганов, родом города Тобольска, у него брат Ивашка, 18 лет; живут они в деревне Костериной своим двором, владеют отцовскою землею по данной: кормитца работою». — См.: Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. — СПб., 1885. — С. 48, 84.

Нижегородская мешанка Анна Осиповна Муратова свидетельствовала, что И. Гиганов ей родной дядя с отцовской стороны, но не родня декабристу Г.С. Батенькову. В «Записках Батенькова нет даже намека на его родство с «известным священником», автор ограничился лишь упоминанием о том, что «висели у него (И.И. Гиганова) на стене большие таблицы с татарскими словами». — См.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. 2. — М., 1933. — С. 56. — Поэтому версия Ю.С. Надточия, что Г.С. Батеньков называл Иосифа Гиганова дядей, требует достаточных аргументов. — См.: *Надточий Ю.С. Пробуждение.* — Свердловск. 1991. — С. 12.

³ *Бирюков Н.А.* Очерки из истории Тобольской духовной семинарии (по архивным данным). Тобольская семинария в 1791 году // Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). — 1903. — №17 (1 сент.). — С. 428.

Также см.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 288. Л. 536.

⁴ *Бирюков Н.А.* Указ. соч. — С. 428.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 288. Лл. 536, 570 об. Ф. 156. Оп. 24. Д. 1. Лл. 94—94 об. — Священником Градо-Тобольской Воскресенской церкви Михаилом Кремлевым 7 февраля 1802 года для архиепископа Тобольского и Сибирского Варлаама была составлена роспись «Ведомость, учиненная за минувший 1801-й год о священноцерковнослужительских детях», в которой по приходу Благовещенской церкви показаны:

«Вдовы священнической жены Дарьи Петровой-Гигановой дети:

Петр — 7, обучается писать,

Павел — 2

умершие

Вдовы священнической жены Дарьи Петровой Гигановой

Сын Алексей — 3-х месяцев».

Там же. Ф. 156. Оп. 24. Д. 2. Лл. 6 об.—7.

⁶ Там же. Ф. 154. Оп. 8. Д. 288. Л. 570 об.

⁷ *И. К-тов.* Петр Михайлович Капцевич, генерал-губернатор Западной Сибири, и его отношение к Тобольской духовной семинарии // ТЕВ. — 1883. — №7 (1 апр.). — С. 148.

В «Книге Тобольской семинарии для записи всех перемен и исторических происшествий, в оной случившихся и быть имеющим, учинена по определению его высокопреосвященства Антония, архиепископа Тобольского и Сибирского и кавалера 1804 года сентября 20 дня» обнаруживаем такую запись: «С 1788-го года татарского языка, которому обучал сначала соборной священник Иосиф Гиганов». ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 530. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁸ См.: *Коновалова Е.Н.* Книгоиздания Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX века). — Тюмень, 2002. — С. 171.

⁹ *Бирюков Н.А.* Указ. соч. — С. 434. — Имена одних из первых учеников, обучавшихся татарскому языку, с краткой оценкой их успехов сохранила до наших дней «Ведомость Тобольской семинарии об учениках татарского языка, учиненная 1795 года января «...» дня за прошлой 1794-й год». Это были «Игнатей Андреев, прилежен, изрядно успел; Федор Белоусов, хорош во всем; Яков

Андреев, посредствен, однако успеваеt хорошо; Михаил Корнилов, за легкостью мало успел; Иоанн Брызгалов, хорош во всем».

Примечательно, что этот несомненно ценный исторический документ составлен И. Гигановым, о чем гласит подпись «свидетельствую татарского языка учитель, Софийского собора священник Иосиф Гиганов». ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 4. Д. 1610.

¹⁰ *Геннади Гр. Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. 1. — Берлин, 1876. — С. 214.

Сводный каталог русской книги. 1801—1825 гг. Т. 1. — М., 2001. — С. 83, 326—327.

¹¹ *Коновалова Е. Н.* Указ. соч. — С. 171. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. — М., 1989. — С. 74—75. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 1. — Новосибирск, 2000. — С. 77.

¹² ГУТО ГА в г. Тобольске, Ф. 156. Оп. 5. Д. 163. Лл. 1—10б.

¹³ *Бирюков Н. А.* Указ. соч. / ТЕВ. — 1905. — №13 (1 июля). — С. 189.

¹⁴ Там же. Е. Н. Коновалова ошибочно относит дату смерти И. И. Гиганова к 1803 г. См.: *Коновалова Е. Н.* Указ. соч. — С. 171. В «Ведомости, учиненной о священно-церковнослужительских детях за минувший 1800-й год» священником Градо-Тобольской Воскресенской церкви Михаилом Кремлевым 28 февраля 1801-го года Дарья Петровна Гиганова названа «вдовой, священнической женой».

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 1. Л. 94об.

После смерти И. И. Гиганова преподавателем татарского языка некоторое время был назначен Яков Петрович Андреев. См.: ТЕВ. — 1905. — №13 (1 июля). — С. 189. — С 1807 года учителем татарского языка был иеромонах Знаменского монастыря Израиль. В 1818 году преподавание татарского языка было прекращено и возобновлено с сентября 1826 года. Было предписано обучать татарскому языку желающих по два часа три раза в неделю. Учителем определен был сын священника с. Сладковского Ишимского у. Алексея Константинович Бирюков. См.: *И. К-тов.* Указ. соч. — С. 146—148.

¹⁵ См.: ТЕВ. — 1908. — №23 (1 декабря). — С. 461.

¹⁶ Сводный каталог русской книги 1801—1825 гг. Т. 1. — М., 2001. — С. 326—327.

Если факт о награждении И. И. Гиганова соответствует действительности, то мы имеем единственный случай присуждения ордена Иоанна Иерусалимского уроженцу Тобольского края (пусть даже и посмертно).

Наши авторы

Аитов Ибрагим Сейяфович — ст. преподаватель кафедры географии и БЖ НГПИ

Алексеева Любовь Васильевна — доктор ист. наук, профессор НГПИ

Анкушева Ксения Александровна — научный сотрудник Тюменского областного краеведческого музея

Величко Наталья Ивановна — ст. научный сотрудник этнографического музея «Торум Маа» (г. Ханты-Мансийск)

Гололобов Евгений Ильич — канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории СурГПИ

Горшенков Александр Александрович — выпускник Литературного института им. Горького, поэт и прозаик, член Союза писателей Москвы.

Зинченко Нина Николаевна — тележурналист ТК «ТНР», член Союза журналистов России

Икингрин Елена Николаевна — канд. соц. наук, доцент кафедры философии и социологии НГПИ

Ищенко Оксана Владимировна — студентка филиала Уральской академии государственной службы в г. Лангепасе

Колобова Берта Алексеевна — канд. пед. наук, доцент НГПИ

Кондрашкина Гульчачак Хайрутдиновна — заведующая методическим отделом МУ «БИС»

Коньков Николай Леонидович — канд. ист. наук, доцент ТобГПИ

Коньшева Ирина Ивановна — аспирантка кафедры истории России НГПИ

Коркин Сергей Евгеньевич — канд. геогр. наук, старший преподаватель кафедры географии НГПИ

Коркина Елена Александровна — ст. преподаватель естественных и точных наук НГПИ

Костюченко Роза Николаевна — аспирантка кафедры экологии НГПИ

Кротт Иван Иванович — канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета

Кружинов Валерий Михайлович — доктор ист. наук, профессор кафедры отечественной истории ТюмГУ

Курышев Игорь Владимирович — канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой философии, экономики и истории Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова

Мазин Владимир Алексеевич — кандидат культурологии, доцент НГПИ, член Союза писателей России

Мандрика Юрий Лукич — канд. филол. наук, доцент кафедры издательского дела и редактирования ТюмГУ, директор ООО «Издательство Юрия Мандрики»

Митрофанов Виктор Владимирович — канд. ист. наук, доцент кафедры правовых дисциплин Западно-Сибирского института финансов и права

Московкин Павел Тимофеевич — врач Центра медицинской профилактики

Мошкин Виктор Викторович — аспирант кафедры истории России, учитель истории п. Зайцева Речка Нижневартовского района

Пермякова Светлана Аркадьевна — заведующая городской библиотекой №16

Полищук Виктор Иванович — доктор философ. наук, профессор НГПИ

Просовикова Екатерина Олеговна — студентка V курса НГПИ

Рянский Феликс Николаевич — доктор географ. наук, профессор, заведующий кафедрой географии и БЖ НГПИ

Середовских Борис Анатольевич — учитель географии МОСШ №31

Скульмовская Любовь Григорьевна — канд. соц. наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии НГПИ

Смирнов Николай Павлович — член Союза журналистов России, член Союза писателей России

Солодкин Яков Григорьевич — доктор ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории России НГПИ

Цысь Валерий Валентинович — канд. ист. наук, доцент кафедры истории России НГПИ

Цысь Ольга Петровна — старший преподаватель кафедры истории России НГПИ

Чертенко Александр Лукьянович — заместитель главы администрации Нижневартовского района

Чудаков Олег Владимирович — аспирант Омского государственного педагогического университета

Оглавление

Часть I. История

<i>Я.Г. Солодкин.</i> История Мангазеи в летописании XVII века	4
<i>О.П. Цысь.</i> Научная деятельность Тобольского церковного древлехранилища	11
<i>К.А. Анкушева.</i> Состав и динамика численности городских сословий Зауралья в конце XIX — начале XX века	28
<i>И.И. Кротт.</i> Развитие животноводства в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в конце XIX—начале XX в.	37
<i>О.В. Ищенко.</i> Постановка учебного дела в первых сибирских вузах (конец XIX — начало XX в.)	69
<i>О.В. Чудаков.</i> Оказание помощи пострадавшим от войны органами городского самоуправления в Западной Сибири (1914 — февраль 1917 г.)	81
<i>В.В. Цысь.</i> Из истории социально-экономического развития Севера Западной Сибири при антибольшевистских правительствах периода Гражданской войны (сер. 1918—1919 гг.)	91
<i>И.В. Курьшев.</i> Из истории партизанского террора в Западной Сибири (1918—1920 гг.): социально-психологический аспект	102
<i>В.В. Митрофанов.</i> П.Г. Любомиров в Томском университете	108
<i>В.М. Кружинов.</i> Тюменцы и их город в 1920-е годы	119
<i>И.И. Коньшева.</i> К вопросу о землеустройстве и землепользовании на Урале и в Северном Зауралье (1917—1930-е гг.)	130
<i>Л.В. Алексеева.</i> Землепользование и землеустройство на Обь-Иртышском Севере с середины 1920-х — 1930-е гг.	144
<i>Е. Просовикова, Б. Колобова.</i> Оценка потенциала промыслов Югры и развитие звероводства в конце XX века	158
<i>Н.Л. Коньков.</i> Николай Аполлонович Бирюков	167
<i>Ю.Л. Мандрика.</i> Межгазетная полемика как фактор, идентифицирующий политическую направленность издания	172

Часть II. Документы по истории края. Воспоминания	
<i>Л.В. Алексеева.</i> Протокол заседания Исполнительного комитета Ларьякского национального районного совета депутатов трудящихся	190
<i>Н.Л. Коньков.</i> Матфий Федорович Боголепов	195
<i>Ю.Л. Мандрика.</i> Владелец хозяйства в Черной речке, исследователь сельской жизни и журналист Илья Семенович Левитов	201
<i>В.В. Мошкин.</i> Отражение первого этапа крестьянской ссылки на Север Западной Сибири в документах Центра документации общественных организаций Свердловской области	215
<i>В.И. Полищук.</i> Добрая «Добрая воля»	219
<i>В.А. Мазин.</i> Феномен «Самотлорских ночей»: от декады искусства к универсальной модели фестиваля	223
Часть III. Социология. Библиотекведение	
<i>Л.Г. Скульмовская.</i> Региональная система образования Югры в российском социокультурном пространстве	236
<i>Е.Н. Икингерин, А.Л. Чертенко.</i> Нижневартовск в цифрах и мнениях	246
<i>Г.Х. Кондрашкина.</i> Библиотечное обслуживание национально-культурных объединений г. Нижневартовска	256
<i>С.А. Пермякова.</i> Детское чтение в процессе перемен	262
Часть IV. Здравоохранение	
<i>П.Т. Московкин.</i> Записки врача, заведующего окрздравотделом Тюмень — Ямал	270
Часть V. Этнография	
<i>Н.Н. Зинченко.</i> Фольклор русских и народа ханты в записях С.К. Патканова	282
<i>Н.И. Величко.</i> Ханты в этнографическом описании Г.А. Старцева	292
Часть VI. Природа. Экология	
<i>И.С. Аитов, Е.И. Гололобов, Ф.Н. Рянский, Б.А. Середовских.</i> Введение в историческую географию Среднего Приобья	298
<i>С.Е. Коркин, Ф.Н. Рянский.</i> Геофизические опасные явления Западно-Сибирского экономического района	314

<i>Е.А. Коркина, С.Е. Коркин.</i> Природные и техногенные условия формирования почв в пределах Мегионского месторождения добычи нефти и газа	320
<i>Б.А. Колобова.</i> Богатство охотничье-промысловых ресурсов Югры: состояние, динамика и их рациональное использование	325
<i>Р.Н. Костюченко.</i> Экология, механизмы адаптации рода <i>Salix</i>	337
Часть VII. Портреты земляков	
<i>Н.П. Смирнов.</i> Валентина Ивановна Чернышова	344
<i>А.А. Горшенков.</i> Скрипичное эхо бубна (О книге избранной лирики Владимира Мазина)	352
<i>Н.Л. Коньков.</i> Иосиф Иванович Гиганов	358
Наши авторы	363

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ
История и современность

Краеведческие записки
Вып. VII

Составитель Людмила Семенова

Операторы ПЭВМ: Д. Никифоров, Н. Нохрина
Корректоры: М. Кремлева, Н. Тиунова
Художники: А. Кухтерин, Ю. Бычков

Подписано в печать 18.07.2005 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 21,39. Тираж 1000. Заказ №1238.

ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106